

*Глубокому уважаемому
Александрю Платонову
Румянову.
1924.*

Г. С. Ивановъ

КАЗАКИ

ВЪ ЧАТАЛДЖЪ И НА ЛЕМНОСЪ

ВЪ 1920 – 1921 Г.Г.

1924 г.

Издание Донской Исторической
Комиссии.

ОТЪ ДОНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.

Съ начала образованія въ Мартъ 1923 года Донской Исторической Комиссии, учрежденной для собиранія, обработки и изданія матеріаловъ по новѣйшей исторіи Донского Казачества, со времени Русской революціи 1917 года, въ планъ изданій Комиссии была включена и предлагаемая вниманію читателей книга: „Казакѣ въ Чаталджѣ и на Лемнось“ — Штаба Донского Корпуса.

Нынѣ, издавъ Сборники №№ 1 и 2 „Донской Лѣтописи“, обнимающіе время начала революціи и время Атамана Алексѣя Максимовича Каледина, и книгу „Россія и Донъ“ — историко-юридическій очеркъ С. Г. Сватикова, а также подготовивъ матеріалы для Сборниковъ №№ 3 и 4 „Донской Лѣтописи“, обнимающіе время Атамановъ П. Н. Краснова и А. П. Богаевского, Донская Историческая Комиссія выпускаетъ настоящую книгу.

Рукопись книги предупредительно предоставлена въ распоряженіе Донской Исторической Комиссии Командиромъ Донского Корпуса Генераль-Лейтенантомъ Ф. Ф. Абрамовымъ, равно какъ и часть матеріальныхъ средствъ для изданія.

Донская Историческая Комиссія приноситъ глубокую благодарность Генералу Ф. Ф. Абрамову, Штабу Донского Корпуса и автору книги Подъесаулу П. И. Крюкову за цѣнную услугу по сохраненію для исторіи Казачества одной изъ страдныхъ страницъ его зарубежной жизни.

* * *

Выпуская отдѣльнымъ изданіемъ книгу о пребываніи казаковъ на о. Лемнось, Комиссія не имѣетъ въ виду придавать этому какое либо особое значеніе и выдѣлять эту группу казаковъ изъ общей эмигрантской казачьей массы.

Казачья семья, выброшенная изъ предѣловъ Родины, была однородна и по своему происхожденію и своему составу. Въ ней не было ярко выраженнаго дѣленія на классы, — привилегированныхъ и правоограниченныхъ, ни по матеріальной обеспеченности, ибо потеряли все, что кто имѣлъ еще въ Новороссійскѣ.

Казакѣ въ 90% своего состава были непосредственно связаны съ Донской Арміей, а въ Крыму съ Донскимъ Корпусомъ, а изъ

52 тысячной общеказачьей массы, прибывшей въ Босфоръ, приходилось 37 тысячъ на долю казаковъ арміи. Тѣмъ не менѣе и остальная масса казаковъ, за исключеніемъ женщинъ и дѣтей, инвалидовъ и глубокихъ стариковъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ арміи, имѣла съ нею ту или иную непосредственную связь.

Въ силу этихъ основныхъ причинъ въ казачьей эмиграціонной средѣ не могло быть, послѣ появленія ея на берегахъ Босфора, и того новаго рѣзкаго дѣленія всей эмиграціонной массы на чиновъ Русской Арміи, пріобрѣвшихъ названіе „Галлиполійцевъ“ и просто „бѣженцевъ“, каковое стало наблюдаться съ перваго же дня въ средѣ общерусской эмиграціи. Казаки одинаково всѣ считали себя вынужденными эмигрантами, были ли они въ рядахъ своего Корпуса или на положеніи бѣженца, и первые не требовали въ отношеніи себя никакихъ особыхъ преимуществъ, а вторые не считали себя оторванными отъ своего Корпуса, ибо и у тѣхъ и у другихъ было общее сознаніе своего исконнаго долга передъ Родиной — стать по первому зову своихъ Войсковыхъ Атамановъ въ ряды своихъ казачьихъ воинскихъ частей. И, когда уходили казаки изъ Корпуса на бѣженское положеніе, они уходили только, по казачьему обычаю, — „на собственные хлѣба“, считая, что армія, силою вещей, должна будетъ перейти въ пассивное состояніе и, естественно, сократиться численно.

Нужно было пережить тяжелое время ожиданія наступленія момента возможности возвращенія на Родину, но не съ покорной головой передъ той самой властью насилія, съ которой такъ упорно вели борьбу казаки, а съ полнымъ сознаніемъ правоты своего дѣла.

Вернуться въ свои края не разрозненной и распыленной массой, а общей казачьей семьей, — здоровой и крѣпкой духомъ, готовой на новое служеніе Родинѣ, по возстановленію ея разрушенной хозяйственно-экономической мощи и устройству хозяйственной жизни своихъ казачьихъ краевъ.

Казаки на Лемнось и являлись тѣмъ основнымъ ядромъ, вокругъ котораго могла быть собрана вся казачья семья въ нужный моментъ по зову своихъ Атамановъ, такъ какъ всѣ казаки, бывшіе внѣ Лемноса, связаны были съ этимъ ядромъ духовно.

На Лемнось не задавались высокими цѣлями всевозможныхъ достиженій и совершенствъ, и пребываніе на этомъ клочкѣ чужой земли, оторванномъ отъ материка, не разсѣивалось, какъ особое сподвижническое сидѣніе, ибо въ эмиграціи жилось одинаково всѣмъ плохо: это былъ временный пріютъ для уставшихъ физически людей, передъ предстоявшимъ физическимъ трудомъ изъ-за куска хлѣба въ Балканскихъ странахъ — Болгаріи и Сербіи, куда должны были быть перевезены казаки.

Лемнось являлся этой подготовительной школой, гдѣ старшіе и младшіе, начальники и подчиненные, вчерашніе боевые товарищи, — уравнивались внѣшне общимъ полуголоднымъ французскимъ пайкомъ и общей же крышей французской палатки: внутренне — одной казачьей волей и одной мыслью любви къ Родинѣ-Россіи и своимъ

Краямъ и вѣрой въ ихъ будущее воскресеніе. Сознаніе оторванности отъ міра, на окруженномъ моремъ небольшомъ островѣ, углубляло тяжесть жизни на Лемнось и содѣйствовало усиленію угнетенности настроенія казаковъ, но мужественность, съ какой переносили офицеры всѣ тяжести этой лагерной жизни и безропотность переживанія ея невзгодъ, — укрѣпляли вѣру и вселяли бодрость въ ряды простой казачьей массы.

Нужно было много труда и такта со стороны Генерала Ф. Ф. Абрамова, являвшагося Начальникомъ всей казачьей группы на Лемнось, и Начальниковъ отдѣльныхъ частей, чтобъ сохранить въ рядахъ усталыхъ физически и подавленныхъ потерей Родины морально людей бодрость духа, порядокъ и крѣпость спайки.

Тѣмъ болѣе тяжела была работа, что цѣнность казачьей спайки и значеніе ея для будущаго прекрасно учитывались Совѣтской Москвой, и она не оставляла казаковъ въ покоѣ ни въ лагеряхъ района Чаталджи, ни на Лемнось, оказывая имъ, какъ никому изъ русскихъ, вниманіе черезъ своихъ агентовъ. Казачьи лагеря: Чилингирь, Кабакджа, Хадемъ-Кіюй и Лемнось подвергались систематическому вліянію, подъ тѣмъ или инымъ видомъ, большевистскихъ агентовъ въ ихъ усиленной агитаціи къ возвращенію казаковъ домой, и не въ однихъ только условіяхъ жизни казаковъ въ лагеряхъ лежитъ причина того успѣха, какой имѣла эта агитація.

Чаталджа и Лемнось, это — скорбныя страницы, заключившія собою исторію борьбы казаковъ съ большевизмомъ и эти страницы, безъ всякихъ прикрасъ и преднамѣренныхъ толкованій, сами по себѣ — глубоко поучительны.

Изо дня въ день, съ фотографической точностью фиксировалась вся жизнь казачьихъ лагерей Штабомъ Корпуса; собирались всѣ матеріалы, имѣющіе отношеніе къ этой жизни и характеризующіе какую либо сторону ея. Всѣ эти цѣнные матеріалы, по порученію Генерала Абрамова, были сведены Сотникомъ П. И. Крюковымъ, подъ наблюденіемъ Начальника Штаба Полковника П. К. Ясевича въ стройное цѣлое и отпечатаны впервые въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ на шапирографѣ, при содѣйствіи Донскаго Правительства, въ августъ 1922 года. Обстоятельства не позволили выпустить книгу для широкой публики раньше, но книга не теряетъ своей цѣнности и теперь, пріобрѣтая еще большее значеніе въ перспективѣ прошлаго, когда итоги пережитаго могутъ оцѣниваться болѣе объективно.

Съ переѣздомъ казаковъ на Балканы жизнь этого казачьяго ядра не кончилась, не окончилась и книга казаковъ на Лемнось; здѣсь на Балканахъ началась только новая страница ея. Если тамъ было вынужденное бездѣйствіе, угнетавшее казаковъ, привыкшихъ къ тяжелой повседневной работѣ собственнаго хозяйства, то здѣсь на Балканахъ приходится проходить тяжелую школу чернорабочаго поденьщика.

Каменоломни, шахты, непроходимыя дебри Балканскихъ лѣсовъ, черныя работы на желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогахъ — всюду есть казаки.

Тяжелый трудъ въ добываніи куска насущнаго хлѣба, съ прежней вѣрой въ свѣтлое будущее и терпѣливое ожиданіе его прихода, стеръ послѣднія грани, отдѣлявшія офицера отъ рядового, и еще болѣе тѣснѣе сплотилъ ряды казачьей семьи.

И снова, по прежнему тщательно, пишется и эта новая страница исторіи казачьей эмиграціи и Донская Историческая Комиссія считаетъ своимъ долгомъ, издавъ и ее, сохранить для исторіи.

КОМИССІЯ.

1 февраля 1924 года.

Бѣлградъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ II-му ИЗДАНІЮ.

Въ первый разъ настоящій очеркъ былъ изданъ въ Августъ 1922 года, въ Болгаріи, Штабомъ Донского Корпуса, на правахъ рукописи и въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ.

Цѣлью перваго изданія было ознакомленіе войсковыхъ начальниковъ и, вообще, лицъ, непосредственно перенесшихъ тяготы чатаджинскихъ лагерей и „Лемноскаго сидѣнія“, съ собраннымъ матеріаломъ, дабы дать возможность пополнить этотъ матеріалъ новыми данными и исправить вкравшіяся ошибки и неточности, о чемъ и указывалось въ предисловіи.

При настоящемъ изданіи, предназначенномъ для всеобщаго пользованія, указанія названныхъ лицъ приняты во вниманіе и въ очеркъ внесены необходимыя исправленія и дополненія.

Къ сказанному слѣдуетъ добавить, что все, что написано объ условіяхъ жизни и быта донцовъ на островъ, въ равной степени относится и къ кубанцамъ, терцамъ и астраханцамъ, находившимся въ той же обстановкѣ и такъ же переносившимъ всѣ невзгоды и лишенія лемносской жизни.

ШТАБЪ ДОНСКОГО КОРПУСА.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ I-му ИЗДАНІЮ.

Цѣлью настоящаго краткаго очерка о жизни казаковъ въ районѣ Чатаджи и на островъ Лемносъ является бѣглая обрисовка жизни и быта казаковъ въ изгнаніи, въ наиболее тяжелый его періодъ. Матеріаломъ для очерка послужили документальныя данныя Штаба Донского Корпуса и Штаба Лемносской Группы войскъ Р. А.,

личные, еще свѣжія, воспоминанія и впечатлѣнія очевидцевъ и записки частныхъ лицъ. Матеріаль этотъ былъ настолько обширенъ, загроможденъ ненужными для очерка свѣдѣніями и „текущей перепиской“ различного характера, записки и рассказы очевидцевъ, ввиду ихъ разнорѣчивости, постоянно нуждались въ документальной провѣркѣ, что очеркъ въ иныхъ условіяхъ, требовалъ бы спокойной кабинетной работы и тщательнаго, систематическаго подбора и изученія источниковъ. Естественно, въ очеркъ не могли не вкрасться ошибки, неточности и пропуски, допущенные благодаря указаннымъ выше условіямъ. Пребываніе казаковъ въ изгнаніи имѣетъ громадное историческое значеніе и въ будущемъ, несомнѣнно, явится предметомъ многихъ научныхъ изслѣдованій и трудовъ по исторіи казачества и эмиграціи. Поэтому, чѣмъ больше данныхъ о текущихъ и только что минувшихъ событіяхъ будетъ зафиксировано теперь же, тѣмъ болѣе это облегчитъ работу историка и положитъ основаніе правильному освѣщенію событій. Всѣхъ читателей выпускаемаго очерка, всѣхъ тѣхъ, у кого еще свѣжи воспоминанія о чаталджинскихъ и лемносскихъ лагеряхъ, тѣхъ, кто можетъ добавить еще что либо къ описанному, наконецъ тѣхъ, кто усмотритъ въ очеркѣ какія либо неточности, просятъ сообщить объ этомъ въ Штабъ Донскаго Корпуса не позже 20-го декабря, причемъ такія сообщенія будутъ приняты во вниманіе при второмъ изданіи очерка.

1 октября 1922 года.

Стара Загора. Болгарія.

I.

ВЫЪЗДЪ ИЗЪ КРЫМА. ПОГРУЗКА.

29-го октября (ст. ст.) 1920 года красные ворвались въ Крымъ и Русская Армія, оттѣсненная отъ перешейковъ, но не разбитая, во много разъ численно превосходившимъ врагомъ, начала отходить къ портамъ, гдѣ уже были приготовлены и распределены между частями суда для погрузки.

Отходили въ полномъ порядкѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, не теряя связи между собою и штабами и все время получая отъ послѣднихъ руководящія распоряженія. Не было той растерянности, неразберихи, стихійнаго стремленія куда-то впередъ, почти бѣгства, не было той неувѣренности въ возможности погрузки, какъ это наблюдалось подъ Новороссійскомъ. Отходили въ полной увѣренности, что Командованіемъ все предусмотрено и принято во вниманіе.

Частямъ Донского корпуса была назначена для погрузки Керчь, гдѣ были приготовлены суда: „Мечта“, „Екатеринодаръ“, „Самара“, „Поти“, „Тралеръ № 412“, „Хораксъ“, „Дыхтау“, баржи — № 56 и „Чайка“, „Фениксъ“, моторныя шхуны — „Алькивиадъ“, „Острей“, „Павелъ“, „Яковъ“, „Пандія“ и много другихъ мелкихъ судовъ.

Уже 1-го ноября, за переходъ отъ Керчи, по полкамъ было разослано приказаніе, гдѣ точно указывалось, когда, въ какомъ порядкѣ и на какое судно кому грузиться и предписывалось выслать впередъ квартирьеровъ.

Съ разсвѣтомъ 2-го ноября началась погрузка. Еще за городомъ квартирьеры и офицеры Керченскаго гарнизона, собранные въ батальонъ, специально предназначенный для поддержанія порядка при погрузкѣ, встрѣчали подходившія части и указывали имъ дорогу къ пристани; тутъ же сообщали правила погрузки.

По условіямъ войны въ Сѣверной Тавріи части имѣли большіе обозы, такъ какъ пѣхота передвигалась большею частью на подводахъ, а пулеметы, число которыхъ въ нѣкоторыхъ полкахъ достигало до сотни, возились на тачанкахъ. И вотъ, чтобы не создавать излишней сутолоки въ порту, надо замѣтить — въ Керчи, не особенно обширномъ, было приказано всѣ обозы и лошадей оставлять при въѣздѣ въ городъ, а въ портъ итти пѣшкомъ, неся на себѣ оружіе и личное имущество. Впрочемъ, для тяжелыхъ вещей, казеннаго имущества и запасовъ продовольствія, было разрѣшено оставить по нѣсколько подводъ на полкъ.

Прибывающія части почти незамедлительно, въ полномъ порядкѣ, грузились на баржи, которыя и развозили ихъ по судамъ, стоявшимъ на рейдѣ; на болѣе мелкія суда грузились непосредственно съ пристани.

Гдѣ-то въ полку играла музыка и веселые и бравурные звуки маршей широко разносились въ порту, но казаки были невеселы, угрюмы и молчаливы. Не слышно было обычныхъ пѣсенъ, но криковъ и пьяной ругани, какъ въ Новороссійскѣ, также не было.

Невѣдомыми благодѣтелями по городу и, отчасти, въ порту были расклеены номера мѣстной, сдѣлавшейся уже полубольшевицкой, газеты, гдѣ былъ отпечатанъ приказъ Главнокомандующаго, разрѣшавшій всѣмъ, кто считалъ себя слабымъ къ предстоящимъ лишеніямъ и не хотѣлъ раздѣлить общую судьбу Арміи, остаться въ Крыму. Изъ устъ въ уста, шепотомъ передавался между казаками этотъ приказъ, но никто не хотѣлъ сдаться на милость красныхъ, чему много способствовали имѣвшіе несчастье остаться въ Новороссійскѣ казаки, перебѣжавшіе, затѣмъ, обратно въ Сѣверной Таврии и на себѣ испытавшіе всѣ ужасы большевицкой неволи — „лучше въ море броситься, чѣмъ опять къ краснымъ попасть“ — говорили они, рассказывая о тѣхъ униженіяхъ, которымъ подвергали ихъ красные, и ужасахъ, жестокостяхъ, свидѣтелями которыхъ они были.

Никто не хотѣлъ остаться въ Керчи и подвергнуться расправѣ, предпочитая уйти въ изгнаніе, чѣмъ оставаться въ красномъ отечествѣ. Почти всѣ прибывшіе въ Керчь, за малыми исключеніями, погрузились на суда; остались лишь немногіе, сами пожелавшіе остаться, главнымъ образомъ изъ военноплѣнныхъ красноармейцевъ, мобилизованныхъ жителей Крыма, санитаровъ и врачей-евреевъ.

Никто не думалъ надолго уѣзжать на чужбину. У всѣхъ царила непоколебимая увѣренность, что съ весны снова начнутся военныя дѣйствія противъ большевиковъ.

Къ вечеру 2-го погрузка была пріостановлена и суда отошли на внѣшній рейдъ, гдѣ и бросили якоря для ночевки. Въ этотъ день была посажена на суда 3-я Донская дивизія въ составѣ около 5000 казаковъ, интендантства и, вообще, разныя тыловыя учрежденія Донского корпуса и Второй арміи, Керченскій гарнизонъ, гражданскія учрежденія и бѣженцы.

Въ этотъ день по судамъ былъ разосланъ приказъ Главнокомандующаго слѣдующаго содержанія: „Всѣмъ русскимъ судамъ съ крейсера „Генераль Корниловъ“. Русская армія, оставшаяся одинокой въ борьбѣ съ коммунизмомъ, несмотря на полную поддержку крестьянъ, рабочихъ и городского населенія Крыма, вслѣдствіе своей малочисленности, не въ силахъ отразить нажима во много разъ сильнѣйшаго противника, перебросившаго войска съ польскаго фронта, и я отдалъ приказъ объ оставленіи Крыма, учитывая тѣ трудности и лишения, которыя Русской арміи придется претерпѣть на дальнѣйшемъ горестномъ пути. Я разрѣшилъ желающимъ оставаться въ Крыму и такихъ почти не оказалось. Всѣ солдаты Русской арміи, всѣ чины Русскаго флота, почти всѣ бывшіе красноармейцы и масса гражданского на-

селенія не захотѣли подчиниться коммунистическому игу, они рѣшили итти на вдвое тяжелое испытаніе, твердо вѣря въ конечное торжество своего праваго дѣла. Сегодня была закончена посадка на суда. Вездѣ она прошла въ образцовомъ порядкѣ. Неизмѣнная твердость духа флота и господство на морѣ дали возможность выполнить эту непримѣрную въ исторіи задачу и тѣмъ спасти армию и населеніе отъ мести и надруганія. Всего изъ Крыма ушло 120.000 человекъ и свыше 100 судовъ Русскаго флота. Настроеніе войскъ прекрасное. У всѣхъ твердая вѣра въ конечную побѣду надъ коммунизмомъ и въ возрожденіе нашей Великой Родины. Отдаю армию, флотъ и выѣхавшее населеніе подъ покровительство Франціи, единственной изъ великихъ державъ, сознавшей міровое значеніе нашей борьбы. 3/16 ноября 1920 года, № 004718.

ВРАНГЕЛЬ.

3-го были погружены конныя части 1-ой и 2-ой донскихъ дивизій, служившія заслономъ отступавшей пѣхотѣ, и штабъ Донскаго корпуса.

По общему плану эвакуаціи, кубанцамъ была назначена для погрузки Феодосія, но большая часть строевыхъ частей тамъ погрузиться не могла, такъ какъ всѣ пароходы были заняты тыловыми частями и гражданскими бѣженцами, вслѣдствіе чего командиръ Кубанскаго корпуса приказалъ 1 и 2 кубанскимъ дивизіямъ итти въ Керчь. Сольно пришлось потѣсниться тогда донцамъ, тѣмъ не менѣе никто изъ нежданныхъ гостей не былъ оставленъ на берегу и въ послѣдній день всѣ Кубанцы были взяты на бортъ судовъ, предназначенныхъ для Донскаго корпуса.

Погрузка была закончена. Около 22.000 донцовъ сидѣло теперь на корабляхъ, готовыхъ уѣхать за море, въ чужія страны. Начилась новая жизнь.

ВЪ МОРѢ.

Размѣстились очень тѣсно. Такъ, на примѣръ, на „Екатеринодаръ“ было погружено около 5000 человекъ, кромѣ громаднаго груза зерна и интендантскаго имущества, на „Поти“ — 3.500 человекъ, столько же на „Мечту“, не считая громаднаго количества керченскихъ бѣженцевъ, на „Самару“ 2.500 и такъ далѣе. Все, что только можно, было завалено вещами, на которыхъ сидѣли люди. Палуба, шлюпки, крыши каютъ, мостики, чуть ли не до капитанскаго включительно, были усѣяны людьми. Было такъ тѣсно, что требовалось много времени и усилій, чтобы пробраться отъ носа до кормы парохода, а, иногда, это оказывалось совершенно невозможнымъ. Въ трюмѣ набилось столько народу, что, сидя, трудно было вытянуть ноги. Тѣснота усугублялась еще и тѣмъ, что много пароходовъ не было приспособлено къ перевозкѣ людей.

Начальникомъ флотиліи былъ назначенъ капитанъ Карповъ. Въ составъ этой флотиліи входили и военныя суда: миноносцы „Безпо-

койный". „Дерзкій“, „Зоркій“, „Жаркій“, „Живой“*); конон. лодки „Ураль“, „Кача“, „Всадникъ“, „Джигитъ“, „№ 3.“; вооруженные катера „Грозный“ и другіе, которые должны были служить прикрытіемъ отъ возможнаго нападенія большевиковъ.

Весь день, 4-го ноября, флотилія стояла на якоряхъ у береговъ Крыма, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Керчи, производя перегрузку съ бывшихъ на буксирѣ немореходныхъ судовъ на другіе пароходы. Утромъ, 5-го, на разсвѣтѣ, двинулись въ Константинополь.

Негостепріимно встрѣтило Черное море казаковъ. Сильный порывистый нордъ-остъ поднималъ громадныя волны и, даже, большіе пароходы, какъ напримѣръ „Екатеринодаръ“, „Поти“ и другіе, сильно качало, нерѣдко заливая палубу водой, не говоря уже про маленькія суда, которыя буквально бросало какъ щепки. Было нѣсколько случаевъ, когда волной смывало людей за бортъ.

Съ первыхъ же дней переѣзда на многихъ судахъ обнаружился недостатокъ въ водѣ, а затѣмъ, и въ продовольствіи. Объяснялось это, съ одной стороны, тѣмъ, что на переѣздѣ потребовалось значительно больше времени, чѣмъ это предполагалось, съ другой же тѣмъ, что многіе суда, какъ это указывалось выше, совершенно не были приспособлены къ перевозкѣ людей и не имѣли ни большихъ водохранилищъ, ни опрѣснителей. Въ темныхъ трюмахъ, въ тѣснотѣ, или на палубахъ, пронизываемые холоднымъ вѣтромъ, часто подъ дождемъ, казаки страдали отъ голода и, главнымъ образомъ, отъ жажды.

Нѣсколько дней (отъ 4 до 10, разное для каждаго парохода) трепало ихъ бушевавшее море и вотъ, наконецъ, вдали показалась туманная полоска берега, а еще черезъ нѣкоторое время суда одно за другимъ начали входить въ проливъ, имѣя на мачтахъ, наряду съ русскимъ Андреевскимъ, французскій флагъ. По радіо было сообщено, что Франція беретъ русскихъ подъ свое покровительство.

БОСФОРЪ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Передъ глазами побѣжала фантастическая панорама Босфора. Всѣ, кто только имѣли возможность, повылѣзали изъ трюмовъ и разныхъ закоулковъ наверхъ. Палуба, всѣ вышки и крыши, даже ванты, были облѣплены казаками, шумно дѣлившимися впечатлѣніями. На набережной, на балконахъ домовъ, въ окнахъ, всюду виднѣлись жители, собравшіеся посмотреть на невиданное зрѣлище. Многіе привѣтливо махали платками.

Казаки, истрепанные тяжелымъ морскимъ переѣздомъ, приободрились. Близкою казалась возможность покинуть корабль и вступить на твердую землю. Но случилось иначе. Французы, оказавшіе пріютъ покинувшей родные предѣлы Русской арміи, не ожидали такого громаднаго наплыва русскихъ: всего съ бѣженцами прибыло тогда въ Константинополь около 137.000 человекъ на 120 судахъ

*) Мин. „Живой“ — погибъ при переходѣ.

(приказъ Главкома отъ 8/XI № 4771), изъ нихъ воинскихъ чиновъ въ составѣ Донского корпуса 22.000 человекъ и гражданскихъ бѣженцевъ-донцовъ 6515 человекъ (всѣ они размѣщены были болѣе чѣмъ на 45 различныхъ судахъ). Французы не могли сразу размѣстить столько людей, поэтому имъ пришлось еще долгое время томиться на судахъ, пока рѣшалась ихъ участь.

Это было, въ сущности говоря, самое тяжелое время. Несмотря на прибытіе въ портъ, казаки все еще страдали отъ жажды, такъ какъ воду подвозили на пароходы въ недостаточномъ количествѣ, а на нѣкоторые и вовсе не подвозили; продовольствія также выдавали очень мало. Страданія еще больше усугублялись сознаниемъ безцѣльности пребыванія на судахъ и видомъ близкаго берега. Впрочемъ „берегъ“ самъ подошелъ къ казакамъ, въ видѣ безчисленнаго количества лодочниковъ, торговцевъ съѣстными припасами, которые со всѣхъ сторонъ облѣпили суда. На лодкахъ самымъ соблазнительнымъ образомъ были разложены великолѣпный константинопольскій хлѣбъ, копченая рыба, фрукты и сладости. Были и спиртные напитки. Ко всему этому потянулись руки изголодавшихся казаковъ, но торговцы сразу же объявили, что они согласны продавать на какія угодно деньги, только не на русскія. Конечно, кромѣ русскихъ, никакихъ денегъ у казаковъ не имѣлось. Но соблазнъ былъ великъ. И вотъ въ жадныя руки торговцевъ посыпались долго хранимые серебряныя рубли и золотыя монеты, часы, перстни, обручальныя кольца, портсигары и, даже, натѣльные кресты. Цѣны, при этомъ, устанавливались самая произвольныя, въ зависимости отъ жадности торговца и сопротивляемости голоднаго казака. Были случаи, когда за хлѣбъ отдавалось золотое кольцо или часы. Французы принимали мѣры къ прекращенію этого грабежа и пытались было отгонять лодочниковъ отъ пароходовъ, но это ни къ чему не повело. Точно жадныя акулы, ища добычу, лодочки, отогнанные въ одномъ мѣстѣ, назойливо подходили къ другому. И много, много казачьяго добра перешло тогда къ нимъ.

Все-таки понемногу пароходы разгружались. Постепенно снимали больныхъ, которыхъ направляли въ лазареты, ушли нѣкоторыя категоріи бѣженцевъ. Нѣсколько сотенъ 7-го донского казачьяго полка, во главѣ съ командиромъ полка генераль-маіоромъ Курбатовымъ, были приняты на иждивеніе американцами и высажены на о. Проти. У высадившихся американцы отобрали все оружіе, до револьверовъ включительно, а самихъ казаковъ, рассматривая ихъ какъ бѣженцевъ, и не считаясь ни съ чиномъ, ни съ положеніемъ, заставили исполнять всевозможныя работы, вплоть до ассенизаціонныхъ. Обращались съ ними грубо и плохо кормили. Только послѣ настойчивыхъ ходатайствъ генерала Курбатова казакамъ удалось присоединиться къ своимъ, которые находились тогда въ лагерь Чилингиръ, причемъ отобранное оружіе возвращено не было. Какъ объясняли американцы, оружіе это было сложено ими въ открытый ящикъ, въ корридоръ у какой-то канцеляріи, никѣмъ не охранялось и было частью разворовано.

Армію сравнительно скоро разселили по лагерямъ. Первый корпусъ былъ размѣщенъ въ Галлиполи, Кубанцы на о. Лемнось, а Донцовъ, съ утра 10-го ноября (ст. ст.), начали высаживать въ Константинополь, на набережной Серкеджи, и по желѣзной дорогѣ эшелонами направлять въ Чаталджинскій районъ — въ лагеря Чилингиръ, Хадѣмъ-Кіюй, Санджакъ-Тепе и Кабакджа. Впрочемъ, часть Донцовъ, въ томъ числѣ Атаманское военное училище, была тогда отправлена и на о. Лемнось. Гражданскихъ бѣженцевъ стремились расселять въ славянскія страны, но значительная часть ихъ, около 3000 человекъ, была также высажена въ Константинополь и попала въ лагеря воинскихъ частей. (Сх. № 1).

Здѣсь интересно отмѣтить до какой степени казакамъ невыносимо было пребываніе на пароходахъ, до какой степени, привыкшая къ приволью степей, казачья натура не могла примириться съ тѣсною судна. Вечеромъ 10-го ноября, когда уже стемнѣло, къ набережной Серкеджи, гдѣ находились высадившіеся казаки 3-й дивизіи, съ сильнымъ креномъ подошелъ пароходъ „Поти“ съ частями 2-ой дивизіи. Не успѣлъ онъ еще пришвартоваться, какъ съ высокаго борта, прямо на набережную, съ чувалами и сумками въ рукахъ, начали прыгать казаки. Многіе изъ нихъ, при этомъ, попали въ море, но, къ счастью, отдѣлались только купаньемъ. Прыганье не прекратилось даже и тогда, когда былъ поданъ трапъ.

Эвакуація казачьихъ частей была закончена.

Все таки, если не считать неудобствъ при переѣздѣ, она прошла благополучно. Только лишь съ Атаманскимъ военнымъ училищемъ едва не случилось крупное несчастіе.

Вечеромъ 11-го ноября, къ той же набережной Серкеджи, подошелъ пароходъ „Лазаревъ“ съ Атаманскимъ военнымъ училищемъ, грузившимся въ Севастополь, отдѣльно отъ прочихъ Донскихъ частей.

Едва только „Лазаревъ“ причалилъ къ пристани, туда вошла французская санитарная комиссія. Стали свозить и сносить на берегъ больныхъ. Должна была начаться высадка юнкеровъ. Но вмѣсто этого „Лазаревъ“ неожиданно далъ громкій гудокъ, быстро убралъ сходни и... началъ отчаливать.

Никто ничего не понималъ. Наконецъ, капитанъ парохода объяснилъ, что на пароходѣ, среди команды, обнаружена чума, что „Лазаревъ“ объявленъ неблагополучнымъ по чумѣ и долженъ выйти въ море на неопредѣленное пока время.

Цѣлыя двѣ недѣли пришлось еще атаманцамъ протомиться на пароходѣ. За это время весь составъ училища дважды ссаживали на берегъ для купанья въ карантинной банѣ и дезинфекціи одежды; всѣмъ дважды произвели прививку чумы; дважды производили тщательную дезинфекцію всѣхъ помѣщеній парохода.

Всякое сношеніе съ внѣшнимъ міромъ „Лазареву“ было строжайше запрещено. Всѣ суда тщательно обходили зачумленный корабль, всякіе переговоры велись на разстояніи. Необходимые про-

дукты доставлялись на катерахъ, которые поспѣшно сбрасывали привозимое и также поспѣшно уходили прочь.

Къ счастью, чумная эпидемія не приняла широкихъ размѣровъ.

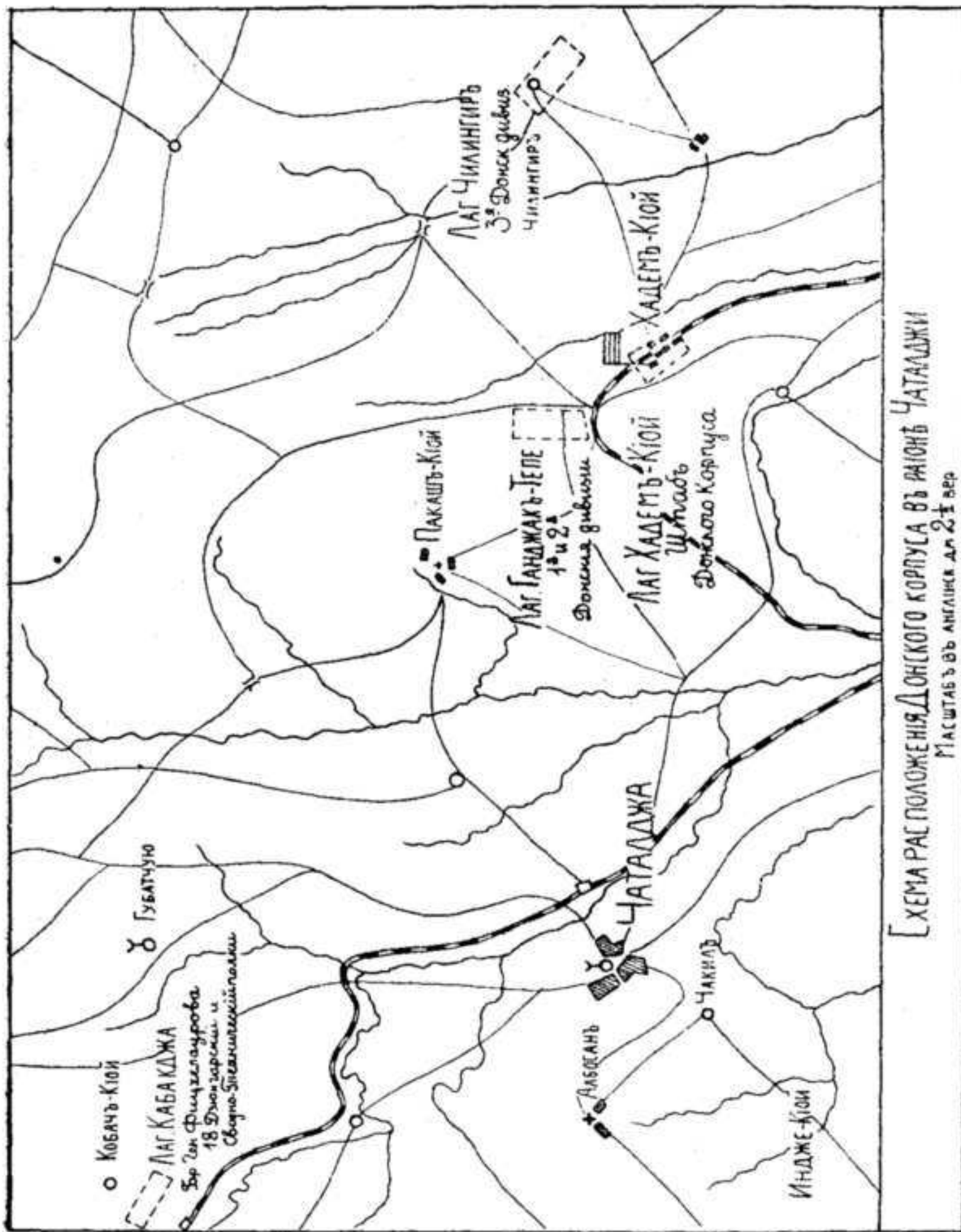

Схема № 1.

За все время карантина заболѣло и умерло только два человека пароходной прислуги. Изъ состава училища никто не пострадалъ.

Послѣ двухнедѣльнаго карантина „Лазаревъ“ вновь пришелъ на Константинопольскій рейдъ, гдѣ училище было перегружено на транспортъ „Донъ“, который и отвезъ его на о. Лемнось.

ЧИЛИНГИРЪ.

Чилингиръ, это, ставшее теперь историческимъ, названіе жалкой турецкой деревушки, затерявшейся въ горахъ въ 8 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ станціи Хадемъ-Кіой и въ 85 километрахъ отъ Константинополя. Немногочисленное населеніе ея состоитъ изъ турокъ, цыганъ и грековъ. Занятія его составляютъ земледѣліе, садоводство и, главнымъ образомъ, овцеводство. На одной изъ окраинъ Чилингира расположено какое-то имѣніе, частью уже полуразрушенное, но съ большимъ количествомъ, до десяти, овчаренъ. Каждая изъ такихъ овчаренъ представляла изъ себя громадный сарай, съ глинобитными стѣнами, землянымъ поломъ и высокой черепичной крышей. Размѣръ овчарни, въ среднемъ, около 50 сажень длины и 15—20 сажень ширины. Оконъ не было. Черепица старая, частью побитая и крыши текли.

Изъ всего десятка сараевъ, загаженныхъ на $\frac{1}{4}$ аршина навозомъ, только меньшая половина была исправна, остальные же съ худой крышей, съ разрушенными стѣнами, безъ дверей, съ выбитыми рамами оконъ и съ сырымъ, зловоннымъ, пронизывающимъ сквознякомъ. Стѣны во всѣхъ баракахъ были густо загажены скотскимъ пометомъ.

Вотъ въ эти-то овчарни, совершенно не приспособленныя для жилья, и были помѣщены казаки. Размѣстились прямо на сыромъ навозномъ полу, въ грязи; размѣстились вповалку, скученно, другъ на другъ. Къ 13/26 ноября въ Чилингиръ сосредоточились части: штабы 3-й донской дивизіи и 1-й бригады, конвойная сотня, Инженерная сотня, интенданство 1-й дивизіи, Донской Гундоровскій Георгіевскій полкъ, 7, 8 и 10 Донскіе казачьи полки, 42 Донской стрѣлковый полкъ, Донская учебная бригада, 1-й Донской артиллерійскій дивизионъ, различныя учрежденія и заведенія штаба Донского корпуса, дивизионный лазаретъ и 1396 бѣженцевъ, а всего 8267 человекъ. Въ бараки-овчарни набились такъ тѣсно, что ночью трудно было вытянуть ноги, чтобы не задѣтъ кого-либо другого.

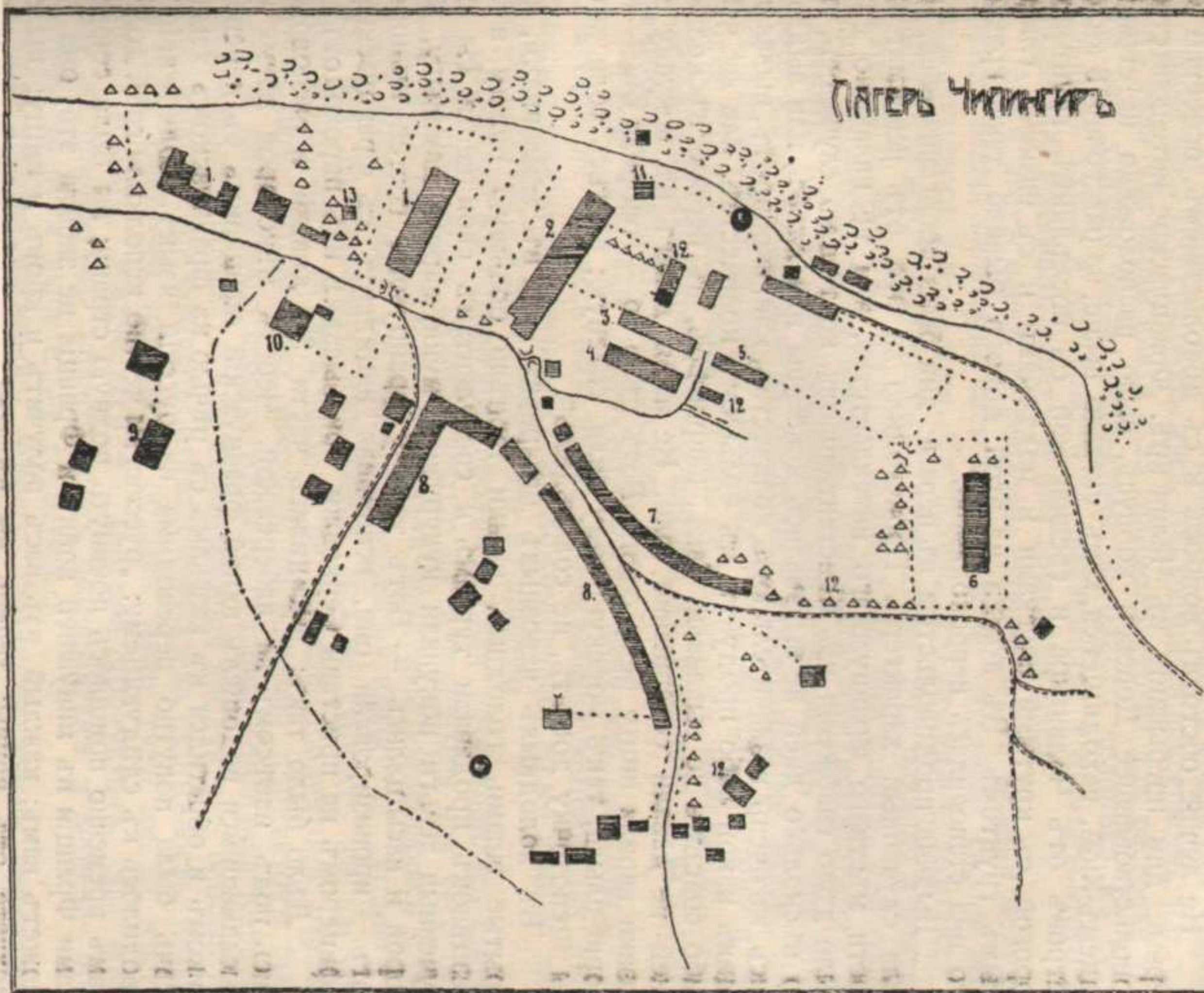
Въ баракъ 3-го Донского зап. баталіона (донской учебной бригады) люди помѣщались вмѣстѣ съ овцами и лошадьми.

И все-таки всѣ не могли помѣститься въ бараки, и многіе расположились около бараконъ, подъ навѣсомъ, а то и прямо подъ открытымъ небомъ. Положеніе ихъ было тяжелое.

Начиналась осень. Дулъ холодный сѣверо-восточный вѣтеръ, временами моросилъ дождь. Но казаки не растерялись и тутъ. Заработали лопаты, кирки, и черезъ короткое время появились землянки, куда и поселились находившіеся подъ открытымъ небомъ. Матеріаломъ служили камни и доски полуразрушенныхъ турецкихъ строеній, жерди и хворостъ изъ ближайшаго лѣса.

Въ баракахъ также устраивались. Окна частью заложили, частью заклеили бумагой, отчего стало темно, но значительно теплѣе. Изъ

ЛАГЕРЬ ЧИЛИНГИРЬ

1. Георгіевскій (Сандоровскій) полкъ
2. Командиръ лагеря, штабы 1го и 2го батальоновъ и 8 ротъ 7го, 4го полка, командиръ 1го 3го запаснаго батальона и команда сержантовъ
3. Медикъ эпидеміи, селеніи офицера, члнъ сотни и штаба Штарма
4. Дача и кухня и 3 дачи батальона
5. Штабъ Интендантъ и 3 батальона
6. Главная кухня, 1 и 2 мѣстъ для
7. 8 и 10 парки.
8. Штабъ 3 Дача дневная
9. Интендантъ 2 Дача дневная
10. Складъ инт 2 Дача дневная
11. Команда Штаба Дача Мора
12. 8го полка
13. Интендантъ Дача Мора.

Знаменья значки.

- Кухня
- Мечеть
- Служебное здание
- △ Загородки
- Палатка пехоты

каменной и болотной травы соорудили постели. Мало-по-малу появились самодѣлковые печи, сдѣланныя изъ камней и битой черепицы, съ трубами изъ консервныхъ банокъ. Правда, печи эти больше дымили, чѣмъ грѣли, но это объяснялось величиною бараконъ и несовершенствомъ трубъ.

Въ землянкахъ было сыро, но все-таки лучше, нежели въ баракахъ. Поэтому казаки съ первыхъ же дней стремились уйти изъ бараконъ и группами по нѣсколько человекъ рыли отдѣльныя землянки. Нѣсколько семей приютили у себя турки, тепло и сочувственно относившіеся къ русскимъ.

Не лучше обстоялъ вопросъ и съ довольствіемъ, особенно въ первые дни пребыванія въ Чилингирѣ. Французское интендантство, довольствовавшееся Донской корпусъ, было расположено на станціи Хадемъ-Кіюй, находящейся, какъ указано выше, на разстояніи 8 километровъ отъ Чилингира и соединенной съ послѣднимъ грунтовой дорогой, съ крутыми спусками и подъемами и съ вязкимъ глинистымъ грунтомъ. Въ дожди на этой дорогѣ бывало такъ грязно, что она становилась непроходимой.

Выдача продовольствія въ первые дни была неорганизована, носила случайный характеръ. Происходило ли это отъ невнимательности мѣстнаго французскаго интендантства, или не налажено еще было дѣло снабженія изъ Константинополя, но только случалось, что по нѣсколько дней не выдавались консервы или хлѣбъ, или выдавались въ очень незначительномъ количествѣ, или, наоборотъ, выдавали одинъ какой либо продуктъ въ большомъ количествѣ, или же чего либо совсѣмъ не выдавали. Такъ, напримѣръ, въ первые нѣсколько дней не давали совершенно соли. Не имѣя денегъ на покупку ея, казаки варили пиццу безъ соли. „Вотъ дѣло то — говорили они — по морю плыли, такъ морскую воду пили, соленую; а здѣсь соли хоть бы щепоточку достать, не соля ѣдимъ“.

Въ холодныхъ навозныхъ овчарняхъ, или въ землянкахъ, покрытые вшами, голодные, казаки терпѣли большую нужду и за безцѣнокъ продавали туркамъ и спекулянтамъ свои вещи. На вырученныя деньги покупали кукурузной муки, варили мамалыгу, которой и насыщались. — Вотъ такъ у французонъ гостей принимаютъ — иронизировали они, вспоминая инцидентъ съ французскимъ офицеромъ на пристани Серкеджи, при высадкѣ изъ пароходонъ.

Дѣло было такъ: высадились части 3-й дивизіи и расположились подъ навѣсомъ на набережной. Черезъ нѣкоторое время къ высадившимся подошелъ юркій французскій офицерикъ съ переводчикомъ и обратился къ казакамъ съ рѣчью на французскомъ языкѣ. Рѣчь была попутно переводима на русскій языкъ. Содержаніе ея сводилось къ слѣдующему: „русскіе, вы честно исполнили свой долгъ; вамъ временно пришлось покинуть родную страну; вы были союзниками Франціи въ минувшей войнѣ и Франція не забыла это; она поможетъ вамъ; каждый изъ васъ получитъ и кровь и пиццу; вы отдохнете отъ войны; теперь вы въ гостяхъ у Франціи“. Кажется, такая же рѣчь была сказана и казакамъ 1-й и 2-й дивизій. Могучее

ура было ему отвѣтомъ. Казаки повеселѣли. Послышались шутки, смѣхъ, одобрительныя замѣчанія по адресу французовъ. И вотъ теперь, въ Чилингирѣ, казаки вспоминали эти слова.

Выдача и доставка въ Чилингирѣ продовольствія постепенно налаживалась, но продовольствіе это выдавалось въ такомъ незначительномъ количествѣ, что его было совершенно недостаточно для насыщенья взрослога здороваго человѣка. Такъ называемый французскій паекъ первоначально состоялъ изъ 200 граммовъ галетъ, 200 граммовъ хлѣба, 60 граммовъ сушеныхъ овощей, 20 граммовъ сахару, 8 граммовъ кофе, 20 граммовъ соли, 20 граммовъ жировъ, 3 грамма чаю, 150 граммовъ мяса, 100 граммовъ консервовъ, 400 граммовъ угля для варки пицци и 25 граммовъ дерева для растопки угля. Это все должно было выдаваться на одного человѣка въ сутки. Больнымъ хлѣба и консервовъ не выдавалось, а взамѣнъ этого выдавали 500 граммовъ галетъ и 300 граммовъ мяса.

Но и этотъ паекъ не попадалъ полностью въ казачьи желудки. Прежде всего, французы систематически не додавали сполна всего полагающагося довольствія. Случалось, что недодача доходила до одной трети всѣхъ выдаваемыхъ продуктовъ. Это приняло характеръ постояннаго явленія, причемъ французскій интендантъ, лейтенантъ Фуссо, безъ объясненія причинъ, требовалъ отъ пріемщиковъ или принимать то, что онъ выдавалъ, или же совсѣмъ не принимать продуктовъ. Рѣшиться на послѣднее пріемщики не могли, такъ какъ это значило оставить голоднымъ весь лагерь, поэтому и принимали то, что выдавалось. Тѣмъ не менѣе, въ накладныхъ, Фуссо заставлялъ пріемщиковъ расписываться въ полученіи всѣхъ причитающихся продуктовъ полностью.

Такое поведеніе лейтенанта Фуссо вынудило, наконецъ, наше Командованіе донести объ этомъ Главнокомандующему для дальнѣйшаго сообщенія французскому Командованію, но къ какимъ либо положительнымъ результатамъ это не привело.

Доставка въ Чилингирѣ продовольствія производилась самими казаками, частью на рукахъ, частью на нанимаемыхъ для сего обывательскихъ подводахъ. Но и въ пути продукты подвергались хищенію. Трудно было удержаться голодному казаку не „ущипнуть“ куска отъ переносимаго имъ хлѣба, или не спрятать въ карманъ банку консервовъ. А такъ какъ за переноской продуктовъ отряжалось большое количество казаковъ, то и утечка продуктовъ была большая. Это вызвало строгія мѣры со стороны Командира Корпуса, приказавшаго*) посылать для сопровожденія продуктовъ особый нарядъ казаковъ при офицерѣ, отвѣтственныхъ за ихъ цѣлость. Казаки эти были снабжены плетями и обязаны были тутъ же, на мѣстѣ, пороть всякаго, замѣченнаго въ хищеніи продуктовъ. Эта мѣра сразу же привела къ желательнымъ результатамъ и хищеніе продуктовъ въ пути значительно сократилось.

Но это продолжалось недолго. Французы начали перевозить

*) Прик. Дон. Корп. 12-ХІІ — № 904.

продукты своими средствами, на своихъ лошадяхъ и подъ своею охраною. И снова возобновились хищенія. Французскіе солдаты сбрасывали въ пути въ придорожные кусты и канавы хлѣбъ, банки съ консервами, сахаръ, жиры, вообще — все, что можно было, сдавали въ Чилингирѣ доставленные продукты по системѣ лейтенанта Фуссо, т. е. наличнымъ количествомъ, не считаясь съ количествомъ, обозначеннымъ въ накладныхъ, и, возвращаясь въ Хадэмъ-Кіюй, забирали обратно сброшенные продукты, которые и обращали въ свою пользу. Ни протесты сопровождавшихъ продуктовые транспорты казаковъ, ни донесенія нашего Командованія французскимъ властямъ, также, какъ и въ дѣлѣ лейтенанта Фуссо, не привели ни къ чему.

Выдаваемые продукты далеко не всегда бывали свѣжаго качества. Сплошь да рядомъ случалось, что хлѣбъ былъ цвѣлый, въ галетахъ попадались черви и консервы были гнилыя, въ пробитыхъ банкахъ. Если пріемщики во время замѣчали эти дефекты, французы обмѣнивали порченые продукты на свѣжіе или обѣщали добавить впослѣдствіи недостающіе продукты, хотя, впрочемъ, обѣщанія эти не всегда исполнялись. Бывало, также, что порченныхъ продуктовъ, цвѣлаго хлѣба или червивыхъ галетъ выдавалось такое количество, что пріемщикамъ предстояло одно изъ двухъ, или принимать продукты въ томъ видѣ, въ какомъ они выдавались, т. е. порчеными, или же не принимать вовсе. Выдаваемая зелень почти всегда была наполовину порченой.

Черезъ нѣкоторое время паекъ былъ нѣсколько измѣненъ. Галеты замѣнили хлѣбомъ, котораго выдавали по 455 граммовъ на человѣка въ сутки, вмѣсто мяса давали по 200 граммовъ консервовъ, вмѣсто зелени и сушеныхъ овощей начали выдавать по 80 граммовъ фасоли или чечевицы и по 25 граммовъ бульона въ кубикахъ.

Въ дурную дождливую погоду, ввиду непроходимости дороги, доставка продуктовъ сильно затруднялась, такъ какъ на каждую лошадь клалось вдвое, даже втрое меньше того, что она везла въ сухую погоду, да и съ этой то кладью транспорты нерѣдко застрявали въ глинистой грязи. Часть непогруженныхъ продуктовъ оставалась на станціи, въ распоряженіи русскаго интендантства, и отправлялась въ Чилингирѣ при первомъ благопріятномъ случаѣ. На просьбы же снарядить лишнюю подводу, французы почти неизмѣнно отвѣчали отказомъ. Плохо тогда приходилось чилингирцамъ. Случалось, что одинъ хлѣбъ въ 1000 граммовъ дѣлился на 12 человѣкъ; на столько же дѣлилась и банка консервовъ.

Пищу готовили самостоятельно, группами по нѣсколько человѣкъ, въ котелкахъ, ведрахъ и консервныхъ банкахъ. Отпущенныхъ французами полевыхъ кухонь не хватало даже для кипяченія воды. Готовили на кострахъ, въ специально отведенномъ для этого мѣстѣ, около бараконъ. Топливомъ служили: колючка, хворостъ и дрова изъ ближайшаго лѣса, расположеннаго въ 4—5 километрахъ отъ лагеря. Въ лѣсъ ходили командами.

Рано утромъ собирались эти команды въ указанное мѣсто, обыкновенно у барака Гундоровскаго полка, гдѣ назначался старшій надъ всѣми командами, послѣ чего всѣ, сопровождаемые конными фран-

цузами, шли въ лѣсъ. За неимѣніемъ топоровъ, дрова приходилось рубить шашками. Изъ лѣсу, обыкновенно, возвращались около 4-хъ часовъ дня, неся на себѣ вязанки хвороста и колючки.

Хожденіе за дровами считалось однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ нарядовъ, такъ какъ большинство казаковъ имѣло рваную обувь, а ходить приходилось во всякую погоду, въ снѣгъ и грязь, по проселочной тропинкѣ, часто идущей черезъ болота и горные потоки, вздущіеся отъ дождей; помимо того, рубка и носка дровъ за нѣсколько километровъ была тяжелымъ, почти непосильнымъ бременемъ для истомленныхъ недоѣданіемъ казаковъ.

Много времени уходило на приготовленіе пищи. Сырыя дрова горѣли слабо, пища варилась медленно. Раннимъ утромъ, днемъ и вечеромъ, до темноты, плохо одѣтые, пронизываемые холоднымъ вѣтромъ, часто подъ дождемъ, возились казаки у костровъ.

Воду брали изъ колодцевъ-фонтановъ, расположенныхъ въ деревнѣ Чилингиръ, а также изъ ручья одноименнаго названія, протекавшаго внизу, у деревни. Но такъ какъ въ этомъ ручьѣ, который былъ единственнымъ, мыли бѣлье, то брать воду изъ него было строжайше воспрещено. Правда, запрещеніе это не исполнялось казаками, которые зачастую пили воду изъ ручья, да еще, вдобавокъ, сырую. Конечно, это вело къ заболѣваніямъ, которыя и помимо того принимали массовый характеръ, благодаря антисанитарному состоянію лагеря.

Дѣйствительно, санитарныя условія жизни въ Чилингиръ были ужасны во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ помѣщеній. Громадные холодные бараки — овчарни, полутемные, съ сырымъ навознымъ поломъ, со сквозняками и худой кровлей, даже въ отдаленной степени не напоминали жилья. Бараки не отапливались, печей почти не было. Въ дождь и непогоду казаки почти все время ходили мокрые, такъ какъ обсушиться было негдѣ. Спали вповалку на земляномъ полу, тѣсно прижавшись другъ къ другу.

Вши буквально поѣдали казаковъ. Горячей воды не было и бѣлье приходилось стирать, какъ сказано выше, въ протекавшемъ около деревни ручьѣ. Вшей, конечно, такая стирка не уничтожала. Да и въ ручьѣ то стирать доводилось рѣдко, такъ какъ мыла купить было казакамъ не на что, а французы выдавали одинъ килограмъ на 25 человекъ въ мѣсяць.

Въ темномъ баракѣ искать вшей было нельзя, внѣ барака — не позволяла погода. Зато въ тѣ дни, когда переставали дождь и вѣтеръ и теплое южное солнце пригрѣвало землю, большая часть населенія лагеря выходила за ручей, на горку, гдѣ былъ разбитъ тутовый или шелковичный садъ, раздѣвались и ожесточенно начинали истреблять вшей.

Оригинальную картину представляла тогда собою эта горка за лагеремъ. Розовѣли, голубѣли, синѣли, краснѣли, пестрѣли въ яркихъ лучахъ южнаго солнца развѣшанныя по деревьямъ тысячи казачьихъ рубашекъ и исподниковъ, а обладатели ихъ, голые, сидѣли подъ деревьями и сосредоточенно выскивали вшей, грѣясь

на солнцѣ. Но рѣдко перепадали теплые солнечные дни, а впоследствии турки совсѣмъ запретили ходить въ садъ, ссылаясь на то, что казаки портятъ деревья. Да и охота не надолго избавляла отъ вшей. Въ первую же ночь онѣ появлялись чуть ли не въ большемъ количествѣ.

— Вши у насъ лавами ходятъ — острили казаки, и это было близко къ правдѣ.

Въ дождь крыши протекали и на полу образовывались лужи.

Первые нѣсколько недѣль отхожихъ мѣстъ не было и казаки испражнялись кому гдѣ заблагоразсудится. Всѣ закоулки, проходы, площадки около бараконъ, все это было обильно покрыто человеческими экскрементами. Въ лагерь носилось зловоніе. Позже вырыли особыя отхожія мѣста съ канавами, но казаки, особенно по ночамъ, все еще продолжали ходить куда попало.

Кромѣ того, мѣстность, гдѣ былъ расположенъ лагерь, отличалась крайне нездоровымъ характеромъ. Во время Великой войны въ Чилингирѣ были размѣщены военнопленные, занятые постройкой шоссе Адрианополь — Константинополь и, какъ говорятъ, много ихъ погибло отъ малярии и дизентерии.

Начались заболѣванія и среди казаковъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ точныхъ свѣдѣній о ходѣ заболѣваемости въ Чилингирѣ за ноябрь — декабрь мѣсяцы, но она была очень велика. Оборудованный въ одномъ изъ сараевъ лазаретъ былъ переполненъ простудными и малярийными больными. Тяжело больныхъ отправляли въ Корпусной лазаретъ на станцію Хадемъ-Кіюй. Обыкновенно французскій транспортъ, привозившій продукты, забиралъ изъ Чилингира тяжело больныхъ и доставлялъ ихъ на станцію. Это было изо дня въ день.

Въ довершеніе всего пришла въ Чилингирѣ страшная гостья — холера. 8-го декабря, въ числѣ больныхъ, попавшихъ за этотъ день въ госпиталь, оказались шесть подозрительныхъ по холерѣ. 9-го, 10-го, опять оказались подобныя же заболѣванія.

Вотъ что доносилъ объ этомъ дивизионный врачъ въ рапортѣ отъ 10 декабря за № 145/с.: „Доношу, что по сіе время въ лагерь Чилингирѣ было 18 случаевъ заболѣваній, подозрительныхъ по холерѣ, изъ нихъ 7 смертныхъ. Для заразныхъ больныхъ отведенъ отдѣльный сарай, который приспособляется, и туда сегодня будутъ переведены всѣ подозрительные. Ввиду скученности населенія лагера нѣтъ возможности правильно вести надзоръ за заболѣвающими и во время ихъ выдѣлять. Нѣтъ дезинфекціонныхъ средствъ. Кухонь въ лагерь недостаточно и совершенно нѣтъ кипятильниковъ. Нѣтъ дровъ и угля, почему запретить пользованіе сырой водой невозможно. Нѣтъ печей, почему люди при настоящей сырой погодѣ не высыхаютъ, что предрасполагаетъ къ заболѣваніямъ. Недостаточно матеріала, чтобы задѣлать дыры въ окнахъ и крышахъ. Если все это останется въ прежнемъ видѣ, эпидемія приметъ массовый характеръ. Донврачъ 3 статскій совѣтникъ А. Степанковскій“.

Рапортъ этотъ является цѣннымъ историческимъ документомъ, показывающимъ, въ какой тяжелой обстановкѣ находились казаки въ Чилингирѣ и при какихъ жизненныхъ условіяхъ появилась холера.

Къ сожалѣнію, этимъ дѣло не окончилось. На 21 декабря было уже 87 заболѣваній, изъ которыхъ 41 окончилось смертію, на 25-е декабря — 90 заболѣваній, съ 45-ю смертными случаями; къ январю было 97 случаевъ заболѣваній, изъ нихъ 48 со смертнымъ исходомъ. Въ январѣ уже новыхъ заболѣваній не наблюдалось.

Съ первыхъ же дней появленія въ лагерь холерныхъ заболѣваній къ ликвидаціи эпидеміи были приняты энергичныя мѣры. Въ лагерь были поставлены особые дневальные, наблюдавшіе, чтобы казаки ходили только въ отхожія мѣста. Канавы отхожихъ мѣстъ чаще заливались известью и зарывались. Всѣмъ находящимся въ лагерь, поголовно, была сдѣлана противохолерная прививка. Наконецъ, надъ лагеремъ французами былъ установленъ строгій карантинъ. Весь лагерь былъ оцѣпленъ двойнымъ кольцомъ постовъ, никого не пропускавшихъ ни въ лагерь, ни изъ лагеря. Внутреннее кольцо составляли русскіе посты, внѣшнее — конные французы.

Это было самое тяжелое время въ жизни Чилингера. Оторванные отъ всего міра, среди дикихъ и унылыхъ горъ, въ зараженномъ лагерь, точно въ тюръмѣ, охраняемые чуждыми и враждебно настроенными французами, голодные, казаки начали падать духомъ. Бывшая раньше крѣпкою увѣренность въ томъ, что весною снова вернемся на родину, и не поодиначкѣ, съ поджатымъ хвостомъ, точно побитыя собаки, а всѣми, арміей, съ оружіемъ въ рукахъ, увѣренность эта поколебалась.

И казаки стали тосковать. Глубокая и жгучая тоска, тоска по родинѣ, все больше и больше охватывала ихъ. По тихому Дону, по привольнымъ степямъ, по женамъ и дѣтямъ тужили они. И сами себя обманывали, стараясь забыть и стусевать этими воспоминаніями стоявшихъ за ними большевиковъ.

А изъ Совдепіи приходили нерадостныя вѣсти. О голодѣ, о разстрѣлахъ, грабежахъ, о разныхъ карательныхъ отрядахъ и экспедиціяхъ и объ усиленіи совѣтской власти.

Конечно, это не могло не отразиться на казачьей психологіи и казаки всячески реагировали на это. Самые фантастическіе слухи ходили по лагерю. Наболѣе малодушные, наболѣе упавшіе духомъ казаки начинали понемногу мириться со своимъ положеніемъ. — „Надо ѣхать въ Россію — говорили они всѣхъ большевики не перестрѣляютъ, а быть можетъ и никого разстрѣливать не будутъ. Тоже, вѣдь, люди. Да и мы то по мирному вернемся“. — Они говорили, что Германія опять хочетъ воевать, что для этого она заключила союзъ съ большевиками, что союзники теперь безусловно будутъ разбиты и что „тогда намъ все равно капутъ“. Говорили, что „французы выпрашиваютъ у большевиковъ для насъ автономію“.

Такому настроенію немало способствовало слѣдующее обстоятельство: какъ то вечеромъ, въ декабрѣ, комендантъ лагеря ген.-м. Курбатовъ собралъ казаковъ для бесѣды по текущему моменту и для объясненія волнующихъ ихъ вопросовъ. Естественно, зашелъ разговоръ о Совдепіи. И вотъ генералъ Курбатовъ, между прочимъ, сказалъ, что весною, вѣроятно, будетъ возможность вернуться на

родину тѣмъ, кому это можно, кто ничего особеннаго не сдѣлалъ большевикамъ, и что уже ведутся переговоры въ этомъ направленіи. При этомъ вскользь намекалось на участіе въ этихъ переговорахъ Франціи. Это выступленіе еще болѣе подорвало бодрость духа и вѣру въ будущее у многихъ казаковъ и число примирившихся, желающихъ ѣхать на родину, значительно возрасло.

Но было и противоположное теченіе, непримиримое, казаковъ, рѣшившихся до конца бороться съ большевиками. И слухи среди нихъ ходили другіе радостныя. Говорили о томъ, что въ Совдепіи всюду возстанія, что атаманъ Струкъ (бывшій полковникъ) занялъ Кіевъ, что генераль Секретевъ почти очистилъ Донскую область отъ большевиковъ и держитъ фронтъ по линіи Лиски Чертково Миллерово, что нужно итти на поддержку и что скоро будетъ мобилизація. Опять говорили о той же Германіи, которая тайно снаряжаетъ оккупационную армію въ Россію, въ которую, кромѣ нашей арміи, войдутъ еще 10 германскихъ корпусовъ. Нѣкоторые, наоборотъ, базировались на французовъ. Были сторонники и американцевъ и японцевъ. Говорили, что совѣтская власть трещитъ и скоро падетъ, и что ждать этого осталось недолго. Такіе казаки рѣшили до конца раздѣлить судьбу арміи и оставаться въ ея рядахъ.

Третье, промежуточное, теченіе людей колеблющихся. Имъ и въ Совдепію ѣхать не хотѣлось и жить въ лагерь было тяжело, невыносимо. Эти бѣжали. Бѣжали часто безъ опредѣленной цѣли, куда бы то ни было, лишь бы только вырваться изъ лагеря. Все равно здѣсь перемремъ, какъ мухи, отъ голода, холеры и разныхъ болѣзней, а то быть можетъ живы какъ нибудь останемся, — рассуждали такіе бѣглецы. Многіе бѣжали въ Грецію на работы, въ Болгарію, о которой ходили самыя утѣшительныя слухи, а нѣкоторые хотѣли пробраться и дальше на сѣверъ, въ Румынію, съ тайной мыслью попасть, затѣмъ, незамѣтно въ Совдепію. Бѣжали и въ одиночку, и партіями. Безъ знанія мѣстности и безъ какого либо опредѣленнаго плана. Иногда доставали себѣ и проводниковъ.

Есть данныя предполагать, что по окрестнымъ деревнямъ, вблизи лагерей, жили группы подозрительныхъ лицъ, возможно — большевистскихъ агентовъ. Они, подъ видомъ проводниковъ являлись въ лагеря, вели пропаганду, склоняли казаковъ къ бѣгству изъ арміи и тутъ же, называясь проводниками, вводили значительныя группы казаковъ.

Судьба бѣжавшихъ неизвѣстна. Безусловно, нѣкоторые изъ нихъ попали и въ Грецію, и въ Болгарію, но много, много разсѣялось или погибло въ пути отъ голода и разбойниковъ, очень многочисленныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, многіе, поскитавшись, истощенные и оборванные, ограбленные и, зачастую, избитые и, даже, раненые, возвращались обратно въ лагерь.

Вотъ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ такого бѣгства: 29-го ноября, въ окрестностяхъ Чилингера, французами была подобраана группа казаковъ съ офицерами, совершенно выбившихся изъ силъ. (Пр. Дон. к. отъ 30/X). Они объяснили, что хотѣли пробраться

въ Болгарію, но не зная дороги, заблудились, не имѣя пищи выбились изъ силъ настолько, что не могли дальше двигаться; что бѣжать они рѣшились вслѣдствіе тяжелыхъ условій жизни въ лагерь, и что бѣжать ихъ окончательно уговорилъ какой-то проводникъ, скрывшійся отъ нихъ въ первые же дни пути.

И все-таки, несмотря ни на что, случаи бѣгства все учащались и учащались. Особенно много стало бѣжать, когда передъ казаками встала необходимость ѣхать на Лемнось, который представлялся имъ чѣмъ то страшнымъ, концомъ всего, могилой.

Но бѣжать рѣшались сравнительно немногіе. Только люди смѣлые, готовые ко всякимъ случайностямъ, рѣшались на бѣгство. Большинство выжидало и настроеніе ихъ вылилось естественнымъ путемъ при записяхъ и отправкахъ въ Бразилію, Совдепію и французскій иностранный легіонъ. Подробно объ этихъ записяхъ будетъ сказано въ особой главѣ настоящаго очерка, здѣсь же можно замѣтить, что количество уѣхавшихъ въ Совдепію, записавшихся въ иностранный легіонъ или Бразилію, стояло въ прямой зависимости отъ условій жизни въ лагерь. Чѣмъ они тяжелѣе, тѣмъ больше уѣзжало и записывалось. Конечно, Чилингиръ здѣсь стоялъ на первомъ мѣстѣ. Такъ, изъ 3300 казаковъ, уѣхавшихъ 13-го февраля въ Совдепію, на долю Чилингира приходилось 1100 казаковъ, изъ Санджакъ-Тепе уѣхало 1357 человекъ и 24 человека изъ Хадемъ-Кіой. Когда открылась запись въ Бразилію, то въ Чилингирѣ въ первые же дни записалось 700 человекъ.

Монотонно и однообразно проходила жизнь въ Чилингирѣ. Вотъ распорядокъ лагернаго дня: 6 часовъ утра... — Вставай!... проносилось изъ края въ край по темнымъ баракамъ. Бараки оживали. Одно за другимъ открывались окна. Ихъ отъ холода закрывали на ночь плетеными изъ прутьевъ щитами и соломой. Въ баракахъ становилось нѣсколько свѣтлѣе. Въ окна врывался слабый утренній полусвѣтъ, а съ нимъ вмѣстѣ сырой и холодный вѣтеръ.

Медленно вставали казаки. Шумъ увеличивался Говоръ, крики, кашель, глубокій, затяжной, злой, чилингирскій; здѣсь большинство кашляло. Свертывались жалкія подстилки изъ болотной травы; тамъ, гдѣ спали, днемъ надо было ходить. — Раздатчики за продуктами!...

Продукты выдавались изъ интендантскаго склада, находившагося на горѣ, у дороги, при въѣздѣ въ деревню. Французскій продуктовый транспортъ приходилъ въ Чилингиръ обыкновенно часа въ 2—3 дня. Продукты сгружались въ особый сарай и на слѣдующее утро уже выдавались въ части. Съ шести утра, а то и раньше, съ жестянками и чувалами раздатчики уже толпились у склада. Продукты въ части выдавались по очереди, по времени прибытія къ складу раздатчиковъ. Поэтому, вопросомъ самолюбія для каждаго изъ нихъ являлось прибыть какъ можно раньше.

Въ началѣ восьмого продукты попадали въ части. Начиналась первая дѣлежка по сотнямъ. Для дѣлежки продуктовъ въ каждомъ полку было отведено особое мѣсто у барака, подъ навѣсомъ. Тутъ же сотенные раздатчики передавали продукты взводнымъ раздатчи-

камъ. Эта дѣлжка была уже сложнѣе, хлопотливѣе. То и дѣло слышалось сакраментальное „кому“?. Дальнѣйшее уже происходило въ баракъ. Самая хлопотливая, самая сложная, самая трудная дѣлжка. Продукты дѣлили на два человѣка, на три, на пять, семь и такъ далѣе, по числу человѣкъ въ группѣ.

Казакъ, для удобства приготовленія пици, готовили группами по нѣсколько человѣкъ. Обыкновенно болѣе семи человѣкъ въ группѣ не бывало. Это объяснялось вмѣстимостью ведра, по казачьи:— „какъ разъ на семерыхъ“.

Раскладывали продукты по кучкамъ тщательно, чуть ли не до одинаго зернышка фасоли или чечевицы. И тутъ то выступало знаменитое лагерное „кому“? Многоголосое, оно носилось по всѣмъ баракамъ, по всему лагерю, неизбежное, ибо безъ него казаку никакъ нельзя было обойтись.

Обычно давали два хлѣба на пять человѣкъ. Понятно, трудно было дѣлить ихъ на равныя части. Къ тому же бывали не одинаковой величины, попадались и цѣлые и раскрошенные. И тутъ „кому“? рѣшало все. Хлѣбъ дѣлили на равныя доли. Одинъ казакъ отвертывался къ нему спиною, другой прикасался рукою къ кускамъ и спрашивалъ: кому? Отвернувшійся называлъ фамилии казаковъ своей группы и хлѣбъ разбирался. Безъ спора, полюбовно.

— Кому? кому? кому? — неслось со всѣхъ сторонъ по бараку, — „минѣ, табѣ, Митрію, Ягору, взводному, ахвицерьямъ“ слышалось отвѣтное.

Между тѣмъ съ ранняго утра уже дымились костры, кипятилась вода. Начиналось чаепитіе. Медленное. Пили не спѣша, стараясь какъ можно долѣе продлить это удовольствіе. Потомъ начиналась уборка бараконъ, площадокъ передъ бараками, отхожихъ мѣстъ. Въ одиннадцатъ часовъ начинались занятія. Строевые — на воздухъ, въ хорошую погоду, словесныя — въ помѣщеніи, въ дурную погоду.

Эти занятія благотворно вліяли на казаковъ, и какъ гимнастика, и какъ средство, поддерживающее воинскій духъ и не дающее казакамъ опускаться. Въ первые дни введенія занятій казаки отнеслись къ нимъ недоброжелательно, ворчали и неохотно выходили изъ бараконъ по командѣ — „выходи на занятія“, но потомъ стали заниматься съ видимымъ удовольствіемъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что къ словеснымъ занятіямъ, поскольку они не являлись чтеніемъ газетъ или бесѣдами по текущему моменту, все время относились холодно.

Въ двѣнадцатъ занятія кончались. Опять дымили костры и казаки хлопотали съ варкой обѣда.

Любопытно меню казачьихъ обѣдовъ. Чтобы хоть какъ-нибудь скрасить опостылѣвшіе фасоль, консервы и чечевицу, казаки придумывали всевозможнѣйшія блюда. Конечно, основнымъ блюдомъ былъ супъ изъ фасоли или чечевицы, или лапша, голушки, размазня изъ муки, все это съ консервами, но были и деликатесы, пирожки, котлеты, были и диковинныя, спеціально чилингирскія блюда. Такъ, на примѣръ, въ Гундоровскомъ и седьмомъ казачьихъ полкахъ былъ въ большомъ ходу „соусъ“. Приготовляли его такимъ образомъ:

въ кипящую воду засыпали кофе; (французы выдавали кофе; пить его казаки не любили, повидимому изъ-за недостатка сахара; поэтому Командованіе ходатайствовало передъ французами о замѣнѣ кофе чаемъ, что и было впоследствии сдѣлано, но, пока что, казаки нашли своеобразное примѣненіе кофе); потомъ туда клали консервы, сдабривали жиромъ, и соусъ готовъ. Нѣкоторые, особенно ужъ тонкіе гастрономы, клали въ этотъ соусъ еще и подболтку изъ муки.

Но, ко всему этому надо добавить, что все-таки казаки не наѣдались. Недостачу эту нельзя было компенсировать и хлѣбомъ, такъ какъ его также выдавалось очень мало.

Послѣ обѣда происходило мытье бѣлья, уборка площадокъ передъ бараками, постройка землянокъ и другія хозяйственныя работы. Варили чай, котораго, ввиду холодной погоды, пили большое количество. Такъ продолжалось до семи часовъ.

Въ семь — зоря и молитва. Въ дурную погоду въ баракахъ, въ хорошую — на воздухъ, передъ бараками.

Звонко разносилась по окрестнымъ горамъ „зоря“ и широко, плавно и стройно лилась изъ тысячи казачьихъ грудей молитва и гимнъ „Всколыхнулся, взволновался православный тихій Донъ“.

Быстро проходилъ короткій вечеръ. Кое-гдѣ по площадкамъ еще догорали костры. Къ девяти уже все кончалось. Лагерь засыпалъ.

Такъ продолжалось изо дня въ день.

Нѣкоторое разнообразіе въ жизни лагеря вносила „толкучка“. Сюда сходились со всѣхъ бараконъ и знакомыхъ повидѣть, и „новости“ узнать, и спустить что либо. Десятью девять сотыхъ всѣхъ „новостей“ безусловно исходило отъ толкучки, большая часть вещей спускалась тамъ же.

Съ раняго утра уже толпился народъ на площади въ деревнѣ, немного пониже интендантскихъ складовъ. Съ сапогами, штанами, бѣльемъ, часами и прочими вещами въ рукахъ, а нѣкоторые и такъ, безъ всего. Тутъ же раскладывали рядами свои незатѣпливые товары — хлѣбъ, табакъ, спички, бумагу и тому подобное новоявленные торговцы — казаки, главнымъ образомъ — изъ бѣженцевъ. По толкучкѣ шныряли скупщики, турки, греки и свои же, русскіе, бѣженцы-спекулянты, за безцѣнокъ скупавшіе у казаковъ ихъ вещи и сплавлявшіе ихъ въ Константинополь. Сдѣлки шли широкимъ темпомъ. Въ руки скупщиковъ попадало много казачьяго добра.

Тщетны были мѣропріятія начальства прекратить это ограбленіе казаковъ, голодный желудокъ настойчиво требовалъ свое и казаки „загоняли“ и „загоняли“ все, что имѣли, чтобы на вырученныя деньги купить хлѣба, мамалыги или еще чего-либо съѣстного.

Вотъ выдержка изъ приказа Донскому корпусу отъ 3-го декабря за № 5: „въ районѣ лагерей и станціи Хадемъ-Кіой идетъ постыдная продажа казаками казеннаго обмундированія, бѣлья и обуви. Продають или мѣняють шинели, фуфайки, ботинки, — все то, въ чемъ такая вопіющая нужда у честныхъ благородныхъ казаковъ, а черезъ недѣлю негодяй, продавшій вторую смѣну бѣлья, заявляетъ мнѣ,

что ему не во что переодѣться, что онъ раздѣтъ и обездоленъ. Я караю военно-полевымъ судомъ тѣхъ, кто пойманъ на мѣстѣ продажи казеннаго имущества. Но я безсиленъ бороться съ тайной продажей, которую могутъ прекратить сами казаки, понимающіе, что при такомъ хищеніи казеннаго имущества, мы всегда будемъ босы и голы. И продаетъ, въ большинствѣ, молокососъ 1918—1922 года, обыкновенно окольными путями избѣжавшій обязательной службы въ постоянной арміи и потому выросшій безъ всякой школы и внутренняго духовнаго воспитанія. Къ Вамъ, отцы, славные честные казаки, обращаюсь я за помощью въ борьбѣ съ постыдной продажей казеннаго обмундированія и бѣлья. Помогите своимъ отеческимъ внушеніемъ малому, свихнувшемуся съ честной дороги казаку. Заставьте его быть такимъ же честнымъ, какъ Вы; а ежели не слушаетъ слова, то карайте преданіемъ суду. Я приказалъ всѣхъ шатающихся по рынку и улицамъ Хадемъ-Кіоя казаковъ и солдатъ съ предметами казеннаго обмундированія, бѣлья и обуви въ рукахъ, арестовывать, а казенныя вещи отбирать для передачи дѣйствительно неимущимъ".

Начальство лагеря въ свою очередь принимало мѣры — разогнало толкучки, арестовывало продавцовъ и скупщиковъ, отбирало продаваемое казенное обмундированіе, но это, опять таки, не приводило къ желательныхъ результатамъ. Разогнанная въ одномъ мѣстѣ, толкучка собиралась въ другомъ, или было еще хуже: скупщики ходили по баракамъ и скупали вещи. Тутъ вещи продавались буквально уже за безцѣнокъ. На толкучкѣ все-таки устанавливалась известная рыночная цѣна, здѣсь же она всецѣло зависѣла отъ жадности скупщика и твердости казака, но, въ общемъ то, цѣна была крайне низкая. Такъ, на примѣръ, дамскіе золотые часы продавали за 1—2 лиры, браслеты, серьги, золотыя броши и обручальныя кольца — по 40—50 піастровъ.

Большую роль въ жизни лагеря, въ частности, толкучки, какъ это было уже сказано играли бѣженцы. Бѣженцы, надо правду сказать, являлись бичемъ строевыхъ частей. Ушедши изъ арміи, не связанные дисциплиной, они опустились. Грязные, неряшливо одѣтые, они всѣмъ видомъ своимъ показывали, что они теперь люди независимые. Обычную работу по наряду, по уборкѣ лагеря и бараковъ, они исполняли кое-какъ, нехотя, зачастую съ ругательствами и всегда съ длинными разсужденіями о томъ, что имъ это дѣлать не полагается, что начальство строевое совершаетъ надъ ними насиліе и что они ему „теперь не подчинены“. Безусловно, бѣженцы дѣйствовали деморализующе на строевыя части и чтобы избѣжать этого, Командованіе всячески старалось отдѣлать ихъ отъ строевыхъ частей и сконцентрировать въ особыхъ лагеряхъ.

Откуда же появились эти бѣженцы? Составъ ихъ былъ необычайно пестрый. Прежде всего здѣсь были гражданскіе бѣженцы. Какъ указано въ началѣ этого очерка, въ районѣ Константинополя было высажено 6515 человекъ гражданскихъ бѣженцевъ-донцовъ. Часть ихъ была отправлена въ славянскія страны, часть разсѣяна въ районѣ Константинополя, а часть — 1880 человекъ попала въ лагери

района Чаталджи, причемъ на Чилингиръ приходилось первоначально 1396 бѣженцевъ гражданскихъ лицъ, женщинъ, стариковъ, инвалидовъ и дѣтей.

Съ первыхъ же дней это число начало быстро увеличиваться. 30-го ноября по Донскому корпусу былъ объявленъ приказъ Главнокомандующаго отъ 21-го ноября за № 4185, по которому цѣлый рядъ воинскихъ чиновъ, не получившихъ штатныхъ назначеній, а также всѣ имѣвшіе категоріи 3-го и 4-го разрядовъ, переводились на бѣженское положеніе. При штабахъ дивизій и при сборныхъ командахъ отъ управленій и учрежденій, не входившихъ въ составъ дивизій, учреждены были особыя комиссіи по переводу на бѣженское положеніе. Эти же комиссіи производили медицинское освидѣтельство лицъ, желающихъ по состоянію своего здоровья перейти на это положеніе.

Въ послѣдующее время много воинскихъ чиновъ переводилось на бѣженское положеніе по усмотрѣнію начальства за антидисциплинарное поведеніе и за проступки, не совмѣстимые съ воинскимъ званіемъ.

Въ отношеніи общаго управленія лагеремъ бѣженцы подчинялись военному начальству, для внутренняго же управленія были образованы выборные комитеты въ составѣ 3—5 человекъ. Но особеннымъ авторитетомъ эти комитеты не пользовались и все-таки единственнымъ регулирующимъ и сдерживающимъ началомъ являлась военная власть.

Отдѣленіе бѣженцевъ отъ строевыхъ частей началось съ первыхъ же дней расселенія по лагерямъ. Въ частности изъ Чилингира въ Хадемъ-Кіюй уже съ декабря начали переселять семейныхъ бѣженцевъ. Этому переселенію помѣшала вспыхнувшая въ Чилингирѣ холерная эпидемія и установленіе въ связи съ этимъ 15-го декабря карантинъ, такъ что успѣло переселиться очень незначительное число бѣженцевъ. Въ серединѣ января, числа 15—17-го изъ лагеря Санджакъ-Тепе убыла на о. Лемносъ часть находившихся тамъ строевыхъ частей и на о. Халки и въ другіе лагеря въ районѣ Константинополя часть бѣженцевъ. Къ тому же времени карантинъ былъ снятъ. Намѣсто уѣхавшихъ была переселена изъ Чилингира часть строевыхъ частей и почти всѣ бѣженцы, такъ что въ Чилингирѣ ихъ осталось всего лишь нѣсколько сотъ человекъ, а всего въ лагерь къ тому времени осталось около 4000 человекъ.

Жизнь въ лагерь пошла нѣсколько лучше. Не было уже той скученности, какая наблюдалась въ первые дни. Въ баракахъ большинство казаковъ построило себѣ ложе изъ камней, хвороста и болотной травы, очень много казаковъ переселилось въ землянки. Вообще казаки обжились, обстроились, пообзавелись хозяйствомъ. Жизнь постепенно налаживалась. Съ отходомъ бѣженцевъ сократилась и толкучка. Но по прежнему однообразно проходили дни, по прежнему было нудно и тоскливо.

Лишь изрѣдка нарушалось обычное теченіе лагерной жизни. Въ первыхъ числахъ декабря въ Чилингиръ пріѣхалъ уполномо-

моченный В. С. Г. Зеллеръ. Это было въ самое тяжелое время жизни лагеря. Пріѣздъ Зеллера нѣсколько пріободрилъ казаковъ, показалъ имъ, что армія не брошена на произволь судьбы, не предоставлена самой себѣ, а что о ней заботятся и широкіе общественные круги.

Въ январѣ въ Чилингирѣ пошли упорные слухи о близкомъ пріѣздѣ Атамана. Къ этому подготовлялись. Начисто выскребались площадки передъ бараками, убирались бараки, казаки приводили въ порядокъ одежду, чинили, штопали, чистили шашки.

Лица замѣтно повеселѣли. Какъ будто исчезла лѣтняя апатія ко всему, движенія стали быстрыми, увѣренными, видъ бодрый. Пріѣздъ Атамана оживилъ казаковъ. Опять проснулись, съ новой силой заговорили надежды на возвращеніе на родину. Повѣяло Дономъ.

3-го января была репетиція парада. Всѣ полки дивизіи, въ новыхъ однообразныхъ бѣлыхъ погонахъ были выведены въ поле, за деревню. Командовалъ генералъ Гусельщиковъ. Не узнать было казаковъ. Это уже были не полуголодные бѣженцы, влачащіе жалкое существованіе въ грязныхъ и темныхъ баракахъ, это были воины, крѣпкіе духомъ и сильные волей, воскресшіе чудо-богатыри, готовые снова пойти на подвигъ, въ бой, по зову своего Атамана.

Вечеромъ 4-го по лагерю разнеслась вѣсть — Атаманъ пріѣхалъ. Немного позже по полкамъ было разослано приказаніе по дивизіи о пріѣздѣ Атамана, о встрѣчѣ его и о парадѣ.

Около восьми утра 5-го января полки шпалерами были выстроены на лугу, вдоль дороги въ Хадемъ-Кіюй. Казаки подтянулись. Всѣ въ бѣлыхъ однообразныхъ погонахъ, они производили хорошее впечатлѣніе. На лѣвомъ флангѣ, въ конномъ строю, съ саблями на-голо, помѣстился эскадронъ сенегальцевъ.

Медленно тянулось время, томительно было ожиданіе. А вдругъ не пріѣдетъ? А что если французы не пустятъ? — проносилось въ головѣ у cadaго. Объ этомъ же были разговоры и накунѣ. Наконецъ, посланный на бугорокъ, казакъ далъ сигналъ. Атаманъ ѣдетъ. — Сми-и-и-и-р-р-р-но-о!... — пронеслось по полкамъ. Все застыло, замерло.

Вотъ изъ-за ближайшаго перевала дороги показалась группа всадниковъ. Ёхали рысью. Ближе. Уже видны лица. Впереди Атаманъ, съ нимъ вмѣстѣ — Командиръ Корпуса. — Ура-а, ур-ра-а, ур-ра-а, понеслось по рядамъ. Съ неизмѣнной привѣтливой улыбкой Атаманъ, здороваясь, объѣзжалъ полки. Могучее ура неслось ему вслѣдъ, вспыхивая то тамъ, то здѣсь съ новой силой.

Дождались казаки своего Атамана, увидѣли своего Корпуснаго Командира, которыхъ, какъ ходили слухи, до сего времени къ нимъ „французы не пускали“, и вся радость ихъ выливалась въ несмолкаемомъ, безконечномъ ура. Даже французамъ что-то скомандовалъ ихъ капраль (офицеръ сопровождалъ Атамана) и они взяли сабли на-караулъ.

Парада не было. Атаманъ приказалъ загнуть фланги и казаки тѣснымъ кольцомъ обступили его. Атаманъ обратился къ нимъ съ

рѣчью. Онъ говорилъ о тяжеломъ положеніи Арміи, объ отношеніи Французовъ, о томъ, что главной заботой его Атамана и высшаго командованія является переселеніе Арміи въ родственныя намъ славянскія страны, говорилъ о внутреннемъ положеніи Россіи, призывалъ не терять духа и вѣрить въ будущее и довѣрять начальникамъ. Казаки и офицеры обратились къ нему съ многочисленными вопросами и Атаманъ просто и внятливо отвѣчалъ каждому.

Невольно зашла рѣчь на волновавшую всѣхъ тогда тему — о Лемнось, или, какъ казаки называли его о „Ломоносъ“. Атаманъ сказалъ, что есть два выхода: или подчиниться французамъ и ѣхать на Лемнось, или отказаться отъ поѣздки. При первомъ рѣшеніи ждетъ невѣдомая и, во всякомъ случаѣ, не сладкая жизнь на островѣ, во второмъ — острый конфликтъ съ французами. — „Конечно, говорилъ Атаманъ, силою васъ французы не могутъ повезти на островъ, особенно, если мы будемъ крѣпки и сплочены; возможно, что съ цѣлью понудить васъ подчиниться имъ, они перестанутъ васъ кормить; хотя я не допускаю возможности, что французы совсѣмъ перестанутъ кормить тысячи людей, думаю, что только нѣсколько дней вѣроятно не будутъ выдавать продовольствія, но нужно выдержать это и мы можемъ остаться на материкѣ; главное, это въ томъ, насколько мы будемъ крѣпки и сплочены“. Въ отвѣтъ казаки единогласно заявили, что они готовы на что угодно, даже на голодовку или поѣздку на Лемнось — какъ имъ укажетъ Атаманъ и начальство.

Вскорѣ Атаманъ простился съ казаками и уѣхалъ. Возбужденные, на тысячу ладовъ толкуя слова Атамана, казаки разошлись по баракамъ и принялись за обыденныя занятія.

Къ мѣсту замѣтитъ, что пріѣздъ Атамана въ Чилингиръ былъ чуть ли не въ первый день снятія карантина и что много было разговоровъ и треній съ французами, прежде чѣмъ они разрѣшили Атаману поѣздку въ Чилингиръ.

21 января, вечеромъ, когда уже большинство спало, Чилингиръ былъ разбуженъ криками — пожаръ, пожаръ!...

Въ тѣ дни стояла холодная погода, выпалъ снѣгъ, былъ морозъ, дулъ рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ. Казаки усиленно топили самодѣлковые печи, около которыхъ и грѣлись. И вотъ отъ одной изъ такихъ печей, отъ несовершенства дымовой трубы, сдѣланной изъ консервныхъ банокъ, загорѣлась балка въ баракъ, занятомъ бѣженцами. На это во-время не обратили вниманія и, раздуваемое вѣтромъ, пламя быстро охватило большую часть крыши.

Большинство бѣженцевъ въ баракъ, какъ сказано, уже спали. Полураздѣтые, выскакивали казаки на морозъ, въ окна выбрасывались вещи. Изъ сосѣднихъ бараконъ также начали выбираться. Скоро къ мѣсту пожара собрался весь лагерь.

Водохранилищъ на случай пожара не было. Вода была далеко, ведеръ недостаточно и заливать огня было нечѣмъ. Единственно, что можно было сдѣлать, это разбирать горящую крышу. Въ какихъ нибудь полчаса отъ барака остались только стѣны.

Большое оживленіе вносили въ жизнь лагеря записи въ Совде-

вію и Бразилію. Казаки въ эти дни забывали свои обыденныя хлопоты, собирались кучками и на всѣ лады обсуждали - ѣхать или не ѣхать, записываться или не записываться.

По снятіи карантина інформаціоннымъ отдѣленіемъ Штаба Донского Корпуса въ полкахъ были открыты бібліотеки-читальни, куда постоянно доставлялись свѣжіе газеты и журналы. Цѣлыми днями толпились казаки въ читальняхъ, тутъ же шумно дѣлясь впечатлѣніями о прочитанныхъ новостяхъ. Устраивались лекціи, доклады, но, благодаря не совсѣмъ удачному подбору темъ, посѣщались они казаками слабо; посѣтителеми ихъ, главнымъ образомъ, были офицеры.

Въ среднихъ числахъ января въ Чилингирѣ открылась дивизионная лавка, что значительно сократило аппетиты мѣстныхъ спекулянтовъ. Товаръ для этой лавки, какъ и для всѣхъ, вообще, лавокъ въ лагеряхъ Донского корпуса, былъ выданъ Отдѣломъ Снабженія Р. А., съ тѣмъ, чтобы вырученныя за продажу деньги обращались на покупку новаго товара и на обороты лавокъ. Продавцами были назначенные для этого офицеры - по одному отъ cadaго полка. Лавка вызвала большое сочувствіе у обитателей лагеря и съ ранняго утра и до поздней ночи около нея стояла длинная очередь.

Съ весной въ Чилингирѣ пришло приказаніе ѣхать на Лемнось. 20-го марта уже начались сборы. Весь день 21-го прошелъ въ хлопотахъ. Разбирались землянки. Все деревянное изъ нихъ извлекалось. Казаки, зная о недостаткѣ топлива на Лемнось, забирали съ собой все, что только могло служить топливомъ. Все, до самодѣльной посуды изъ консервныхъ банокъ, включительно, увязывалось, все это тащилось на Лемнось.

Вечеромъ всѣ тяжелыя вещи, женщины и тѣ, кто не могъ пѣшкомъ дойти до станціи, были отправлены въ Хадемъ-Кіюй. Бѣженцы еще заранѣе были переведены въ лагерь Санджакъ-Тепе. Многіе совсѣмъ не спали въ ту ночь. Вскорѣ послѣ полуночи по всему лагерю зажглись костры, казаки варили пищу - послѣдній разъ въ Чилингирѣ. Рано утромъ, еще до разсвѣта, все уже готово было къ выступленію и, около пяти утра, полки выступили на станцію.

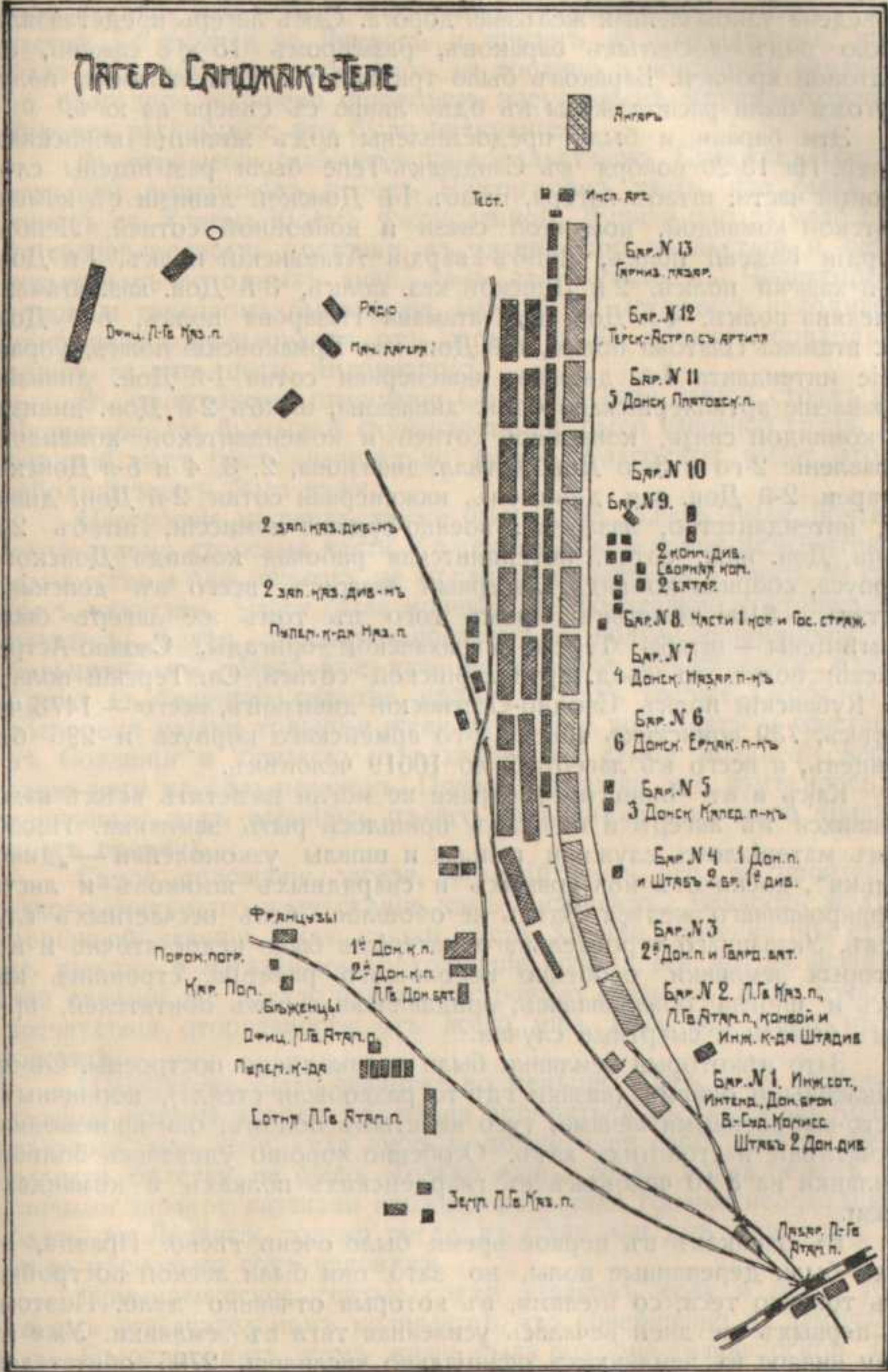
Чилингирѣ опустѣлъ.

III.

САНДЖАКЪ-ТЕПЕ.

Лагерь Санджакъ-Тепе былъ расположенъ въ полутора километрахъ отъ станціи Хадемъ-Кіюй. Прежде здѣсь была турецкая деревенька, отъ которой теперь осталось только одно названіе. Она была совершенно уничтожена во время войны 1912 года. Эта мѣстность входила въ раіонъ знаменитыхъ чаталджинскихъ позицій. Все здѣсь носило слѣды войны. Безконечные ряды проволочныхъ загражденій, окопы, заброшенные узкоколейки со ржавыми рельсами, воронки отъ снарядовъ, все говорило о войнѣ. Раньше здѣсь была,

ЛАГЕРЬ САНДЖАКЪ-ТЕЛЕ

повидимому, военная база. Отъ станціи Хадемъ-Кіюй до лагеря была проведена узкоколейная желѣзная дорога. Самъ лагерь представлялъ собою рядъ досчатыхъ бараконъ, размѣромъ 15 X 8 сажени, съ желѣзной кровлей. Бараконъ было тринадцать. Они легкимъ полукругомъ были расположены въ одну линію съ сѣвера на югъ.

Эти бараки и были предоставлены подъ жилища воинскихъ частей. На 13/26 ноября въ Санджакъ-Тепе были размѣщены слѣдующія части: штабъ лагеря, штабъ 1-й Донской дивизіи съ комендантской командой, командой связи и конвойной сотней, Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ, Лейбъ-Гвардіи Атаманскій полкъ, 1-й Донской казачій полкъ, 2-й Донской каз. полкъ, 3-й Дон. каз. атамана Каледина полкъ, 4-й Дон. каз. атамана Назарова полкъ, 5-й Дон. каз. атамана Платова полкъ, 6-й Дон. каз. Ермаковскій полкъ, управленіе интенданта 1-й дивизіи, инженерная сотня 1-й Дон. дивизіи, управленіе артиллерійскаго брон. дивизиона, штабъ 2-й Дон. дивизіи съ командой связи, конвойной сотней и комендантской командой, управленіе 2-го и 3-го Дон. артилл. дивизиона, 2, 3, 4 и 5-я Донскія батареи, 2-й Дон. зап. дивизионъ, инженерная сотня 2-й Дон. дивизіи, интендантство, лазаретъ, военно-судныя комиссіи, штабъ 2-й арміи, Дон. инж. сотня, интендантская рабочая команда Донского корпуса, сборная команда, лагерный лазаретъ, всего въ донскихъ частяхъ — 8106 человекъ; кромѣ того въ томъ же лагерь были размѣщены — штабъ Терско-Астраханской бригады, Сводно-Астраханскій полкъ со свод. артиллерійской сотней, Св. Терскій полкъ, Св. Кубанскій полкъ, Сводно-Осетинскій дивизионъ, всего — 1478 человекъ, 739 воинскихъ чиновъ 1-го армейскаго корпуса и 296 бѣженцевъ, а всего въ лагерь было 10619 человекъ.

Какъ и въ Чилингирѣ, бараки не могли вмѣстить всѣхъ находившихся въ лагерь и казакамъ пришлось рыть землянки. Пособнымъ матеріаломъ служили рельсы и шпалы узкоколейки — „диковильки“, доски отъ консервныхъ и снарядныхъ ящиковъ и листы гофрированнаго желѣза. Здѣсь не обошлось безъ несчастныхъ случаевъ. Указаннаго строительнаго матеріала было недостаточно и нѣкоторыя землянки, особенно небольшого размѣра, строились кое какъ и иногда обваливались, придавливая своихъ обитателей, причемъ бывали и смертные случаи.

Зато нѣкоторыя землянки были великолѣпно построены. Съ застекленными окнами (казаки гдѣ-то раздобыли стекла), кирпичными чисто-выбѣленными печами, туго набитымъ поломъ, они производили впечатлѣніе настоящихъ хатъ. Особенно хорошо удавались большія землянки на 8-10 человекъ въ гвардейскихъ полкахъ и командахъ связи.

Въ баракахъ въ первое время было очень тѣсно. Правда, въ нихъ были деревянные полы, но зато они были легкой постройки, изъ тонкаго теса, со щелями, въ которыя отчаянно дуло. Поэтому съ первыхъ же дней началась усиленная тяга въ землянки. Уже къ 6-му января въ землянкахъ официально числилось 2795 обитателей, причемъ цѣлый рядъ землянокъ былъ еще въ періодъ постройки.

Въ концѣ концовъ изъ тринадцати бараконъ населенными остались три или четыре, остальные, будучи пустыми послѣ отъѣзда частей I й дивизіи на Лемносъ и никѣмъ не охраняемыми, начали было подвергаться расхищенію на топливо и постройку землянокъ, но благодаря во время принятымъ энергичнымъ мѣрамъ Командира Корпуса расхищеніе это было прекращено.

Въ отношеніи снабженія продовольствіемъ Санджакъ-Тепе значительно выигрывалъ передъ Чилингиромъ тѣмъ, что былъ соединенъ съ Хадемъ-Кіоемъ узкоколейкой. Дурная погода мало вліяла на своевременность доставки въ лагерь продовольствія и онъ не испытывалъ голодныхъ дней, какъ это бывало въ Чилингирѣ. Съ водою и топливомъ было хуже. Ближайшій источникъ находился на разстояніи полукилометра отъ лагеря, а за дровами приходилось ходить за пять-шесть километровъ.

Въ санитарномъ отношеніи Санджакъ-Тепе также стоялъ выше Чилингира. Не было той скученности, не было навозной грязи. Да и внѣшній видъ былъ значительно лучше. Благодаря всему этому и заболѣваемость была ниже.

Настроеніе казаковъ также было иное. Здѣсь были почти исключительно строевыя части, бѣженцевъ было самое незначительное количество и они, понятно, не могли деморализующе вліять на строевыхъ казаковъ. Части были конныя, исключительно состоявшія изъ казаковъ, болѣе дисциплинированныя и болѣе непримиримыя къ большевикамъ. Настроеніе ихъ было болѣе воинственное, вѣра въ Армію, въ будущее, сильнѣе, крѣпче, и духъ тверже. Особенно первое время казаки только и жили слухами о волненіяхъ и возстаніяхъ въ Совдепіи и близкою возможностью, самое позднее — весной, снова итти на большевиковъ. Позже настроеніе это измѣнилось, что произошло подъ вліяніемъ цѣлаго ряда внѣшнихъ, чисто привходящихъ причинъ.

Самое положеніе лагеря, внѣшній видъ его, не производили такого гнетущаго впечатлѣнія, какъ Чилингирѣ. Близость желѣзнодорожной станціи, куда казаки часто ходили, поселка при станціи съ лавками и магазинами, проходившіе поѣзда, все это въ значительной степени не давало падать настроенію казаковъ и не создавало впечатлѣнія оторванности отъ всего міра, какъ это было въ Чилингирѣ.

И побѣговъ было значительно меньше. Тутъ уже бѣжали отчаянныя головы, твердо рѣшившія пробраться въ Болгарію, Константинополь, или еще куда либо и обдумавшія свой побѣгъ. Безразсуднаго бѣгства не было. Только лишь тогда, когда передъ запуганными заранѣе казаками неожиданно встала грозная необходимость ѣхать на Лемносъ, только тогда въ одну или двѣ ночи сразу убѣжало нѣсколько сотъ человекъ.

Примиренческое теченіе среди казаковъ если и было, то въ такомъ незначительномъ количествѣ, что совершенно не замѣчалось.

Въ остальномъ всемъ жизнь была подобна чилингирской. Та же дѣлежка продуктовъ, то же многоголосное „кому?“, та же толкучка,

тѣ же костры и варка пици, то же дрожаніе на холодѣ и подъ дождемъ чуть ли не по цѣлымъ днямъ; только обитатели землянокъ были избавлены отъ этого, такъ какъ готовили пищу на очагахъ въ землянкахъ.

Большое оживленіе въ жизнь лагеря вносилъ театръ. Онъ былъ оборудованъ въ одномъ изъ пустыхъ бараконъ. Занавѣсъ и декорациі замѣнили только что выданныя американцами одѣяла. Сидѣньемъ служили рельсы и шпалы узкоколейки. Откуда-то достали сборную, разбитую и оборванную, облѣзлую мебель. Освѣщеніе было убогое, въ баракѣ холодно, въ щели отчаянно дуло, но всѣ эти недостатки сглаживались игрою артистовъ.

Собранная изъ любителей труппа такъ сыгралась, относилась къ дѣлу съ такимъ вниманіемъ, серьезностью, съ такою любовью, такъ дружно разыгрывала незамысловатыя пьески, что театръ былъ всегда полонъ и артистовъ награждали аплодисментами. Изъ любителей же составилъ струнный оркестръ. Плата за входъ въ театръ была минимальная, по нѣсколько піастровъ, лишь бы окупить расходы по постановкѣ пьесы.

Информационнымъ отдѣленіемъ Штаба Корпуса въ Санджакъ-Тепе, какъ и въ другихъ лагеряхъ, были открыты читальни, дѣлались доклады, читались лекціи. Были открыты школы грамоты для казаковъ и общеобразовательные курсы для офицеровъ.

Среди казаковъ и, даже, офицеровъ въ значительной степени было развито занятіе ремеслами, которымъ они, попутно, усиленно обучались. Главнымъ образомъ было развито сапожное дѣло, но, въ то же время, дѣлали все, и ложки, и чемоданы, и посуду разную и кружки.

Часть бараконъ вначалѣ была занята снарядами и казакамъ пришлось сносить ихъ въ одно мѣсто, около французской казармы. Много снарядовъ было взято себѣ казаками, много снарядовъ просто было разбросано по лагерю еще до ихъ прихода. На этой почвѣ возникъ своеобразный промыселъ: казаки разряжали снаряды. Гильзы шли на разныя хозяйственные подѣлки, порохъ и шрапнель продавали или употребляли для охоты.

Это, конечно, не проходило даромъ. Отъ неумѣлаго обращенія снаряды иногда взрывались и убивали казаковъ. Такихъ случаевъ было нѣсколько, но это не могло остановить промысла. И разряжали то ихъ, притомъ, самымъ варварскимъ образомъ, безъ всякихъ инструментовъ, гвоздемъ, шиломъ и молоткомъ. Зачастую можно было видѣть казака, сбивающаго молоткомъ головку снаряда или обивающаго гильзу, и вокругъ него другихъ казаковъ, съ любопытствомъ слѣдившихъ за нимъ. О томъ, что снарядъ можетъ каждую секунду взорваться — конечно, не думалось. Видно Господь хранилъ казаковъ, что за все время взорвалось только нѣсколько снарядовъ.

Вотъ изъ этихъ то гильзъ отъ снарядовъ и дѣлались кружки, котелки, чайники, кофейники, письменные приборы и, даже, разныя украшенія и бездѣлушки. Въ выдѣлкахъ этихъ казаки обнаруживали много искусства и художественнаго вкуса. Глазамъ не вѣрилось, глядя

на всѣ эти подѣлки, что онѣ сдѣланы не специалистами мастерами, а воинами-казаками, лишь временно выпустившими оружiе изъ рукъ, и, притомъ, сдѣланы самыми примитивными инструментами.

Въ окрестностяхъ лагеря, по болотамъ, водилось немало дичи и нѣкоторые казаки занимались охотой; порохъ и свинецъ добывали изъ снарядовъ, ружья покупались, но у многихъ были привезенныя съ собою изъ Крыма. Дичь охотно раскупалась мѣстнымъ населенiемъ и французами. Часто можно было видѣть на станціи Хадемъ-Кіой казаковъ, продающихъ битую дичь. Большое количество дичи сплавлялось въ Константинополь особо предприимчивыми казаками — посредниками. Нѣкоторые занимались рыболовствомъ на озерѣ Дер-косъ, находящемся въ пяти-шести километрахъ отъ лагеря.

Жизнь въ Санджакъ Тепе, какъ и въ другихъ лагеряхъ, текла, въ общемъ, монотонно, лишь изрѣдка нарушаясь какимъ либо событiемъ. 6-го января лагерь посѣтилъ Донской Атаманъ. Былъ парадъ войскамъ. Послѣ парада Атаманъ обратился къ казакамъ съ рѣчью, такого же приблизительнаго содержанiя, какъ и въ Чилингирѣ. Такъ же восторженно встрѣчали его казаки, то же громкое раскатистое ура, тѣ же разговоры о „Ломонось“.

И вотъ онъ, наконецъ, подошелъ страшный и таинственный „Ломонось“ и всталъ передъ казаками бытiемъ завтрашняго дня.

Приказомъ Донскому Корпусу отъ 10-го января предписывалось, согласно распоряженiю французскаго командованiя, лагерь Донского Корпуса и бѣженцевъ, перешедшихъ на это положенiе по эвакуаціи Арміи изъ Крыма, переселить на островъ Лемнось. Первымъ днемъ перевозки было назначено 11-е января, при чемъ съ первымъ эшелономъ должны были отправиться Штабъ Корпуса и часть Санджакскаго лагеря, при погрузкѣ указывалось брать съ собою лопаты, топоры, пилы, кухни, котлы, бочки, печи, доски и перекрытiя, выданныя для оборудованiя землянокъ и барачковъ.

Обычное теченiе лагерной жизни было нарушено, выбито изъ своей колеи. На всѣ лады обсуждали взволнованные казаки создавшееся положенiе. Лемнось, бывший все время темой безконечныхъ разговоровъ, страшной сказкой, сдѣлался явью.

Еще въ декабрѣ, когда казаки впервые узнали о существованiи на землѣ Лемноса и о возможности поѣздки туда, самые фантастическіе, нелѣпыя слухи ходили объ этомъ островѣ. Главной темой разговоровъ было отсутствiе воды на островѣ. — „А островъ то этотъ, братцы, — говорили казаки — голый, каменистый, среди моря, и нѣтъ тамъ ни деревца, ни травы. И воды питьевой нѣтъ. Воду на пароходахъ привозятъ и каждому человѣку полстакана въ сутки выдается“. — Нѣкоторые шли еще дальше: — „а какъ непогода, то волны черезъ островъ перекатываются и людей въ море смываютъ; а ужъ кубанцы почти перемерли всѣ; даже закапывать некому, такъ покойники по острову и валяются; гниютъ. Французы говорятъ, вотъ прiѣдутъ донцы — закопаютъ“. — „А потомъ, значитъ, и донцамъ помирать“ — вставлялось чье либо замѣчанiе. — „А вотъ такихъ то, — называли, обыкновенно, рядъ фамилій станичниковъ, — американцы

въ Константинополь въ больницу свезли. Выздоровѣли, французы имъ говорятъ — опять на Лемнось, помирать, значить; но только они уперлись, стрѣляйте насъ тутъ, говорятъ, все равно помирать, а на Лемнось не поѣдемъ. Подумали, подумали французы, нельзя же въ Константинополь людей стрѣлять, махнули рукой, ну и повезли сюда; они теперь въ Чилингиръ (Кабакджъ) живутъ; они то и рассказывали". — „Правильно, — заключали казаки, — лучше ужъ тутъ помереть, чѣмъ на Лемнось ѣхать, муку принимать". Говорили, что на островѣ водится много змѣй, скорпионовъ, пауковъ и гадовъ разныхъ, которые на смерть жалятъ людей; что невиданныя чудовища осьминоги вылѣзаютъ изъ моря и нападаютъ на людей. Вообще Лемнось представлялся всѣмъ страшной могилой. И это „лучше ужъ тутъ помирать, чѣмъ на Лемнось ѣхать, муку принимать", захватило всѣ казачьи умы, сдѣлалось доминирующимъ настроеніемъ.

Кромѣ того, къ тому времени казаки обжились въ лагеряхъ, поустроились, затративши на это массу труда и времени, и не имѣли уже никакого желанія ѣхать на Лемнось, справедливо опасаясь полной безпомощности на островѣ, вдали отъ материка, гдѣ „ничего нѣтъ".

Начальство лагеря, со своей стороны, ровно ничего не предпринимало къ успокоенію казаковъ и къ правильному освѣщенію жизни на Лемнось. Жизнь на материкѣ, близость Константинополя, куда много и часто они ѣздили, постоянно свѣжія газеты и разныя извѣстія, наконецъ — событія въ Совдепіи и возможность новаго открытія военныхъ дѣйствій, какъ многимъ изъ нихъ казалось, а съ другой стороны, отсутствіе даже самыхъ общихъ свѣдѣній о Лемнось, все это заставляло начальниковъ поддерживать создавшееся настроеніе казаковъ.

Были и другія причины. Здѣсь, на материкѣ, будучи однимъ цѣлымъ, казаки представляли собою извѣстную силу, способную, въ крайности, и на активныя дѣйствія, съ чѣмъ французы не могли не считаться. На Лемнось, въ водяной темницѣ, французы могли голодомъ поработить казаковъ, простымъ сокращеніемъ пайка заставить казаковъ слѣпо повиноваться имъ и сдѣлать съ ними что угодно.

А нѣкоторые начальники прямо-таки будировали казачью массу, подстрекая ее къ прямому неподчиненію не только распоряженіямъ французовъ, но и своего командованія, обѣщали казакамъ „прорваться" куда-то, вывести ихъ въ Грецію, Болгарію или другія обѣтованныя страны, обѣщали, наконецъ, итти съ ними „въ Россію", даже возстанавливали казаковъ противъ высшаго командованія и призывали ихъ къ вооруженному сопротивленію французамъ, что и привело къ описанному ниже печальному событію. Объ этомъ было произведено подробное разслѣдованіе; въ задачу настоящаго очерка не входитъ описаніе данныхъ этого разслѣдованія; можно сказать лишь, что виновные были установлены и наказаны.

Приказъ по корпусу отъ 10-го января, гдѣ указывалось брать съ собою все, что только можно было, до строительныхъ матеріаловъ включительно, какъ бы подтверждалъ опасенія казаковъ, что на островѣ „ничего нѣтъ".

Въ приказъ по Корпусу отъ 11-го января говорилось: сего числа мною получена слѣдующая телеграмма изъ Константинополя отъ Начальника Штаба Главнокомандующаго Генерала-отъ-кавалеріи Шатилова отъ 1 часа 2 января: „Командиру Донского Корпуса. Ввиду полученія изъ Парижа увѣдомленія, что французская палата вотировала законъ о предоставленіи французскому правительству ста милліоновъ франковъ на содержаніе Крымскихъ бѣженцевъ, Главнокомандующій приказалъ Вамъ начать перевозку, по соглашенію съ французскимъ командованіемъ, Донского Корпуса на островъ Лемнось. Приказываю начать погрузку эшелоновъ въ порядкѣ, указанномъ въ приказъ отъ 10 января № 8... Объявить казакамъ, что Главнокомандующій генералъ Врангель отказался отдать приказъ о перевозкѣ корпуса на Лемнось пока французское правительство не утвердитъ законъ и не отпуститъ деньги на довольствіе Арміи. Съ утвержденіемъ этого закона опасенія о невозможности существованія на Лемнось отпали, почему и отданъ приказъ о перевозкѣ Донского Корпуса на Лемнось“.

Но и этотъ приказъ не успокоилъ казаковъ, чему не мало способствовало, какъ сказано выше, будированіе нѣкоторыми начальниками казачьей массы. Этимъ приказомъ какъ бы оправдывались опасенія казаковъ, что французы на Лемнось бросятъ ихъ кормить.

И они волновались. Собирались кучками, обсуждали, толковали, спорили. Наконецъ было рѣшено на Лемнось не поѣдутъ, что бы тамъ ни было.

Вечеромъ 11-го у Командира Корпуса было совѣщаніе, на которомъ присутствовали всѣ начальники частей и членъ Войскового круга Гнилорыбовъ. Обсуждался все тотъ же вопросъ — о поѣздкѣ на Лемнось. Между прочимъ на совѣщаніи было уже извѣстно о поведеніи нѣкоторыхъ начальниковъ частей, рѣшившихся отказаться отъ поѣздки и въ этомъ направленіи подготовлявшихъ казаковъ. На совѣщаніи было рѣшено на Лемнось ѣхать и было предложено начальникамъ частей повліять на казаковъ и удержать ихъ отъ необдуманныхъ выступленій.

Утромъ 12-го началась погрузка. Безъ особыхъ треній погрузился штабъ I-й дивизіи. Началась погрузка частей.

Настроеніе было въ высшей степени нервное. Выбитое раньше изъ обычной колеи, теченіе лагерной жизни теперь оборвалось совсѣмъ. Забыты были обыденныя занятія, варка пицци, доставка дровъ и тому подобное. Даже дѣлежка продуктовъ прошла какъ то незамѣтно, на спѣхъ. Казаки высыпали изъ землянокъ, барачковъ, и собирались кучками, въ отчаянной рѣшимости готовые на все.

Тутъ же, то тамъ, то здѣсь, во множествѣ были разставлены французскіе патрули чернокожихъ въ полной боевой готовности. И казаки и чернокожіе, зараженные общимъ настроеніемъ, злобно и выжидательно смотрѣли другъ на друга. Всѣ ждали чего то, рокового, необычайнаго, пожалуй, даже, чуда, которое сразу разрѣшитъ все. Пойдутъ или не пойдутъ казаки, подчинятся или не подчинятся требованіямъ французовъ, быть можетъ французы въ послѣднюю

минуту измѣнять свое рѣшеніе везти казаковъ на Лемнось, вотъ грознымъ вопросомъ носилось въ воздухѣ.

Напряженіе достигло высшей точки и каждую секунду готово было вылиться во что угодно.

Но вотъ оно разрядилось. Согнувшись подъ тяжестью чуваловъ съ разнымъ скарбомъ, съ опущенной головой, ни на кого не глядя, одинъ за другимъ пошли казаки Терско-Астраханскаго полка. За ними потянулись и донцы, платовцы. — „Измѣнники, измѣнники“, слышалось со всѣхъ сторонъ. Казаковъ провожали криками, бранью, ругательствами, угрозами. Впрочемъ активныхъ дѣйствій не было. Осыпаемые оскорбленіями погрузились лейбъ-казаки и атаманцы, погрузились назаровцы. Въ погрузкѣ наступилъ перерывъ.

Оставшіеся твердо рѣшили на Лемнось не ѣхать, а если французы будутъ силою заставлятъ грузиться — защищаться съ оружіемъ въ рукахъ. А оружіе у казаковъ было. Винтовки, пулеметы, были и патроны,

Еще раньше калединцы, соотвѣтствующе подготовленные командиромъ своего полка, заявили, что на Лемнось они не поѣдутъ, а „если французы попробуютъ оружіемъ заставить грузиться, то изъ этого ничего не выйдетъ, потому что оружія и у насъ достаточно“.

Часть казаковъ Л.-Гв. Сводно-казачьяго полка отказалась подчиниться требованіямъ французовъ ѣхать на Лемнось. Вечеромъ того же 12-го января по настойчивой просьбѣ Начальника Донской дивизіи Генерала Калинина отрядъ французовъ окружилъ занимаемый ими баракъ съ цѣлью отдѣлать и оградить молодыхъ казаковъ Гвардейскихъ полковъ отъ вліянія и воздѣйствія казаковъ другихъ частей, нежелавшихъ грузиться.

На крики лейбъ-казаковъ въ какихъ нибудь нѣскольکو минутъ сбѣжался весь лагерь и тѣснымъ враждебнымъ кольцомъ окружилъ французовъ.

Первая нѣскольکو минутъ обѣ стороны молча какъ бы разсматривали другъ друга, не рѣшаясь сразу на активныя дѣйствія. А нервное напряженіе съ обѣихъ сторонъ все росло и росло и, наконецъ, достигло высшей точки и разрядилось.

Толпа освирѣпѣвшихъ казаковъ съ криками и ругательствами стала тѣснить французовъ. Въ такихъ случаяхъ, какъ говорятъ, „ружья сами стрѣляютъ“. Не обошлось безъ этого и здѣсь. Французы стали стрѣлять. Казаки отвѣчали. Началась перестрѣлка. Чѣмъ бы она кончилась, одинъ Богъ знаетъ, но въ эту минуту выбѣжавшіе на шумъ изъ своихъ землянокъ начальники частей и офицеры, вмѣшались въ толпу и уговорили казаковъ оставить французовъ. Неохотно, какъ говорится — съ оскаленными еще зубами, казаки разошлись по землянкамъ.

Къ счастью, перестрѣлка не принесла большихъ жертвъ. Въ результатѣ только два француза и два казака были ранены.

Тѣмъ не менѣе этимъ дѣло не кончилось. Двѣ сотни Калединскаго полка, въ полномъ составѣ, съ офицерами, ночью снялись и

ушли въ Болгарію. Судьба ушедшихъ неизвѣстна. Кромѣ того много казаковъ въ одиночку и группами ушло тогда изъ лагеря, предпочитая безъизвѣстное бродяжничество, голодъ и лишенія, поѣздкѣ на Лемнось.

Тревожную ночь провели тогда французы. Но настроеніе казаковъ уже спало, громадное нервное напряженіе уже разрядилось, увѣщанія вмѣшавшихся начальниковъ возымѣли свое дѣйствіе и казаки относительно успокоились. На утро слѣдующаго дня погрузка продолжалась какъ ни въ чемъ не бывало. Только казаки, порою, кидали злобные взгляды на французовъ, да французы какъ то поджимались, боязливо озираясь кругомъ и крѣпче сжимая свои винтовки.

Въ то время уѣхали на Лемнось, часть Штаба Корпуса съ учрежденіями, штабъ 1-й дивизіи съ управленіями и учрежденіями, Сводно-Гвардейскій, 3-й Калединскій, 4-й Назаровскій, 5-й Платовскій, 6-й Ермаковскій и Терско-Астраханскій полки и 1-й и 2-й артиллерійскіе дивизионы, всего 4300 человекъ.

Въ приказѣ по Всевеликому Войску Донскому отъ 14-го января Атаманъ говорилъ, что, объѣзжая лагеря Донского корпуса, онъ указывалъ казакамъ, какія послѣдствія ожидаютъ тѣхъ, кто не подчинится приказу о переходѣ на Лемнось, и просилъ начальниковъ разъяснить подробнѣе всѣмъ казакамъ настоящее положеніе и называлъ преступнымъ легкомысліемъ — сбивать казаковъ съ толку обѣщаніемъ вывести ихъ куда то подальше отъ острова Лемноса, если все же переѣздъ на него будетъ рѣшенъ безповоротно.

„Къ глубокому сожалѣнію, говорилось въ приказѣ, только штабы и немногія части подчинились вчера приказу о переѣздѣ на Лемнось, когда онъ былъ все же отданъ французскимъ командованіемъ, и въ порядкѣ съли въ поѣзда. Значительная же часть казаковъ, повѣривъ глупымъ баснямъ объ островѣ и поддавшись безчестной агитаціи, не безъ участія, повидимому, и агентовъ большевиковъ, отказалась отъ посадки и, даже, оказала вооруженное сопротивленіе французскимъ властямъ... Во избѣжаніе повторенія того же и въ другихъ лагеряхъ, подтверждаю приказъ французскаго командованія и приказываю непрекословно его исполнить“.

Однако дальнѣйшая перевозка казаковъ на Лемнось французами была пріостановлена, жизнь въ Санджакъ-Тепе постепенно начала входить въ обычную колею и вскорѣ снова потекла прежнимъ порядкомъ.

На мѣсто уѣхавшихъ изъ Чилингира были переселены почти всѣ бѣженцы. Стремясь по возможности разгрузить Чилингиръ, Командиръ Корпуса отдалъ приказъ о переселеніи въ Санджакъ-Тепе нѣкоторыхъ строевыхъ частей. Уже переселились Донская учебная пулеметная сотня и 1-й Дон. зап. кон. дивизионъ, когда французы прекратили дальнѣйшую разгрузку Чилингира.

Съ переселеніемъ бѣженцевъ и уходомъ многихъ строевыхъ частей жизнь въ лагерь рѣзко измѣнилась. Появились толпы неряшливо одѣтыхъ людей, появилась толкучка и, даже, въ увеличенномъ,

по сравненію съ Чилингиромъ, размѣръ, гдѣ продавалось все, до спиртныхъ напитковъ включительно; впрочемъ, послѣднее было прекращено въ самомъ началѣ энергичными мѣрами Командира Корпуса, сократившаго, заодно, и толкучку до минимума.

Надо замѣтить, что Санджакъ-Тепе былъ въ самомъ выгодномъ положеніи сравнительно съ другими лагерями. Шоссе Хадемъ—Кіой Санджакъ-Тепе, связующее интендантскій складъ съ лагеремъ, было мѣстомъ ежедневныхъ посѣщеній Командира Корпуса, который, какъ бы со стороны, постоянно наблюдалъ жизнь лагеря, и, если что либо выходило изъ обычной колеи, распускалось, то это немедленно замѣчалось и неукоснительно подтягивалось. Не укрылась отъ зоркаго взгляда Комкора и толкучка.

Бѣженцы, представлявшіе доселѣ беспорядочную толпу, никѣмъ не управляемую, такъ какъ комитеты никакимъ авторитетомъ не пользовались и не могли нормировать бѣженскую жизнь, бѣженцы эти были организованы наподобіе воинскихъ частей. Приказомъ по корпусу отъ 8-го февраля за № 25 всѣ бѣженцы лагеря были сведены въ два полка, былъ назначенъ начальникъ бѣженскаго лагеря, подчиненный въ порядкѣ сношеній и внутренняго быта начальнику Санджакскаго войскового лагеря, причемъ „установленному приказомъ Донскаго Атамана лагерному комитету бѣженцевъ предоставляется кругъ дѣятельности, указанный означеннымъ приказомъ, не касаясь общихъ правилъ внутренняго порядка въ лагерь“.

Еще съ первыхъ дней декабря, и въ Чилингирѣ, и въ Санджакъ-Тепе, на толкучкѣ неизвѣстными лицами скупались русскія бумажныя деньги, на которыя устанавливали различныя цѣны, за романовскія, донскія и добровольческія, но, въ то время, когда цѣна на нихъ въ Константинополь доходила до 8—10 турецкихъ лиръ за миллионъ, въ лагеряхъ она никогда не поднималась выше полутора лиръ.

Въ февралѣ пошли слухи о Кронштадтскомъ возстаніи и, въ связи съ этимъ, оживилась торговля деньгами, причемъ средоточіемъ этихъ денежныхъ операцій, естественно, являлся Санджакъ-Тепе, какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ бѣженскихъ лагерей района Константинополя.

Цѣны на деньги значительно поднялись, теперь уже миллионъ разцѣнивался въ $3\frac{1}{2}$ —5 лиръ, причемъ цѣны эти постоянно колебались не только каждый день, но, даже, по нѣскольکو разъ въ день и казаки, какъ заправскіе биржевики, вели настоящую биржевую игру. Въ лагерьъ называли фамиліи нѣсколькихъ казаковъ-бѣженцевъ, „крупныхъ биржевиковъ“, „дѣлавшихъ день“ и, въ значительной степени, устанавливавшихъ курсъ.

Съ теченіемъ времени Санджакская „биржа“ приобрѣла такое значеніе, что гдѣ нибудь въ Чилингирѣ, покупая или продавая деньги, прежде всего справлялись — а почемъ въ Санджакѣ?

9-го февраля лагерь былъ нѣскольکو взволнованъ приказомъ по корпусу № 24, которымъ предписывалось отправить на Лемнось всѣ оставшіяся части; при этомъ предписывалось отправить только

однихъ воинскихъ чиновъ. Бѣженцы оставались въ Санджакъ-Тепе, гдѣ должны были быть сконцентрированы и бѣженцы изъ другихъ лагерей.

Но приказу этому не суждено было осуществиться. Французы не смогли дать пароходовъ подъ погрузку частей и казаки остались въ лагеряхъ на неопредѣленное время.

Однако приказъ этотъ породилъ антагонизмъ между бѣженцами и строевыми казаками. Бѣженцамъ завидовали.

Собственно говоря, эта зависть началась еще и раньше, когда американцы впервые начали раздавать свои подарки, дѣлая явное предпочтеніе бѣженцамъ, теперь же эта зависть перешла почти въ открытую вражду. — „Мы въ арміи, — говорили казаки, — служимъ и опять воевать пойдемъ, а эти (бѣженцы) ничего не знаютъ и то ихъ всячески [ублажаютъ, и подарки разные, и вотъ на Лемнось не везутъ“. Но арміи все таки держались,

Тѣмъ временемъ въ казачью массу стали проникать кое-какія свѣдѣнія о Лемнось и казаки увидѣли, что ничего ужаснаго въ Лемнось нѣтъ, что „тамъ также люди живутъ“ и „даже получше“.

Пришло нѣсколько писемъ отъ уѣхавшихъ на Лемнось. Писали, что тамъ и вода есть и кормятъ такъ же; живутъ хотя и въ палаткахъ, но на островѣ совсѣмъ тепло, цвѣтутъ миндальныя деревья и казаки ходятъ раздѣтые и что нѣкоторые пробовали уже купаться въ морѣ.

Эти письма какъ разъ совпали съ періодомъ стужи. Стояли морозы, чуть ли не каждый день проносились метели съ рѣзкимъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, лагерь завалило сугробами снѣга.

Снѣгъ былъ настолько глубокъ, что автомобиль представителя Американскаго Краснаго Креста Бракгама застрялъ въ сугробахъ по пути изъ Хадемъ-Кіюй въ Санджакъ-Тепе и самому Бракгаму пришлось пѣшкомъ возвращаться домой.

Топлива у казаковъ было мало, одежонка ветхая, и не одинъ казакъ, ежась отъ холода, вздыхалъ: — Хоть бы ужъ на Лемнось скорѣе. — „Хоть гірше, да иньше“ — добавляли другіе.

Большое оживленіе вызвала запись въ Совдепію, но изъ оставшихся уѣхало очень незначительное количество, что объяснилось, какъ уже было сказано выше, сравнительно сносными условіями жизни въ лагерь. Главнымъ образомъ уѣхавшіе были бѣженцы.

Въ мартѣ лагерь посѣтилъ Членъ Войскового Круга П. А. Скачковъ. Это какъ разъ былъ періодъ объявленной французами записи въ Бразилію.

Въ простыхъ, понятныхъ выраженіяхъ, со свойственной ему правдивостью, ничего не прибавляя, но ничего и не утаивая, Скачковъ рассказалъ казакамъ все о Бразиліи, объ условіяхъ жизни и колонизаціи ея.

Такія же сообщенія о Бразиліи были сдѣланы тогда Скачковымъ и въ другихъ лагеряхъ.

Съ напряженнымъ вниманіемъ слушали казаки рассказы о далекой, невѣдомой имъ странѣ, и многихъ, многихъ удержали безхит-

ростные слова Скачкова отъ поѣздки въ Бразилію и, быть можетъ, отъ гибели.

Въ мартъ, въ частяхъ Корпуса были объявлены выдержки изъ приказа Главнокомандующаго отъ 21-го февраля за № 61, гдѣ уже официально сообщались данныя объ островѣ Лемносъ и объ условіяхъ жизни на немъ.

Между тѣмъ казаки и безъ того уже привыкли къ мысли о необходимости поѣздки на Лемносъ, о неизбежности этой поѣздки; письма, собесѣдованія съ начальниками, бюллетени інформаціоннаго отдѣленія Штаба Корпуса, наконецъ приказъ Главнокомандующаго, самымъ точнымъ и подробнымъ образомъ обрисовали имъ картину жизни на Лемносъ, окончательно убѣдили казаковъ, что на „Лемносъ жить можно“.

Въ концѣ концовъ казаки уже настолько сжились съ этой мыслью, что даже [сами хотѣли скорѣе ѣхать на Лемносъ и когда 20-го марта приказомъ по Корпусу было объявлено о поѣздкѣ на Лемносъ, это приподняло настроеніе, создавъ его, пожалуй, даже радостно-возбужденнымъ. Во всякомъ случаѣ унынія, отчаянія и злобной рѣшимости на что угодно, какъ это было въ январѣ, теперь уже не было.

Согласно приказа по Корпусу отъ 20-го марта на Лемносъ должны были ѣхать всѣ части Корпуса. Приказъ отъ 21-го марта измѣнилъ его въ томъ отношеніи, что расположенная въ лагерѣ Кабакджа 3-я Донская казачья бригада оставалась на мѣстѣ, а вмѣсто нея должны были ѣхать бѣженцы изъ Санджакъ-Тепе.

Здѣсь любопытно прослѣдить психологию казачьей массы, отмѣтить переменну ея настроенія. Въ январѣ, когда казаковъ насильно везли на Лемносъ, они завидовали бѣженцамъ, которые оставались на мѣстѣ. Взгляды на Лемносъ измѣнились; съ другой стороны передъ казаками всталъ мучительный вопросъ — будутъ ли кормить французы дальше. Согласно послѣднимъ французскимъ завѣреніямъ (прик. Дон. Корп. № 11) довольствіе на Лемносъ должно было продолжаться и впредь. Это было понято казаками такимъ образомъ, что бѣженцы, оставленные въ лагеряхъ района Константинополя, будутъ брошены на произволъ судьбы, и имъ останется или ѣхать въ Бразилію, или въ Совдепію (и тогда еще эта дилемма — или въ Совдепію, или въ Бразилію — была у многихъ на устахъ); о Константинополѣ никто не говорилъ, такъ какъ средствъ къ самостоятельному существованію ни у кого не было. Конечно не у многихъ было желаніе ѣхать въ Бразилію или Совдепію и теперь уже бѣженцы завидовали строевымъ казакамъ и многіе изъ нихъ переходили въ строевыя части. Приказъ по Корпусу отъ 21-го марта внесъ большую радость въ бѣженскую среду, такъ какъ согласно этому приказу, какъ сказано выше, и бѣженцы также переѣзжали на Лемносъ.

24-го марта всѣ, и бѣженцы и строевые казаки, были вывезены изъ лагеря Санджакъ-Тепе.

IV.

КАБАКДЖА.

Въ имѣніи Кабакча, принадлежавшемъ турку Дамадъ-Халидъ-Айши были расположены части 3-й Донской каз. бригады и часть Донского Техническаго полка. Официально лагерь назывался Кабакджа, по имени жел. дорожной станціи, находящейся въ полутора километрахъ отъ лагеря.

Мѣстность, гдѣ былъ лагерь, удивительно красивая, лѣсистая, съ миражемъ далекихъ горъ. Около самага лагеря протекалъ быстрый и чистый ручей.

Въ десяти километрахъ отъ лагеря находился городъ Чаталджа, маленькій захолустный турецкій городокъ, ставшій извѣстнымъ лишь со времени войны 1912 года. И все здѣсь говорило о войнѣ еще въ большей степени, чѣмъ въ Санджакъ-Тепе, и длинные, безконечные ряды проволочныхъ загражденій, и обвалившіеся окопы и полузасыпанные блиндажи.

Въ концѣ ноября 1920 года въ имѣніе Дамадъ-Халидъ-Айши пришли съ далекаго сѣвера невиданные гости-казаки 18-го Донского Георгіевскаго полка и калмыки Донского Зюнгарскаго полка. Пришедшіе размѣстились въ овчарняхъ, а штабъ бригады, штабы полковъ и лазаретъ — въ двухъ домахъ турецкаго типа, мало напоминающихъ жилья строенія, и представлявшихъ, скорѣе, нѣчто среднее между домомъ и сараемъ.

Вначалѣ эти части были расположены въ Чилингиръ, но съ приходомъ другихъ частей, тамъ стало такъ тѣсно, что овчарни не могли вмѣстить всѣхъ людей и многимъ приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ. Черезъ нѣсколько дней 18-й и Зюнгарскій полки были переведены въ Кабакджу, причемъ переходъ этотъ былъ совершенъ пѣшкомъ, по раскисшей отъ осеннихъ дождей дорогѣ, по глинистой грязи, что страшно истомило голодныхъ казаковъ.

Въ овчарняхъ было холодно, темно и сыро, казаки въ первые дни спали на грязномъ навозномъ полу, въ неимоверной тѣсотѣ. На 4/XII въ Кабакджѣ были расположены штабъ бригады, 18-й полкъ, Зюнгарскій полкъ, Техническій полкъ, бригадный лазаретъ и 38 человекъ бѣженцевъ, а всего 3236 человекъ.

На счастье казаковъ вокругъ лагеря было много лѣса, чѣмъ и воспользовались для постройки землянокъ.

Вскорѣ въ овчарняхъ не осталось ни одного казака, зато около имѣнія, по направленію къ станціи, выросъ цѣлый городокъ землянокъ, съ прямыми, правильно расположенными улицами, переулками и, даже, бульваромъ.

Землянокъ было около 300. Онѣ были расположены въ шесть рядовъ, длиною около 300 саженой. Въ центрѣ находились землянки 18 полка, слѣва — Зюнгарскаго и справа — Техническаго. Землянки устраивались средней величины, на 5-10 человекъ. Въ каждой была сдѣланная изъ камней и почти всегда чисто выбѣленная печь, нары

или топчаны изъ травы и древесныхъ вѣтвей, двери дѣлались изъ досокъ отъ консервныхъ ящиковъ; почти во всѣхъ землянкахъ были застекленныя окна и лишь въ нѣкоторыхъ они задѣлывались промасленной бумагой. Попадались землянки до такой степени хорошо оборудованныя, что производили впечатлѣніе настоящихъ хатъ.

Съ довольствіемъ, какъ и всюду, особенно въ первое время, обстояло очень неважно. Доставка продовольствія еще не была налажена и казакамъ вначалѣ давали по $\frac{1}{6}$ хлѣба (200 граммъ) въ день, по маленькой банкѣ консервовъ и какого либо приварка-фасоли, чечевицы или сушеной зелени — въ самомъ незначительномъ количествѣ.

Продовольствіе доставлялось по жел. дорогѣ изъ Константинополя изъ базиснаго французскаго интендантства.

Какъ то въ среднихъ числахъ февраля нѣсколько дней не приходили вагоны съ продовольствіемъ и казаки буквально голодали, получая въ эти дни по $\frac{1}{12}$ хлѣба на человѣка. Какъ потомъ выяснилось, вагоны съ продовольствіемъ для лагеря были разгружены французскимъ интендантомъ на станціи Хадемъ-Кіой и выданы для довольствія другимъ частямъ Корпуса.

Отъ голода казаки начали продавать, выражаясь на общелагерномъ языкѣ — загонять свои вещи. Вскорѣ въ ближайшей турецкой деревушкѣ образовалась толкучка, куда стекались турки и греки изъ окрестныхъ деревень. Благодаря, съ одной стороны, немногочисленности лагеря, съ другой — большому числу покупателей, когда, какъ говорится, спросъ превышалъ предложеніе, цѣны на вещи стояли сравнительно высокія и казакамъ не было необходимости загонять все, до послѣдней рубахи, какъ это, иногда, дѣлалось въ другихъ лагеряхъ.

Въ концѣ февраля казаки стали ходить на заработки въ сосѣднія деревни, кромѣ того выдача пайка была доведена до нормы и голодовка потеряла прежнюю остроту.

Подъ вліяніемъ голода началось бѣгство казаковъ въ Грецію и Болгарію. Уходили по ночамъ, цѣлыми партіями по 30 и болѣе человѣкъ. Близость границы дѣлала особенно заманчивымъ это бѣгство. Изголодавшимся казакамъ казалось, что тамъ, въ какихъ-нибудь десяти километрахъ отъ нихъ, за таинственной чертой, именуемой границей, они найдутъ и кровъ, и пищу, и работу. И казаки бѣжали.

Многіе изъ нихъ дѣйствительно переходили границу, но многіе возвращались назадъ, будучи задержаны на границѣ и обобранные, а, зачастую, и избиты, или, еще до границы, ограблены бродившими въ этой мѣстности шайками разбойниковъ. Ходили слухи, что многіе были даже убиты этими разбойниками.

Но казаки все-таки бѣжали. Подъ вліяніемъ голода, чуждой и суровой обстановки, оторванности отъ всего, чѣмъ раньше жили, настроеніе ихъ было подавленное и они готовы были рѣшиться на что угодно, чтобы вырваться изъ лагеря.

По настроенію казаковъ, такъ же какъ и въ другихъ лагеряхъ, можно было дѣлить на три категоріи.

Непримиримые утѣшали себя мыслью о возвращеніи въ Россію, о новой войнѣ съ большевиками. „Что же, что насъ такъ мало, говорили они, мы къ бою привыкли; опять наши дивизіи ихніе корпуса разбивать будутъ; только бы французы пустили, да оружишко кое-какое дали“. Была и германская оріентація, и японская, и англійская, и американская, была, даже, французская.

Благодаря особой тактичности начальства лагеря и личнымъ качествамъ офицеровъ французскаго караула, отношенія съ французами наладились очень хорошія, французы постоянно ходили въ театръ, въ гости къ русскимъ, иногда французскіе солдаты выступали на сценѣ съ пѣніемъ, куплетами; пѣли, конечно, на французскомъ языкѣ, но, тѣмъ не менѣе, казаки награждали ихъ дружными аплодисментами. (Такія отношенія, впрочемъ, не помѣшали французамъ проводить ихъ общую политику распыленія Арміи).

Говорили далѣе, что часть Россіи уже освобождена отъ большевиковъ, что въ Кронштадтѣ возстаніе матросовъ, что Ленинъ убитъ, что въ Россіи анархія, и что Антанта рѣшила, наконецъ, покончить съ остатками совѣтской власти, что мы будемъ вооружены французами и вмѣстѣ съ ними пойдѣмъ въ Россію.

Примиренцы, главнымъ образомъ пожилые казаки, стосковавшіеся по семьямъ, по роднымъ станицамъ и хуторамъ, уже рѣшили ѣхать домой. — „Что жъ, говорили они, ежели принудительныя работы, это еще ничего; поработаемъ, а потомъ и по станицамъ распустятъ; вотъ только бы смертоубійства (разстрѣла) не было“.

Третья категорія находила спасеніе въ бѣгствѣ, въ поискахъ счастья въ чужихъ странахъ.

Съ увеличеніемъ пайка и частными заработками бѣгство сократилось до минимума и казаки нечли оперяться. Къ Пасхѣ громадное большинство казаковъ имѣло хорошіе сапоги, казачьи фуражки и шаровары съ лампасами. Приодѣлись отчасти на заработанныя деньги, отчасти на деньги, вырученныя отъ продажи американскихъ подарковъ,

Всероссійскимъ Земскимъ Союзомъ въ лагерьъ были открыты мастерскія — сапожная, столярная, слесарная и портняжная, гдѣ казаки чинили и шили обувь и одежду. На питательномъ пунктѣ, открытомъ Союзомъ, получали добавочное питаніе женщины, дѣти и тѣ изъ казаковъ, которые нуждались въ добавочномъ питаніи, что устанавливалось особой медицинской комиссіей при штабѣ бригады.

Со своей стороны, начальство дѣлало все, чтобы хотя чѣмъ либо скрасить тяжелую лагерную жизнь, дать казаку что либо.

Въ концѣ февраля інформаціоннымъ отдѣленіемъ Штаба Корпуса въ лагерьъ была открыта читальня, куда высылались газеты, брошюры и бюллетени, сводки со свѣдѣніями о Совѣтской Россіи и другая інформаціонная литература.

18-й полкъ устроилъ бібліотеку и при ней организовалъ чайную. Правда, книгъ было небольшое количество, всего около шести-

десяти, были онѣ самага разнообразнаго содержанія, но изголодавшіеся по книгѣ казаки читали ихъ, что называется — врасосъ, и поэтому всѣ онѣ постоянно находились на рукахъ. Въ чайной, за самую незначительную плату, 1—2 піастра, можно было получить кружку чая съ сахаромъ и кусокъ хлѣба, почему чайная всегда была полна. Казаки сходились туда точно въ клубъ, гдѣ можно было за кружкой чая повидать друга, поговорить и обмѣняться новостями.

Наконецъ, въ одной изъ освободившихся съ переходомъ въ землянки овчаренъ, по инициативѣ Начальника лагеря, были открыты театръ и... церковь. Въ одномъ концѣ овчарни была построена сцена, въ другомъ иконостасъ и аналой.

Такое необычайное сочетаніе несовсѣмъ нравилось нѣкоторымъ казакамъ, особенно пожилымъ, и они неодобрительно ворчали, но большинство не находило здѣсь чего либо особеннаго и, какъ театръ, такъ и церковь охотно посѣщались.

Занавѣсъ въ театрѣ былъ сдѣланъ по общему типу — изъ американскихъ одѣялъ, но декорации были настоящія, всамдѣлишнія, мастерски написанныя проживавшимъ въ лагерьѣ художниковъ есауломъ Богаевскимъ. Мебель — сборная, частью обитая тѣми же американскими одѣялами.

Часть публики стояла, часть сидѣла, причемъ сидѣньемъ служили табуреты и скамейки, сдѣланные изъ досокъ отъ консервныхъ ящичковъ.

Въ театрѣ игралъ великолѣпный оркестръ 18-го полка, любимое дѣтище Командира полка.

Въ театрѣ играли и соперничали между собою двѣ труппы — малороссійская и русская, казачья. Пьески ставили незатѣйливыя, незамысловатыя, причемъ были пьесы и мѣстныхъ, лагерныхъ драматурговъ, написанныя на мѣстныхъ, лагерныхъ темы, на злобу дня, зачастую — съ дѣйствующими лицами — всѣмъ извѣстными, съ дѣйствіемъ — въ знакомой лагерной обстановкѣ, что вызывало полный фуроръ среди нетребовательныхъ зрителей и приводило ихъ въ восторгъ. Мѣстные поэты и куплетисты читали со сцены свои произведенія и публика также награждала ихъ шумными аплодисментами.

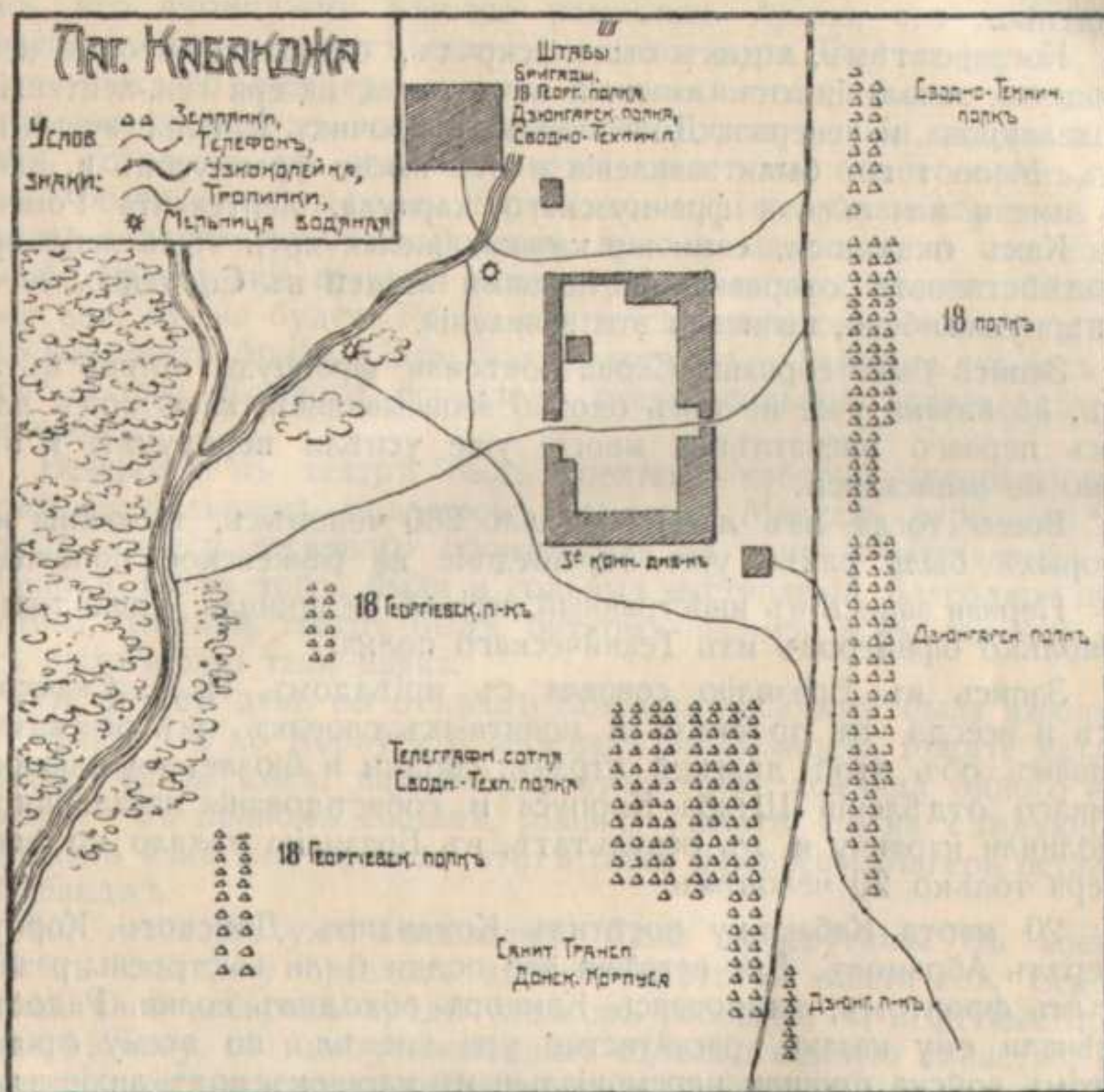
Входъ въ театръ былъ бесплатный. Спектакли ставились по воскресеньямъ и по всѣмъ праздничнымъ днямъ.

Театръ былъ единственнымъ развлеченіемъ въ лагерьѣ и спектакли проходили при громадномъ стеченіи публики. Въ театрѣ ходили не только французы, но, даже, и турки изъ окрестныхъ деревень, быстро освоившіеся съ этимъ новымъ для нихъ культурнымъ начинаніемъ и задѣлавшіеся яркими театроманами. Къ слову замѣтить, что не только турки, но и французы зачастую громко выражали свое настроеніе даже во время хода пьесы, что всегда вызывало шиканье и неодобрительные взгляды казаковъ.

Нѣсколько разъ труппа и оркестръ ходили на гастроли въ Чаталджу и дѣлали тамъ хорошіе сборы.

А въ другомъ концѣ овчарни, какъ сказано, помѣщалась церковь. Аналоемъ служило насыпанное изъ земли и камней возвы-

шеніе. Иконостасъ былъ сдѣланъ изъ тѣхъ же американскихъ одѣяль и простынь, съ большимъ вкусомъ скомбинированныхъ и украшенныхъ хвойными вѣтками. Написанныя есауломъ Богаевскимъ на холстѣ масляными красками иконы были настолько хороши, что въ простой станичной церкви такихъ и не сыскать было. Подсвѣчники и паникадила были искусно сдѣланы изъ консервныхъ банокъ и украшены хвоей. Въ общемъ церковь была очаровательна, уютна, казалась настоящею, особенно въ сумеречной овчарнѣ.

Благодаря театру, чайнымъ и, вообще, установившемуся темпу жизни, жизнь въ Кабакджѣ не была такъ уныла, тягуча и однообразна, какъ въ другихъ лагеряхъ. Кромѣ того, она часто нарушалась какими либо событіями.

8-го января лагерь посѣтилъ Донской Атаманъ. Былъ парадъ войскамъ. Атаманъ говорилъ о текущемъ моментѣ, о событіяхъ въ Совдепіи и о Лемнось. Поѣздка на Лемнось и здѣсь волновала казаковъ, и изъ Кабакджи много бѣжало, опасаясь таинственного и страшнаго острова. И здѣсь было время, когда казаки рѣшили на

Лемность не ѣхать, а бѣжать въ Болгарію или Грецію, если французы вздумаютъ силою везти туда.

Атаманъ еще два раза пріѣзжалъ въ Кабакджу, въ апрѣль и іюль, въ связи съ вопросами о перевозкѣ казаковъ въ Сербію и Чехо-Словакію.

Въ первыхъ числахъ февраля французы открыли записку въ Совдепію; при этомъ, не довѣряя лояльности нашего командованія, думая, что оно будетъ препятствовать записи, французы повѣсили въ лагерь ящикъ, куда и опускались заявленія о желаніи ѣхать въ Совдепію.

Когда, затѣмъ, ящикъ былъ вскрытъ, оказалось, что въ немъ находятся заявленія отъ имени и начальника лагеря ген.-лейтенанта Фицхелаурова, и генерала Долгопятова и прочихъ начальствующихъ лицъ. Мало того, были заявленія и отъ имени французовъ и, даже, отъ имени начальника французскаго караула, лейтенанта Романъ.

Какъ оказалось, сами же казаки, желая хоть чѣмъ либо противодѣйствовать отправкѣ французами людей въ Совдепію, почти на вѣрную гибель, написали эти заявленія.

Записка была сорвана. Снова повѣсили французы ящики въ лагерь, но казаки уже не такъ охотно записывались, какъ подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, многіе уже успѣли передумать и вторично не записались.

Всего тогда изъ лагеря уѣхало 280 человекъ, половина изъ которыхъ были ранѣе уже перешедшіе на бѣженское положеніе.

Первая записка въ иностранный легіонъ не прошла. Ушло только нѣсколько офицеровъ изъ Техническаго полка.

Записка въ Бразилію совпала съ пріѣздомъ П. А. Скачкова. Какъ и всегда, въ простыхъ и понятныхъ словахъ, онъ разсказалъ казакамъ объ этой далекой странѣ; сводки и бюллетени информационнаго отдѣленія Штаба Корпуса и собесѣдованія начальниковъ дополнили картину и, въ результатъ, въ Бразилію уѣхало со всего лагеря только 20 человекъ.

20 марта Кабакджу посѣтилъ Командиръ Донскаго Корпуса генералъ Абрамовъ. Для встрѣчи его полки были выстроены развернутымъ фронтомъ; здороваясь Комкоръ обходилъ полки. Радостно отвѣчали ему казаки, раскатистое ура гремѣло по всему фронту. Потомъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ подъ лихіе звуки оркестра 18-го полка. Бойко отбивая шагъ, точно заправскіе пѣхотинцы, бодро и весело казаки прошли передъ Командиромъ Корпуса. Забыты были годы войны, кошмарныя эвакуаціи, тоска изгнанія, въ эту минуту казаки точно переродились, это опять были воины, готовые снова итти въ бой за старымъ любимымъ вождемъ, со славою водившимъ ихъ по полямъ Тавріи.

Потомъ Комкоръ обходилъ расположеніе полковъ, заходилъ во многія землянки, интересовался казачьимъ бытомъ, разговаривалъ съ казаками, спрашивая ихъ о житьѣ-бытьѣ и для каждаго казака находилось у него доброе словцо. Ура вспыхивало то тамъ, то

здѣсь по лагерю, это казаки встрѣчали и провожали обходившаго полки Комкора.

Въ часъ дня въ театральномъ баракѣ были собраны всѣ офицеры лагеря на бесѣду съ Комкоромъ. Вошелъ генераль Абрамовъ. Куда исчезла его веселость, того Комкора, который нѣсколько минутъ тому назадъ обходилъ казачьи землянки, не было улыбки, это уже былъ старый строгій вождь. Въ ясныхъ, короткихъ, нѣсколько отрывистыхъ выраженіяхъ, онъ разсказалъ собравшимся о томъ, что французами рѣшено расплыть Армію, что для Арміи наступаетъ быть можетъ самая страдная пора. Онъ говорилъ, что долгъ каждаго офицера теперь, какъ никогда, быть твердымъ, дисциплинированнымъ, способнымъ переносить всякія тяготы и лишения, готовымъ ко всякимъ неожиданностямъ; онъ говорилъ, что нужно болѣе сплотиться, не терять воинскаго духа и вѣры въ будущее, поддерживать падающихъ духомъ казачковъ, и что тогда никакіе французскіе происки намъ страшны не будутъ, что сильная армія еще нужна будетъ Россіи и еще сдѣлаетъ свое великое дѣло; надо сохранить Армію. „Эго, — закончилъ онъ, — зависитъ отъ васъ самихъ“. Слова Комкора произвели очень сильное впечатлѣніе на офицеровъ.

Вечеромъ въ театрѣ былъ спектакль-кабарэ. Малороссійская труппа съ большимъ подъемомъ сыграла „Москаль чаровникъ“, а русская — пьесу лагернаго произведенія на тему о масляницѣ въ Кабакджѣ. Пѣль хоръ, были и сольныя выступленія. Благодаря присутствію Комкора, театръ былъ биткомъ набитъ, а въ заднихъ рядахъ была прямо таки давка.

На другой день по отъѣздѣ Комкора Кабакджа была взволнована приказомъ по Корпусу о переѣздѣ на Лемнось. Многіе казаки и, даже, части, какъ, на примѣръ, пулеметная команда одного изъ полковъ — въ полномъ составѣ, рѣшила бѣжать. Но на слѣдующій день, какъ извѣстно, приказъ этотъ былъ отмѣненъ. Лагерь остался въ Кабакджѣ.

Но несчастія уже посыпались одно за другимъ. Въ концѣ марта въ Кабакджу пріѣхалъ агентъ совѣтской власти тов. Серебровскій. Онъ набиралъ среди казаковъ рабочихъ на нефтяные промыслы въ Баку, обѣщая утѣжающимъ съ нимъ полную амнистію; по истеченіи шести мѣсяцевъ обязательныхъ работъ на промыслахъ, по словамъ тов. Серебровскаго, казаки могли или вернуться въ свои станицы, или остаться на работахъ. Французы, конечно, оказывали ему полное во всемъ содѣйствіе.

Тов. Серебровскій лично ходилъ по лагерю и уговаривалъ казаковъ ѣхать въ Баку. Изъ предосторожности, что ли, но онъ ходилъ въ сопровожденіи французскихъ офицеровъ и самъ былъ одѣтъ въ форму французскаго офицера.

При обходѣ, одинъ изъ русскихъ офицеровъ опозналъ въ тов. Серебровскомъ знакомаго ему адвоката изъ Москвы — Моисеенко, а другой уличилъ его въ томъ, что онъ былъ комиссаромъ въ одномъ изъ южныхъ городовъ Россіи.

На обращенные къ нему вопросы о его личности, тов. Серебровскій односложно и высокомерно отвѣчалъ — „я съ вами не разговариваю“. Французамъ же задавали вопросы „за сколько вы насъ продали? сколько вы за насъ взяли“?

Но вотъ раздались крики — „повѣсить его“, „бей его, жида“. Казаки стали напирать на тов. Серебровскаго.

Повидимому не совсѣмъ довѣряя французской охранѣ или по горькому опыту зная, что казаки народъ серьезный и шутить не любятъ, тов. Серебровскій поспѣшно ретировался.

Запись не дала желаемыхъ результатовъ. Изъ лагеря уѣхало только 480 казаковъ.

Въ апрѣлѣ въ Кабакджу пріѣзжалъ бывший министръ финансовъ Донскаго Правительства Шапкинъ. Онъ говорилъ, что партіей социалистовъ-революціонеровъ въ Совдепѣи будетъ произведенъ переворотъ, что предполагается онъ въ концѣ августа. Призывалъ казаковъ порвать съ Главнымъ Командованіемъ и слѣдовать казачьему союзу, Дудакову, Гнилорыбову и другимъ его вождямъ. Рѣчь эта не произвела большого впечатлѣнія на казаковъ, а самому Шапкину было предложено немедленно выѣхать изъ лагеря.

Вскорѣ лагерь посѣтилъ ген. Шарпи. Къ его пріѣзду казаки подтянулись, въ той надеждѣ, что если они произведутъ хорошее впечатлѣніе на Шарпи, это еще дальѣе отсрочитъ поѣздку на Лемнось.

На станціи Шарпи былъ встрѣченъ почетнымъ карауломъ въ сто человекъ, въ казачьей формѣ, при холодномъ оружіи и съ оркестромъ духовой музыки. На лагерномъ плацу генераль сдѣлалъ смотръ бригадѣ, причемъ особенно внимательно осматривалъ казачье обмундированіе.

При обходѣ 18-го полка онъ обратилъ вниманіе на большое количество Георгіевскихъ крестовъ у казаковъ. Шарпи спрашивалъ казаковъ за что получали кресты и, слыша отвѣты „за германскую войну“, горячо пожималъ имъ руки.

Когда полкъ, подъ звуки марсельезы, прошелъ передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ, генераль Шарпи растрогался, порывисто бросился къ ген. Фицхелаурову и, пожимая ему руки, благодарилъ за отличное состояніе бригады, обѣщая принять всѣ мѣры къ тому, чтобы казаковъ не перевозили на Лемнось, обѣщая прислать одѣяль на обмундированіе и муки на усиленіе пайка.

Со свойственной всѣмъ галламъ любовью къ трескучимъ фразамъ, ген. Шарпи не выдержалъ и, между прочимъ, сказалъ казакамъ: „терпите, казаки, скоро и надъ вашими головами засіяетъ солнце“.

Слова эти по разному истолковывались казаками, но всѣ видѣли въ нихъ надежду на скорое избавленіе отъ лагерной неволи.

Черезъ нѣсколько дней въ лагерь было прислано нѣсколько мѣшковъ муки, но одѣяль, какъ говорятъ, Шарпи выхлопотать не удалось.

Послѣ пріѣзда Шарпи казаки повеселѣли, дышать въ лагерь сдѣлалось какъ то легче. Наступило успокоеніе,

Многіе ушли на сельско-хозяйственныя работы, многіе открыли мастерскія, выдѣлывая изъ консервныхъ банокъ ведра, кружки, сковородки и другую хозяйственную утварь и продавая свои издѣлія по деревнямъ.

Открылись было курсы нѣмецкаго, французскаго и англійскаго языковъ, но курсы эти мало привились, такъ какъ казаки стремились больше къ работѣ и заработку.

Техническимъ полкомъ были открыты паровозные курсы, на которые записалось 20 человекъ офицеровъ и казаковъ. Курсистами была сдѣлана модель паровоза, со всѣми мельчайшими деталями. Модель эта была продемонстрирована въ Константинополь на экзаменѣ, причемъ всѣ ѣздившіе туда курсисты были признаны экзаменационной комиссіей, собранной Донскимъ Правительствомъ изъ русскихъ инженеровъ, способными исполнять обязанность машинистовъ на жел. дорогахъ.

Но недолго сіяло французское солнце надъ казачьими головами.

Лѣтомъ французами была произведена повѣрка ѣдоковъ, послѣ которой паекъ начали выдавать въ размѣрѣ только 1100 раціоновъ.

Между тѣмъ, съ окончаніемъ полевыхъ работъ, много казаковъ, не бывшихъ на повѣркѣ и, поэтому, исключенныхъ съ довольствія, начали возвращаться въ лагерь. Кромѣ того, благодаря появившимся тогда и все усиливавшимся слухамъ о переѣздѣ въ Чехо-Словакію, въ Кабакджу стали прибывать казаки и изъ другихъ лагерей. Благодаря этому наличіе людей въ лагерь достигло 1870 человекъ, то есть на 770 человекъ болѣе, нежели состояло на пайкѣ.

Увеличивать количество выдаваемыхъ раціоновъ французы не хотѣли, оставляя безъ пищи „лишнихъ“ также нельзя было и поэтому начальство лагеря распредѣляло эти 1100 раціоновъ между всѣми. Паекъ уменьшился; теперь каждому выдавалось только по $\frac{1}{6}$ хлѣба въ день.

Подъ вліяніемъ голдовки казаки начали распродавать все, прибрѣтенное было, за безцѣнокъ и большинство опять осталось раздѣтыми и босыми.

Начали партіями уходить въ Константинополь, гдѣ поступали на службу къ англичанамъ и французамъ. У англичанъ служили въ обозѣ, за что получали квартиру, довольствіе, обмундированіе и до 30 лиръ въ мѣсяцъ, причемъ служба никакимъ срокомъ ограничена не была, такъ, по крайней мѣрѣ, видно было изъ писемъ служившихъ тамъ калмыковъ. (Русскихъ на службу не принимали).

Калмыки, оставшіеся въ лагерь, имѣли тѣсную связь со служащими у англичанъ, получали отъ нихъ деньги, благодаря чему двѣ трети калмыковъ занимались торговлею съѣстными продуктами, а изъ Константинополя тюками возили англійскіе френчи и брюки, которые и распродавали по лагерю и окрестнымъ деревнямъ по цѣнѣ отъ одной до трехъ лиръ. (Какъ говорятъ, сами они покупали ихъ по 40—80 піастровъ за штукку; поэтому калмыки хорошо наживались).

О службѣ у французовъ подробности неизвѣстны. Она была связана съ условіемъ трехгодичнаго срока и поэтому уходили къ нимъ больше отъ голода.

Ушли, также, музыканты со всѣми инструментами, которые они, по слухамъ, продали въ Константинополь.

Голодовка продолжалась до отправки казаковъ въ Чехо-Словакію.

Въ октябрѣ была открыта записка казаковъ-землеробовъ, желающихъ ѣхать въ Чехо-Словакію. При записи казакамъ было предложено записаться въ члены Казачьяго Союза и внести задатокъ по одной лирѣ, а у кого есть деньги, то и цѣлый пай — въ десять лирѣ. Кѣмъ то были распуцены слухи, что побѣдетъ только тотъ, кто внесетъ деньги, полагая, что для побѣдки необходимо вносить деньги; казаки записывались въ члены Союза и вносили лиры, часто продавая для этого послѣднюю рубашку.

14-го октября въ Чехо Словакію было отправлено 950 человекъ, т. е. 18 полкъ почти цѣликомъ, за исключеніемъ 130 человекъ.

Послѣ отправки паекъ увеличился до одной трети хлѣба, но голодъ не прекратился, такъ какъ другихъ продуктовъ выдавалось очень мало.

Остатки полковъ были сведены въ одинъ полкъ, получившій названіе Сводно-казаच्याго.

И безъ того нерадостное положеніе казаковъ усугублялось еще мѣстными жителями. Всѣ поля, лѣса, проѣзжія дороги были наполнены разбойниками, грабившими всѣхъ проходившихъ и проѣзжавшихъ. Было нѣсколько случаевъ ограбленія и, даже, убійства казаковъ.

Не мало страдали казаки и отъ змѣй, которыя буквально осаждали лагерь, забираясь нерѣдко и въ землянки, причемъ было нѣсколько случаевъ смертельныхъ змѣиныхъ укусовъ.

8-го декабря остатокъ лагеря, въ количествѣ 476 человекъ, считая всѣхъ бѣженцевъ, женщинъ и дѣтей, былъ перевезенъ въ Галлиполи.

V.

ХАДЕМЪ-КІОЙ.

Совершенно обособленной жизнью жилъ Хадемъ-Кіой. Это былъ наилучшій изъ всѣхъ лагерей Донкорпуса. Прежде всего онъ былъ не многочисленный. На 3 XII 1920 года въ Хадемъ-Кіой находились: Штабъ Корпуса съ нѣкоторыми учрежденіями и управленіями — дежурнаго штабъ-офицера, инспектора артиллеріи, корпуснаго интенданта съ продовольственнымъ и вещевымъ магазинами, управленіе Корпуснаго врача, Корпуснаго коменданта, конвойная сотня Штакора, Корпусный лазаретъ съ 62-мя лицами персонала и 75-ю больными, 150 бѣженцевъ, а всего 825 человекъ.

Конвойная сотня была расположена въ баракѣ, правда — тепломъ, но очень скученно. Бѣженцы занимали досчатые пакгаузы, а лазаретъ находился въ двухъэтажномъ каменномъ амбарѣ, верхній этажъ котораго занимали больные, а нижній — персоналъ. И въ лазаретѣ, и въ бѣженскомъ пакгаузѣ было страшно холодно, вѣтеръ дулъ во всѣ щели, а въ лазаретѣ было, къ тому же, еще и сыро. Полъ между этажами былъ въ одинъ слой досокъ, неладно пригнанныхъ, и въ помещеніе персонала постоянно сыпался сверху соръ, лились помои и, иногда, даже человѣческіе экскременты. Учрежденія Штаба Корпуса были расположены по частнымъ турецкимъ постройкамъ, которыя и при самомъ пылкомъ воображеніи никакъ нельзя назвать домами, даже подъ понятіе хорошаго сарая, и то онѣ не подходили.

Въ нѣсколько лучшихъ, казалось, условіяхъ находилась оперативная часть Штабкора. Она помещалась въ небольшой турецкой гостиницѣ, въ нѣсколькихъ комнаткахъ, тѣсныхъ и холодныхъ. Внизу была турецкая кофейня, какъ водится — съ парикмахерской при ней; въ кофейнѣ, съ утра и до поздняго вечера, толпились и шумѣли турки, играли въ карты, шашки, и до безконечности, съ остервененіемъ о чемъ то спорили. Крутая и узенькая лѣсенка изъ кофейни вела въ помещеніе Штаба. Узенькій и по турецки вонючій корридоръ дополнялъ картину.

Конечно, съ точки зрѣнія чилингирской, санджакской и вообще, лагерной, помещеніе Штаба было сносное, но если принять во вниманіе ту громадную и нервно-напряженную работу, какую несъ тогда Штабъ, тѣсныя холодныя коморки и кофейню внизу, съ вѣчно галдящими турками, то помещеніе это оставляло желать еще многого и многого.

Довольствіе въ лагерь Хадемъ-Кіой было, разумѣется, такое же, какъ и въ другихъ лагеряхъ, но, благодаря тому, что оно здѣсь непосредственно получалось изъ корпуснаго интендантства, оно выдавалось равномерно, безъ перерывовъ, безъ временныхъ уменьшеній и увеличеній, независимо отъ погоды и другихъ какихъ либо привходящихъ условій, вродѣ недостатка перевозочныхъ средствъ.

Но жизнь въ Хадемъ-Кіой все-таки не была похожа на лагерную.

Станція, съ постоянно проходящими поѣздами, съ экспрессами съ разодѣтой европейской публикой, съ поселкомъ съ ярко освѣщенными окнами магазиновъ, съ постоянно свѣжими константинопольскими газетами и оживленіемъ, далека была отъ какой либо земляночной Кабакджи или унылаго Чилингира, съ его грязными навозными овчарнями.

Благодаря присутствію Штаба Корпуса, лагерь являлся административнымъ центромъ, средоточеніемъ лагерной жизни Корпуса. Мало того, сюда ходили изъ другихъ лагерей за разными покупками. Ежедневно здѣсь можно было видѣть десятки казаковъ изъ Чилингира, Санджакъ-Тепе, со свертками и чувалами, ходившихъ изъ магазина въ магазинъ. Это — или продавцы дивизионныхъ лавокъ, забиравшіе ходкій товаръ, или новоявленные купцы, бѣженцы-казаки,

покупавшіе на станціи хлѣбъ и табакъ и перепродававшіе это, за-тѣмъ, въ лагеряхъ, на толкучкѣ, или просто строевые казаки, отпущенные въ поселокъ, на станцію, и теперь ходившіе по магазинамъ и съ любопытствомъ разсматривавшіе давно невиданныя ими рѣдкости. (Собственно говоря въ магазинахъ больше прицѣнялись, покупать то было не на что).

Въ кофейнѣ бывало много русскихъ. Это офицеры, пріѣзжавшіе изъ лагерей въ Штакоръ по дѣламъ службы. За неимѣніемъ другого помѣщенія эта кофейня и служила пріемной.

По узенькой скрипучей лѣсенкѣ постоянное движеніе. То и дѣло сходитъ рослый казакъ конвоецъ и просить кого либо изъ ожидающихъ подняться наверхъ, въ Штабъ. Спускаются уже бывшіе тамъ Неумолчно скрипитъ лѣстница. Вотъ пробѣгаетъ щеголеватый адъютантъ, вотъ съ озабоченнымъ лицомъ проходитъ Начальникъ Штаба, вотъ проходятъ французы, оживленно о чемъ то разговаривающіе съ полковникомъ, переводчикомъ при Штабѣ.

— Комкоръ, Комкоръ — пронсится среди присутствующихъ. Русскіе вытягиваются „смирно“. Замѣчательно, что даже много ту-рокъ посѣтителей вставало въ это время и почтительно провожало глазами „русскаго командира“. Приостанавливалъ работу парикмахеръ, вмѣстѣ съ русскими вытягивался буфетчикъ. Шумъ стихалъ. Привѣтливо улыбаясь, раскланиваясь направо и налево, Комкоръ быстро проходилъ кофейню.

Каждый день, съ ранняго утра, на дебаркадерѣ около интендантства, собиралась шумѣвшая спорящая толпа. Это — пріемщики продуктовъ отъ лагерей и раздатчики интендантства. Перекладывались ящики съ консервами, считались отдѣльныя банки, много разъ пересыпалась мука, фасоль и чечевица. До хрипоты спорили о хлѣбѣ, не желая принимать поломанныхъ ковригъ, бережно, какъ величайшую драгоценность, дѣлили сахаръ, жиры и чай.

Около одиннадцати дѣлежка кончалась. Съ грохотомъ подкатывали вагонетки узкоколейки въ Санджакъ-Тепе, нагружали неуклюжія двуколки французскаго транспорта продуктами для Чилингира, на рукахъ разносили продукты конвойцы и бѣженцы. Дебаркадеръ пустѣлъ.

Послѣ полудня на перронѣ появлялась опять толпа. Но это были уже другіе люди. Офицеры Штаба, сестры милосердія и врачи изъ лазарета, французы, случайные посѣтители изъ Чилингира и, главнымъ образомъ, изъ Санджакъ-Тепе, дамы — жены офицеровъ, нѣкоторые бѣженцы и бѣженки. Тутъ же толкались привлеченные многолюдствомъ турки и греки изъ поселка. Это было мѣсто ежедневныхъ свиданій и прогулокъ. Гуляли въ ожиданіи константинопольскаго экспресса.

Вотъ на горѣ, по дорогѣ изъ Чилингира, показывался возвращавшійся французскій транспортъ. Ближе и ближе. На двуколкахъ, согнувшись, укутанные одѣялами и всякой одеждой, сидѣли блѣдные, изнуренные люди. Это — подлинное лицо лагерной жизни, это —

больные изъ Чилингира. Ихъ переправляли на станцію, въ корпусный лазаретъ.

Разъ или два въ недѣлю, на запасные пути станци приходили вагоны съ дощечками краснаго креста. Изъ госпиталя, съ трудомъ волоча ноги, поддерживаемые санитарями, проходили и размѣщались въ вагоны тѣни людей. Многихъ проносили на носилкахъ. Это тяжело больныхъ эвакуировали въ госпиталь Макри-Кіой или еще какой либо въ окрестностяхъ Константинополя.

Около пяти часовъ слышался отдаленный свистокъ локомотива. Вотъ вдали, между горами, показывался дымокъ, скользилъ и опить скрывался за поворотомъ ближайшей горы. Въ публикѣ наступало оживленіе. Изъ станціоннаго помѣщенія выскакивалъ маленькій черненькій грекъ, похожій на жидка, начальникъ станци. Съ флагомъ въ рукѣ, въ фескѣ, проходилъ турокъ, станціонный сторожъ Ибрагимъ, другъ и пріятель казаковъ, скупавшій у нихъ разную одежду и американскіе подарки. (Къ слову сказать, Ибрагимъ никогда не пользовался безвыходнымъ положеніемъ казаковъ и всегда давалъ сходную цѣну).

Изъ за горы, громыхая, вылеталъ экспрессъ и, шипя тормозами, плавно подкатывалъ къ станци. Изъ вагоновъ перваго и втораго классовъ, изъ вагона-ресторана глядѣли сытыя и самодовольныя лица разодѣтыхъ пассажировъ-европейцевъ, но вниманіе русскихъ всегда было привлечено къ скромнымъ вагончикамъ третьяго класса. Всегда кто либо да пріѣзжалъ изъ Константинополя или кто либо проѣзжалъ въ Кабакджу или дальше на сѣверъ, въ обѣтованныя страны — Сербію и Болгарію (тѣмъ страшно завидовали). Вотъ тутъ то отъ пріѣзжавшихъ изъ Константинополя, и узнавали самыя послѣднія новости, зачастую самаго невѣроятнаго характера. Приходила почта для Корпуса. Цѣлый тюкъ газетъ для інформаціоннаго отдѣленія, которыя распредѣляли затѣмъ по лагерямъ. Тутъ же, на станци, изъ тюка вытаскивались свѣжія газеты и тутъ же читались самыя послѣднія сообщенія. „Новости“. Вообще всѣ тогда жили „новостями“, ждали чего то, какого то чуда, избавленія. Привезенныя изъ Константинополя „новости“ немедленно, съ быстротой электрической искры, облетали лагерь и вскорѣ дѣлались общимъ достояніемъ.

Иногда по перрону гулялъ Начальникъ Штаба съ офицерами. Ждали пріѣзда Комкора. Изъ вагона третьяго класса (онъ всегда ѣздилъ въ третьемъ классѣ), съ объемистымъ портфелемъ въ рукахъ, а часто и съ тючками и свертками (не обходилось безъ порученій и тутъ) выходилъ ген. Абрамовъ. Его тотчасъ же тѣснымъ кольцомъ окружали штабные и другіе офицеры и, что то рассказывая, Комкоръ проходилъ въ помѣщеніе Штаба.

Почти одновременно приходилъ экспрессъ изъ Европы. Съ нимъ уѣзжали въ Константинополь. Напутственные разговоры у вагоновъ и порученія, порученія безъ конца.

Поѣзда уходили. Постепенно уходила и публика со станци, съ

тѣмъ чтобы завтра собраться снова. И такъ изо дня въ день. Это было единственное развлеченіе.

По субботамъ и наканунѣ большихъ праздниковъ въ помѣщеніи Штаба Корпуснымъ священникомъ служились всенощныя. Канцелярія превращалась въ церковь. Стройно пѣлъ небольшой, но хорошо спѣвшійся хоръ изъ штабныхъ офицеровъ и казаковъ, истово и внятно провозглашалъ священникъ. Въ церкви, даже въ корридорѣ, было полно молящихся. Ко всенощной сходились со всего лагеря. Впереди всѣхъ неизмѣнно стоялъ Комкоръ.

Подъ вліяніемъ ли тоски изгнанія, тяжелыхъ условій лагерной жизни, но среди казаковъ наблюдался большой подъемъ религіознаго чувства. Молились истово, съ усердіемъ. И трогательны были эти всенощныя, съ ихъ колеблющимся мерцаніемъ восковыхъ свѣчей, со стройными знакомыми напѣвами и молящимися казаками, далеко оторванными отъ станицъ и семей, особенно были трогательны здѣсь, среди чужой и дикой обстановки, въ турецкой гостиницѣ, съ шумомъ горлающихъ въ кофейнѣ турокъ.

Нѣсколько разъ, въ кануны большихъ праздниковъ въ Хадемъ-Кіой пріѣзжалъ великолѣпный казачій хоръ изъ Чилингира, изъ 2-й дивизіи.

4-го января въ Корпусъ пріѣхалъ Донской Атаманъ генераль Богаевскій и Терскій — генераль Вдовенко. Пріѣхавшіе были встрѣчены почетнымъ карауломъ изъ сотни казаковъ 1-й дивизіи при Штандартѣ и роты французовъ. На правомъ флангѣ находились начальники. Встрѣчу играли французскіе горнисты. Къ встрѣчѣ собрались не только всѣ обитатели лагеря, но даже и турки изъ поселка, съ удивленіемъ смотрѣвшіе на невиданное ими зрѣлище.

Въ концѣ января на станцію пріѣхалъ бритый господинъ въ полувоенномъ костюмѣ, назвавшійся представителемъ Американскаго краснаго креста Бракгамомъ, а нѣкоторое время спустя начали выгружать громадныя ящики и тюки съ незнакомой еще тогда надписью — „american red cross“.

Черезъ нѣсколько дней началась раздача „американскихъ подарковъ“.

Женщинамъ, дѣтямъ и бѣженцамъ раздавали теплое бѣлье, носильное платье, одѣяла, обувь, пищевые продукты — муку, сахаръ, рисъ, какао, сгущенное молоко, сушеную зелень, посуду и кухонную утварь, мыло и разные мелкіе предметы домашняго обихода.

Строевымъ частямъ, вначалѣ, изъ нежеланія чѣмъ либо нарушить свой нейтралитетъ, американцы совсѣмъ отказались что либо дать, и, лишь послѣ ходатайства Командира Корпуса, въ части было выдано сравнительно небольшое количество теплаго бѣлья, носковъ, перчатокъ и парусиновыхъ пиджамъ.

Раздача американскихъ подарковъ внесла большое оживленіе въ лагерную жизнь. Съ утра и до вечера у складовъ съ подарками стояла длинная очередь женщинъ и казаковъ, по улицамъ съ радостнымъ возбужденіемъ несли груды посуды и одежды. На женщи-

нахъ появились вязанья кофты, шарфы и новыя юбки, на казакахъ фланелевыя блузы и шаровары.

Приблизительно въ то же время бѣженцы изъ лагеря были перевезены на о. Халки, а на ихъ мѣсто поселена, такъ называемая, рабочая сотня, сформированная французами изъ воинскихъ чиновъ I-го Армейскаго корпуса.

Открылась записка въ Совдепію. Въ первое время записалось всего лишь нѣсколько человекъ военно-служащихъ изъ учреждений Штакора. Большинство казаковъ, находившихся въ этомъ лагерѣ сравнительно въ хорошихъ условіяхъ, отнеслось къ записи скептически.

Рано утромъ 13-го февраля станція представляла необычную картину. Перронъ и часть пути были оцѣплены французами, по станціи и поселку ходили французскіе патрули. Внутри оцѣпленія съ сундучками, сумками и чувалами, понуро стояли отъѣзжавшіе въ Совѣтскую Россію чилингирцы. Нѣкоторые изъ нихъ пробовали улыбаться, но улыбки выходили дѣланныя и насильственные, развязныя движенія какъ то не выходили, разговоръ не клеился.

Съ шумомъ подкатилъ поѣздъ съ санджакскими „совдепциками“, куда начали грузиться и чилингирцы.

Тѣмъ временемъ за оцѣпленіемъ собрались чуть ли не всѣ казаки лагеря Хадемъ-Кіюй. Между ними и отъѣзжающими завязался оживленный разговоръ. По обѣ стороны были и одностаничники, хуторцы, была и родня.

Французская охрана никого не выпускала за оцѣпленіе, вѣроятно опасаясь, что кто либо изъ казаковъ въ послѣднюю минуту передумаетъ и не поѣдетъ въ Совдепію.

Разговоры велись на разстояніи. Передавались безконечныя порученія, пожеланія, письма. Иногда можно было наблюдать, какъ какой либо отъѣзжающій станичникъ передавалъ остававшемуся форменную казачью фуражку или завѣтные шаровары съ лампасами, вѣроятно долго и бережно, какъ зеница ока, хранившіеся въ сумкѣ или чувалѣ до лучшихъ дней, до возвращенія домой. Конечно, не такого возвращенія чаяли казаки, по нуждѣ поѣхали они, стосковавшись по семьямъ и роднымъ станицамъ и отчаявшись въ тяжелой лагерной жизни. Многіе изъ нихъ были увѣрены, что по пріѣздѣ комиссары ихъ ограбятъ, а потому и отдавали свои лучшія вещи. „На, пользуйся“ — говорили они „все равно пропадетъ“.

Иногда звали съ собой. „Чего-же ты одинъ остаешься. Смотри весь хуторъ ѣдетъ. Неужели-жъ всѣ пропадемъ? Чего же отъ своихъ отбиваешься, поѣдемъ вмѣстѣ“ — говорили они стоявшимъ за оцѣпленіемъ хадемкіюйцамъ. И вотъ казаки, съ серьезными почти страдальческими лицами, молча, ни на кого не глядя, срывались съ мѣста, бѣжали по домамъ, хватали наскоро собранныя вещи, и бѣгомъ спѣшили къ вагонамъ.

Туда французы пропускали всѣхъ.

И тутъ сказалась колоссальная сплоченность казаковъ, сплоченность, выработанная вѣками постоянныхъ войнъ, непрерывной борьбы и опасностей, когда приходилось полагаться только на себя,

да своихъ соратниковъ, на хуторъ, на станицу. И станица пріобрѣла какое то мистическое значеніе для казака. Если хуторцы, станичники, переходятъ, идутъ куда либо, никакая сила земная не въ состояніи заставить казака отстать отъ нихъ, остаться. Что бы тамъ ни было.

Такъ было и здѣсь. Старые казаки, чуть ли не съ первыхъ дней гражданской войны бывшіе большевиковъ и причинившіе имъ немало зла, вчера еще и въ мысляхъ не державшіе ѣхать въ Совдепію, теперь, когда станичники и хуторцы поѣхали, не могли уже остаться одни, зная, что ѣдутъ почти на вѣрную гибель.

Всего такихъ уѣхало изъ лагеря около двадцати человекъ. Звонокъ, отрывистый свистокъ локомотива и поѣздъ тихо-тихо тронулся. Замелькали шапки, платки; послѣднія пожеланія; у многихъ на глазахъ слезы, которыя и не стараются скрыть. Совдепщики уѣхали и жизнь пошла по прежнему.

Изъ Кабакджи въ мартъ пріѣзжала труппа. Подъ спектакль французы отвели помѣщеніе въ своихъ казармахъ. Спектакль и кабаре были интересны, но особенно понравился французамъ казачекъ, приведшій ихъ въ бурный восторгъ, а сенегальцы, такъ тѣ пришли въ экстазъ и начали издавать какіе то дикіе, нечленораздѣльные хриплые крики. Плясуновъ много разъ вызывали на бисъ и казакамъ пришлось тогда плясать чуть ли не до изнеможенія.

Проѣзжавшіе на другой день съ экспрессомъ европейцы съ живымъ любопытствомъ и удивленіемъ смотрѣли на казаковъ артистовъ и артистокъ, въ полутеатральныхъ малороссійскихъ костюмахъ, садившихся подъ звуки духового оркестра въ поѣздъ. Нечего и говорить, что это необычайное зрѣлище привлекло не только всѣхъ турокъ со станціи и поселка, но, даже, и французовъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ на Лемнось санджакской труппой въ лагерь было дано нѣсколько спектаклей. На этотъ разъ подъ театръ была приспособлена одна изъ лагерныхъ палатокъ. Опять несмолкаемые аплодисменты, дикій восторгъ французскихъ солдатъ и турокъ, которые теперь также присутствовали на спектакль. Особенный фуроръ произвели давно уже всѣмъ извѣстные театральные трюки, вродѣ „лубка“ и „музыкальной шкатулки“, явившіеся неожиданной, повидимому, новостью для турокъ и французовъ.

29-го въ лагерь стало извѣстно объ отправленіи на Лемнось. Теперь уже это извѣстіе не произвело такого ошеломляющаго впечатлѣнія, какъ это бывало раньше. О Лемнось уже достаточно знали, къ мысли о необходимости поѣздки туда — привыкли. Казаки начали дѣловито собираться, точно въ обычный далекій походъ. Послышались пѣсни, тягучія, длинныя-длинныя, походныя. Дѣдачи еще сложенные испоконъ вѣковъ. Теперь и здѣсь ихъ пѣли, собираясь. Съ собою забирали все, до строительныхъ матеріаловъ включительно.

Уже нѣсколько дней съ французскимъ транспортомъ, вмѣсто больныхъ, изъ Чилингира прибывали тяжелыя вещи, разное полковое имущество и тѣ изъ чилингирцевъ, кто не могъ самостоятельно дойти до станціи. Часть ихъ размѣщалась по стоявшимъ на станціи

пустымъ товарнымъ вагонамъ, часть въ помѣщеніяхъ въ поселкѣ, а часть — прямо подъ открытымъ небомъ, бивуакомъ.

Съ обѣда 22-го изъ Чилингира, одна за другою, потянулись турецкія подводы съ частнымъ имуществомъ чилингирцевъ. Группами прибывали сопровождавшіе ихъ казаки.

Вечеромъ лагерь представлялъ необычайную картину. По всему лагерю, то тамъ, то здѣсь, а больше всего у полотна жел. дороги, появились десятки костровъ, а около нихъ — группами казаки, готовившіе пищу. Повѣяло Чилингиромъ.

Полки пришли раннимъ утромъ 23-го. Быстро закончилась погрузка въ вагоны. 24-го были погружены остатки лагеря Санджакъ-Тепе, Штабъ Корпуса и всѣ обитатели лагеря Хадемъ-Кіой.

По обычаю, составы поѣздовъ были оцѣплены французами, никого не выпускавшими за оцѣпленіе. Кромѣ того французскіе патрули ходили по поселку и искали, нѣтъ ли гдѣ либо русскихъ, желавшихъ уклониться отъ поѣздки на Лемносъ и спрятавшихся. При этомъ были сняты съ работъ и почти насильно загнаны въ вагоны казаки, служившіе на мельницѣ и въ булочныхъ, дѣйствительно, хотѣвшіе было остаться на мѣстѣ службы. Былъ оставленъ только одинъ казакъ кузнецъ, служившій во французскомъ обозѣ.

Нагруженные поѣзда незамедлительно отходили въ Константинополь, гдѣ уже стояли приготовленные пароходы.

Непосредственно съ поѣздовъ перегружались на пароходы. Чилингирцы, т. е. 2-я Дон. дивизія, были погружены на „Решидъ-Пашу“, Штабъ Корпуса, остальные части и бѣженцы — на транспортъ „Донъ“.

Первый періодъ изгнанія закончился. Начинался второй — Лемносскій.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о дѣтяхъ совмѣстно со взрослыми переносившихъ всѣ тяготы лагерной жизни.

По лагерямъ Донского Корпуса числилось:

Названіе лагерей.	Строевыя части		Бѣженцы	ПРИМѢЧАНІЕ
	Дѣти въ возр. до 10 лѣтъ	Отъ 10 до 16 лѣтъ		
Санджакъ-Тепе	18	14	9	**) Свѣдѣнія о дѣтяхъ бѣженцевъ не получены.
Чилингиръ	7	4	*)	
Кабакджа	13	3	*)	
Хадемъ-Кіой	9	1	23	
Итого	47	22	32	

всего 101 ребенокъ, но на самомъ дѣлѣ ихъ было значительно больше.

Если взрослымъ порою бывало настолькоъ тяжело, что они уходили изъ лагерей, сами не зная куда и зачѣмъ, часто на вѣрную гибель, то дѣти прямо таки являлись страдальцами, лишенными всего, что является самымъ необходимымъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Голодая, дѣти замѣтно дичали.

Въ январѣ 1921 года въ Корпусъ было прислано 30 вакансій въ открытую въ Константинополь гимназію, гдѣ дѣти обучались на полномъ иждивеніи русскихъ общественныхъ круговъ. Но не всѣми этими вакансіями воспользовались казаки, боясь разлучиться съ дѣтьми и потерять ихъ въ сутолокѣ бѣженской жизни.

Большую помощь дѣтямъ оказали американцы, снабдивъ ихъ одеждою, бѣльемъ и пищевыми продуктами, но конечно, эта помощь лишь въ очень слабой степени смягчала тѣ тяжелыя условія, въ которыхъ дѣти находились.

Въ кошмарной обстановкѣ, когда въ погонѣ за кускомъ хлѣба обнажались животныя инстинкты голодныхъ людей, дѣти, какъ болѣе впечатлительныя, хрупкія, сами голодая — дичали, гибли, и много, много ни въ чемъ не повинныхъ дѣтей вышло изъ лагерей съ исковерканою душою, съ надорванною психикою, много породили лагеря, да и вообще гражданская война, большевизмъ, маленькихъ духовныхъ уродцевъ, отжившихъ уже — не живши, видѣвшихъ только изнанку жизни и никогда не видѣвшихъ ея лица.

VI.

ЛЕМНОСТЬ.

(До прибытія Донского Корпуса).

Врядъ ли многіе изъ казаковъ когда либо знали о существованіи на землѣ острова Лемноса, и ужъ никто конечно не предполагалъ, что на этомъ островѣ придется влачить скорбную долю изгнанія.

Лемнось — одинъ изъ самыхъ большихъ острововъ Эгейскаго моря. Онъ лежитъ подъ 40° сѣверной широты и 43° восточной долготы. Поверхность его равна 477 ми квадратнымъ километрамъ. Очертаніями своими островъ напоминаетъ неправильной формы человѣческое сердце.

Характеръ острова гористый, но мѣстами, главнымъ образомъ внутри острова, среди голыхъ, каменистыхъ и унылыхъ горъ, лежатъ цвѣтушія плодородныя долины.

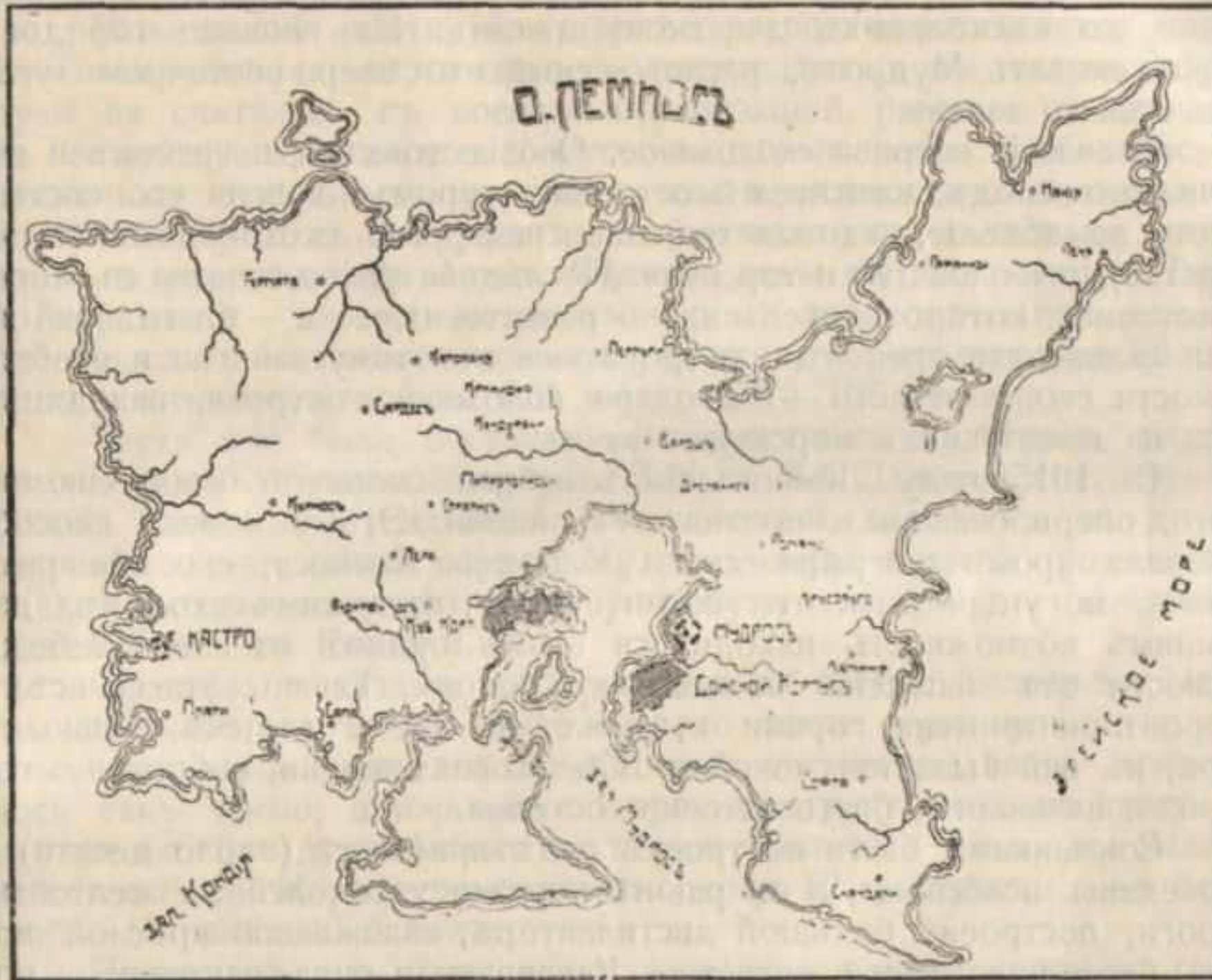
Климатъ умѣренно жаркій, съ господствующими сѣверо-восточными вѣтрами.

Въ древности островъ былъ посвященъ Гефесту (Вулкану), который упалъ какъ разъ сюда отъ могучаго взмаха руки Громовержца.

Островъ вулканическаго происхожденія. Древнее имя острова было Aethalia, что также указывало на его вулканическія особенности. Лемнось — „сѣдалище бога Вулкана“. Теперь нѣтъ и слѣда

этихъ особенностей, такъ какъ восточная часть острова, съ вулканомъ Мозихломъ, отъ сильнаго изверженія опустилась въ море.

Древнѣйшими жителями острова были Эракійскіе санти, разбойничье племя, промышлявшіе пиратствомъ и грабежомъ сосѣднихъ острововъ. Въ историческую эпоху островъ попалъ подъ власть персовъ, но былъ освобожденъ Мильтиадомъ и долго, затѣмъ, состоялъ въ союзѣ съ афинянами. Позднѣе онъ достался македонянамъ, затѣмъ — римлянамъ, впоследствии попалъ подъ власть Византіи, съ которой и дѣлилъ дальнѣйшую судьбу.

Изъ городовъ въ древности извѣстны были Palaco-Castro на западѣ и Gefestias на востокѣ. Первый изъ этихъ городовъ существуетъ и до настоящаго времени*), а отъ второго остались только случайные обломки камней, колоннъ и барельефовъ, которыми мѣстные жители пользуются для своихъ хозяйственныхъ и жилыхъ построекъ, да черепки глиняной посуды, монеты, украшения и статуэтки, до настоящаго времени находимыя жителями въ полѣ, на мѣстѣ Gefestias, и служащія предметомъ продажи немногочисленнымъ туристамъ.

Въ древности особенно славилась здѣсь красноватая глина или terra sigillata, добывавшаяся около города Gefestias, которая служила и краской и лекарствомъ противъ ранъ и змѣиныхъ укусовъ.

*) Подъ именемъ Кастро.

Ежегодно здѣсь было празднество (оно справляется и теперь 8-го августа), на которомъ жрецы, въ торжественной процессіи, брали извѣстное количество этой глины, дѣлили на части и, выдавивъ на нихъ изображеніе Артемиды, пускали въ продажу.

Въ настоящее время островъ называется Lemno, Лемнось (у турокъ Limio, Лимнось), причемъ островные греки называютъ его Stalimena. Въ административномъ отношеніи островъ обыкновенно всегда причислялся къ фракіійской территоріи.

Островъ быстро растетъ. Еще въ восьмидесятыхъ годахъ онъ насчитывалъ всего лишь 12.000 жителей, теперь же число ихъ возросло до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Изъ новыхъ городовъ можно назвать Мудросъ, расположенный въ сѣверо-восточномъ углу лемноскаго залива.

Населеніе острова смѣшанное. Оно состоитъ изъ грековъ и недавнихъ господъ, владѣтелей острова — турокъ. Занятія его составляютъ земледѣліе, садоводство, виноградарство, скотоводство (овцеводство), рыболовство и тор овя. Послѣдняя тѣсно связана съ мореходствомъ, которое здѣсь сильно развито, отчасти — благодаря общей склонности грековъ островитянъ къ этому занятію и необходимости его, а отчасти — благодаря положенію острова, находящагося на важнѣйшихъ морскихъ путяхъ.

Въ 1915 году Лемнось былъ избранъ морской базой союзниковъ, оперировавшихъ противъ Галлиполи. Этому немало способствовало, кромѣ географическаго положенія Лемноса, его обширная гавань, могущая вмѣстить сотни судовъ, съ узкимъ входомъ, дававшимъ возможность находиться этимъ судамъ въ полной безопасности отъ нападенія подводныхъ лодокъ. Гавань эта со всѣхъ сторонъ защищена горами и, даже, во время самыхъ сильныхъ бурь, въ ней бываетъ спокойно. Съ этого времени, собственно говоря, и начинается благосостояніе острова.

Союзниками былъ построенъ рядъ пристаней (около десяти) и проведены шоссейныя, а въ районѣ порта и узкоколейныя желѣзныя дороги, построенъ большой дистилляторъ, снабжавшій прѣсной водою безводную часть острова — Калоераки и суда, наконецъ — поставлены маяки, не говоря уже о постройкѣ аэродрома, ангаровъ и громаднаго количества бараконъ. Все это осталось на островѣ и, съ окончаніемъ войны, распродается грекамъ за безцѣнокъ. Численность союзныхъ войскъ на Лемнось доходила до 100.000 и, конечно, греки не мало тогда заработали на торговлѣ.

Громадное количество различныхъ военныхъ сооруженій и приспособленій, оказавшихся совершенно ненужными послѣ войны, съ другой стороны близость Константинополя, какъ международнаго административнаго центра, и Россіи, раздираемой тогда гражданской войной, и натолкнуло англичанъ на мысль поселить первыхъ русскихъ бѣженцевъ, еще Одесской и Новороссійской эвакуаціи, между прочимъ, и на островъ Лемнось.

Въ то время на Лемнось было поселено очень незначительное количество бѣженцевъ, главнымъ образомъ раненыхъ, больныхъ,

увѣчныхъ, женщинъ, дѣтей и гражданскихъ лицъ. Объ условіяхъ жизни этихъ бѣженцевъ имѣются самыя неопредѣленные и разнорѣчивыя свѣдѣнія, да и жизнь этихъ бѣженцевъ врядъ ли представляла большое историческое или общественное значеніе. Нѣсколько позже Лемносу суждено было стать убѣжищемъ части Русской Арміи.

Не всѣ донцы были высажены въ Константинополь въ ноябрѣ 1920 года. Часть ихъ повезли дальше, на островъ Лемнось, гдѣ 8—21 декабря было высажено 2.945 воинскихъ чиновъ различныхъ частей Донского Корпуса и 655 Терцевъ и Астраханцевъ.

Всѣ донскія части, или вѣрнѣе разрозненные остатки частей (при выгрузкѣ съ пароходовъ и распредѣленіи по лагерямъ французы не считались съ военной организаціей, расселяя по лагерямъ по числу душъ, вслѣдствіе чего нѣкоторыя части разбивались на нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ, въ зависимости отъ того, кто и на какой пароходъ погрузился, что вызвало потомъ немало затрудненій по реорганизаціи Арміи) были сведены въ два полка, а Терцы и Астраханцы въ одинъ полкъ. Кромѣ того отдѣльную единицу представляло Атаманское военное училище, насчитывающее 65 офицеровъ и классовыхъ чиновъ, 535 юнкеровъ и 106 казаковъ.

Части эти были поселены на полуостровѣ Калоераки, рядомъ съ частями Кубанскаго Корпуса. Только 2-й Донской кон. артиллерійскій дивизионъ, усиленный специалистами, находился на другой сторонѣ залива, около города Мудроса, имѣя задачей производство подготовительныхъ работъ по устройству лагеря для остальныхъ частей Донского Корпуса.

Офицеры и казаки, находившіеся въ лагерь Калоераки, жили въ палаткахъ, которыхъ было выдано такое ограниченное количество, что люди едва-едва помѣщались въ нихъ, а спать приходилось такъ тѣсно, прижавшись другъ къ другу, что, по казачьему выраженію, „на другой бокъ не перевернешься“. Такъ, въ маленькой палаткѣ — Марабу помѣщалось около 12 человекъ, а въ большой — Маркизъ 40 и болѣе.

Почти всѣ, въ томъ числѣ женщины и дѣти, спали на голой землѣ, иногда — на жиденькой подстилкѣ изъ травы или еще чего либо, что у кого имѣлось.

Въ то время донцы страшно завидовали кубанцамъ, прибывшимъ ранѣе ихъ (Кубанскій Корпусъ, общей численностью около 16.000 человекъ, прибылъ на Лемнось въ концѣ ноября), которые имѣли значительное число кроватей, выданныхъ французами, подстилочныя принадлежности и одѣяла. Въ районѣ Кубанскаго лагеря находились бараки и другія постоянныя постройки, въ которыхъ размѣстились лечебныя заведенія, штабы дивизій и, даже, полковъ, тогда какъ у донцовъ не было ни одной такой постройки. Единственная баня всецѣло находилась въ распоряженіи кубанцевъ, которые изрѣдка предоставляли ее въ пользованіе донцамъ, да и то въ самыя неудобныя часы. Даже водопроводъ вначалѣ проходилъ лишь черезъ расположеніе Кубанскаго Корпуса, причемъ ближайшіе

резервуары съ водой находились въ верстѣ отъ Донскаго лагеря; и только черезъ нѣсколько недѣль, почти передъ самымъ отъѣздомъ донцовъ на другую сторону залива, къ нимъ также была проведена вода.

На Лемнось тогда было еще сравнительно тепло и отъ холода донцы не страдали, но французскій паекъ, и безъ того весьма ограниченный, выдавался неполностью и казаки недоѣдали. Особенно плохо, неравномѣрно и въ небольшомъ количествѣ, выдавался хлѣбъ. Дровъ французы выдавали такъ мало, что ихъ не хватало, даже на кипяченіе воды, не говоря уже про варку пицци, а потому казакамъ приходилось съ первъ хъ же дней заботиться о добычѣ топлива. На безлѣсномъ островѣ, со скудною растительностью, достать горючій матеріалъ было дѣломъ не легкимъ. Цѣлыми днями надо было ходить казакамъ въ поискахъ колючки, которою и греки пользовались, какъ топливомъ, или собирать оставшуюся по жневьямъ солому.

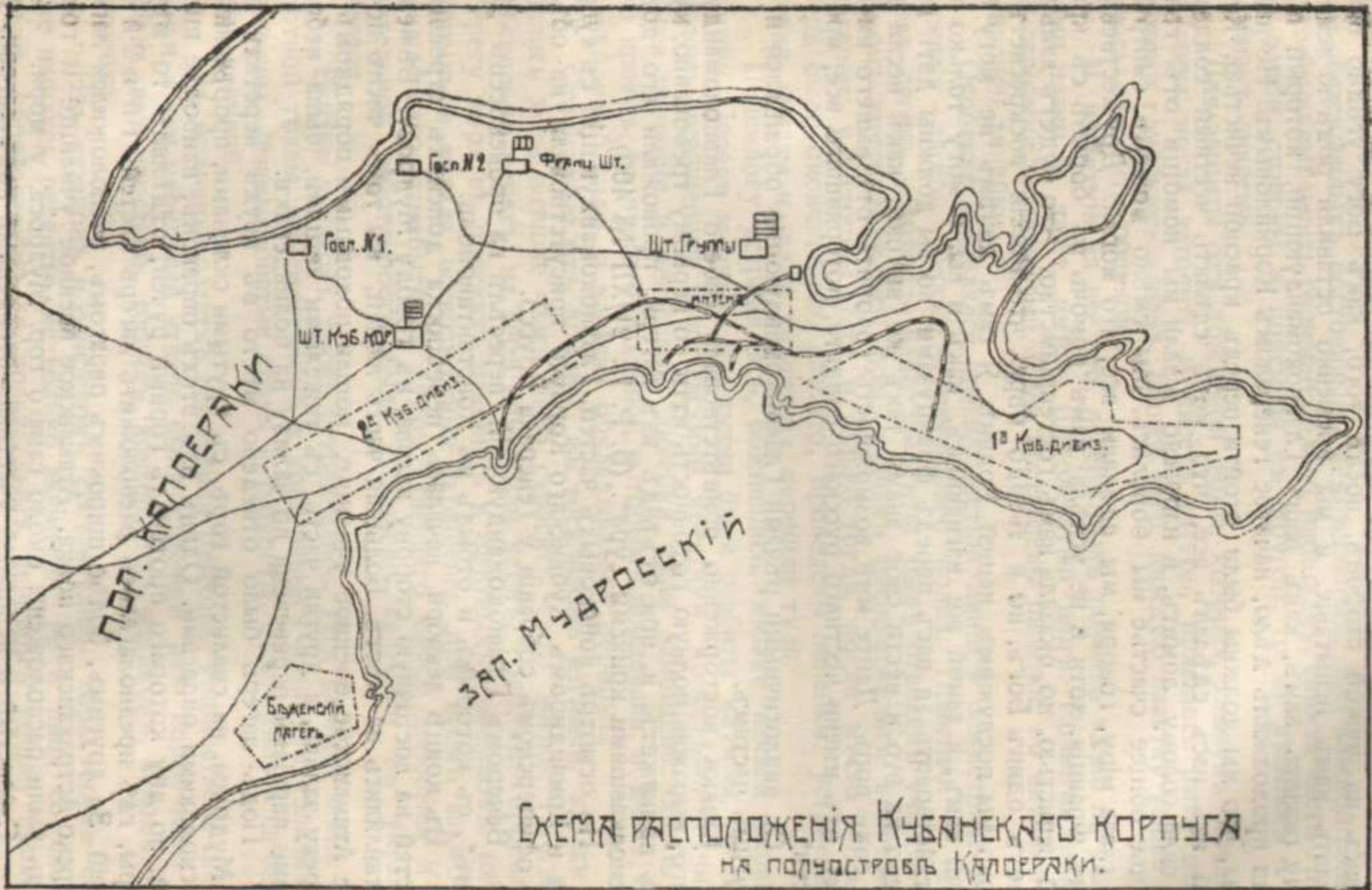
Жизнь была тяжелая, но еще тяжелѣе казалась казакамъ полная оторванность отъ всего міра; извнѣ не приходило ни одного извѣстія, ни одна русская газета не доставлялась тогда на Лемнось.

На дикомъ уныломъ островѣ, съ голыми каменистыми горами, окруженные со всѣхъ сторонъ водою, точно въ тюрьмѣ чувствовали себя казаки. Какъ и въ тюрьмѣ надзиратели, всюду были разставлены французскіе часовые, лагерь былъ оцѣпленъ и, даже по острову, внутри тюрьмы, не разрѣшалось свободно ходить. О Корпусѣ, о тѣхъ, другихъ казакахъ, что высадились въ Константинополь, ничего не знали.

Французы, надо отдать имъ справедливость, тогда еще сносно относившіеся къ русскимъ, предлагали казакамъ свои газеты, но пользоваться ими, конечно, могли очень и очень немногіе. Тогда у бывшаго редактора хорошо извѣстной донцамъ по Тавріи газеты „Сполохъ“ Куницына, возникла счастливая мысль переводить французскія газеты и болѣе интересныя сообщенія печатать въ особыхъ бюллетеняхъ. Началъ выходить „Информаціонный листокъ Донскаго лагеря на о. Лемнось“. Въ распоряженіи Куницына былъ одинъ лишь писарь, самое ограниченное количество бумаги, и поэтому листокъ выходилъ только въ десяти экземплярахъ, которые и расклеивались по лагерю.

Понятно, съ какимъ восторгомъ встрѣтили казаки этотъ листокъ. Цѣлыми днями, съ утра и до вечера, толпился народъ у досокъ, съ наклеенными на нихъ номерами листка, читали и тутъ же обмѣнивались впечатлѣніями. Даже кубанцы, въ корпусъ которыхъ не было ничего подобнаго, толпами приходили въ донской лагерь читать листокъ.

17-го декабря, на броненосцѣ „Провансъ“, на Лемнось прибылъ Главнокомандующій Русской Арміей генераль Врангель, которымъ былъ произведенъ смотръ находившимся на островѣ воинскимъ частямъ, и подробно осмотрѣны лагеря и лазареты.

Осмотрѣвъ донскія части, генераль Врангель обратился къ нимъ со слѣдующей рѣчью: „орлы Донцы, въ первый разъ вижу я васъ на чужой сторонѣ, послѣ того, какъ Богу угодно было послать намъ испытаніе, и мы временно оставили родн.ю землю. Хочу сказать вамъ, какъ вашъ Главнокомандующій, который полгода продолжалъ дѣло, начатое генераломъ Корниловымъ. Не наша вина, что мы должны были отойти передъ красной нечистью. Каждый изъ насъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать честный солдатъ, но сила солому ломить, и напрасно ждали мы помощи отъ тѣхъ, за чье общее счастье мы боролись. Мы смѣло можемъ смотрѣть въ глаза міру, говоря, мы сдѣлали все, что могли. Дружественная намъ Франція, хотя и не успѣла намъ помочь въ борьбѣ съ красной нечистью, но оказала намъ гостепріимство. Что будетъ дальше, знаетъ одинъ Богъ, но я твердо вѣрю, что Россія воскреснетъ и вновь мы послужимъ нашей Родинѣ. Я самъ ничѣмъ не могу помочь вамъ, я такой же изгнанникъ, какъ и вы, и могу только ходатайствовать за васъ передъ французами, но вы должны дать мнѣ право на это и нести свое знамя такъ же высоко, какъ несли его до сихъ поръ. Дайте мнѣ возможность говорить отъ вашего имени, какъ отъ имени честнаго русскаго солдата, потерявшаго все, кромѣ чести“.

Съ аналогичными рѣчами Главнокомандующій обращался и къ другимъ частямъ.

Казакі восторженно привѣтствовали своего Главнокомандующаго, выражая полную готовность итти по первому требованію, куда онъ прикажетъ, и, при отъѣздѣ изъ лагеря, провожали его долго весмолкавшими криками „ура“. (Б. Р. П. 21/ХІІ № 400).

По осмотрѣ войсковыхъ частей, Главнокомандующій съ супругой и Командиромъ Кубанскаго Корпуса присутствовали на обѣдѣ въ офицерскомъ собраніи у генерала Бруссо.

Вечеромъ Главнокомандующій пересѣлъ на броненосецъ „Лорэнъ“, съ которымъ и отбылъ въ Константинополь.

Въ концѣ декабря началась переброска донскихъ строевыхъ частей на восточную сторону залива, къ городу Мудросу. Бѣженцы оставались на мѣстѣ. Большая часть людей, въ томъ числѣ почти все Атаманское военное училище, пошли походнымъ порядкомъ по берегу залива, а другая часть, съ тяжелыми вещами, была небольшими партіями перевезена по заливу на болиндерахъ.

Подъ лагерь было отведено мѣсто въ двухъ верстахъ отъ г. Мудроса, на скалистой горѣ, съ крутыми склонами, прорѣзанными нѣсколькими оврагами. Одинъ изъ этихъ овраговъ, наиболѣе широкій, по дну котораго протекалъ горный ручей, отдѣлялъ то мѣсто горы, гдѣ предполагалось расположить лагерь частей 1-й и 2-й дивизій. За другимъ, болѣе широкимъ оврагомъ, расположился лагерь Терско-Астраханскаго полка. Атаманское военное училище и госпиталь были расположены около самаго гор. Мудроса, у моря.

Скалистый и неровный участокъ, отведенный подъ лагери, требовалъ большихъ работъ, чтобы привести его въ должный видъ.

Много труда было затрачено казаками, чтобы разбить линейки, устроить площадки для палатокъ, лѣстницы, дорожки и тому подобное. Каменистый грунтъ съ трудомъ поддавался усиліямъ казаковъ, уже обезсиленныхъ постояннымъ недоѣданіемъ. Для каждой палатки надо было выравнять горизонтальную площадку, снимая часть грунта съ одной стороны и подсыпая съ другой; то же дѣлалось и при разбивкѣ линеекъ.

Для защиты отъ дождевой воды, которая, хлынувъ потоками съ горы, могла затопить и снести лагерь, пришлось рыть цѣлую систему глубокихъ канавъ, кромѣ того, каждую палатку также пришлось обводить ровикомъ.

И, несмотря на все это, лагерь былъ разбитъ точно по указанному плану и, даже, имѣлъ щеголеватый видъ. Прямыми рядами, со строгими интервалами, были поставлены палатки, по ниточкѣ вытянулись линейки.

Особенно выдѣлялся правильностью линій и симметрией расположенія лагерь Терско Астраханскаго полка. Практически Терцы, подъ лагерь которыхъ, надо замѣтить, былъ отведенъ участокъ на самомъ крутомъ склонѣ горы, вначалѣ расположились временнымъ лагеремъ у подошвы горы и только тогда, когда мѣсто подъ лагерь было окончательно разбито, проведены линейки, устроены лѣсенки, канавы и, даже украшенія, перешли туда.

Понемногу устроившись, обжившись, казаки начали украшать лагерь. Передъ многими палатками были разбиты клумбы, сплошь и рядомъ украшенныя георгіевскими крестами, полковыми и училищными значками и вензелями, линейки были замощены, вдоль ихъ, по краямъ, сооружены столбики, которымъ придавали, подчасъ, очень затѣйливый видъ, а канавки обкладывались дерномъ.

Оторванные отъ домовъ, въ тоскливомъ изгнаніи, казаки старались хоть вышше чѣмъ либо скрасить свою жизнь. Иногда за нѣсколько верстъ на себѣ приносили дернъ, голодные бродили по берегу моря въ поискахъ раковинъ и цвѣтныхъ камешковъ, изъ которыхъ и дѣлали всевозможныя украшенія; при этомъ много прирожденнаго, самобытнаго, художественнаго вкуса, дарованія и трогательной заботливости было проявлено казаками въ украшеніи лагеря.

Внутри палатокъ также устраивались. Изъ камней, земли и болотной травы, изъ жестянокъ и консервныхъ ящичковъ дѣлали нары, гапчаны, незамысловатые столы и табуреты, обзаводились самодѣльной посудой.

Въ большой палаткѣ соорудили церковь. Иконостасъ, свѣтильники и вся церковная утварь были сдѣланы изъ подручнаго матеріала, изъ простынь, одѣялъ, консервныхъ ящичковъ, банокъ и жестянокъ.

Изъ казаковъ и офицеровъ составлялись хоры, среди своихъ же нашлись регенты, не только любители, но и лица со специальнымъ образованіемъ, и правильнымъ чередомъ пошли церковныя службы.

Подъ вліяніемъ ли тоски изгнанія, тяжелыхъ условій жизни, неопредѣленности будущаго, но религіозное чувство у казаковъ въ это время сильно поднялось. Церковъ палатки всегда были полны усердно молящимися казаками; далеко за предѣлы лагерей, по окрестнымъ горамъ разносились стройные звуки церковныхъ пѣснопѣній.

Въ остальномъ жизнь была подобна чилингирской или другихъ лагерей, та же голодовка, холодъ, тѣ же вши, многоголосное, надрывное „кому“, толчекъ съ греками скупщиками, только тоска, безысходная тоска по Родинѣ, здѣсь была еще глубже, больше чувствовали казаки свою оторванность отъ міра здѣсь, на уныломъ островѣ, окруженные водою.

Настроеніе казаковъ было учтено французами, вѣроятно и тогда уже рѣшившими распылять Армію.

Была объявлена записка во французской „иностранной легіонъ“

По условіямъ записки въ легіонъ могли быть принимаемы всѣ иностранцы, безъ различія національностей, въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ. Отъ нихъ требовалась физическая годность, свидѣтельствуемая при поступленіи, и ростъ не ниже 1 метра и 55 сантиметровъ. При поступленіи заключался обязательный контрактъ на пять лѣтъ.

Поступившіе получали пособіе въ 500 франковъ, уплачиваемое въ два срока; первая половина — при поступленіи на службу, и вторая половина — четыре мѣсяца спустя.

Основное жалованіе выдавалось на общемъ основаніи для солдатъ французской арміи — около 100 франковъ въ мѣсяць.

Послѣ пяти лѣтъ службы контрактъ могъ быть возобновленъ съ пособіемъ въ 200 франковъ въ годъ для солдата и 300 для унтеръ-офицера.

По условіямъ этой записки изъ Арміи должны были уйти наиболѣе боеспособные солдаты и казаки, поэтому Командованіе, въ цѣляхъ сохраненія Арміи, со своей стороны рядомъ приказовъ установило условія выхода изъ Арміи для записки въ легіонъ.

Было указано, что записываться въ легіонъ могутъ только невоеннообязанные, т. е. перечисленные въ разрядъ бѣженцевъ по возрасту, болѣзнямъ или другимъ условіямъ (Прик. Главкома 4185) или имѣющіе право на такое перечисленіе. Изъ военнообязанныхъ только тѣ могли записываться въ легіонъ, пребываніе которыхъ въ частяхъ Арміи по ихъ нравственнымъ качествамъ признавалось начальниками частей нежелательнымъ.

Кромѣ того, начальникамъ было вмѣнено въ обязанность разъяснить казакамъ, что, связанные пятилѣтнимъ контрактомъ, они не могутъ рассчитывать на возвращеніе домой ранѣе пяти лѣтъ, что находясь на службѣ подъ иностранными знаменами, казакъ, естественно, лишается права на земельный паекъ въ станицѣ и что не исключена возможность того что легіонерамъ въ концѣ концовъ придется принять французское подданство и что срокъ пребыванія въ легіонъ навѣрное будетъ болѣе 5 лѣтъ, т. к. французы широко примѣняютъ систему штрафовъ, удлиняющихъ срокъ службы.

И такъ, съ другой стороны, по условіямъ Командованія въ легионъ могли поступать только лица, негодныя къ военной службѣ или физически, или по своимъ нравственнымъ качествамъ. Тогда французы, черезъ голову начальниковъ, стали непосредственно обращаться къ казакамъ. Было объявлено, что записываться могутъ непосредственно во французскомъ штабѣ, около котораго во множествѣ развѣшивались условія приѣма въ легионъ съ соблазнительными описаніями службы, записываться можно было не только помимо начальниковъ, но, даже, и вопреки ихъ приказаніямъ и распоряженіямъ, причемъ казакамъ въ самомъ безнадежномъ видѣ описывалось положеніе Арміи, сообщались извращенныя свѣдѣнія о Совдепіи и внушалось, что отъ Арміи имъ больше ждаться нечего, дѣваться некуда, и что самый разумный выходъ — это запись въ легионъ. (О Совдепіи или Бразиліи тогда еще рѣчи не было).

Желающіе служить въ легионъ находились, причемъ, что было особенно печально, записывались люди молодые, полные силъ, которые могли бы быть весьма полезны въ дальнѣйшей борьбѣ съ большевиками. Последнее обстоятельство заставило Главнокомандующаго снестись съ французами о временномъ приостановленіи записи, хотя бы до окончанія переформирования Арміи.

Какъ бы въ отвѣтъ на это, генераль-губернаторъ Лемноса Бруссо въ приказѣ отъ 20 декабря за № 25 говорилъ: „по предложенію французскаго правительства, по которому русскимъ войскамъ было разрѣшено поступать въ иностранный легионъ, записалось около 200 человекъ. Эти лица, послѣ медицинскаго освидѣтельствованія, если они будутъ признаны годными, со слѣдующимъ пароходомъ будутъ отправлены въ Константинополь по 100 человекъ. Однако генераль Врангель просилъ меня принять соответствующія мѣры для прекращенія записи до тѣхъ поръ, пока не будетъ установленъ окончательный составъ русскихъ формированій. Съ завтрашняго дня, 21 декабря, ни одна запись не будетъ больше принята до тѣхъ поръ, пока я не прикажу возобновить ее. Пускай казаки и офицеры, желающіе поступить въ легионъ, потерпятъ; разрѣшеніе записи только отсрочено, тѣмъ болѣе, что событія еще могутъ позволить возобновленной Русской Арміи снова начать борьбу за свободу своей Родины, что каждый долженъ желать“.

Но это были только слова. На самомъ дѣлѣ запись продолжалась своимъ чередомъ. Если и прекращалась она, то на нѣсколько лишь дней, не болѣе, что прошло совершенно незамѣтно.

Записывались казаки, записывались юнкера, записывались, даже, офицеры. Думали, лишь бы только вырваться съ острова, изъ лагеря, а тамъ будь, что будетъ. Сколько записалось въ легионъ — не установлено. Точную цифру поступившихъ въ легионъ можетъ дать только, развѣ, французское командованіе, такъ какъ записывались и въ Константинополь, и въ другихъ бѣженскихъ лагеряхъ и, даже, еще на пароходѣ, прямо по прибытіи на константинопольскій рейдъ, на островъ же и по лагерямъ Донскаго Корпуса записавшихся было болѣе тысячи человекъ, причемъ запись эта непрерывно

продолжалась вплоть до послѣдняго дня пребыванія въ лагеряхъ.

При этомъ многіе продѣлывали такую комбинацію. Завѣдомо зная свою негодность къ военной службѣ, много разъ раненые, искалѣченные люди записывались въ легіонъ съ цѣлью вырваться съ острова или изъ лагеря, ѣхали въ Константинополь, гдѣ ихъ свидѣтельствовали и, конечно, признавали негодными къ поступленію на службу, послѣ чего вновь отправляли въ какой либо лагерь, но уже лучшій, въ окрестности Константинополя. (По вполне понятнымъ причинамъ французы симпатизировали такимъ). Въ результатъ — лучшій лагерь и нѣкоторое разнообразіе при переѣздѣ, въ хорошихъ, относительно, условіяхъ, при сносномъ питаніи.

Но это удавалось лишь немногимъ.

Приблизительно въ то же время пошли слухи о Кемаль-Пашѣ, о томъ, что онъ хорошо принимаетъ казаковъ, даетъ имъ службу и деньги, что съ большевиками онъ ничего общаго не имѣетъ, и что одинъ пароходъ (названіе постоянно мѣнялось) съ казаками и офицерами, во время переѣзда по Черному морю, бурею былъ прибитъ къ малоазіатскому берегу, причемъ Кемаль оказалъ полное гостепріимство русскимъ, принялъ къ себѣ на службу тѣхъ, кто этого пожелалъ, а другимъ далъ кровь и пищу.

Насколько правдоподобны были эти слухи — трудно сказать, но, дѣйствительно, въ газетныхъ сообщеніяхъ того времени о побѣдахъ Кемалья, не разъ мелькали замѣтки о томъ, что бѣгущихъ грековъ преслѣдовали конные казаки съ „пулеметами на тачанкахъ“.

Такъ или иначе, казаки этому вѣрили и у нѣкоторыхъ изъ нихъ созрѣла рѣшимость бѣжать къ Кемалю, чему немало способствовала близость малоазіатскаго берега около 50 километровъ. Бѣжали на парусникахъ и каюкахъ грековъ и турокъ, причемъ была установлена, даже, такса за переѣздъ — 20 драхмъ, нѣкоторые бѣжали самостоятельно въ гребныхъ лодкахъ. Что случилось съ ними — неизвѣстно.

Многіе изъ нихъ, вѣроятно, погибли въ морѣ, ходили слухи, что нѣкоторыхъ, съ цѣлью грабежа, убили и сбросили въ море лодчички, одна партія вернулась обратно. На полпути они встрѣтили лодку съ нѣсколькими казаками, рассказавшими имъ, что при попыткѣ высадиться на берегъ ихъ встрѣтили пулеметнымъ огнемъ греческіе посты, причемъ нѣкоторые были убиты, нѣкоторые ранены. Послѣ этого случая бѣгство почти прекратилось.

13-го января, на пароходъ „Вѣха“ на Лемнось прибыла часть Штаба Донкорпуса съ эшелономъ въ 500 человекъ воинскихъ чиновъ Донскаго Техническаго полка, а 16 января прибыли части I-й и II-й дивизій, общей численностью 3.800 человекъ.

Штабъ Корпуса расположился въ лагерь около города Мудроса въ тесовыхъ баракахъ, оставшихся отъ англичанъ, и въ палаткахъ, Технической полкъ — по склону горы восточнѣе Сводно-пластунскаго полка, а части I-й и II-й дивизій на заранѣ отведенномъ имъ мѣстѣ, между Пластунскимъ и Терско-Астраханскимъ полками.

Прибывшіе частью были размѣщены въ палаткахъ, которыхъ французами было выдано очень ограниченное количество, по одной на 12—14 человекъ, причемъ много палатокъ было рваныхъ, полустлѣвшихъ, не дававшихъ защиты ни отъ дождя, ни отъ вѣтра, а частью въ блиндажныхъ перекрытіяхъ (аброметро) шириною 20 вершковъ каждое, выдававшихся по расчету два перекрытія на трехъ человекъ. При соединеніи ихъ получался сводчатый продолговатый баракъ, вышиною по средней линіи $2\frac{1}{2}$ —3 аршина и шириною 4—5 аршинъ; длина барака зависѣла отъ числа помѣщавшихся въ немъ людей. Открытые бока такого барака задѣлывались подручнымъ матеріаломъ или банками изъ подъ консервовъ съ насыпанной въ нихъ землей. Ввиду отсутствія строительнаго матеріала и стеколъ, бараки эти были темны, зимой — холодны, лѣтомъ же, несмотря на прикрытіе аброметро землей, душны отъ накаливанія желѣза.

Снова закипѣла работа по устройству лагеря. Казакамъ, уже обжившимся въ чаталджинскихъ лагеряхъ, уже затратившимъ массу труда и времени на устройство и оборудованіе прежнихъ жилищъ, снова пришлось работать на новомъ мѣстѣ. А работа была тяжелая; какъ уже говорилось, лагерь былъ расположенъ по склону горы и надо было выравнивать площадки и рыть канавы въ каменистомъ грунтѣ; канавъ пришлось рыть особенно много, такъ какъ онѣ служили не только для отвода дождевой воды, но и для осушенія почвы въ лагерь, гдѣ, несмотря на горную мѣстность, близко отъ поверхности были подпочвенныя воды.

Но хорошей питьевой воды было довольно ограниченное количество. За лагерями Терско-Астраханскаго полка и первой Дон. дивизіи было два большихъ источника, дававшихъ, въ среднемъ, около 40 ведеръ въ минуту, и пять малыхъ (колодцевъ) — между лагеремъ и моремъ. Вода первыхъ двухъ источниковъ стекала въ море двумя большими ручьями, на которыхъ были устроены запруды для стирки бѣлья, питьевую же воду брали изъ малыхъ источниковъ-колодцевъ, причемъ только въ двухъ изъ нихъ вода была годная для питья. Какъ на бѣду, источники эти были самые удаленные отъ лагеря и воду приходилось носить чуть ли не за версту.

Много неудобствъ для казаковъ представляли отхожія мѣста, которыя, по условіямъ мѣстности, пришлось устраивать впереди лагеря, подъ горою, иногда на значительномъ разстояніи. Онѣ представляли собою узкіе глубокіе ровики, обнесенные со стороны лагеря невысокой стѣной. Благодаря удаленности уборныхъ, казаки, несмотря на всѣ принимаемыя начальствомъ мѣры, ходили вверхъ, на гору, что и сказалось во время дождей.

Продукты выдавались изъ интендантства, расположеннаго на пристани, въ двухъ километрахъ отъ лагеря Терско-Астраханскаго полка. Только теперь, съ пріѣздомъ новыхъ частей быстро пошли и окончились работы по устройству узкоколейки, а до этого времени продукты, въ томъ числѣ и дрова, приходилось косить на себѣ. Люди за продуктами высылались командами, и командами же

возвращались обратно. Вначале были попытки приемщиков уходить обратно самостоятельно, не дожидаясь других, прямо же по получении какого либо продукта, но это повело къ хищенно продуктовъ и было прекращено. (Прик. Дон. лагерю 22/1 № 6).

Что касается пайка, то онъ въ этотъ періодъ времени былъ такой же, какъ и въ лагеряхъ района Чаталджи. Составные элементы и количество даваемыхъ имъ калорій видны изъ слѣдующей таблицы:

Таблица № 2

Пакъ съ I3/I по 10/IV

Наименованіе продуктовъ	Бѣлк.	Жир.	Углев.	Кал.
Хлѣбъ (пшен. и кукур. мука) 500,0	63,25	2,5	222,6	1195,0
Консервы 200,0	96,5	17,18	0,18	315,92
Картофель 300,0	5,97	—	62,61	152,76
Раст. жир. 20,0	—	19,6	—	182,28
Бульонъ въ куб. 25,0	3,45	1,43	14,74	88,87
Соли 20,0	—	—	—	—
Чая 4,0	—	—	—	—
Сахара 30,0	—	—	29,64	122,85
Всего	109,62	41,33	329,86	2057,68

Если принять во вниманіе, что нормальный человѣческой организмъ расходуетъ въ сутки около 3000 калорій, то изъ таблицы можно увидѣть, что расходъ этотъ только въ двухъ третяхъ покрывался выдаваемой пищей, а остальное, повидимому, шло за счетъ организма.

Здѣсь, какъ и въ Калоераки, французы также не разрѣшали свободнаго передвиженія по острову. Лагерь былъ окруженъ двойнымъ кольцомъ постовъ, за которые никого не выпускали. По близлежащимъ деревнямъ были отправлены патрули (снош. ген. Бруссе №№ 861, 862, 989), на обязанности которыхъ лежало арестовывать всѣхъ бродившихъ по острову казаковъ, что съ наименьшимъ рвеніемъ исполнялось и греческими жандармами.

Особенно тщательно охранялся г. Мудросъ, на всѣхъ дорогахъ къ которому стояли французскіе посты. Войти въ городъ можно было только по особымъ пропускамъ, выдаваемымъ французскимъ командованіемъ на каждый день особо, да и то въ очень

ограниченномъ количествѣ. Въ греческую церковь въ городъ разрешалось ходить только командами, причемъ французы внимательно слѣдили за тѣмъ, чтобы люди не расходились по городу.

Дошло до того, что команды, наряжаемыя для сбора бурьяна и колючки, были запрещены. „Команды теряютъ свой смыслъ — писалъ ген. Бруссо въ сношеніи за № 989, 1921 г.— ввиду того, что количество дровъ, выдаваемыхъ интендантствомъ въ настоящее время, совершенно достаточно*). Эти команды должны быть совершенно запрещены“.

Впрочемъ, это запрещеніе осталось только на бумагѣ. Если и соблюдалось оно, то лишь нѣсколько первыхъ дней; несмотря на французскія увѣренія, топлива было все-таки недостаточно, что видно хотя бы изъ санитарнаго отчета по лагерю за январь-февраль мѣсяцы: „въ частяхъ почти вездѣ заведены общія варки и горячая пища готовится два раза въ день, но не всегда, за отсутствіемъ топлива“; „брюшной тифъ имѣетъ тенденцію на увеличеніе числа заболѣваній. Объясняется это, отчасти, отсутствіемъ въ частяхъ кипяченой воды, что въ свою очередь, зависитъ отъ недостачи топлива“. Благодаря этому, по необходимости, сборъ бурьяна продолжался по прежнему.

Въ остальномъ жизнь новоприбывшихъ казаковъ, какъ и бывшихъ ранѣе на островѣ, текла общелагернымъ темпомъ.

Между тѣмъ приближалась лемноская зима. „Лемнось — одно изъ тѣхъ мѣстъ на землѣ, гдѣ зимой сыро и холодно, дуетъ постоянно сильный нордъ-остъ, а лѣтомъ очень жарко“. Все чаще и чаще шли дожди, перепадаль временами снѣгъ, все сильнѣе и порывистѣе, злѣе становился сѣверо-восточный вѣтеръ. Временами онъ достигалъ такого напряженія, что срывалъ палатки и раздиралъ старыя полуистлѣвшія полотнища.

Не разъ, бывало, въ бурныя ночи вѣтеръ срывалъ палатки и казаки оказывались или подъ обрушившимся на нихъ брезентомъ, или, еще хуже, — подъ дождемъ. Приходилось ночью вновь натягивать палатки, что въ бурю было дѣломъ не легкимъ. А это повторялось неоднократно и не разъ случалось казакамъ принимать ночные холодные души.

Отъ постоянныхъ дождей близкія отъ поверхности земли подпочвенныя воды выступали наружу, сырость въ палаткахъ постепенно превращалась въ постоянную грязь, отъ сырости не спасали и тапчаны, сдѣланные изъ камней и земли, а жиденькая подстилка спавшихъ на землѣ казаковъ промокала насквозь.

Въ ливни цѣлые потоки воды, устремляясь съ горъ, заливали лагерь, несмотря на многочисленныя канавы.

Температура въ палаткахъ и аэрометръ мало чѣмъ разнилась отъ температуры наружнаго воздуха. Казаки ходили постоянно одѣвыми, не раздѣвались и на ночь, причемъ намокшая одежда обыкновенно на нихъ же и высыхала.

*) 650,0 въ сутки на человѣка.

Въ большомъ количествѣ появились вши, бороться съ которыми было почти невозможно. На весь лагерь имѣлись только три бани — въ Терско-Астраханскомъ полку, въ Техническомъ и въ 1-мъ Донскомъ св. зап. гоститалѣ, но „пользоваться ими регулярно не представлялось возможнымъ, какъ вслѣдствіе малой выдачи отопительныхъ матеріаловъ, такъ и въ зависимости отъ погоды“ (сан. отч.); „имѣлось три дезинфекціонныхъ камеры, но онѣ не могли правильно функционировать вслѣдствіе того, что у подавляющаго большинства жителей лагеря былъ весьма скудный гардеробъ, состоящій изъ одного костюма и одной смѣны бѣлья. Въ силу этого желающій отдать свои вещи для дезинфекціи, долженъ былъ ожидать полученія ихъ завернувшись только въ одѣяло*), что не всегда позволяло состояніе погоды и отсутствіе при камерахъ теплыхъ помѣщеній“ (тамъ же).

Если ко всему этому прибавить постоянное недоѣданіе, угнетенное душевное состояніе, то ясной станетъ картина неприглядной жизни на островѣ въ то время.

Надо только удивляться, что заболѣваемость была весьма незначительная. За январь и февраль мѣсяцы больныхъ въ лечебныхъ заведеніяхъ было всего 241, изъ коихъ:

- 19 сыпнотифозныхъ,
- 99 возвратнотифозныхъ,
- 15 брюшнотифозныхъ,
- 7 остр. суст. ревматизма,
- 10 крупн. воспал. легкихъ,
- 16 венериковъ и
- 75 прочихъ — незаразныхъ, по большей части простудныхъ.

Большій процентъ заболѣваній падаетъ на возвратный тифъ, выразившійся въ 40% всѣхъ заболѣваній.

Амбулаторныхъ больныхъ въ частяхъ было 3200 посѣщеній, изъ нихъ лихорадочныхъ — 13%, страдающихъ упорными поносами — 12%, цынгой — 0,5%, глазными заболѣваніями — 3%, наружными — 7%, венерическ. — 1,5% и прочими незаразными (простудными) — 63%.

Для обслуживанія чиновъ Донкорпуса и ихъ семей были развернуты два лазарета — дивиз. лазаретъ 1-й дивизіи, на 50 кроватей и 1-й Дон. св. полев. госпиталь — на 150 кроватей, съ родильнымъ приютомъ и зубо-врачебнымъ кабинетомъ.

Кромѣ того, въ полкахъ были открыты полковые околотки на 10 кроватей каждый, а въ Терско-Астраханскомъ полку — полковой лазаретъ на 25 кроватей.

Несмотря на то, что съ каждымъ днемъ становилось все холоднѣе и холоднѣе, что наибольшій процентъ больныхъ были простудные и тифозные, что въ палаткахъ и аброметро люди были скучены до-нельзя (въ палаткѣ марабу 12-14 человекъ), не всѣ еще имѣли хоть какой либо кровъ надъ головой. „Жилищный вопросъ до на-

*) Которыя, къ тому же, не у всѣхъ были.

стоящаго времени въ частяхъ Корпуса не улаженъ — говорилось въ приказѣ по лагерю отъ 28 января за № 12 и часть людей остается до сихъ поръ подъ открытымъ небомъ. Вопросъ этотъ еще болѣе осложнится съ прибытіемъ изъ Чаталджи новыхъ частей, которыхъ можно ожидать каждый день. Надѣяться на то, что все дадутъ французы — нельзя, какъ вслѣдствіе крайней трудности и медленности доставки матеріаловъ, такъ, повидимому, и вслѣдствіе ограниченности имѣющихся у нихъ запасовъ“...

Зірыться въ землю, понастроить землянокъ, какъ это было въ лагеряхъ района Чаталджи, казаки здѣсь не могли ввиду близости подпочвенныхъ водъ и каменистаго грунта, и поэтому пришлось строить хижины-мазанки „а поэтому приказываю — говорилось въ томъ же приказѣ немедленно приступить въ частяхъ къ постройкѣ помѣщеній изъ подручнаго матеріала — камней и глины, а также къ изготовленію кирпичей для подобныхъ построекъ. Матеріалы для стропиль и крышъ французское командованіе обѣщало отпустить“.

Но матеріаль этотъ отпущенъ не былъ. Прошла зима, казаки переселились въ другой лагерь, на ту сторону залива, въ Калое-раки, а хижины-мазанки, безъ крышъ, съ дырами оконъ и дверей, такъ и остались на пепелищѣ лагерей, точно памятники казачьихъ невзгодъ.

Не лучше обстояло дѣло и съ обмундированіемъ. Въ непрерывной войнѣ, кошмарныхъ эвакуаціяхъ, истребалась послѣдняя казачья одежда и обувь, запасная рѣдко у кого была, да и нельзя было, по условіямъ войны, имѣть при себѣ лишнія вещи, а новыхъ французы, захватившіе русскіе вещевые склады, не выдавали.

Въ декабрѣ казакамъ было выдано очень ограниченное количество бѣлья и одѣяль, большая часть которыхъ были сильно поношены и, даже, порваны. Выдача эта носила случайный характеръ и далеко не всѣ казаки, не исключая и сильно нуждающихся въ бѣльѣ и одѣждѣ, получили рубашки и одѣяла. 29-го января отъ французскаго интендантства было получено 1.500 одѣяль, которыя и были распределены по частямъ пропорціонально съ наличнымъ числомъ чиновъ еще не получившихъ таковыхъ. Но и эта выдача не удовлетворила всѣхъ нуждающихся, вслѣдствіе чего русскимъ Командованіемъ было возбуждено ходатайство о дополнительномъ отпускѣ одѣяль, чтобы возможно было удовлетворить всѣхъ нуждающихся, послѣ чего, 28 февраля французами было выдано еще 2.070 одѣяль.

25 января приказомъ по лагерю была объявлена „замѣтка“ командующаго французскими войсками на о. Лемнось ген. Бруссо отъ 18 января, въ коей говорилось, что „въ общихъ интересахъ эвакуированныхъ русскихъ слѣдуетъ въ самой широкой мѣрѣ поддерживать эвакуацію, согласно принятому окончательному рѣшенію, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ бѣженцевъ, желающихъ возвратиться въ родную страну или выѣхать въ какую либо другую страну“, и предлагалось русскому командованію „предупредить“ бѣженцевъ, что „французское правительство

далеко отъ того, чтобы ихъ задерживать, и старается водворить ихъ въ родную страну или направить согласно ихъ просьбъ и „разрѣшить бѣженцамъ выразить по командѣ совершенно свободно свое желаніе по этому вопросу французскому командованію“. „Произвести также говорилось далѣе въ той же замѣткѣ опросъ въ каждомъ корпусѣ бѣженцевъ (гражданскихъ и военныхъ) чисто русскихъ, которые выразили бы желаніе возвратиться въ Россію. Сдѣланы шаги, чтобы добиться гарантій ихъ личной безопасности. Въ случаѣ надобности они будутъ отвезены въ одинъ изъ портовъ Совѣтской Россіи. Число русскихъ, желающихъ возвратиться на родину, должно быть передано французскому командованію 1-го февраля“.

Со своей стороны, русское командованіе, указало казакамъ, (прик. по лаг. № 9), что совѣтское правительство никѣмъ изъ великихъ державъ не признано и что французское правительство ни въ какіе переговоры съ Совѣтской Россіей не вступало и вступать не будетъ, а только обратилось съ просьбой къ обществу Краснаго Креста выяснитъ сношеніемъ съ совѣтскимъ правительствомъ на какихъ условіяхъ возможно было бы возвращеніе на родину бѣженцевъ, на что никакого отвѣта еще не получено; что французское правительство никакихъ гарантій безопасности для изъявившихъ желаніе ѣхать въ Совѣтскую Россію дать не можетъ и увѣдомляетъ, что каждый желающій туда ѣхать, дѣйствуетъ исключительно на свой страхъ и рискъ; наконецъ, что борьба съ большевиками еще не окончена и Армія еще сдѣлаетъ свое дѣло.

Несмотря на тяжелыя условія лагерной жизни, ѣхать въ Совдепію пожелали очень немногіе. Всего записалось къ 1-му февраля 200 человекъ, главнымъ образомъ воинскихъ чиновъ Сводно-пластунскаго полка; полкъ этотъ, какъ сказано выше, прибылъ на Лемнось ранѣе всѣхъ и въ первые дни прибытія находился въ особо тяжелыхъ условіяхъ; полкъ этотъ, составившійся только на Лемнось изъ случайныхъ элементовъ, чиновъ тыловыхъ учрежденій, гражданскихъ лицъ, впервые попавшихъ въ воинскую часть, и небольшого числа строевыхъ казаковъ, не имѣлъ такой внутренней спайки, какъ это наблюдается въ строевыхъ частяхъ, чѣмъ и можно объяснить сравнительно большое число записавшихся именно этого полка.

Записавшіеся были выдѣлены въ особыя рабочія сотни, назначавшіяся исключительно на работы, тогда какъ съ остальными казаками было приступлено къ производству строевыхъ занятій.

Какъ разъ въ эти дни на Лемнось пріѣхали всѣ Атаманы: Донской — Генераль Богаевскій, Терскій — Генераль Вдовенко и Кубанскій — Генераль Науменко. Для встрѣчи пріѣхавшихъ на пристань было выведено по сотнѣ отъ cadaго полка и Атаманское военное училище въ полномъ составѣ со знаменемъ и хоромъ трубачей.

Послѣ парада Атаманы обходили лагерь полковъ и батарей. За тѣмъ весь казачій лагерь былъ собранъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ

Генераль Богаевскій и другіе Атаманы бесѣдовали съ собравшимися, указывая имъ на полную безразсудность поѣздки въ Совдепію и на необходимость полного единенія между казаками.

Два дня провели Атаманы на Лемнось, знакомясь съ лагерною жизнью казаковъ, и уѣхали, тепло и сердечно провожаемые чуть ли не всѣмъ лагернымъ населеніемъ.

Съ утра 13-го февраля началась погрузка записавшихся въ Совдепію на пароходъ „Решидъ-Паша“. Пристань была оцѣплена усиленнымъ карауломъ французовъ; у болиндера, перевозившаго казаковъ на пароходъ, стоялъ французскій офицеръ съ переводчикомъ, считавшіи отпавлявшихъ и записывавшіи ихъ фамиліи.

Тутъ повторилась обычная картина. Съ одной стороны, записавшіеся въ послѣднюю минуту передумали ч не пошли грузиться, съ другой — многіе станичники и хуторцы отъѣзжавшихъ рѣшили не отставать отъ своихъ и ѣхать въ Совдепію, будь — что будетъ. Такимъ образомъ уѣхало тогда изъ донского лагеря 550 человекъ. Возможно, что ихъ погрузилось бы и болѣе, но „Решидъ-Паша“ могъ принять донцовъ съ острова только это количество.

Черезъ нѣсколько дней, 19-го февраля, на яхтѣ „Лукулль“, на островъ прибылъ Главнокомандующій, для встрѣчи котораго въ донскомъ лагерѣ былъ назначенъ почетный караулъ въ составѣ сотни юнкеровъ со знаменемъ и хоромъ трубачей.

Былъ смотръ и парадъ войскамъ.

На смотръ было выведено 8 полковъ, одно училище и два артиллерійскихъ дивизиона, всего 314 генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ и 2931 урядниковъ и казаковъ, что составило около 35% находившихся налицо чиновъ. Остальные не могли быть выведены за недостаткомъ обмундированія и обуви. (Но и у выведенныхъ въ строй обувь была далеко не въ порядкѣ).

„Донцы представились хорошо. Чувствуется, что это сплоченныя крѣпкія части, готовыя къ бою... Прекрасно прошли Атаманское военное училище, Лейбъ-Гвардейскій Сводный каз. полкъ (въ составѣ двухъ малыхъ сотенъ), очень хорошо проходили и остальные полки“. (Прик. Главнокомандующаго Р. А. отъ 21/II за № 61).

Послѣ смотра Главнокомандующій обходилъ лагерь, подробно знакомясь съ условіями жизни Донцовъ, и вечеромъ отбылъ на яхту.

Приблизительно въ то же время при Корпусѣ Земскимъ Союзомъ былъ устроенъ питательный пунктъ для нуждающихся по состоянію здоровья въ усиленномъ питаніи, которымъ отпускались обѣды сверхъ получаемаго раціона. Необходимость въ назначеніи усиленнаго питанія опредѣлялась особой комиссіей подъ предсѣдательствомъ дивизионнаго врача. За описываемый періодъ питательнымъ пунктомъ было отпущено 1926 обѣдовъ и 138 порцій молока. Кромѣ отпускаемыхъ обѣдовъ на питательномъ пунктѣ получали молоко всѣ дѣти до 9-ти лѣтняго возраста, а также женщины, нуждающіяся въ таковомъ по опредѣленію указанной дивизионной комиссіи врачей.

Слѣдующимъ свѣтлымъ событіемъ въ жизни острова, послѣ прїѣзда Главнокомандующаго, было производство юнкеровъ Атаманскаго военнаго училища въ офицеры, согласно телеграммы Донскаго Атамана отъ 4 марта за № 1027/к*).

Утромъ 9-го марта все училище было выстроено за лагеремъ, на плацу у гор. Мудроса. Послѣ торжественнаго молебна, начальствующія лица поздравляли юнкеровъ съ производствомъ, отмѣчая въ рѣчахъ, что имъ, юнкерамъ, пришлось пройти тяжелую школу, не только изучая въ теоріи основы военнаго дѣла, но и примѣняя ихъ на практикѣ — на кровавыхъ поляхъ Сѣв. Тавріи.

Дружнымъ, громкимъ, раскатистымъ ура отвѣчали молодые офицеры на эти привѣтствія.

Было холодно, дулъ рѣзкій нордъ-остъ, временами начиналъ моросить дождь и, тѣмъ не менѣе, молебенъ и рѣчи затянулись на нѣсколько часовъ, такъ велико было радостное возбужденіе и у юнкеровъ и у начальниковъ.

Послѣ молебна юнкера и вновь произведенные офицеры прошли церемоніальнымъ маршемъ съ развернутымъ знаменемъ и хоромъ трубачей.

На устроенномъ, затѣмъ, общемъ обѣдѣ присутствовали всѣ вновь произведенные офицеры, офицеры училища и гости, въ томъ числѣ и французскій комендантъ лагеря маіоръ Брениъ, въ свою очередь, во время рѣчей и тостовъ сказавшій нѣсколько теплыхъ словъ о Русской Арміи.

Съ нѣкоторыхъ поръ стало замѣчаться, что въ частяхъ фактически менѣе людей, нежели ихъ указывается при полученіи довольствія. Была произведена повѣрка численнаго состава частей.

Для повѣрки были назначены особыя смѣшанныя комиссіи: 3 — для повѣрки частей I-й дивизіи и по одной — для частей II-й дивизіи, Донскаго техническаго полка, Штаба лагеря и Атаманскаго военнаго училища. (Прик. по лаг. № 54).

Къ 14 часамъ 25-го марта, всѣ части, въ полномъ составѣ, были выстроены на переднихъ площадкахъ передъ своимъ расположеніемъ. Одновременно во всѣхъ частяхъ началась повѣрка людей.

Повѣрка производилась по спискамъ, поданнымъ на полученіе послѣднихъ лиръ. Отпуска, всякія командировки, за исключеніемъ наряда на внѣшнее охраненіе и караулы, на это время были отмѣнены, и всѣ люди фактически провѣрялись; позже были также провѣрены и люди, находившіеся въ нарядахъ.

Результаты повѣрки (см. вѣдомость) наличнаго состава Штабовъ, частей, управленій, учрежденій и заведеній Донскаго лагеря къ 14 часамъ 20 марта 1921 года были положены въ основаніе для дальнѣйшаго исчисленія людей по удовлетворенію французскимъ раціономъ.

*) Списокъ произведенныхъ см. прилож. № 3.

Вѣдомость

НАИМЕНОВАНИЕ ЧАСТЕЙ	Офицер и казак.	Женщинъ		Дѣтей.
		Семьи	Сестеръ милос.	
Штабъ Донского Корпуса	342	7	—	5
Управленіе корп. ин-та	280	6	—	4
Французск. продов. маг.	57	—	—	—
I-й Св. пол. зап. госпиталь	188	6	12	—
Донской Технической пол.	490	16	—	2
Атаманское воен. училище	534	3	3	—
Штабъ I-й Дон. каз. див.	77	4	—	—
Офицерская сот. I дивиз.	43	7	—	1
Лазаретъ I дивизіи	72	3	5	—
Управл. див. инт. I дон.	64	1	—	—
1 Дон. Гв. Св каз. полкъ	356	5	—	—
3 Дон. каз. Ат. Калед. п-къ	380	14	—	2
4 Дон. каз. Ат. Назар. п-къ	639	12	—	1
5 Дон. каз. Ат. Платова п.	535	15	—	2
6 Дон. каз. Ат. Ермака п-къ	558	8	—	3
Терско-Астраханскій п-къ	934	2	—	—
I-й Дон. каз. артиллерійск. див.	446	8	—	1
I-й Дон. пластунск. полкъ	628	20	—	7
2-й Дон. каз. арт. дивиз.	316	4	—	1
ИТОГО	6999	141	20	29

Повѣркой этой было установлено, что во всѣхъ частяхъ, кромѣ Атаманскаго военнаго училища, Штаба лагеря, 2-го артилл. дивизиона, Управленія дивизионнаго интенданта I-й дивизіи, офицерской сотни I-й дивизіи и дивизионнаго лазарета I-й дивизіи, были такъ называемыя "мертвыя души" по 2, по 3, 5, по 12, даже до 30% наличнаго состава въ каждой части, причемъ нѣкоторыя команды частей сразу же вполне откровенно и заявили объ этомъ предсѣдателямъ комиссій, объяснивъ это желаніемъ хотя немного увеличить получаемый казаками паекъ, а, главнымъ образомъ, замѣнять немедленно испорченные продукты (потертый хлѣбъ, испорченные консервы), благодаря чему паекъ, если и не увеличивался значительно, то и не уменьшался. При этомъ, какъ установлено разслѣдованіемъ, излишній процентъ людей въ большинствѣ частей показывался только при требованіяхъ на продукты. (Прик. по лаг. № 59).

Тѣмъ же приказомъ по лагерю 22 марта были открыты при Атаманскомъ военномъ училищѣ офицерскіе курсы.

Въ героической борьбѣ съ большевиками, еще ранѣе — во время Великой войны, изъ рядовъ казаковъ выдѣлялись наиболее храбрые, смѣтливые и энергичные люди, показывающіе примѣры беззавѣтной любви и преданности Родинѣ. Ихъ награждали почетной и высшей тогда наградой — Георгіевскимъ крестомъ, а нѣкоторыхъ, за боевыя отличія, производили въ офицеры. Во время гражданской войны награжденіе Георгіевскими крестами въ Донскомъ Корпусѣ сократилось до minimum'a, зато широко стало примѣняться производство въ офицеры, что отчасти объяснялось недостаткомъ офицеровъ на Дону, особенно въ первые дни борьбы съ большевиками, отчасти цѣлымъ рядомъ блестящихъ военныхъ подвиговъ, совершаемыхъ казаками. Однимъ изъ приказовъ по Всевеликому Войску Донскому всѣ подхорунжіе, имѣющіе Георгіевскій крестъ 4-й степени, были произведены въ хорунжіе.

Офицеры эти и въ дальнѣйшемъ показали, что они вполне достойны были производства. Однако, по прекращеніи войны и переходѣ арміи на мирное положеніе, они, будучи великолѣпными боевыми офицерами, но не имѣя теоретической подготовки, могли не удовлетворить требованіямъ, предъявляемымъ при обученіи и воспитаніи войскъ.

Предвидя это, Донской Атаманъ, приказомъ по Всевеликому Войску Донскому отъ 4 февраля за № 14 „для поднятія уровня образованія гг. офицеровъ Всевеликаго Войска Донскаго, произведенныхъ въ первый офицерскій чинъ за боевыя отличія“, учредилъ при Атаманскомъ военномъ училищѣ шестимѣсячные офицерскіе курсы.

На курсы командировались офицеры до чина Войскового Старшины включительно, по выбору начальниковъ частей и по наряду Штаба Корпуса. Они должны были „обладать крѣпкимъ здоровьемъ и устойчивыми нравственными качествами“.

Офицеры, успѣшно окончившіе курсы, должны были пріобрѣсти права кадровыхъ офицеровъ, причемъ, за время нахождения на курсахъ, несли обязанности юнкеровъ училища. (При окончаніи курсовъ выяснилось, что программу военного училища на курсахъ полностью не прошли, а поэтому права кадровыхъ офицеровъ, окончившихъ полный курсъ военного училища, имъ не дано).

Всего на курсы было командировано 200 офицеровъ, сведенныхъ въ двѣ сотни, по 100 офицеровъ въ каждой.

Тѣмъ временемъ, какъ наше командованіе, несмотря на тяжелыя условія жизненной обстановки, неустанно занималось организаціей и укрѣпленіемъ Арміи, французы, дѣйствуя „согласно принятому окончательному рѣшенію“ (зам. ген. Бруссо), задумали нанести ей ударъ, способный, по ихъ мнѣнію, окончательно ее распылить.

26 марта былъ объявленъ по частямъ и расклеенъ по лагерю приказъ командующаго французскими войсками генерала Бруссо отъ 25 марта, въ которомъ говорилось, что „Верховный Комиссаръ

Французской республики на Востокъ сообщилъ генералу Врангелю, что правительство рѣшило прекратить въ кратчайшій срокъ всякій кредитъ на содержаніе русскихъ бѣженцевъ*.

Мало того, „французское правительство не намѣрено содѣйствовать, ни, даже, допустить новыя дѣйствія генерала Врангеля противъ Совѣтской власти“.

„При этихъ условіяхъ — говорилось далѣе — бѣженцамъ предстоитъ выбрать одно изъ трехъ слѣдующихъ положеній:

1. Возвратиться въ Совѣтскую Россію,
2. Выѣхать въ Бразилію,
3. Самимъ обезпечить свое содержаніе“.

Даже надежда на скорое паденіе власти большевиковъ у казаковъ отнималась „изъ полученныхъ до сего времени французскимъ правительствомъ свѣдѣній установлено, что нынѣшнія возстанія въ Россіи наканунѣ ихъ подавленія, по крайней мѣрѣ со стороны Кронштадта“ и, какъ бы косвенно, казакамъ указывался лучшій выходъ изъ положенія „съ другой стороны люди, уже отправленные въ Новороссійскъ, якобы, хорошо были приняты и имъ не причинено никакого зла“.

Бразилія, по словамъ приказа, „согласна принять 20.000 бѣженцевъ, условія существованія тамъ, по в и д и м о м у, хороши и благоприятны, и эмигранты сохраняютъ Русскую національность“.

Русскому командованію предлагалось сообщить число людей, желающихъ ѣхать въ Совѣтскую Россію и Бразилію, причемъ указывалось, что въ послѣднюю могутъ быть приняты только земледѣльцы.

Собственно говоря, приказъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ въ частяхъ еще вечеромъ 25-го марта. Изъ устъ въ уста, отъ казака къ казаку, стоустой молвой разнеслось по лагерю — кормить бросаютъ и, роковое, „Совдепія, Бразилія или собственное иждивеніе въ Константинополь“

Тяжелое, гнетущее впечатлѣніе произвелъ на казаковъ этотъ приказъ.

Еще ранѣе, при первыхъ записяхъ въ Бразилію, казакамъ не разъ и подробно рассказывалось объ этой далекой странѣ, съ ея громадными, дѣвственными еще, степями и лѣсами, убійственнымъ для европейца климатомъ и лихорадками. Ѣхать туда, за океанъ, значило обречь себя на долю бѣлаго раба, безъ сколько нибудь реальной надежды возвращенія на Родину, причемъ, что особенно пугало казаковъ, французы оговаривались, что возвращеніе на Родину можетъ быть „только за собственный счетъ эмигранта“.

Перейти на собственное иждивеніе также никто не могъ за отсутствіемъ какихъ либо средствъ и, естественно, оставался послѣдній выходъ — Совѣтская Россія, но ѣхать туда — значило для многихъ ѣхать на вѣрную смерть въ застѣнкахъ чрезвычайки или отъ голода и тяжелыхъ принудительныхъ работъ въ концентраціонныхъ лагеряхъ.

Что же касается офицеровъ, то для нихъ — ѣхать въ Совдепію на смерть было единственнымъ возможнымъ выходомъ, такъ какъ въ приказѣ прямо оговаривалось, что желающіе ѣхать въ Бразилію „должны быть обязательно земледѣльцами“. Конечно, очень небольшой процентъ офицеровъ могъ удовлетворить послѣднему условію, причемъ много и много офицеровъ были не разъ раненые, искалѣченные люди, всю жизнь свою проведеніе на военной службѣ, отдавшіе Родинѣ и силы и здоровье, и, конечно ужъ, не способные ни къ какому физическому труду. Имъ, согласно приказа французовъ, оставалось или нищенство и, затѣмъ, голодная смерть въ Константинополь, или — болѣе близкая смерть — отъ руки большевиковъ. Иного выхода не было.

Да и среди казаковъ, прошедшихъ горнило семилѣтней непрерывной войны, также немало было людей израненныхъ, искалѣченныхъ и къ труду не способныхъ.

„Воевали, воевали — говорили они — переранены, перекалѣчены всѣ, кровь свою проливали, ихними же (французовъ) союзниками были, съ Самсоновымъ ходили — вставляли нѣкоторые, — а теперь, значитъ, насъ на зарѣзъ, къ большевикамъ... За что же? Что жидамъ не подчинились“?... и много горькихъ словъ говорили тогда казаки.

Всю ночь тогда не спали... Точно встревоженный муравейникъ шевелился лагерь. Изъ палатки въ палатку, къ роднымъ, знакомымъ, станичникамъ и хуторцамъ ходили казаки поговорить, подѣлиться горемъ и сообща обдумать, какъ быть дальше. Только подъ утро, передъ разсвѣтомъ, лагерь, казалось, затихъ.

Рано утромъ 26-го, проснувшіеся казаки увидѣли въ туманѣ залива стройные колоссы „Решидъ-Паши“ и русскаго транспорта „Донъ“. Это казаки чаталджинскихъ лагерей прибыли на островъ. Пароходы бросили якорь сравнительно недалеко отъ берега и, когда съ восходомъ солнца разсѣялся туманъ, видны были усѣявшіе палубу люди, глядѣвшіе на островъ.

Къ 8 часамъ всѣ части лагеря были выстроены въ своемъ расположеніи.

Понуро, съ угрюмыми лицами, стояли казаки.

Быль прочитанъ приказъ французовъ, къ которому Русское командованіе добавляло, что никакихъ разъясненій по этому вопросу, кромѣ того, что всѣ ѣдущіе въ Совѣтскую Россію будутъ высажены въ Одессѣ, оно дать не можетъ.

Нѣкоторое время въ частяхъ, да и во всемъ лагерь, стояла полная тишина. Очень немногіе изъ казаковъ, рѣшившихъ еще въ февралѣ ѣхать въ Совѣтскую Россію, неувѣренно, точно стыдясь своего поступка, выразили желаніе ѣхать туда. Такихъ въ то время на весь лагерь врядъ ли нашлось болѣе сотни. Казаки въ нерѣшительности переминались съ ноги на ногу и смотрѣли на пароходы, гдѣ, они знали, находился Командиръ Корпуса, который навѣрняка разъяснитъ имъ все и выведетъ изъ тяжелаго положенія.

И дѣйствительно, съ парохода „Донъ“ — генераль Абрамовъ тотчасъ же съѣхалъ на берегъ, въ лагерь Донского Корпуса. На пристани онъ былъ встрѣченъ почетнымъ карауломъ въ составѣ сотни юнкеровъ Атаманскаго военнаго училища со знаменемъ и хоромъ трубачей, и прямо же съ пристани направился къ выстроеннымъ полкамъ.

Точно электрическая искра пробѣжала по рядамъ казаковъ. Уже одно то, что „Комкоръ“ съ ними, что они не брошены на Лемнось на произволъ французовъ, ободрило ихъ. Какъ и всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, тяжелая атмосфера разрядилась бурными взрывами. Дружнымъ, несмолкаемымъ, громкимъ и радостнымъ „ура“ встрѣтили казаки своего любимаго вождя и уже въ этомъ „ура“ можно было видѣть отвѣтъ французамъ.

Обходя полки, генераль Абрамовъ всюду передавалъ слова привѣта Главнокомандующаго и завѣренія его, что войска во всякомъ случаѣ будутъ получать довольствіе и послѣ 7-го апрѣля. Какъ на единственный выходъ изъ создавшагося положенія, генераль Абрамовъ указывалъ на записку по третьему пункту французскихъ требованій (переходъ на собственное иждивеніе), при этомъ еще разъ подтверждая, что къ словамъ Главнокомандующаго надлежитъ относиться съ тѣмъ же довѣріемъ, какъ относились мы и до-нынѣ.

Эти бодрія слова были встрѣчены казаками бурными криками „ура“, да здравствуетъ Главнокомандующій“.

Командиромъ Корпуса были обойдены всѣ части лагеря въ мѣстахъ ихъ расположенія и всюду обращеніе къ нимъ со словами привѣта и завѣреніе Главнокомандующаго встрѣчались частями съ искренней радостью, какъ выходъ для нежелающихъ ѣхать ни въ Совдепію, ни въ Бразилію.

„Ура“ перекидывалось изъ полка въ полкъ и скоро по всему лагерю, изъ края въ край, гремѣло неумолчное, могучее ура. Понимались звуки музыки. Это трубачи Атаманскаго военнаго училища играли Донской гимнъ и Преображенскій маршъ.

„Ура“ перекинулось и на пароходы. Далекимъ отзвукомъ слышалось у Кубанцевъ.

Такъ, неожиданно для французовъ, криками вѣрности Главнокомандующему, Арміи и Родинѣ, отвѣтили казаки на приказъ о распыленіи.

Обходъ полковъ и слова Комкора разсѣяли всѣ сомнѣнія, страхи и тревогу. Казаки теперь знали куда имъ итти, что дѣлать, и выражали это крикомъ ура, могучимъ и единодушнымъ.

И здѣсь, на берегу, и на пароходахъ, и въ далекомъ Кубанскомъ лагерѣ.

VII.

ОТНОШЕНІЯ СЪ ФРАНЦУЗАМИ.

Французы, такъ великодушно оказавшіе пріютъ покинувшей родные предѣлы Русской Арміи, съ теченіемъ времени стали тяготиться своимъ гостепріимствомъ и омрачили его рядомъ мѣръ, кло-

нившихся къ распыленію Арміи, и поступковъ, дискредитирующихъ авторитетъ ея команднаго состава.

Если постепенно, шагъ за шагомъ, прослѣдить отношенія французовъ къ русскимъ, то видно будетъ, что отношенія все ухудшались и ухудшались и, наконецъ, перешли въ явно враждебныя.

Можно ли это объяснить тяжестью производимыхъ ими расходовъ на содержаніе Арміи, вліяніемъ лѣвыхъ парламентскихъ группъ, происками ли коммунистовъ или требованіями международной политики, покажетъ будущее, такъ какъ только вполне объективное историческое изслѣдованіе можетъ правильно освѣтить этотъ вопросъ. Въ задачу же настоящаго очерка входитъ лишь указаніе нѣкоторыхъ фактовъ, свидѣтелями которыхъ были чины Русской Арміи, и документовъ, имѣющихся въ рукахъ Командованія.

Съ другой стороны, нѣкоторыя тренія и инциденты между Русскимъ командованіемъ и отдѣльными представителями французскаго командованія можно объяснить только нетактичностью и, иногда, преступнымъ поведеніемъ послѣднихъ, что, конечно, нельзя ставить въ связь съ общей политикой французовъ, точно также, какъ нельзя ставить въ связь отдѣльные случаи особенно благожелательнаго отношенія.

Въ общихъ вопросахъ по управленію войскъ, охранѣ лагерей и, вообще, поддержанію порядка, французы, желая использовать авторитетъ русскихъ властей, требовали отъ войскъ безусловнаго подчиненія начальству и строгой воинской организаціи. Въ то же время, для достиженія поставленныхъ себѣ задачъ по записямъ въ Иностраннй легіонъ, Совдепію, и по распыленію Арміи, они не останавливались передъ открытымъ дискредитированіемъ русскихъ начальниковъ, отдавая распоряженія, идущія въ разрѣзъ распоряженіямъ послѣднихъ, и минуя русскихъ начальниковъ. Какъ на яркій примѣръ этого можно указать, хотя бы, на запись въ Совдепію и Иностраннй легіонъ. Русское командованіе, не желая давать лишняго оружія въ руки большевиковъ, согласилось допустить запись только стариковъ, инвалидовъ и, вообще лицъ къ военной службѣ негодныхъ — французы широко открыли двери въ Совдепію всѣмъ желающимъ, въ результатъ чего туда уѣхало много молодыхъ, здоровыхъ и вполне боеспособныхъ казаковъ. То же наблюдалось и въ отношеніи Иностраннаго легіона.

Въ частности, можно указать на вопросы съ обмундированіемъ и довольствіемъ русскихъ войскъ.

Въ вопросъ обмундированія было ненормально то явленіе, что все русское обмундированіе, поступавшее на Лемнось изъ отдѣловъ Снабженія Русской Арміи, попадало сначала во французскіе склады, откуда поступало въ части лишь по настойчивымъ ходатайствамъ Русскаго командованія. Часть обмундированія передавалась различнымъ командамъ и учрежденіямъ по личнымъ симпатіямъ къ нимъ французскихъ властей, причемъ никакого отчета въ распредѣленіи обмундированія французское командованіе никому не давало, а одѣвало — кого хотѣло, до своихъ солдатъ включительно. Позже, часть

болѣе благоприятныя отношенія были проявлены французами къ такъ называемой „рабочей ротѣ“, получившей одѣяль и обмундированія чуть ли не въ четыре раза болѣе, нежели Донскія части, сообразно ихъ численному составу. Объяснить это можно тѣмъ, что рота эта обслуживала, главнымъ образомъ, французовъ.

Въ вопросѣ довольствія, къ тому, что уже говорилось, нелишне добавить, что французскіе интендантскіе чины, вѣдавшіе довольствіемъ, часто оказывались склонными не выдавать полностью всего причитающагося и, вмѣстѣ съ тѣмъ, были нерѣдко несговорчивыми, заносчивыми, крайне грубыми и обидчивыми, когда имъ предлагалось выдавать точно по вѣсу и, въ случаѣ недодачи, составлять акты.

На этой почвѣ возникло нѣсколько инцидентовъ, не говоря уже о почти ежедневныхъ недоразумѣніяхъ.

„При обслѣдованіи вопроса объ ежедневной недостатчѣ при полученіи продуктовъ изъ французскаго склада пріемщиками Санджакскаго и другихъ лагерей и фактической повѣрки пріема продуктовъ — доносилъ Корпусный Контролеръ Донскаго Корпуса рапортомъ отъ 1-го февраля за № 14 — выяснилось слѣдующее: 1 — ежедневно выдается лейтенантомъ Фуссо пріемщикамъ продуктовъ почти на $\frac{1}{8}$ меньше положеннаго, обозначеннаго въ накладныхъ; въ особенности недостача наблюдается при выдачѣ сахара, рису, фасоли, чечевицы и консервовъ; 2 — накладныя совершенно не соответствуютъ фактической выдачѣ; 3 — представители французскаго интендантства не разрѣшаютъ дѣлать оговорки въ накладныхъ“.

По приказанію Командира Корпуса была назначена постоянная комиссія для опредѣленія недополученныхъ продуктовъ, которая выяснила, что лейтенантъ Фуссо дѣйствительно выдавалъ консервы, „считая ящикъ въ 50 килограммовъ, тогда какъ фабричная и дѣйствительная дата на ящикъ 30 килограммовъ“ (рап. Корп. Инт. Дон. Корп. 10 — II, № 142). „Сахаръ, соль, чечевица, бульонъ также выдавались въ меньшемъ количествѣ“.

Лейтенантъ Фуссо отказывался участвовать въ комиссіи такъ же, какъ отказывалъ онъ пріемщикамъ дѣлать оговорки о недополученіи продуктовъ въ накладныхъ.

О дѣйствіяхъ лейтенанта Фуссо было доведено до свѣдѣнія высшихъ французскихъ властей и только послѣ этого продукты начали выдаваться полностью.

Въ различнаго рода столкновеніяхъ между русскими и французскими воинскими чинами, въ оскорбленіяхъ отдѣльных лицъ, женщинъ, даже цѣлыхъ частей и командъ (на Лемнось), французское командованіе всегда старалось найти оправдательную причину и никогда не наказывало своихъ чиновъ за различнаго рода проступки, стремясь, въ такихъ случаяхъ, замаять дѣло или отдѣлаться молчаніемъ, въ чемъ можно усмотрѣть, если не поощреніе, то, во всякомъ случаѣ, полное безразличіе къ безправному положенію русскихъ.

канца на казака и ограбленіе его подъ видомъ обыска оружія; 3 — изнасилованіе калмыченка; 4 — нападеніе коннаго марокканца на сестру милосердія съ попыткой ея изнасилованія; отбиваясь, сестра поранила марокканца въ щеку и носъ выхваченнымъ ею у него же изъ за пояса штыкомъ.

Всѣ эти насилія были совершены на границѣ лагерной черты, охраняемой французскими постами. О нихъ было своевременно доведено до свѣдѣнія Командующаго французскимъ оккупационнымъ Корпусомъ (снош. Нач. Шт. Главноком. Р. А. 2/1-1921 г. за №№233 и 234), но къ какимъ либо реальнымъ результатамъ, въ смыслѣ наказанія виновныхъ, это, повидимому, не повело.

Были случаи и самозащиты, не лишенные находчивости и чисто казачьей сметки. Чилингиры рассказывали, что за лагеремъ на казака напалъ конный марокканецъ и, угрожая винтовкой, потребовалъ отдать ему кошелекъ, часы и наиболее цѣнныя вещи. Почему то ему понравились сапоги, которые онъ также потребовалъ отдать ему. Казакъ знаками показалъ, что самостоятельно онъ не можетъ снять сапогъ, и просилъ марокканца помочь ему. Ничего не подозревая, увѣренный въ своей силѣ и неприкосновенности, послѣдній сошелъ съ лошади и положилъ винтовку на землю съ цѣлью помочь казаку снять сапоги. Какъ только марокканецъ выпустилъ изъ рукъ винтовку, казакъ бросился на него и ударами кулаковъ сбиль съ ногъ. Затѣмъ завладѣлъ его винтовкой и, угрозами стрѣлять, принудилъ марокканца итти въ лагерь, гдѣ онъ и былъ переданъ французскому коменданту. Былъ ли наказанъ тотъ марокканецъ — неизвѣстно, но чилингиры его съ тѣхъ поръ въ лагерь не видѣли.

Послѣ извѣстнаго прискорбнаго случая въ лагерь Санджакъ-Тепе при отправленіи на Лемнось частей I-й дивизіи, со стороны французовъ посыпался рядъ репрессивныхъ мѣръ и, какъ одна изъ нихъ, запрещеніе русскимъ на станціи и въ поселкѣ Хадемъ-Кіой выходить изъ дому позже семи часовъ вечера. Лица, выходяшія изъ дому позже этого часа, должны были быть снабженными особыми пропусками, выдаваемыми французами. Но и это не гарантировало ихъ отъ столкновеній съ французскими патрулями и избіенія. Такъ, около семи часовъ вечера 20 января, французскимъ патрулемъ былъ избитъ посланный по дѣламъ службы казакъ, несмотря на то, что онъ имѣлъ выданный французскимъ комендантомъ пропускъ. Въ ночь на 22-е января вновь повторился аналогичный случай насилія чиновъ французскаго патруля надъ тремя казаками, высланными на посты для смѣны дневальныхъ у интендантскихъ складовъ, хотя старшій изъ этихъ казаковъ — дневальныхъ имѣлъ выданный французскимъ комендантомъ пропускъ. Объ этомъ было сообщено французскимъ властямъ, но никакого отвѣта на переписку не послѣдовало.

Это — отношенія съ солдатами и косвенно, съ французскимъ командованіемъ, покрывавшимъ проступки своихъ солдатъ. Съ офицерами, какъ въ случаяхъ официальныхъ сношеній, такъ и въ част-

ныхъ, отношенія были вполнѣ корректныя, выдержанныя и наружно приличныя. Если и были какіе либо инциденты, то исключительно лишь на почвѣ выдачи продовольствія, когда извѣстный уже лейтенантъ Фуссо позволялъ себѣ грубыя выходки въ отношеніи русскихъ интендантскихъ чиновъ, не исключая, при этомъ, и офицеровъ.

Интересно указать на тѣ трудности, съ какими давались пропуска въ Константинополь. Естественно, въ интересахъ французовъ, уже получившихъ инструкціи изъ центра о распыленіи Арміи, было бы возможно шире снабжать русскихъ пропусками въ Константинополь и, такимъ образомъ, снимать со своего иждивенія въ лагеряхъ; и въ томъ, что именно пропуска эти выдавались съ неимоверными затрудненіями, можно усмотрѣть какъ бы невидимую руку, удерживавшую Армію отъ распыленія.

Однако, въ то же самое время, секретнымъ приказомъ генерала Шарли отъ 14 января за № 3070/з намѣчены мѣропріятія къ сокращенію числа довольствующихся на французскомъ пайкѣ, къ распыленію Арміи, подрыву авторитета команднаго состава и къ безпрепятственному выѣзду отдѣльныхъ колеблющихся чиновъ въ Советскую Россію.

„Одною изъ главнѣйшихъ задачъ нашихъ въ настоящее время — говорилось въ этомъ приказѣ — является возможно скорѣйшая эвакуація на постоянное жительство русскихъ бѣженцевъ, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, которые пожелали бы вернуться на родину или на какое либо постоянное мѣсто жительства.

Для осуществленія этой цѣли комендантамъ лагерей предлагалось прежде всего извѣстить русскихъ бѣженцевъ, что „французское правительство не только не старается ихъ задерживать, но усматриваетъ, даже, выгоды въ водвореніи на родину или на постоянное мѣсто жительства возможно большаго количества бѣженцевъ“.

Дальнѣйшія положенія приказа извѣстны изъ приведенной выше „замѣтки“ ген. Бруссо на о. Лемнось.

„Существуетъ опасеніе, — заканчивался приказъ, — что при примѣненіи вышеупомянутыхъ мѣръ придется встрѣтиться съ тѣмъ положеніемъ, что Русское Командованіе могло бы до сихъ поръ, несмотря на все, все же желать не производить демобилизаціи Арміи, каковая мысль могла бы побудить Русское Командованіе задержать въ рядахъ Арміи путемъ убѣжденій, интригъ или, даже, путемъ насилія лицъ чисто русскаго происхожденія, или другихъ національностей, желающихъ покинуть Армію въ цѣляхъ направленія на постоянное мѣсто жительства. Съ этой точкой зрѣнія надлежитъ считаться лишь въ такой мѣрѣ, чтобы не слишкомъ рѣзко ей противиться. Дѣйствительно, необходимо, чтобы Русское Командованіе сохранило извѣстный авторитетъ для того, чтобы помочь намъ поддерживать порядокъ и дисциплину, но при условіи, конечно, чтобы этотъ авторитетъ не препятствовалъ бы намъ въ дѣлѣ эвакуаціи бѣженцевъ“.

Этими словами дается исчерпывающая характеристика русско-французскихъ отношеній того времени.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о переброскѣ Донского Корпуса на о. Лемнось.

Лагери чаталджинскаго раіона вначалѣ совершенно не были приспособлены къ жизни людей и нѣкоторые изъ нихъ, какъ Чилингиръ, отличались антисанитарными условіями, вызывавшими большую заболѣваемость и смертность. Поэтому, со стороны Командованія стали поступать заявленія съ просьбой перевести лагери въ другое мѣсто. Французское командованіе первоначально ходатайства отклонило, но въ концѣ декабря стало энергично настаивать на этомъ.

Между тѣмъ казаки уже обжились въ лагеряхъ, поустроились, затративши на это массу труда и времени, и не имѣли уже никакого желанія ѣхать на Лемнось, опасаясь полной безпомощности на островѣ, вдали отъ материка. Атаманъ неоднократно посѣщаль Верховнаго Комиссара Франціи и Командира французскаго оккупационнаго Корпуса генерала Шарпи и ходатайствовалъ объ оставленіи Донского Корпуса въ Чаталджѣ; телеграммой въ Парижъ просилъ о томъ же и французское правительство. Главнокомандующій энергично поддерживалъ ходатайства Атамана (I-16 № 5089), но все было безуспѣшно и французы продолжали настаивать на перевозкѣ Корпуса на Лемнось, угрожая лишеніемъ продовольствія.

Съ другой стороны и казаки и Командованіе опасались, что именно на Лемнось французы прекратятъ выдачу довольствія, чѣмъ поставятъ ихъ въ безвыходное положеніе. Основанія къ такому опасенію были въ официальномъ заявленіи Предсѣдателя Совѣта Министровъ г-на Лейгъ о томъ, что правительство Франціи будетъ давать довольствіе войскамъ генерала Врангеля только до 1-го февраля.

„... безъ утвержденія, что части Донского Корпуса будутъ довольствоваться Оккупационнымъ Корпусомъ и послѣ 1-го февраля — телеграфировалъ Командиръ Донского Корпуса ген. Абрамовъ (9-1 № 15) генералу Шарпи - я не могу отдать приказа Донскому Корпусу отправиться на необитаемый островъ“.

„... прошу Вашего содѣйствія, — телеграфировалъ онъ же ген. Шатилову (9-1-№ 16), — отложить начало перевозки до первыхъ чиселъ февраля, чтобы избавить людей отъ новыхъ ничѣмъ не вызываемыхъ испытаній, связанныхъ съ переѣздомъ и устройствомъ жилища въ самое дурное время года“.

Въ отвѣтъ на это генералъ Шатиловъ сообщалъ, что „ввиду полученія изъ Парижа увѣдомленія, что французская палата вотировала законъ о предоставленіи Французскому Правительству 100.000.000 франковъ на содержаніе крымскихъ бѣженцевъ, Главнокомандующій приказалъ Вамъ начать перевозку по сношенію съ французскими военными властями Донского Корпуса на о. Лемнось“, послѣ чего и былъ отданъ соотвѣтствующій приказъ по Корпусу.

Дальнѣйшее уже было обрисовано въ предыдущемъ изложеніи (лаг. Санджакъ-Тепе).

Предстояла послѣдняя отправка оставшихся частей на Лемнось, когда, почти наканунѣ отправки, среди казаковъ, вновь разнесся

тревожный слухъ, что съ 1-го апрѣля французы прекращаютъ довольствіе казаковъ на о. Лемнось.

Съ копіей телеграммы Командира Корпуса (22-III-№ 1755), въ которой, между прочимъ, ген. Абрамовъ говорилъ „я не могу отдать приказа объ отправкѣ казаковъ на Лемнось, гдѣ имъ не будетъ обезпечено продовольствіе“, особо командированный офицеръ Штаба Корпуса посѣтилъ коменданта лагеря Хадемъ-Кіюй маіора Тесьера и послѣдній завѣрилъ его, что слухи эти не имѣютъ подъ собой никакого основанія.

Тѣмъ не менѣе, тотъ же офицеръ былъ командированъ въ Штабъ Главнокомандующаго. Изъ переговоровъ съ французскимъ командованіемъ выяснилось, что французы дѣйствительно прекращаютъ довольствіе русскихъ войскъ, но что „на Лемнось довольствіе будетъ еще продолжаться“.

Тревожныя слухи разсѣялись и, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, что „кормить будутъ“, казаки поѣхали на Лемнось.

VIII.

ЛЕМНОСЬ.

(Второй періодъ).

Перевозка по желѣзной дорогѣ была закончена въ два дня.

23-го были отправлены три поѣзда: одинъ со строевыми частями изъ лагеря Санджакъ-Тепе, въ общемъ количествѣ 1234 человекъ и два съ чилингирцами въ количествѣ 2318 человекъ. 24-го было отправлено два поѣзда съ бѣженцами изъ Санджакъ-Тепе — 1138 чел. и второй — со всѣми обитателями лагеря Хадемъ-Кіюй, включая и Штабъ Корпуса съ управленіями и учрежденіями, госпиталь, интенданство со складами, рабочую сотню — всего 700 человекъ.

Съ поѣздовъ непосредственно перегружались на пароходы, стоявшіе уже у пристани Серкеджи. На „Решидъ-Пашу“ было погружено 3552 человекъ и на „Донъ“ — 1527 человекъ.

Такъ называемая „рабочая рота“, въ количествѣ 311 воинскихъ чиновъ I-го армейскаго корпуса, была оставлена французами на станціи „Макри-Кіюй“.

Съ французами чаталджинскаго раіона разстались вполне дружелюбно. Начальникъ французской дивизіи генераль Приу лично пріѣзжалъ на пристань Серкеджи проводить Командира Корпуса, съ выраженіемъ своего расположенія и пожеланіями скорого возвращенія на Родину.

Переѣздъ по морю совершился безъ особыхъ происшествій. День выдался на-рѣдкость погожій, весенній, теплый и солнечный, море было совершенно спокойно и почти всѣ казаки повылѣзали на палубу, любясь видами Мраморныхъ острововъ и Дарданелль.

Утромъ 26-го проснулись уже на Лемнось. Въ неразсѣявшемся еще туманѣ вырисовывался голый скалистый берегъ съ разбросан-

ными мѣстами стройными рядами бѣлыхъ палатокъ. Толпясь на палубѣ, казаки съ любопытствомъ и нѣкоторымъ страхомъ разглядывали таинственный и все еще страшный „Ломоносъ“.

Насколько страшнымъ казался Лемносъ, можно видѣть, хотя бы, изъ такого факта: несмотря на то, что о Лемносѣ много разъ сообщали казакамъ самыя подробныя и правдивыя свѣдѣнія, которыя, казалось, должны были бы разсѣять все страхи и ужасы, многіе казаки, особенно старшихъ возрастовъ, все еще находились подъ гипнозомъ, навѣяннымъ фантастическими разсказами объ островѣ, и не особенно повѣрили успокоительнымъ завѣреніямъ начальства. „Уговариваютъ“, рѣшили они, и начали собираться на Лемносъ „по своему“. Дѣды-бѣженцы, отправляясь на островъ, прежде всего запаслись водой, наполнивъ ею всю имѣющуюся у нихъ посуду и множество бутылокъ. Молодежь, конечно, подтрунивала надъ стариками, возившимися съ тяжелымъ и громоздкимъ грузомъ. Каково же было смущеніе дѣдовъ, когда нѣкоторыхъ изъ нихъ, прямо же по высадкѣ на берегъ, нагруженныхъ привезенной съ собою водою, подвели къ ближайшему колодцу и предложили набирать воды сколько имъ вздумается, а тамъ, дальше, и ручей съ прѣсной водой показали...

Видъ острова былъ унылый. Невысокія горы, почти лишенныя растительности, неопредѣленнаго, сѣровато-желтаго оттѣнка, окаймляли громадную бухту, какъ то нелѣпо громоздились другъ на друга и сливались вдаль съ туманомъ моря. Вотъ и все. Ни лѣса, ни высокой выдающейся горы, ничего, что могло бы остановить на себѣ взглядъ. Только мѣстами, едва примѣтными оазисами, разбросаны деревеньки, да городъ Мудросъ, несмотря на его выдавшійся соборъ, также казавшійся небольшою деревней.

Еще на разсвѣтѣ казаки уже увязались и теперь сидѣли на вещахъ въ томительномъ ожиданіи выгрузки, которая, по предположенію, должна была начаться въ шесть часовъ утра. Время текло. Къ пароходамъ подходили и увозили одиночныхъ пассажировъ катера, но ожидаемыхъ болиндеровъ для выгрузки все не было и не было.

Около восьми утра по группамъ пробѣжало всѣмъ собраться по своимъ частямъ, и немного позже, начальники огласили приказъ французовъ о томъ, что они прекращаютъ довольствіе и предлагаютъ казакамъ три выхода: Совдепія, Бразилія и собственное иждивеніе. По прочтеніи приказа начальники по возможности разъяснили казакамъ, что это только угрозы французовъ, средство снять малодушныхъ съ пайка, и что, конечно, французы фактически не перестанутъ кормить.

Приказъ этотъ произвелъ впечатлѣніе грома въ ясномъ небѣ. Вначалѣ казаки его просто не поняли, такъ неожиданно это было для нихъ. Еще бы!.. Только что два дня тому назадъ имъ говорили, что именно на Лемносѣ то и будутъ кормить, что на это отпущено Французскимъ правительствомъ много — много милліоновъ франковъ, а теперь, когда привезли на островъ — вдругъ объявили, что кор-

мить не будутъ и предлагаютъ расходиться кто куда хочетъ и въ первую очередь, конечно, въ Совдепію...

Когда первое оцѣпененіе прошло, казаки оживленно задвигались, заговорили, и, точно громадные встревоженные ульи, загудѣли пароходы. Больше всего, разумѣется, было ругательствъ. Если бы французы, конвоировавшіе пароходы, понимали по русски, много нелестныхъ эпитетовъ услышали бы они по адресу Великой Націи.

Все-таки надо было рѣшиться на что-либо, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ было объявлено, что выгрузка начнется только тогда, когда точно опредѣлится число желающихъ ѣхать въ Совѣтскую Россію, которые выгрузятся не будутъ, а на тѣхъ же пароходахъ поѣдутъ обратно въ Константинополь.

Еще разъ собрали казаковъ и Командиръ Корпуса лично, съ капитанскаго мостика, въ короткихъ словахъ указалъ имъ создавшуюся обстановку и призывалъ ихъ не особенно поддаваться французскимъ страхамъ.

Какъ и на берегу, Командиръ Корпуса указалъ казакамъ выходъ изъ создавшагося положенія — запись по третьему пункту французскихъ требованій, передалъ слова привѣта Главнокомандующаго и завѣренія его, что и послѣ 1-го апрѣля казаки съ пайка исключены не будутъ, и указалъ, что къ словамъ Главнокомандующаго надлежитъ относиться съ тѣмъ же довѣріемъ, какъ относились и до настоящаго времени.

Какъ разъ въ то время, когда Командиръ Корпуса говорилъ съ казаками на транспортѣ „Донъ“, на берегу слышалось раскатистое ура. Крики росли, ширились, играла музыка и, когда Командиръ Корпуса кончилъ говорить, отвѣтомъ ему было также громкое ура. Кричали и на „Решидъ-Пашѣ“.

Послѣ произведеннаго опроса и выясненія желающихъ ѣхать въ Совдепію началась выгрузка на берегъ. Благодаря мелкому дну, пароходы не могли непосредственно подходить къ пристани и выгрузка производилась на баржахъ, медленно и нудно.

Изъ казаковъ, находившихся на „Решидъ-Пашѣ“, изъявило желаніе ѣхать въ Совдепію и осталось на пароходѣ 19 офицеровъ, 5 чиновниковъ и 749 казаковъ;*) на „Дону“ желающихъ ѣхать не оказалось.

*) Осталось на пароходѣ „Решидъ-Паша“ 26 III-1921 года.

Наименованіе частей:	Офицер. Казаковъ Чиовн.		
Штабъ 2 Дон. каз. дивизіи, коменд. к-да, к-да связи и Штабъ 2 бригады	—	3	—
Конв. сот. Штадива 2	—	8	—
2-я Инженерн. сотня	2	29	—
Интендантство 2 дивизіи	1	9	1
Дивизионный лазаретъ	—	15	—
7-й Дон. каз. полкъ	10	275	—
8-й Дон. каз. полкъ и Штабригъ 1	2	156	3
Гундоровскій полкъ	2	85	1
10 Дон. каз. полкъ	2	159	—
Всего	19	749	5

Къ семи часамъ вечера выгрузка была приостановлена. Оставшіеся на „Дону“ бѣженцы и лазаретъ были перевезены на берегъ Калоераки, гдѣ и выгружены на слѣдующій день. Всѣ же строевыя части были размѣщены на Мудросскомъ берегу.

Начинался второй періодъ „Лемноскаго сидѣнія Донскихъ казаковъ“.

Съ прибытіемъ ген.-лейтенанта Абрамова начальствованіе надъ группой изъ Донскаго и Кубанскаго Корпусовъ, находившихся на Лемнось, было объединено въ его рукахъ и всѣ послѣдующія сношенія съ Французскимъ Командованіемъ на островъ производились уже непосредственно черезъ него.

Штабъ Корпуса по прежнему оставался на Мудросскомъ берегу, а Штабъ Группы, въ числѣ девяти человекъ, размѣстился на полуостровѣ Калоераки. Начальникомъ Штаба Группы былъ назначенъ Генеральнаго Штаба полковникъ Ясевичъ, а штабъ-офицеромъ для порученій Генеральнаго Штаба полковникъ Зайцовъ, черезъ котораго и происходили всѣ непосредственныя сношенія съ чинами Французскаго Командованія на Лемнось.

Ежедневно, въ десять часовъ утра, у французскаго генераль-губернатора о. Лемноса, генерала Бруссо, назначался „рапортъ“ начальниковъ различныхъ отдѣловъ французскаго управленія; къ этому „рапорту“ являлся и полковникъ Зайцовъ, который докладывалъ генералу Бруссо всѣ текущія дѣла по Штабу русской группы и тутъ же получалъ тѣ или иныя указанія для доклада генералу Абрамову.

Нужно отмѣтить хорошую постановку и налаженность работы въ французскомъ штабѣ, — всѣ отвѣты и распоряженія обыкновенно давались немедленно и притомъ, въ большинствѣ, въ вполнѣ опредѣленной формѣ, — но только въ присутственные часы (9—12 и 14—17 час.); въ другое время обращаться въ французскій штабъ было бесполезно, ибо никто никого по дѣламъ службы не принималъ.

Всѣ чины французскаго Штаба, включая и генерала Бруссо, свободно говорили по-русски, чѣмъ и объясняется та легкость и непосредственность сношеній французскаго Штаба съ русскими въ лагерьяхъ (минуя русскія власти), которыя установились французами для болѣе широкаго распространенія въ русской массѣ французскихъ требованій и информаций въ желательномъ для французскаго Штаба направленіи.

„Второй періодъ“ начался отчаянной атакой французовъ на казачьи позиціи.

Французы, обезкураженные тѣмъ, что никто изъ казаковъ не пожелалъ отправиться ни въ Совдецію, ни въ Бразилію, ни перейти на собственное иждивеніе и, приписывая это всецѣло давленію со стороны русскаго команднаго состава, пошли на крайнее средство.

„Какъ слѣдствіе моего приказа за № 1515, — говорилъ генераль Бруссо въ приказѣ отъ 26 марта за № 50, — будетъ произведенъ опросъ всѣхъ казаковъ съ цѣлью выясненія желающихъ изъ нихъ отправиться куда либо.“

„Чтобы обезпечить полную искренность, соотвѣтственно взгляду Французскаго Правительства, этотъ опросъ долженъ быть произведенъ французскими офицерами, которые, въ сопровожденіи небольшихъ отрядовъ, посѣтятъ различные полки и соединенія, спросятъ у людей, извѣстенъ ли имъ приказъ № 1515 и разсѣютъ ложные слухи, которые уже распространены“.

Очевидно, опасаясь, что при опросѣ и „разсѣиваніи ложныхъ слуховъ“ о совѣтской Россіи французскіе офицеры могутъ подвергнуться различнымъ непріятностямъ со стороны казаковъ, быть оскорбленными или, даже, избитыми, генераль Бруссо назначилъ для охраны каждаго офицера отрядъ изъ 15 стрѣлковъ и четырехъ конныхъ жандармовъ.

Кромѣ того, порядокъ въ лагерь долженъ былъ поддерживаться особымъ отрядомъ изъ 20 матросовъ съ французскаго стаціонера „Ова“ подъ командою офицера.

„Всякіе крики или угрожающіе жесты, — заканчивался приказъ, — должны быть немедленно подавлены. Я укажу часъ, когда это запрещеніе будетъ снято.“

Однородныя распоряженія были отданы и въ Кубанскомъ лагерѣ. Настало 28-е марта, день опроса.

Снова были выстроены полки, только теперь казаки и офицеры отдѣльно.

Французскіе офицеры, маіоръ Бреннъ, капитанъ Пере и капитанъ Мишле, обходили части, еще разъ перечитывали извѣстный уже приказъ о распыленіи, о томъ, что они прекращаютъ довольствіе, и предлагали тѣмъ, кто желалъ бы поѣхать въ Совдепію, выйти впередъ. При этомъ въ нѣкоторыхъ частяхъ указывалось, что „люди, уѣхавшіе въ февраль, приняты Совѣтской властью и имъ не причинено никакого зла“. О Бразиліи говорилось какъ-то вскользь, а главное вниманіе было обращено на Совѣтскую Россію. Говорилось также, что Совѣтская власть укрѣпилась, что возстанія въ большинствѣ подавлены или находятся наканунѣ подавленія, что слухи о голодѣ сильно преувеличены, что дальнѣйшая вооруженная борьба съ большевиками ни въ какомъ случаѣ не будетъ допущена, что казакамъ скоро придется самимъ заботиться о своемъ пропитаніи и что тѣмъ изъ нихъ, „кто не чувствуетъ за собою особой вины передъ большевиками“, лучше всего вернуться на родину. Все это говорилось на французскомъ языкѣ и тотчасъ же переводилось на русскій сопровождавшими французовъ переводчиками.

Кое-кто изъ казаковъ обращался къ французамъ съ вопросами, прося разъясненій по нѣкоторымъ пунктамъ приказа.

Передъ этимъ начальники, разъясняя казакамъ приказъ, говорили, что всѣ „перешедшіе на собственное иждивеніе“, но не вышедшіе изъ Арміи, то-есть — не уѣхавшіе куда либо и не переведенные на бѣженское положеніе, будутъ довольствоваться на средства Главнокомандующаго, что въ будущемъ явится возможность

помощи со стороны Американскаго Краснаго Креста, а, затѣмъ, и переѣздъ въ Балканскія страны.

Въ своихъ отвѣтахъ французы говорили, что „въ Балканскія государства васъ не пустятъ, кормить будетъ некому, а всѣ заявленія вашего начальства не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и являются ложью“.

Такіе отвѣты и процедура опроса, носившаго характеръ агитации, сильно понизили бывшее до того бодрымъ настроеніе казаковъ, упавшихъ духомъ при видѣ кажущейся безвыходности своего положенія, и среди нихъ оказались желающіе отправиться въ Совдепію.

Прежде всего, конечно, тѣ, кто попалъ на Лемнось случайно, не былъ связанъ съ Арміей узами многолѣтней борьбы и давно уже намѣтилъ возвратиться домой, но за ними потянулись и старые бойцы, ненавистные враги большевиковъ, причинившихъ имъ немало зла, и сами, въ свою очередь, надѣлавшіе большевикамъ много непріятностей.

Съ опущенными головами, ни на кого не глядя, точно стыдясь своего поступка, избѣгая взглядовъ остающихся, выходили они изъ рядовъ и становились въ группу желающихъ ѣхать. Нѣкоторые изъ нихъ шли нерѣшительной походкой, все еще раздумывая, не перемѣнить ли въ послѣднюю минуту своего рѣшенія, а нѣкоторые быстро-быстро, почти бѣгомъ, рѣшившись — будь, что будетъ. „Точно въ воду бросаются, жизни себя рѣшаютъ“ — говорили про такихъ казаки. И это было похоже на истину.

Это происходило во всѣхъ полкахъ, причемъ, какъ общее правило, больше всего казаковъ убывало изъ различныхъ нестроевыхъ частей и командъ. Только въ 10-мъ полку желающихъ ѣхать не оказалось, что, отчасти, можно объяснить и тѣмъ, что всѣ, кто задумалъ уже уѣхать въ Совдепію, остались на „Решидъ Пашъ“.

Всѣхъ пожелавшихъ ѣхать, съ вещами, подъ охраною стрѣлковъ, немедленно отводили на пристань, которая съ утра уже была оцѣплена французами. Вещи изъ палатокъ собирались и укладывались также подъ надзоромъ французскихъ стрѣлковъ.

Французы зорко стерегли свои жертвы и тѣхъ, кто уже попалъ къ нимъ, обратно не выпускали.

На пристани, гдѣ были собраны отъѣзжающіе, группы казаковъ человекъ въ 7 — 8, въ послѣднюю минуту „передумавшихъ“, заявляли французамъ о своемъ желаніи возвратиться въ части и просили выпустить ихъ съ пристани, но французы неизмѣнно имъ отказывали.

29-го, уже на пароходѣ „Решидъ-Паша“, около ста человекъ казаковъ просили французовъ высадить ихъ обратно на берегъ, но имъ также было отказано.

Въ ночь на 30-е „Решидъ-Паша“ убылъ съ Лемноса, увозя новую пищу совѣтскимъ чрезвычайкамъ.

Всего тогда съ Лемноса убыло:

НАИМЕНОВАНИЕ ЧАСТИ	Офицер.	Чинов.	Казак.	ВСЕГО
Штабъ Корпуса	—	—	30	30
Отдѣльной нов. сотни	—	—	30	30
Коменд. пѣш. сотни	—	—	26	26
Управленіе Инсп. артил.	—	—	2	2
Управл. Корп инт.	—	1	121	122
Атаман. воен. училище	2	1	48	51
1-й Св. госпиталь	—	2	52	54
ВСЕГО.	2	4	279	285

1-й дивизіи:

1-го Л. Гв. каз. полка	—	—	122	122
2-го Донского полка	—	—	8	8
3-го Калединскаго полка	—	—	87	87
4-го Назаровскаго полка	—	—	105	105
5-го Платовскаго полка	—	—	78	78
6-го Ермаковскаго полка	—	—	290	290
Терско-Астраханскаго полка	—	—	214	214
1-го артил. дивизіона	—	—	137	137
Штабъ 1-й дивизіи	—	—	5	5
Управлен. дивиз. интенданта	—	—	11	11
Офицерской сотни	—	—	3	3
ВСЕГО.	—	—	1060	1060

2-й дивизіи:

7-го Дон. каз. полка	—	—	5	5
8-го " " "	1	—	8	9
9-го Гундоровскаго полка	2	1	74	77
1-го Пластунскаго полка	1	—	141	142
Конвойной сотни	—	—	25	25
Инженерной сотни	—	—	3	3
Дивизіоннаго лазарета	—	—	15	15
10-го Дон. каз. полка	ѣхать никто не пожелалъ			
Дивиз. интенданта	" "			
2-го арт. дивизіона	1	—	84	85
Штаба дивизіи	—	1	21	22
ВСЕГО.	5	2	376	383

Техническаго полка	—	1	227	228
Учебн. пулемет. сотни	—	—	25	25
ВСЕГО.	—	1	253	253

Офицеровъ 7, чиновниковъ 7 и казаковъ 1968 человекъ.

А всего, съ оставшимися на пароходъ „Решидъ-Паша“ (см. примѣч. стр. 95) убыло въ Совѣтскую Россію 26 офиц. и 2717 казаковъ, 12 чиновниковъ, общимъ числомъ 2755 человекъ, изъ нихъ 11 женщинъ и 5 дѣтей.

Не то было въ Кубанскомъ Корпусѣ, гдѣ процедура опроса происходила наканунѣ, 27-го марта, и гдѣ французы, въ стремленіи отправить въ Совдепію возможно большее количество казаковъ, проявили тахітитъ энергіи и безцеремонности.

Производившій опросъ капитанъ Мишле велъ себя настолько беззастѣнчиво, настолько оскорбительно не только по отношенію къ Русскому Командованію, русскому офицерству, но и, вобщемъ, Русской Арміи, Русскому воинству, что сопровождавшій его по приказанію Командира Кубанскаго Корпуса, полковникъ Никольскій вынужденъ былъ оставить капитана Мишле, будучи не въ состояніи быть свидѣтелемъ всѣхъ его выпадовъ.

„Красною нитью во время всего опроса — доносилъ полковникъ Никольскій (рапортъ отъ 31—III — № 91) — проходило желаніе заставить возможно большее количество записаться въ Совдепію, и исключительно туда, ибо при одномъ изъ опросовъ, кажется — въ нестроевой командѣ училища, о поѣздкѣ въ Бразилію, капитанъ Мишле заявилъ, что это у нихъ, т. е. казаковъ, не спрашиваютъ“.

Всякое выраженіе довѣрія Русскому Командованію, крики „ура“, подхватываніе своихъ начальниковъ на руки и тому подобное, капитанъ Мишле считалъ оскорбительнымъ для себя, о чемъ тутъ же громогласно и заявлялъ полковнику Никольскому. Въ конвоѣ Командира Кубанскаго Корпуса, одинъ изъ офицеровъ, есауль К., на вопросъ о его желаніи возвратиться въ Совдепію, отвѣтилъ капитану Мишле, что ему, какъ русскому офицеру, обидно слышать отъ офицера союзной арміи предложеніе измѣнить и перейти на сторону враговъ. За это капитанъ Мишле хотѣлъ было арестовать есаула К., и только энергичное вмѣшательство полковника Никольскаго и другихъ сопровождавшихъ его офицеровъ, спасли есаула К.

„По приходѣ въ Алексѣевское военное училище — говоритъ далѣе полковникъ Никольскій — по желанію капитана Мишле офицеры были построены впереди, на значительномъ разстояніи отъ юнкеровъ, и послѣ ихъ опроса капитанъ Мишле просилъ ихъ оставаться на мѣстѣ и, даже, не поворачивать голову въ сторону юнкеровъ, „чтобы взглядами не повліяютъ“. Конечно, среди юнкеровъ желающихъ ѣхать въ Совдепію не оказалось. Тогда капитанъ Мишле обратился ко мнѣ съ просьбой передать имъ, что всѣ свѣдѣнія объ американцахъ, Сербіи и т. д. — ложны, на что я возразилъ, что этого я говорить не буду, такъ какъ у французовъ быть можетъ, есть одни свѣдѣнія, а у насъ другія, и послѣднимъ я не имѣю данныхъ не вѣрять. Когда же онъ повторилъ мнѣ это требованіе тономъ приказанія, то я ему заявилъ, что онъ забываетъ о моей роли здѣсь и что требовать отъ меня онъ этого не можетъ. „Тогда я самъ скажу, но я хуже выражусь по русски“. Подойдя къ нестроевой командѣ училища, капитанъ Мишле предложилъ каза-

камъ тѣ же вопросы, что и всюду: — „знаете ли вы о послѣднемъ приказѣ генерала Бруссо, и „кто желаетъ ѣхать въ Совдепію, выходи сюда“. Кажется желающихъ не оказалось, но одинъ изъ казаковъ сказалъ, что хотимъ ѣхать въ Совдепію съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда капитанъ Мишле громко заявилъ: „что же вы до сихъ поръ бѣгали*?... Услышавъ это, я взялъ подъ козырекъ и заявилъ ему, что это уже оскорбленіе и меня и всей Русской Арміи, и что при такихъ условіяхъ я сопровождать его отказываюсь, дежурный же офицеръ по училищу, который здѣсь присутствовалъ, сказалъ, что онъ объ этомъ подастъ рапортъ, на что получилъ отвѣтъ — „сколько угодно“.

„Въ госпиталяхъ инцидентовъ никакихъ не было, однако, считаю долгомъ доложить, что обходъ былъ вплоть до тифозныхъ и рожистыхъ палатъ и вопросы предлагались даже больнымъ съ температурой въ 39 — 40 градусо́въ“.

Всего тогда изъ Кубанскаго лагеря въ Совѣтскую Россію убыло 1662 человекъ, изъ нихъ 24 женщины и 10 дѣтей, сверхъ того 1452 человекъ бѣженцевъ, Донцовъ и Кубанцевъ.

При обходѣ на другой день, 28-го марта, Донскаго лагеря, капитанъ Мишле и другіе французскіе офицеры не проявляли уже такой энергіи и развязности, какъ это было у Кубанцевъ, чѣмъ и можно объяснить здѣсь отсутствіе какихъ либо крупныхъ инцидентовъ.

Мало по малу жизнь начала входить въ обычную колею, нудную, съ мелкими заботами день за днемъ и постоянными, можно сказать — ежедневными ущемленіями французовъ, причемъ и жизнь Кубанцевъ мало чѣмъ отличалась отъ жизни Донцовъ, какъ и, вообще, отъ общелагерной жизни.

Прибывшимъ изъ чаталджинскаго раіона частямъ французами не было отпущено ни одной палатки, вѣроятно въ томъ предположеніи, что въ Совѣтскую Россію ѣдетъ болѣе казаковъ, нежели ихъ пріѣхало, и что общее количество людей въ лагерьъ уменьшается.

Какъ уже видно изъ предыдущаго, палатокъ на Лемнось было весьма ограниченное количество и новоприбывшіе казаки, прямо таки не имѣя физической возможности размѣститься въ нихъ хотя бы временно, вынуждены были ночь на 27-е и 28-е марта провести подъ открытымъ небомъ. Хорошо еще, что погода была теплая. Это также въ значительной степени повліяло на настроеніе казаковъ и было однимъ изъ толчковъ въ Совѣтскую Россію. „Разъ кормить бросаютъ, вотъ и палатокъ не даютъ“, — разсуждали казаки.

Но французы все-таки нѣсколько ошиблись въ своихъ расчетахъ. Населеніе въ лагеряхъ не уменьшилось, а увеличилось на 2324 человекъ, считая, что 5147 прибыло и 2775 человекъ убыло въ Совѣтскую Россію.

Тѣмъ не менѣе и послѣ этого французами не было отпущено ни одной палатки. Мало того, французы потребовали „сдать въ резервъ освободившіяся палатки“, каковыхъ, конечно, не оказалось.

Для равномернаго размѣщенія людей была назначена особая комиссія, которой предписывалось „сдѣлать соотвѣтствующія размѣщенія по расчету не менѣе 10 человекъ на малую палатку „Марабу“. (Прик. Лемн. гр. № 2). Кое-какъ, не безъ трений между частями, которымъ пришлось передавать „излишнія“ палатки въ другія части и уплотнить населеніе въ своихъ, такъ какъ съ отправкой въ Совдепію люди размѣстились болѣе свободно въ палаткахъ, въ зависимости отъ числа уѣхавшихъ и оставшихся, вопросъ съ палатками былъ улаженъ.

По установившемуся уже обычаю, какъ послѣ всѣхъ большихъ отправокъ, 2-го апрѣля была произведена фактическая повѣрка наличнаго состава въ лагерь, согласно которой налицо состояло:

Названіе части	Офицер.	Казак.	Женщ.	Дѣтей	ВСЕГО
Шт. Корп. (съ гауптв.) . . .	—	403	22	10	435
Франц. продовольств. маг. . .	1	29	1	—	31
Корп. индентанство	52	131	14	8	205
Донской госпиталь	18	124	25	—	167
Атаманское воен. уч.	239	471	14	2	726
Технический полкъ	124	185	21	2	332
Штабъ 1-й Дон. дивизіи . . .	28	104	10	3	145
Управленіе дивинта	37	96	5	—	138
Офицерская сотня	40	15	7	2	64
Дивизионный лазаретъ	34	125	8	1	168
Св. Гвардейскій полкъ	82	256	5	—	343
1-й Дон. каз. полкъ	63	171	11	1	246
Калединскій полкъ	33	261	6	2	302
Назаровскій полкъ	45	458	11	—	514
Платовскій полкъ	48	445	9	2	504
Ермаковскій полкъ	31	221	8	—	260
Терско-Астрахан. п-къ	197	561	3	—	761
Артиллерійскій дивиз.	84	225	8	2	319
Шт. 2-й див. съ прид. част. . .	136	257	25	7	425
7-й Дон. каз. полкъ	119	175	6	1	301
8-й Дон. каз. полкъ	84	266	21	6	377
Гундоровскій полкъ	92	207	17	2	318
10-й Дон. каз. полкъ	75	94	9	—	178
Артиллерійскій дивиз.	66	159	5	—	230
ВСЕГО	1728	5439	271	51	7489

каковая цифра и была положена въ основаніе дальнѣйшаго довольствія казаковъ.

Между тѣмъ французы продолжали начатую работу по распыленію Арміи. На неоднократныя просьбы Русскаго Командованія о подробномъ разъясненіи положенія лицъ третьей категоріи (Прик. Оккуп. Корп. № 1515) генераль Бруссо сообщалъ, что „бѣженцы,

могущіе указать лицо, могущее ихъ пріютить въ Константинополь и располагающіе достаточными средствами, чтобы прожить тамъ время, необходимое для полученія паспорта или для подысканія должности, могутъ получить разрѣшеніе на выѣздъ" и предлагалъ Русскому Командованію озаботиться о скорѣйшемъ выѣздѣ такихъ лицъ въ Константинополь, оговариваясь, однако, что „необходимо, чтобы Ваши подчиненные не думали бы, что легко прожить въ Константинополь и найти себѣ занятія, городъ перегруженъ; другими словами — не нужно разсчитывать поселиться тамъ“.

О тѣхъ, кто не имѣетъ ни средствъ, ни близкихъ въ Константинополь, генераль Бруссо говорилъ, что имъ запрошенъ Штабъ Оккупационнаго Корпуса, сознаваясь при этомъ, что „прожить на собственномъ иждивеніи русскіе бѣженцы очевидно не могутъ на Лемносъ и что необходимо предоставить имъ возможность выѣзда“. (Прик. Лемн. гр. № 3).

Какъ бы вскользь указывался и четвертый выходъ. „Съ другой стороны, — заканчивалъ ген. Бруссо, — хотя приказъ Оккупационнаго Корпуса и не упоминаетъ объ этомъ, я считаю должнымъ напомнить Вамъ, что молодые люди, желающіе продолжать военную службу, еще могутъ опредѣлиться въ Иностранннй Легионъ, гдѣ имъ можетъ быть еще предоставлено около 2000 мѣстъ. Я прошу Васъ не отказать вышеупомянутое предложеніе сообщить всѣмъ русскимъ бѣженцамъ“.

Одновременно, всѣми способами, до подпольнаго включительно, велась агитація среди казаковъ въ пользу записи въ Бразилію и перехода на собственное иждивеніе въ Константинополь.

Казакамъ говорили: „Въ Балканскія государства васъ не пустятъ, кормить будетъ некому и всѣ заявленія вашего начальства не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и являются ложью“. Сами казаки уже поняли политику французовъ, истинныя ихъ намѣренія, и отношенія ихъ съ французами все болѣе и болѣе становились враждебными. „Мы стали французамъ поперекъ горла и они торгуютъ нами, въ Совдепію везутъ казаковъ, а оттуда хлѣбъ“. (Информ. сводка).

Однако, широко открытая записъ въ Бразилію подвигалась медленно. Изъ казаковъ настоящихъ природныхъ земледѣльцевъ, мало кто записывался. Записывались, главнымъ образомъ, офицеры, въ большинствѣ своемъ съ земледѣліемъ мало что имѣющіе.

Тогда французы, неуклонно слѣдуя взятому уже курсу, рѣшили ударить казаковъ по самому чувствительному мѣсту, по желудку.

Съ 11-го апрѣля выдаваемый казакамъ паекъ былъ измѣненъ; была уменьшена выдача хлѣба, сахара и чая.

Разсуждая теоретически, этотъ паекъ, благодаря выдачи фасоли, давалъ нѣсколько даже большее количество калорій, но практически, уменьшеніе выдачи хлѣба и сахара замѣтно отразилось на настроеніи казаковъ, тѣмъ болѣе, что выдаваемая французами фасоль была старая, очень плохого качества, дурно разваривалась, да и топлива то было мало, и казаки зачастую вовсе не ѣли этой фасоли.

Таблица № 3

Паекъ съ 11/IV по 19/VII

Наименованіе продуктовъ	Бѣлк.	Жиров.	Углев.	Кар.
Хлѣбъ 400,0	50,60	2,0	44,53	952,2
Фасоль 300,0	70,95	5,88	166,8	1029,57
Чай 3,0	—	—	—	—
Сахаръ 26,0	—	—	19,76	81,90
Консервовъ 200,0	37,5	17,8	0,18	315,92
Жировъ 20,0	—	19,6	—	182,28
Всего	158,08	45,28	231,27	2561,87

Такъ какъ такое уменьшеніе пайка считалось уже угрожающимъ для здоровья людей, то Генераль Абрамовъ приказалъ Корпусному Интенданту немедленно закупить муку и съ 14 апрѣля выдавать во всѣ части Лемносской группы сверхъ установленнаго французскаго пайка еще по 50 граммъ муки на человѣка, исключительно на подболтку и приправку къ горячимъ варкамъ.

Кромѣ того, съ іюня мѣсяца, Командиромъ Корпуса была установлена выдача денегъ на покупку зелени (лукъ, помидоры, чеснокъ) во всѣхъ частяхъ, имѣвшихъ артельныя варки. Эти дополнительные, изъ средствъ Главнаго Командованія, выдачи муки и зелени производились до послѣдняго дня пребыванія Корпуса на Лемносъ и значительно слабировали какъ по качеству, такъ и по количеству скудный французскій паекъ.

Всего на всю группу выдавалось въ день 25-30 пуд. муки. Но и это небольшое требованіе русскихъ сразу создало большія затрудненія. Французское Интендантство отказало въ выдачѣ добавочной муки даже за деньги. Пришлось покупать на сторонѣ. Въ Греціи продажа муки составляла монополию Правительства и производилась по строгому учету нормальной потребности населенія. Для покупки муки, 10.000 пудовъ, потребовалось усиленное ходатайство передъ Греческимъ Губернаторомъ о. Лемноса и даже непосредственное обращеніе Командира Корпуса къ Ея Величеству Королевѣ Эллиновѣ Ольгѣ Константиновнѣ, такъ какъ мука для жителей Лемноса привозилась изъ г. Солоники и на вывозъ такого количества, сверхъ общей потребности Лемноскаго населенія, требовалась санкція Министра Внутреннихъ Дѣлъ Греческаго Правительства. Разрѣшеніе было дано только на 5.000 пудовъ. Остальное количество муки было прислано Главнокомандующимъ изъ Константинополя и кромѣ того,

исключительно для Донскихъ частей и бѣженцевъ 200 пудовъ*) отъ Донскаго Правительства. Изъ выдаваемой муки казаки варили лапшу, галушки, пекли лепешки.

Съ августа дача добавочной муки была увеличена до 100 гр. въ день на человѣка, такъ что въ этомъ направленіи французское давленіе не привело къ желаннымъ результатамъ.

Не довольствуясь уменьшеніемъ пайка, французы рѣшили открыто повести агитацію и перенесли ее на заборы, въ видѣ „литературныхъ“ произведеній и различнаго рода объявленій.

Въ ночь на 17-е апрѣля, по лагерю, въ громадномъ количествѣ экземпляровъ была расклеена слѣдующая „декларация“:

„Послѣ эвакуаціи Крыма русскіе бѣженцы, безъ помощи Франціи должны бы были погибнуть отъ голода и болѣзней.

Изъ за человѣколюбія, не имѣя въ виду никакой политической цѣли, Франція приняла на себя заботу о бѣженцахъ и содержитъ ихъ почти уже пять мѣсяцевъ.

„Это содержаніе обходится Франціи 40 милліоновъ франковъ въ мѣсяць. За пять мѣсяцевъ ею истрачено 200 милліоновъ франковъ, тогда какъ гарантіи, данныя русскимъ Командованіемъ и состояція въ судахъ, сырьѣ и т. д., представляютъ собою едва 30 милліоновъ франковъ.

„Франція счастлива тѣмъ, что она смогла спасти около 100.000 русскихъ, но, будучи сама сильно изнурена войной, она не можетъ продолжать безконечно приносить столь тяжелыя жертвы.

„Для всѣхъ русскихъ бѣженцевъ является вопросомъ достоинства и чести принятіе предложенныхъ имъ способовъ выйти изъ положенія бѣженцевъ и честно добывать своимъ трудомъ средства для существованія.

Назависимо отъ этого вопроса чести, для бѣженцевъ является также вопросомъ насущной необходимости обезпечить себѣ честное и достойное существованіе трудомъ, т. к. французское правительство вынуждено рано или поздно прекратить ихъ содержаніе“.

Каждое слово этой деклараціи говорило само за себя.

Можно себѣ представить какое возмущеніе и, даже, негодованіе вызвала эта декларация среди казаковъ. Большими группами собирались они у объявленій, кто либо громко прочитывалъ декларацию, послѣ чего всѣ шумно разбирали и оцѣнивали заявленія французовъ.

Каждое слово, особенно упоминаніе о „чести и достоинствѣ“, возмуцало казаковъ, но наиболѣе рѣзкія реплики вызвало указаніе французовъ на то, что всѣ русскія суда, сырье и другое имущество едва оцѣнивается ими въ 30 милліоновъ франковъ.

Уже утромъ всѣ объявленія были сорваны; осталось только единственное объявленіе на специально для этого устроенной доскѣ

*) Для Донскаго Корпуса 1547 килограммовъ.

у поста по дорогѣ въ г. Мудрось, подѣ охраной французскаго часового.

Около этой доски цѣлый день толпилась группа казаковъ, не успѣвшихъ утромъ прочитать деклараціи, и тутъ же, изливая свои чувства, доказывавшихъ безстрастно наблюдавшему за ними чернокожему стрѣлку — сенегальцу, что Франція наша союзница, что „мы за васъ кровь проливали“, что русскія суда стоятъ куда дороже, нежели „они“ ихъ оцѣниваютъ, и что нехорошо такъ съ союзниками поступать.

Долго еще не могли успокоиться казаки. Участники Великой Войны, они знали о тѣхъ громадныхъ и ей ненужныхъ жертвахъ, которыя принесла Русская Армія во имя обще-союзническихъ, въ частности — французскихъ интересовъ. Были среди казаковъ участники извѣстнаго самсоновскаго похода и всѣ знали о немъ отъ братьевъ, станичниковъ, хуторцовъ; много родныхъ и близкихъ имъ сложило головы въ этомъ походѣ, много ихъ самихъ было переранено и перекалѣчено. „А кровь они нашу во что цѣнятъ — говорили казаки. „Сколько мы тамъ жизнью положили. Кабы не пошли тогда съ Самсоновымъ, ни Парижу бы ихнему, да и Франціи не дышать. Только нами и спаслись... а теперъ еще о чести говорятъ“...

Русское Командованіе, со своей стороны, какъ бы въ отвѣтъ на декларацію, также подвело счеты съ французами.

Въ экстренномъ выпускѣ „Вѣстника Донскаго лагеря“ было приведено сообщеніе „Россійскаго Земско-Городскаго Комитета помощи россійскимъ гражданамъ за границей“ о томъ, что „по прибытіи бѣженцевъ изъ Крыма въ Константинополь французскими властями было взято на учетъ, а въ дальнѣйшемъ погружено въ склады, находящіеся подѣ ихъ контролемъ, разнообразное имущество, вывезенное съ Юга Россіи, какъ то: зерно разное, сахаръ, табакъ, обмундированіе, бѣлье, подошвенная кожа, мануфактура, сукно, шерсть, мѣшки, овчины, обувь, ломъ желѣзный, цвѣтные металлы, бензинъ, керосинъ, вино и мыло — всего на сумму 873.564 фунта стерлинговъ. Разнаго военнаго имущества, свинца, канифоли, шуруповъ, алюминія, латуни и прочаго, всего на сумму 762.238 фунтовъ стерлинговъ; грузовиковъ, телефонныхъ аппаратовъ, машиннаго масла, авіаціоннаго имущества, автомобилей, электро-моторовъ на сумму 22.727 фунтовъ стерлинговъ — а всего на сумму 1.658.529 фунтовъ стерлинговъ. Къ началу февраля французами было выдано изъ Константинополя различнаго русскаго имущества на сумму 79.539 фунтовъ стерлинговъ. Снято съ русскихъ трехъ судовъ угля общаю стоимостью 15.355 фунтовъ стерлинговъ. По общему подсчету имущество Русской Арміи, вывезенное уже изъ Константинополя французами, оцѣнивается 1.373.615 фунтовъ стерлинговъ, если же считать все имущество Русской Арміи, уже вывезенное французами и находящееся на складахъ подѣ контролемъ французскихъ властей, вмѣстѣ со стоимостью русскихъ судовъ, экспатируемыхъ нынѣ французами, равняется 2.952.585 фунтовъ стерлинговъ, что при переводѣ на франки равняется суммѣ около 280 милліоновъ франковъ“.

Разница съ 30 миллионъ, конечно, громадная.

Читая расклеенныя по лагерю номера вѣстника, казаки буквально впивались глазами въ цифры, перечитывали ихъ, а многіе и — переписывали. Настроение поднялось „значить правду намъ говорятъ, что Армія будетъ содержаться на средства Главнокомандующаго, значить не нужно ѣхать ни въ Бразилію, ни въ Совдепію, не надо ломать себѣ голову на „собственномъ иждивеніи“... Все просто и ясно: оставаться въ Арміи и готовиться къ дальнѣйшей борьбѣ съ большевиками. И въ то время, какъ поднималось и крѣпло настроеніе казаковъ и вѣра въ Командованіе, росла ненависть къ французамъ.

А въ то же самое время къ генералу Абрамову вновь поступила цѣлая груда объявленій и листовокъ — теперь уже о записи въ Бразилію.

Въ препроводительномъ сношеніи ген. Бруссо просилъ „принять всѣ мѣры для избѣжанія уничтоженія и порчи объявленій“ и оговаривался, что на этотъ разъ онъ можетъ предложить казакамъ только Бразилію и, отчасти, Перу, которая также согласна принять 1000 бѣженцевъ землеробовъ. О Совдепіи же, говорилъ онъ, въ настоящее время не можетъ сообщить никакихъ свѣдѣній, „ввиду того, что Совѣты не изъявили желанія принять новыхъ русскихъ бѣженцевъ, хотя есть указанія, что намѣренія эти могутъ еще измѣниться“.

Въ объявленіяхъ этихъ говорилось, что бразильское правительство въ Штатъ Сан-Паоло готово дать убѣжище и работу 20.000 бѣженцевъ-земледѣльцевъ и что организуется уже для отправки туда первая партія въ 10.000 человекъ.

Тамъ же говорилось о Перу, согласной принять 1000 земледѣльцевъ, о Мадагаскарѣ, куда требовались хорошіе строительные рабочіе — спеціалисты, и Франціи, также согласной принять нѣкоторое количество сельскихъ рабочихъ.

Объ отправкахъ и порядкѣ записи въ эти страны ничего не говорилось, а главное вниманіе было обращено на Бразилію.

О Перу и Бразиліи сообщалось, что „эти два государства — цивилизованныя страны, законы которыхъ защищаютъ и уважаютъ жизнь и достоинство каждаго человека, живущаго на ихъ территории. Если бы эта гарантія не существовала, французское правительство не согласилось бы на отправку (а Совдепія?... Прим. автора.) въ Бразилію и Перу русскихъ бѣженцевъ“.

„Слухи, которые распространены о судьбѣ русскихъ бѣженцевъ, что будто бы они превращаются въ бѣлыхъ рабовъ — ложны и тенденціозны“.

„Бѣженцы, которые ѣдутъ въ Бразилію и Перу, сохраняютъ русское подданство и необязателенъ для нихъ никакой срокъ жительства“.

„Климатъ здоровый и особенно годный для всякаго рода работъ; земледѣльческія эксплуатаціи — огромны и очень процвѣтаютъ и бѣженцы, по ихъ прибытіи, могутъ найти себѣ работу, которая позволитъ имъ существовать“... и т. д.

Очевидно объявленія эти были составлены заранее, такъ какъ въ нихъ, хотя и вопреки оговоркѣ ген. Бруссо, все же говорилось о Совдепiи. Можно подумать, что это было конечнымъ желаніемъ и задачею французовъ, ихъ *idee fixe*; о чемъ бы они ни говорили, въ концѣ концовъ сводили на Совдепiю... „А все-таки въ Совдепiю ѣхать нужно“... и можно...

„Самые фантастическіе и тенденціозные слухи распространяются относительно отправки въ Россію. Правда заключается въ слѣдующемъ: бѣженцы добровольно заявили желаніе вернуться въ Россію, французскія власти вмѣшивались, чтобы отвергнуть всякое препятствіе послѣ добровольнаго желанія, чтобы пароходы снабжены были необходимымъ продовольствіемъ, такъ напр., пароходъ, который отправленъ былъ въ Новороссійскъ, имѣлъ для всѣхъ пассажировъ продовольствіе на 15 дней, тогда какъ нормальное разстояніе только 3 дня. Пароходы, отправленные въ Одессу, имѣли продовольствіе на 10 дней, вмѣсто двухдневнаго нормальнаго рейса. Что же касается судьбы бѣженцевъ, отправленныхъ въ Россію, то радіо, посланное 5-го апрѣля изъ Москвы, сообщаетъ, что не запрещено вернуться въ Россію казакамъ, крестьянамъ и служащимъ, которые отказались бороться противъ совѣтскихъ властей, и никто изъ нихъ не будетъ преслѣдованъ“.

„При организаціи новой отправки въ Одессу — будутъ приняты необходимыя мѣры, чтобы всѣ бѣженцы, желающіе вернуться на свою родину, могли свободно выразить свое желаніе и не были притѣсняемы во время отхода“.

Рядомъ съ этими объявленіями, напечатанными на цвѣтной бумагѣ и громадными буквами, издали бросающимися въ глаза, было расклеено скромное и коротенькое объявленіе русскаго Командованія, гдѣ въ сжатыхъ выраженіяхъ сообщалось, что Главнокомандующимъ принимаются мѣры къ снятію казаковъ съ французскаго пайка и перевозу въ Славянскія страны.

И это то скромное объявленіе и привлекало наибольшее вниманіе казаковъ.

„Нынѣ новыя тучи нависли надъ нами... — говорилъ въ объявленномъ по частямъ приказѣ (№ 138) Главнокомандующій,

„Съ неизмѣнной непоколебимой вѣрой, какъ годъ тому назадъ, я обѣщаю вамъ съ честью выйти изъ новыхъ испытаній. Всѣ силы ума и воли я отдаю на службу Арміи, безъ различія чиновъ и частей.

Офицеръ и солдатъ, армейскій и казачьи корпуса, мнѣ одинаково дороги. Какъ въ тяжелые дни оставленія родной земли, никто не будетъ оставленъ безъ помощи. Въ первую очередь она будетъ подана наиболѣе нуждающимся.

Какъ годъ тому назадъ я призываю васъ крѣпко сплотиться вокругъ меня, памятуя, что въ нашемъ единеніи — наша сила“.

Опять у объявленій группами собирались казаки, опять громко и на всѣ лады обсуждались французскія предложенія, опять по адресу французовъ отпускались нелестныя и, подчасъ, крѣпкія словечки.

Надо еще замѣтить, что съ 23-го апрѣля паекъ былъ опять

нѣсколько измѣненъ. вмѣсто 300 граммовъ, хотя и дурной фасоли, но дававшей значительное количество калорій, начали выдавать по 90 граммовъ въ сутки на человѣка сушеной зелени, что едва ли давало 120—150 калорій, благодаря чему питательность пайка (см. таблицу № 3) значительно понизилась. Временами сушеная зелень комбинировалась съ фасолью или чечевицею, но въ незначительныхъ дозахъ, и весь паекъ теперь давалъ не болѣе 2000 калорій.

Это было однимъ изъ способовъ воздѣйствія на казаковъ.

Но казаки, на которыхъ то, главнымъ образомъ, и рассчитывали французы, не пошли на запись въ Бразилію.

Пришедшій 29-го апрѣля на Лемносъ „Ріонъ“ забралъ съ собою 656 мужчинъ, 24 женщины и двухъ дѣтей, всего 682 человѣка. Бѣженцевъ уѣхало 170 человѣкъ, изъ нихъ двое дѣтей и 24 женщины*).

Уѣхали главнымъ образомъ — офицеры. Уѣхали глубоко уставшіе люди, нервно разбитые, которымъ „куда бы то ни было, хоть на край свѣта, хоть къ чорту на кулички“ уѣхать, лишь бы не возвращаться въ Совдепію.

Въ день отправки, французами, по обыкновенію, были приняты особыя мѣры безопасности. Пристань охранялась отрядомъ моряковъ-стаціонера „Сичень“, эмигрантовъ собиралъ по лагерю извѣстный уже капитанъ Мишле съ отрядомъ въ 15 стрѣлковъ и 4 конныхъ жандарма. Кроме того, на пристани находился лейтенантъ Лулу, отбиравшій подписки отъ эмигрантовъ въ томъ, что они дѣйствительно земледѣльцы.

По имѣющимъ свѣдѣніямъ, эмигранты эти не были приняты Бразиліей, какъ не земледѣльцы, высажены въ Аяччію, и, затѣмъ, расплылись по частнымъ работамъ.

Приближалась Пасха. Вѣками сложившійся бытъ, обычаи и привычки, брали свое, и внутренняя жизнь казаковъ, лагеря, шла сама собою, независимо ни отъ изгнанія, голода, отправокъ, французовъ, текла по вѣками пробитому руслу.

Готовились къ праздникамъ. Выскребали палатки, чистили незатѣйливую утварь и посуду, многіе, даже справляли обновы изъ „подручнаго матеріала“ т. е. перекрашивали и перешивали старье.

Къ праздникамъ готовились какъ то особенно чинно и проникновенно. Здѣсь на чужбинѣ, казаки особенно остро чувствовали свое одиночество, оторванность отъ семей, теперь, въ праздничные дни, и поэтому всѣми силами старались выполнять обычаи Родины, чтобы тѣмъ создать себѣ хоть отдаленный миражъ домашняго уюта, семьи.

Съ особенной любовью и стараніемъ укрѣшали церкви.

Клеили транспаранты, фонарики, рисовали новыя иконы, въ Мудросѣ закупаали бенгальскіе огни. Еще недѣли за двѣ до Пасхи въ лагерьъ все чаще и чаще слышалось церковное пѣніе. Это любители пѣвчіе разучивали пасхальныя пѣснопѣнія.

Къ празднику, сверхъ обычнаго раціона, казакамъ было выдано

*) Кубанцевъ уѣхало 177 человѣкъ, изъ нихъ 5 женщинъ.

Русскимъ Командованіемъ 200 граммовъ муки и по 20 граммовъ сахару. Кромѣ того, были отпущены на улучшение питанія особыя денежныя суммы по расчету полторы драхмы на человѣка. Сверхъ того, представителемъ Американскаго Краснаго Креста капитаномъ Макъ-Непъ, который къ тому времени начиналъ свою дѣятельность на Лемнось, казакамъ были выданы табакъ и папиросы.

Греками была предоставлена въ распоряженіе русскаго духовенства старая церковь въ городѣ Мудрось, гдѣ богослуженія совершались по русскому обычаю, русскимъ духовенствомъ и съ русскимъ хоромъ. По соглашенію между Русскимъ и Французскимъ Командованіемъ, казаки въ часы богослуженія могли ходить въ Мудрось безъ особыхъ пропусковъ. Церковь, повидимому давно уже оставленную, привели въ порядокъ, вымыли, вычистили многолѣтнюю пыль; старинный, великолѣпной рѣзной работы иконостасъ подновили, вставили на мѣсто въ зіявшія впадины выпавшія или вынутыя иконы, благодаря чему церковь приняла уютный видъ.

Индифферентные вообще къ церковнымъ службамъ, греки въ большомъ количествѣ посѣщали русскую, какъ они ее теперь называли, церковь, восторгаясь новымъ для нихъ, неслышаннымъ еще тономъ русскаго богослуженія, порядкомъ и благочиніемъ, и стройнымъ пѣніемъ русскаго хора. Въ праздничные дни, когда время богослуженія совпадало, зачастую въ „русской“ церкви бывало куда больше грековъ, нежели въ греческой, въ Мудросскомъ соборѣ.

Особой торжественностью отличалась служба въ четвергъ на страстной недѣлѣ. Пѣль соединенный хоръ дивизій и Штаба Корпуса. Церковь не могла вмѣстить всѣхъ молящихся русскихъ и грековъ. Послѣдніе, интересуясь русскими обычаями, пришли на этотъ разъ въ особенно большомъ количествѣ. Когда послѣ богослуженія, возвращаясь въ лагерь, русскіе, по обычаю, несли по городу зажженные свѣчи, греки выскакивали изъ домовъ, качали головами и кричали: „Руссь, Христось нѣтъ воскресъ“, очевидно думая, что казаки уже празднуютъ Пасху.

Встрѣтили Пасху хорошо.

Съ большимъ подъемомъ, свѣтло и радостно, прошла пасхальная заутреня. Къ разговѣнью напекли куличей, были крашеныя яйца, къ обѣду въ котлахъ варилась баранина. Не обошлось и безъ спиртныхъ напитковъ, которые сами казаки закупили на полученные къ празднику „драхмы“.

Цѣлые дни въ полковыхъ церквахъ звонили въ „колокола“, представлявшіе собою не что иное, какъ обрѣзки рельсъ, желѣзныя шпалы и куски стараго желѣза, цѣлые дни по лагерю изъ края въ край неслись пѣсни разговѣвшихся казаковъ.

Въ 12 часовъ 1-го мая, на первый день праздника, всѣ части Корпуса были выведены на парадъ и Командиръ Корпуса христосовался съ казаками и поздравлялъ ихъ съ праздникомъ. Бодро и весело прошли оживившіеся казаки, громко и радостно отвѣчали на привѣтствія Командира Корпуса. Всѣ не принимавшіе участія въ па-

радъ чины Корпуса, персоналъ госпиталей, даже греки изъ Мудроса, все это вышло посмотрѣть на парадъ.

Теплая весенняя погода, солнечные дни, затишье, что на Лемнось, съ постоянными вѣтрами, случается очень рѣдко, все это поддерживало праздничное настроеніе.

Такъ, незамѣтно, въ праздничномъ оживленіи, прошли три дня.

Широкая казачья натура, не мирившаяся съ тѣснотой лагерной жизни, въ праздникъ нашла себѣ выходъ. Городъ Мудросъ и всѣ окрестныя деревни въ эти дни были переполнены казаками, пробиравшимися туда несмотря на всѣ запреты, оцѣпленія и патрули. Не обошлось, конечно, и безъ „международныхъ“ — греко-русскихъ и русско-французскихъ конфликтовъ и осложненій, происшедшихъ, главнымъ образомъ, на почвѣ продажи и распитія спиртныхъ напитковъ.

„Втеченіе праздника Пасхи въ сосѣднихъ деревняхъ замѣчался наплывъ самовольно отлучившихся изъ лагерей казаковъ и бѣженцевъ“... (Прик. Лемносской грп. № 21).

„Праздникъ Пасхи законченъ — напоминалъ ген. Абрамовъ. Во всѣхъ частяхъ* продолжать прежнимъ темпомъ строевыя занятія и работы по приведенію въ порядокъ лагеря, палатокъ, обуви и обмундированія“...

„Въ будніе дни лагерь долженъ имѣть дѣловой видъ, общія пѣсни, гулянія, музыку, прекращать въ 22 часа“.

„Безотлагательно прекратить всякую торговлю спиртными напитками и виномъ въ лагерныхъ лавкахъ“.

Праздникъ былъ законченъ, къ тому времени казаки поистратили припасенныя драхмы, настроеніе улеглось, и снова потянулись безконечныя и нудныя будни.

Ровно въ семь утра въ утренней прохладѣ звучалъ по лагерю и далеко разносился по окрестнымъ горамъ „подъемъ“. Много казаковъ вставало еще до этого времени и уже копошилось среди палатокъ, но послѣ „подъема“ лагерный муравейникъ все таки замѣтно оживалъ. Мелькали цвѣтныя рубашки казаковъ, слышался шумъ, крикъ и разговоры, отъ лагеря къ колодцамъ, туда и обратно, сновала непрерывная цѣпь людей. Все это продолжалось пятнадцать минутъ, послѣ чего части выстраивались на переднихъ линейкахъ. Лагерь замиралъ. Пѣли общую молитву.

Вслѣдъ за молитвою, въ тѣхъ частяхъ, гдѣ была налажена общая варка, раздавали чай, тамъ, гдѣ общей варки не было, чай готовили самостоятельно. Дымили костры на особо отведенныхъ для этого мѣстахъ за лагернымъ расположеніемъ, сутились около нихъ раздувавшіе огонь казаки.

Съ девяти и до одиннадцати, внизу, у берега моря, на песчаномъ плацу-отмели, твердомъ какъ асфальтъ, производились строевыя занятія. Занимались гимнастикой, одиночной выправкой, шереножныхъ ученіемъ. Занятія были легкія, имѣвшія, главнымъ образомъ, моральное значеніе. Занимались четыре часа въ день, два — до обѣда, и два — послѣ обѣда, съ четырехъ до шести часовъ. Съ

наступленіемъ жаркаго времени занятія эти были перенесены на ранніе утренніе часы.

Въ Атаманскомъ училищѣ и на офицерскихъ курсахъ занятія продолжались съ прежней регулярностью. Въ жаркіе часы дня эти занятія носили классный характеръ, а въ утреннее и вечернее время сотни юнкеровъ и офицеровъ выводились на плацъ и тамъ производились сотенныя и тактическія ученія.

Изъ Россіи училищемъ было вывезено четыре лошади. Лошади эти сѣдлались и юнкера производили на нихъ „смѣнную ѣзду“, а въ праздничные дни даже „загородныя“ проѣздки.

Въ тѣ дни, когда выдавали продукты, а ихъ выдавали сразу на 2-3 дня, по лагерю, изъ конца въ конецъ, проносился знакомый уже крикъ — раздатчики за продуктами!.. Съ мѣшками, чувалами и жестянками, командами, такъ какъ одиночнымъ порядкомъ, во избѣжаніе хищенія продуктовъ, ходить было запрещено, раздатчики отправлялись на пристань, гдѣ было расположено интендантство. Пристань находилась въ полутора-двухъ километрахъ отъ лагеря и была соединена съ послѣднимъ диковилькой, по которой и перевозились продукты и другія тяжести.

При этомъ наблюдалось своеобразное развлеченіе. Часть казаковъ, положивъ на вагокетки чувалы и жестянки, садились сами и катились внизъ; подъ уклонъ, мѣстами довольно значительный, вагокетки развивали большую скорость, причемъ не обходилось и безъ приключеній. Случалось, что вагокетки сходили съ рельсъ и разбивались. Къ счастью, такія крушенія обходились безъ жертвъ.

Раздача и дѣлежка продуктовъ производилась по установленному уже обычаю, точь въ точь, какъ это дѣлалось въ Чилингирѣ, Санджакъ-Тепе, или другихъ лагеряхъ, съ такимъ же „кому“ и кропотливымъ, можно сказать, аптекарскимъ дѣленіемъ „полагаемаго“.

Да и весь порядокъ дня былъ общелагерный, твердо установившійся. Такъ же на кострахъ готовили обѣдъ, ужинъ, кипятили чай, такъ же стирали бѣлье, искали насѣкомыхъ, съ такимъ же трудомъ добывали топливо, ходили за колючкой, бродили по пристанямъ и оставленнымъ греками строеніямъ въ поискахъ какой либо щепки, кола или доски.

Въ восемь вечера, по лагерному въ девять, такъ какъ часовая стрѣлка была переведена на часъ впередъ, полки выстраивались на повѣрку. Звонко разносилась по затихшимъ лагерямъ и дальше, по горамъ и заливу, „зоря“, стройно и величественно изъ тысячи грудей лилась молитва. „Всколыхнулся, взволновался“... перекатывались, затѣмъ, по лагерю могучія волны Донского гимна, отбой и — лагерный муравейникъ снова копошился, снова слышались шумъ и крики.

Быстро кончались южныя сумерки, по склонамъ горъ зажигались костры, точно громадныя звѣзды висѣвшія въ бархатномъ сумракѣ ночи. Слышались пѣсни. То частыя и веселыя, съ удалыми выкриками и подпѣвали, со свистомъ и гиканьемъ, то тягучія, грустныя и тоскливыя, какъ лемноская жизнь.

О всемъ пѣли казаки. И о славѣ казачьей, боевыхъ подвигахъ, походахъ и бояхъ, о разсѣянныхъ по всему свѣту костяхъ и могилахъ казачьихъ; о родномъ Донѣ, тихихъ привольныхъ станицахъ и хуторахъ, пѣли о покинутыхъ домахъ, дѣтяхъ и казачкамъ, напрасно поджидающихъ своихъ мужей. Обо всемъ пѣли казаки. И о большевикахъ, выгнавшихъ ихъ изъ родного края, и объ убитыхъ и замученныхъ ими товарищахъ. Слышалась въ пѣсняхъ то жалоба на горькую долю, то мрачная угроза далекому ненавистному врагу, и вся душа казачья, смятенная и придавленная, но не уничтоженная, изливалась въ этихъ пѣсняхъ.

Доваривался ужинъ, закипалъ послѣдній чай, одинъ за другимъ догорали и гасли костры. Стихали послѣднія пѣсни. Обвѣянный прохладой лагерь засыпалъ. Только гдѣ либо высокими переливами изнывалъ не уснувшій еще станичникъ и пѣсня, ровная и безконечная, какъ Донская степь, одиноко разносилась въ ночной тишинѣ.

День кончался... „Завтра“ было точь въ точь такое же, и медленно и однообразно, днемъ за днемъ, тянулось унылое время.

Иногда эти сѣрые будни прерывались свѣтлыми днями. Такъ было 9 мая (ст. ст.), въ день Кавалерскаго праздника ордена Св. Николая Чудотворца. Въ этотъ день Лемносъ чествовалъ своихъ героевъ, покрывшихъ новою славою Русскую Армію на поляхъ Сѣверной Тавріи, кавалеровъ Ордена.

Рано утромъ всѣ части Донского Корпуса, со знаменами и штандартами, при оружіи, были выведены на твердую песчаную отмель у моря, гдѣ обыкновенно происходили занятія, и построены „покоемъ“. Посрединѣ былъ воздвигнутъ аналой, около котораго собралось все корпусное духовенство съ полковыми иконами и хоругвями и соединенный хоръ всѣхъ частей Корпуса.

Была тихая солнечная погода, съ безоблачнымъ голубымъ небомъ и такимъ же спокойнымъ моремъ.

Эффектную картину представляли тогда казаки, всѣ однообразно одѣтые, въ бѣлыхъ гимнастеркахъ и такихъ же фуражкахъ, застывшіе въ безмолвномъ ожиданіи. Ярko блистали на солнцѣ хоругви и облаченіе духовенства.

Ожидали Генерала Абрамова, который долженъ былъ прибыть сюда съ берега Калоераки, гдѣ находился Штабъ Лемносской Группы.

Около десяти часовъ ряды вздрогнули, зашевелились, спѣшно выравниваясь, слышались тихія короткія слова команды.

Прибылъ Генералъ Абрамовъ.

— Слуша-а-й, на кра-ул-л-л!... громко и отчетливо пронесли слова команды. Коротко блеснули въ лучахъ солнца тысячи шашекъ, какъ одинъ взвились и замерли штыки. Трубачи заиграли „встрѣчу“.

Сопровождаемый Начальникомъ Штаба Полковникомъ Ясеви-чемъ и старшими войсковыми начальниками, Генералъ Абрамовъ, старшій Кавалеръ ордена Св. Николая Чудотворца, обходилъ ряды, здороваясь съ казаками, бодро и радостно отвѣчавшими ему.

Начался молебенъ, который служилъ Корпусный Протоіерей, соборне съ духовенствомъ Корпуса.

Послѣ молебна былъ парадъ.

Полкъ за полкомъ, сотня за сотней, стройными бѣлыми рядами, рѣзко отбивая тактъ по твердой, какъ асфальтъ, отмели, точно заправскіе пѣхотинцы проходили казаки передъ своимъ любимымъ Вождемъ; отчетливо, какъ одинъ, отвѣчали на привѣтствія. Тихо рѣяли въ голубомъ воздухѣ старыя боевыя знамена.

Трудно было повѣрить, глядя на проходившіе стройные ряды казаковъ, что это изгнанники, влачащіе полуголодное существованіе на уныломъ островѣ, подъ строгой опекой французовъ, недавно еще въ тоскѣ волновавшіеся надъ жгучимъ вопросомъ „Совдепія, Бразилія или собственное иждивеніе“, а теперь точно воскресшіе чудобогатыри, явившіеся по зову своего стараго Вождя.

И невольно въ сердцѣ cadaго росла и крѣпла увѣренность, что жива Армія и будетъ жить, что не страшны ей никакія происки и распыленія, испытанія и несчастія, что пройдетъ лихолѣтье и, съ Арміей, воскреснетъ Великая Россія...

Этотъ парадъ надолго остался свѣтлымъ воспоминаніемъ у казаковъ.

Нечего и говорить, что не только все населеніе города Мудроса, но и изъ ближайшихъ деревень, пришло посмотрѣть на невиданное зрѣлище.

Въ тотъ же день на берегу Калоераки, въ Кубанскомъ Корпусѣ также былъ молебенъ и парадъ, который принималъ Командиръ Кубанскаго Корпуса.

Съ наступленіемъ теплаго времени большое оживленіе въ монотонную лагерную жизнь внесли морскія купанья.

Уже въ серединѣ апрѣля вода въ Эгейскомъ морѣ слѣлалась настолько теплою, что отдѣльные наиболее смѣлые казаки начали купаться. Но большинство казаковъ купаться не рѣшалось, боясь — осьминоговъ. Слышанные еще въ чаталджинскихъ лагеряхъ страшные рассказы объ осьминогахъ здѣсь не только не разсѣялись, но нашли себѣ подтвержденіе въ „могочисленныхъ“ примѣрахъ. Правда, теперь уже не говорили, что осьминоги по ночамъ забираются въ палатки и утягиваютъ казаковъ въ море, но изъ устъ въ уста передавали, что осьминоги утопили нѣсколькихъ англійскихъ матросовъ и что бѣженцамъ первой эвакуаціи англичане вслѣдствіе этого запрещали купаться въ морѣ, что на Кубанскомъ берегу (обязательно на Кубанскомъ) осьминоги уже утопили нѣсколькихъ казаковъ, женщинъ и дѣтей и что тамъ теперь также запрещено купаться. По слухамъ, у Кубанцевъ тоже говорилось о Донскомъ берегѣ. Дѣйствительно, былъ случай, когда довольно крупный осьминогъ бросился на юнкера, но послѣдняго тотчасъ же отбили купавшіеся рядомъ товарищи, убившіе осьминога.

Становилось все жарче и жарче, южное солнце жгло немилосердно, камни накаливались, дышать становилось нечѣмъ, скрѣпя сердце, преодолая страхъ, казаки полѣзли въ море. Первые же дни купанья убѣдили ихъ, что осьминоги вовсе ужъ не такъ страшны, какъ о нихъ рассказывали, и вскорѣ берега залива, тамъ,

гдѣ было возможно купаться по условіямъ мѣстности, были усѣяны купавшимися и валявшимися на песокѣ казаками.

Но этимъ дѣло не ограничилось. Убѣдившись въ своей безопасности, казаки сами перешли въ наступленіе и начали охотиться за осьминогами. Охота состояла въ томъ, что казаки, снявъ шаровары и вооружившись шашкой или просто заостренной палкой, входили въ воду, подкарауливали осьминоговъ и убивали ихъ. Скоро узнали мѣста, гдѣ осьминоги водились въ большомъ количествѣ. Появились, даже, казаки спеціалисты — охотники, чуть ли не каждый день убивавшіе по осьминогу и продававшіе ихъ грекамъ. Каждое утро, на разсвѣтъ, то тамъ, то здѣсь, по колѣно въ водѣ, десятками стояли казаки, поджидавшіе добычу.

Установилась даже рыночная цѣна — въ среднемъ около пяти драхмъ за „октопода“ (по гречески — осьминогъ). „Раньше мы ихъ боялись — говорили казаки, а теперь пусть они насъ... Казаки пріѣхали... Это не то, что греки или англичане“, и все усерднѣе и усерднѣе охотились за осьминогами.

Время отъ времени устраивались прогулки по острову. Конечно, одиночнымъ порядкомъ казаки и безъ того постоянно бродили по острову въ поискахъ хлѣба, работы, или безъ всякой цѣли, просто инстинктивно повинуваясь своей вольной степной натурѣ, не мирившейся съ однообразіемъ и скученностью лагерей, но они постоянно подвергались риску быть пойманными и избитыми французами, или избитыми и ограбленными греческими жандармами, что неоднократно и случалось.

Прогулки устраивались командами или, даже, цѣлыми частями по особымъ разрѣшеніямъ французскихъ властей. Ходили въ окрестныя деревни и къ сѣверо-восточной оконечности острова, къ тому мѣсту, гдѣ когда то находился городъ Гефестіада. Въ настоящее время, какъ уже сказано выше, отъ Гефестіады остались нѣсколько обломковъ колоннъ и барельефовъ, да черепки глиняной посуды и статуетки, до настоящаго времени попадающіеся на пашняхъ. Развалинъ города, какъ ихъ представляли себѣ казаки, не находили, и не одна группа гуляющихъ возвращалась въ лагерь разочарованной. Со временемъ прогулки къ развалинамъ совсѣмъ прекратились. Болѣе интересными были прогулки въ деревни. Жители — греки, особенно въ первое время, радушно встрѣчали казаковъ, угощали ихъ, въ деревенскихъ тавернахъ всегда можно было дешево достать хорошее мѣстное вино, поэтому казаки особенно охотно ходили въ деревни и прогулки эти устраивались такъ часто, какъ только французы выдавали пропуска.

Во время повѣрокъ численнаго состава лагерей, а главнымъ образомъ, во время различныхъ отправокъ въ Совдепію и Бразилію, французы совершенно прекращали выдачу пропусковъ за черту лагернаго расположенія, что позже, на берегу Калоераки, примѣнялось ими какъ мѣра психическаго воздѣйствія на казаковъ, не подававшихся распыленію.

Съ первыхъ же дней прибытія на Лемнось Штаба Донского Корпуса, т. е. съ конца марта, началась громадная культурно-просвѣтительная работа въ частяхъ. Многіе не успѣли почему либо закончить образованіе, многіе въ непрерывной войнѣ забыли то, что знали, и теперь искали случая вспомнить забытое, а многіе и вообще мало учились. И вотъ, идя на встрѣчу нуждамъ казаковъ и, въ то же время, стремясь какъ либо использовать безцѣльное время изгнанія, наполнить безконечный досугъ казаковъ и удовлетворить ихъ жажду къ познаніямъ, къ самообразованію, Командованіе, въ лицѣ інформаціоннаго отдѣленія, организовало рядъ лекцій эпизодическаго характера и періодическихъ по различнымъ отраслямъ знанія и науки.

Лекціи читались въ отдѣльныхъ частяхъ, при штабахъ бригадъ и дивизій, и при Штабѣ Корпуса, какъ центръ, въ особо отведенномъ для этого мѣстѣ съ открытой сценой, служившей въ то же время и кафедрой для лекторовъ.

Лекторы нашлись среди своихъ же. Въ частяхъ войскъ было немало лицъ съ высшимъ образованіемъ, которые въ популярной, общедоступной формѣ, путемъ лекцій и бесѣдъ, дѣлили съ остальными своими познаніями.

Устраивались лекціи и на политическія темы, въ которыхъ освѣщалась текущая обстановка, положеніе въ Совдепіи и политическая жизнь Европы.

Вообще всѣ лекціи, даже и по астрономіи и космографіи (были и такія) охотно посѣщались казаками, засыпавшими лекторовъ безчисленными вопросами.

Кромѣ того, были учреждены особые бригадные курсы для тѣхъ офицеровъ, которые не могли быть, за неимѣніемъ мѣста, зачислены на офицерскіе курсы при Атаманскомъ военномъ училищѣ (Прик. Дон. Корп. №№ 35, 57, 59). На этихъ курсахъ, кромѣ спеціально военныхъ предметовъ, преподавались также предметы общеобразовательнаго характера, какъ исторія Россіи и Дона, русская литература, экономическая географія, законовѣденіе и другіе.

Курсы составляли отдѣльную учебно-строевую часть, подчинявшуюся начальникамъ штабовъ дивизій по учебной части и командирамъ бригадъ по строевой. Зачисленные на курсы офицеры оставались жить въ своихъ частяхъ и только для занятій сводились въ строевыя единицы.

Еще въ лагерь Санджакъ-Тепе изъ бѣженцевъ-любителей и профессионаловъ актеровъ организовался театръ, вносящій большое оживленіе въ монотонную бѣженскую жизнь. Труппа, въ составѣ частей, переѣхала на Лемнось, здѣсь пополнилась новыми силами, и театръ снова открылъ свою дѣятельность.

Вначалѣ спектакли давались на открытой сценѣ, служившей въ то же время и эстрадой для концертовъ и кафедрой для лекторовъ, потомъ сцена была оборудована въ одномъ изъ барачковъ на пристани, занавѣсъ былъ по прежнему изъ одѣялъ, но декораціи были освѣжены работами своихъ же художниковъ; изъ американскихъ

пиджамо и прочихъ подарковъ понадѣлали костюмы, казавшіеся довольно эффектными на сценѣ, появился хороший гримъ, зрительный залъ теперь уже освѣщался новыми фонарями. Вообще театръ значительно оперился, чему немало способствовала поддержка и заботы Командованія

Благодаря любовному отношенію къ дѣлу руководителей театра, репертуаръ былъ подобранъ очень тщательно, съ большою разборчивостью. Ставили чеховскія вещи, ставили, даже, Островскаго, драматическіе отрывки изъ Пушкина (Скупой рыцарь и др.) и другія классическія пьесы. Правда, уступая настойчивымъ требованіямъ публики, желавшей хоть немного забыться отъ нудной лагерной жизни и посмѣяться, ставили и фарсы, и веселыя комедіи, водевили и другія смѣшныя пьесы, но въ основѣ дѣятельности театра всегда лежалъ серьезный репертуаръ, имѣющій воспитательное значеніе для казаковъ.

Большимъ успѣхомъ пользовались спектакли-кабарэ и концерты. Среди Донцовъ нашлось немало отличныхъ пѣвцовъ, рассказчиковъ, танцоровъ, были, даже, музыканты-виртуозы. Какими то правдами и неправдами у грековъ достали пианино, чуть ли не единственное на островѣ. Собрали струнные инструменты, причемъ часть инструментовъ, не только балалайки, но и скрипки были весьма недурно сдѣланы своими руками. Главное мѣсто въ программахъ концертовъ отводилось хорошему пѣнію. Составившіеся для церковныхъ службъ хоры, здѣсь, на сценѣ, конкурировали между собою, доводя исполненіе номеровъ до высшей степени совершенства. Въ кабарэ ставились трюки и новинки столичныхъ сценъ, вызывавшіе большой интересъ у публики. Входъ въ театръ былъ бесплатный и билеты распредѣлялись по частямъ пропорціонально ихъ численному составу, причемъ довольно значительное количество билетовъ удѣлялось и грекамъ — гостямъ. На спектакли приглашались иногда и англичане, имѣвшіе какую-то базу на островѣ, и, даже, французы, пока отношенія съ ними не были обострены. Трудно описать съ какимъ интересомъ слѣдили иностранные гости за представленіями, но въ особый восторгъ ихъ приводили лихіе казачки и удалыя лезгинки, мастерски исполнявшіеся казаками. Большое впечатлѣніе производило на нихъ и хоровое пѣніе и новыя для нихъ мелодіи русскихъ пѣсенъ.

Нечего и говорить, что спектакли привлекали громадное количество зрителей. У открытой сцены собирались обитатели чуть ли не всѣхъ лагерей, театръ бывалъ биткомъ набитъ зрителями, мало того, кругомъ театра у всѣхъ оконъ, дверей, толпой стояли казаки. Тутъ же среди нихъ постоянно толкались французскіе солдаты, чернокожіе, греки, привлеченные звуками оркестра и стройнымъ пѣніемъ хора. Казаки забирались даже на крыши и въ такомъ большомъ количествѣ, что временами требовалось принятіе особыхъ мѣръ къ ихъ удаленію, такъ какъ крыша грозила обрушиться. Такой интересъ къ спектаклямъ, помимо ихъ достоинства, проявлялся еще и потому, что это было единственное развлеченіе на островѣ.

Спектакли устраивались по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и рѣдко, въ будни.

Обыденный свой досугъ, казаки посвящали работамъ. Люди, не только воины, но и мирные работники, пахари, сроднившіеся съ постояннымъ трудомъ, не могли выносить бездѣлья и сами себѣ выискивали хоть какую либо работу. Нѣкоторые уходили на заработки къ грекамъ въ деревни, часть казаковъ — мастеровъ, ремесленниковъ, пристроилась въ оборудованныхъ при дивизіяхъ мастерскихъ Вс. Зем. Союза, а часть у себя, въ палаткахъ, занималась — кто чѣмъ. Шили обувь, причемъ казачья работа оказывалась значительно выше мѣстной и греки заваливали казаковъ заказами; изъ случайныхъ кусковъ дерева вырѣзывали ложки, изъ консервныхъ банокъ мастерили котелки, сковородки, мангалки и разную домашнюю утварь, дѣлали массу мелкихъ вещей, различныя пряжки, подсвѣчники, письменные приборы и тому подобное. Цѣлый рядъ казаковъ занимался производствомъ сундучковъ, чамодановъ, походныхъ кроватей и прочихъ дорожныхъ вещей — употребляя для этого куски брезента отъ старыхъ палатокъ и фанеру, которую нетрудно было доставать на островъ.

Работы казаковъ были настолько интересны, такъ хороши по замыслу и художественны по исполненію, что Командованіе рѣшило продемонстрировать ихъ на специально устроенной выставкѣ (Прик. Дон. Лаг. № 116), которая и была открыта 22-го мая въ читальнѣ Донского Корпуса. Выставлены были не только кустарныя работы казаковъ, но и работы мастерскихъ Вс. Зем. Союза, и произведенія лемносскихъ художниковъ и, даже, литераторовъ и поэтовъ. Особый отдѣлъ выставки занимали экспонаты інформаціоннаго отдѣленія Штаба Корпуса съ цѣлымъ рядомъ статистическихъ свѣдѣній о работахъ казаковъ, о положеніи хозяйства и различныхъ отраслей промышленности въ Совдепѣ, съ оригинальными картограммами и діограммами, и цѣлымъ отдѣломъ остроумныхъ каррикатуръ на злобы дня, на совѣтскихъ дѣятелей и французовъ, распыляющихъ Армію. Выставка вызвала большой интересъ у лемносцевъ и цѣлую недѣлю, пока она была открыта, въ помѣщеніи ея непрерывно толпились казаки.

Тогда же, первое радостное извѣстіе за все время пребыванія въ изгнаніи взволновало казаковъ. Въ ночь на 23-е мая на рейдъ прибылъ пароходъ „Керасундъ“, предназначенный для перевозки казаковъ въ Болгарію.

Уже давно, съ первыхъ же дней прибытія Русской Арміи въ Константинополь, Главное Командованіе и Донское Правительство вели переговоры съ родственными намъ по вѣрѣ, языку и крови славянскими странами Болгаріей, Сербіей и Чехо-Словакіей о переводѣ туда русскихъ контингентовъ.

Переговоры велись успѣшно, причемъ „Сербское и Болгарское правительства принципиально ничего не имѣли противъ принятія значительныхъ частей Арміи съ сохраненіемъ воинской организаціи“ (отчет. о дѣят. Донского Пр-ства за границей 1921 г.); принимаемые

должны были содержаться собственнымъ иждивеніемъ, для чего правительства названныхъ странъ выражали готовность предоставить имъ постоянную работу, и только въ Сербіи нѣкоторыя части Русской Арміи поступали на пограничную стражу.

Съ первыхъ же дней распыленія Арміи Командованіе поддерживало духъ казаковъ возможностью переѣзда въ славянскія страны, противопоставляя ультимативнымъ требованіямъ французовъ — Совдепія, Бразилія или собственное иждивеніе въ Константинополь — работы и службу въ Сербіи, Болгаріи и Чехо-Словакіи, и казаки вѣрили этому и жили надеждами на скорое избавленіе отъ французскаго попеченія.

Теперь, съ приходомъ „Керасунда“, надежды эти стали сбываться, превратились въ событіе сегодняшняго дня. Къ перевозкѣ были назначены Донской Георгіевскій Гундоровскій полкъ, Донская техническая сотня, лазаретъ 2-й Донской дивизіи и Кубанская школа дѣтей.

Надо было видѣть съ какою радостью, съ какою лихорадочною поспѣшностью и оживленіемъ собирались казаки въ дорогу и какъ завидовали имъ остававшіеся.

Погрузка была назначена въ тотъ же день, въ 14 часовъ, но уже черезъ нѣсколько часовъ по полученіи приказанія о погрузкѣ, къ 11 — 12 часамъ, лагерь 2-й дивизіи, гдѣ, собственно говоря, и располагался Гундоровскій полкъ, опустѣлъ, зато вся пристань была запружена казаками и завалена вещами. Тутъ же толпились и провожающіе — чуть ли не весь лагерь.

Эта погрузка не была похожа на отправки въ Совдепію и Бразилію. Не было унынія рѣшившихся на все людей, не было трогательныхъ сценъ прощанія, не было, наконецъ, такой усиленной охраны французовъ. Въ концѣ пристани стояла небольшая группа русскихъ начальниковъ, французскій офицеръ съ переводчикомъ и нѣсколькими стрѣлками — и только. По именному списку казаковъ впускали на стоявшій уже у пристани болиндеръ.

Слышались пѣсни, смѣхъ, шутки, громкіе, веселые разговоры. Вотъ къ болиндеру суетливо подбѣжалъ и причалилъ невзрачный катерокъ, немного спустя забурлила вода и тихо — тихо громадный болиндеръ, до верху нагруженный вещами и казаками, началъ отдѣляться отъ пристани.

Громкое ура, радостное, какъ крикъ избавленія, огласило воздухъ. Махали шапками, что то кричали другъ другу отдельные люди на пристани и все дальше и дальше отходившемъ болиндеръ, а тамъ казаки затянули пѣсню, длинную и протяжную, походную...

Вечеромъ „Керасундъ“ ушелъ. Всего тогда убыло съ Лемноса 1152 человекъ, изъ нихъ 1090 мужчинъ, 50 женщинъ и 12 дѣтей*).

Двѣ недѣли спустя, 4-го іюня, при той же, приблизительно, обстановкѣ, на томъ же пароходѣ „Керасундъ“, уѣхали въ Сербію

*) Тогда же убыла въ Болгарію Кубанская школа дѣтей въ составѣ 148 человекъ, изъ нихъ 4 мужчины, 14 женщинъ и 130 дѣтей.

Л. Гв. казачій и Атаманскій дивизионы и Донской технической батальонъ, всего 640 человекъ, изъ которыхъ 615 мужчинъ, 23 женщины и 2 ребенка.

А тамъ, на кіоскахъ и заборахъ, была своя жизнь.

Среди взволнованныхъ отправокъ въ Совдепію казаковъ изъ устъ въ уста передавались, ходили по лагерю рассказы о поведеніи французовъ, о томъ, что нѣкоторые казаки были посажены на пароходы противъ ихъ воли, что нѣкоторые, на пароходахъ уже, заявили о своемъ нежеланіи ѣхать въ Совдепію, но французы отказались сгрузить ихъ на берегъ, что много казаковъ, ввиду этого, бросились въ воду, предпочитая смерть отправокъ въ Совдепію, и много тому подобныхъ.

Часть этихъ слуховъ была напечатана въ інформаціонномъ бюллетенѣ, часть попала, даже, въ газету „Общее Дѣло“, расклеиваемую по лагерю.

Эти слухи, естественно, не могли не дойти до французовъ. И вотъ 11 мая, на кіоскахъ и заборахъ появилась „Декларация“, подписанная генераломъ Бруссо.

„Казаки. Мнѣ извѣстно, что въ лагерь расклеено объявленіе, лишній разъ ложно утверждающее, что будто многіе изъ васъ были силой отправлены въ Совдепію Французскимъ Командованіемъ“.

„Я могъ бы не опровергать эту ложь, какъ я дѣлалъ это раньше съ клеветой, направленной противъ меня газетой „Общее Дѣло“, которая расклеивается ежедневно въ лагерь. Вы были свидѣтелями всего, что происходило, и знаете правду. Но между Вами есть много слабыхъ духомъ и необразованныхъ, которые легко могутъ повѣрить напечатанной клеветѣ, если я ее не опровергну теперь.“

„Пусть они тоже узнаютъ истину“.

Далѣе голословно указывалось, что французскія власти „не заставляли ни одного казака ѣхать въ Совдепію“, а если ходятъ слухи, что нѣкоторые бросались съ пароходовъ въ воду — „то это просто выдумка“.

„Французскія власти Вамъ предложили средства выбраться съ Лемноса и продолжаютъ искать новыя средства въ этомъ направленіи. И это, безусловно, не ихъ вина, если большинство народовъ, даже тѣ, которые ближе всего стоятъ къ Вамъ по крови и вѣрѣ, отказываются принять Васъ въ силу политическихъ затрудненій настоящаго времени“.

„Я Вамъ всегда говорилъ правду“...

„Вотъ гдѣ истина. Бруссо“!

Въ сношеніи къ генералу Абрамову по поводу этой декларации (13 V — № 1849) генераль Бруссо говорилъ: „Это отвѣтъ на два бюллетеня, вывѣшенныхъ вѣроятно безъ Вашего вѣдома въ Кубанскомъ Корпусѣ, повторяющіе клевету, напечатанную въ „Общемъ Дѣлѣ“. Я не хочу нести полицейской службы въ лагеряхъ по вопросу о томъ, что говорится или пишется, но тѣмъ не менѣе я не могу оставить безъ опроверженія эти лождыя свѣдѣнія“.

„Лично я считаю нежелательнымъ для общаго успокоенія выносить возникшую между начальниками клевету на общее обсужденіе толпы путемъ расклейки декларацій на стѣнахъ и кіоскахъ лагеря“, — отвѣчалъ ген. Абрамовъ (13 V—№ 487), указывая, что заявленіе въ деклараціи о томъ, что „французскія власти въ дни событій 27 марта объявляли казакамъ лишь о невозможности кормить ихъ „безконечно“, разнится отъ тѣхъ заявленій, которыя были сдѣланы французскимъ командованіемъ передъ погрузкой на корабли „Донъ“ и „Решидъ-Паша“ 27-го марта, когда казакамъ объявляли, что невозвращающіеся въ Совѣтскую Россію должны отправиться въ Бразилію или сами обезпечить свое содержаніе, а также назывались ложными слухами заявленія начальниковъ“ объ обезпеченіи дальнѣйшаго довольствія на Лемнось.

Отвѣта на это сношеніе не послѣдовало и заборная литература французозовъ не прекратилась.

Почти наканунѣ отправки Гундоровцевъ въ Болгарію по лагерю было расклеено слѣдующее „объявленіе французскаго командованія къ русскимъ бѣженцамъ“.

„Тенденціозные слухи распространяются въ лагеряхъ съ цѣлью препятствовать бѣженцамъ пользоваться предложенными имъ мѣстоотправленіями, увѣряя ихъ, что большее число изъ нихъ, а быть можетъ всѣ бѣженцы, будутъ приняты въ Сербію и Болгарію.

„Истина слѣдующая: пока Сербія согласна принять 3500 чело-вѣкъ и быть можетъ позже 500 другихъ; всѣ они будутъ работать по исправленію желѣзно-дорожной линіи.

„Болгарія согласна принять 1000 рабочихъ.

„Время отъѣзда еще не извѣстно и подробности отправки еще не установлены. Предположенія, что Сербія и Болгарія примутъ еще и другихъ бѣженцевъ — нѣтъ.

„Такимъ образомъ, отправка въ Сербію и Болгарію интересуется очень небольшое число бѣженцевъ, поэтому всѣ остальные должны воспользоваться другими предложенными имъ мѣстоотправленіями.

„Кромѣ того, ввиду настоящаго положенія рабочихъ рукъ Франція, Корсика и Мадагаскаръ могутъ принять очень мало бѣженцевъ.

„Слѣдовательно, совѣтуемъ бѣженцамъ воспользоваться отправка-ми, которыя организованы для другихъ направленій“.

И, рядомъ съ этимъ объявленіемъ, было расклеено другое, гдѣ указывалось одно изъ „направленій“, теперь уже новое — въ Грецію.

„Лемнось, 1 іюня 1921 г. № 70. Греческій префектъ г. Кастро сообщилъ мнѣ, что греческое правительство разрѣшаетъ свободный въѣздъ во все Королевство русскимъ бѣженцамъ для подысканія работы.

„Недостатокъ рабочихъ рукъ сказывается во всей Греціи, особенно ввиду приближенія времени уборки хлѣбовъ и сбора фруктовъ и винограда.

„Нужны земледѣльцы и винодѣлы (рабочіе на виноградникахъ) въ Пелопонесъ, земледѣльцы въ Аттику, Фессалию и Лариссу и т. д. и хлѣбопеки — въ Пирей.

„Заработная плата въ сутки для земледѣльческихъ рабочихъ отъ 15 до 20 драхмъ.

„Средства перевозки: еженедѣльно по воскресеньямъ уходитъ пароходъ изъ Кастро съ заходомъ въ Салоники, Велесъ, Халкисъ и Пирей. Въ скоромъ времени будутъ два парохода (въ воскресенье и четвергъ).

„Остановка въ Салоникахъ не рекомендуется, ввиду отсутствія тамъ работы.

„Плата за переѣздъ, независимо отъ мѣста высадки, 20 драхмъ (безъ продовольствія); путешествіе до Пирея длится 3 сутокъ.

„Каждый эмигрантъ получить отъ меня продовольствіе на 4 сутокъ.

„Каждый пароходъ беретъ отъ 300 до 400 человѣкъ.

„Эмигранты будутъ сводиться въ отряды и отправляться по субботамъ въ Кастро (впослѣдствіи дважды въ недѣлю — по средамъ и субботамъ), для отправки ихъ багажа будутъ предоставлены имъ повозки.

„Французскіе жандармы будутъ сопровождать каждый отрядъ. Всѣ сношенія и формальности съ греческими властями являются излишними.

„При каждомъ отправленіи греческій префектъ Кастро телеграфируетъ греческимъ властямъ мѣста высадки съ тѣмъ, чтобы они были предупреждены и эмигранты могли бы сразу, по прибытіи, получить работу, убѣжище и продовольствіе.

„Бѣженцы, желающіе воспользоваться этимъ предложеніемъ, могутъ записываться во французскомъ штабѣ, имъ будетъ сообщено въ какую партію они попадаютъ. Бруссо“.

Это предложеніе, послѣ призывовъ въ Совдепію и Бразилію, могло бы быть весьма пріемлимымъ для казаковъ, если бы оно соотвѣтствовало дѣйствительности.

Но на дѣлѣ обстояло нѣсколько иначе. Еще раньше, начальникъ Лемносской группы войскъ генераль Абрамовъ, желая устроить на земледѣльческія или какія либо хозяйственныя работы казаковъ и бѣженцевъ, обратился къ Греческому Правительству съ просьбой предоставить 2-3 тысячамъ человѣкъ на о. Лесбосъ (Митилена) обезпеченныя и гарантированныя правительствомъ работы.

Особый офицеръ былъ командированъ въ Афины для выясненія условій работъ въ Греціи.

Въ отвѣтъ на это ходатайство губернаторъ острова Лесбоса телеграфировалъ черезъ префекта г. Кастро:

„Прошу передать генералу Абрамову, что ни земледѣльческихъ и никакихъ другихъ работъ нѣтъ; сборъ маслинъ уже законченъ, а торговля остановлена; вывозъ масла — невеликъ; здѣсь имѣются такіе же бѣженцы, которые не могутъ найти работы, а также ожидаемъ около 3000 бѣженцевъ изъ Батума, которые будутъ на казенномъ пайкѣ. Русскихъ сюда не принимаемъ. Лучше ѣхать въ Грецію или Македонію; въ случаѣ пріѣзда снимаемъ съ себя всякую отвѣтственность. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшаетъ пріѣздъ

русскихъ офицеровъ и солдатъ отдѣльными единицами на различные греческіе острова для пріисканія работъ. Спиліотопулосъ“.

„Греческое правительство не даетъ никакихъ гарантій, обеспечивающихъ пріѣхавшихъ на работы — указывалъ ген. Абрамовъ, объявляя сношенія ген. Бруссо объ открывшихся работахъ и результаты своихъ переговоровъ по этому вопросу съ Греческимъ правительствомъ (Прик. Лемн. гр. № 34) равно и не предоставляетъ никакихъ организованныхъ работъ, а предлагаетъ лишь въѣздъ въ Грецію для подысканія работы, предоставляя это каждому ѣдущему — на его собственный рискъ и страхъ.

„Не беря, вслѣдствіе указанныхъ причинъ на себя нравственной отвѣтственности въ дѣлѣ отправки въ Грецію на пріисканіе работъ желающихъ, каковая отправка носитъ характеръ самостоятельной поѣздки въ надеждѣ найти работу, я объявляю настоящее сношеніе Французскаго Командованія, дабы желающіе, какъ бѣженскихъ, такъ и строевыхъ частей, могли бы записаться самостоятельно во Французскомъ Штабѣ. Не могу взять на себя организацию рабочихъ партій для посылки ихъ въ Грецію, такъ какъ нѣтъ никакихъ гарантій, что пріѣхавшіе въ Грецію съ мѣста будутъ обеспечены работой и не придется имъ сразу послѣ высадки голодать“.

А черезъ нѣсколько дней было указано и другое „направленіе“. Все то же, старое, въ Совдепію, но теперь уже подъ новымъ видомъ, на нефтяныя работы въ Баку, на условіяхъ тов. Серебровскаго.

Въ расклеенномъ по лагерю 6-го іюня „объявленіи“ говорилось, что „господинъ Серебровскій, предсѣдатель нефтепромышленнаго комитета въ Баку сообщилъ Французскому Командованію слѣдующее:

„Нефтяная промышленность Баку нуждается въ рабочихъ рукахъ, и потому мы просимъ Васъ разрѣшить всѣмъ военнымъ чинамъ Русской Арміи, за исключеніемъ офицеровъ, отправиться въ Баку, а также на Каспійское море, на нефтяныя работы.

„Мы даемъ полную гарантію въ томъ, что никакихъ репрессій противъ вновь прибывшихъ производиться не будетъ и что къ окончанію лѣтняго сезона, который начинается съ 20 мая, они смогутъ вернуться къ себѣ домой. Ихъ жалованье и содержаніе будутъ одинаковы съ прочими рабочими Баку, согласно нормѣ, установленной рабочимъ профессиональнымъ союзомъ.

„Намъ необходимо въ настоящее время 6000 рабочихъ, изъ которыхъ 4000 могутъ быть не спеціалисты, а 2000 рабочихъ спеціалистовъ (бетонно-цементныхъ, столярныхъ, плотниковъ, спеціалистовъ по постройкѣ мостовъ, мастеровъ по желѣзному дѣлу и др.)“.

Но ожидавшійся на слѣдующій день „Решидъ-Паша“ сѣлъ на мель вблизи острова и только лишь черезъ нѣсколько дней былъ снятъ соединенными усиліями всѣхъ имѣющихся на Лемносѣ греческихъ пароходовъ и катеровъ, въ томъ числѣ и русскимъ пароходомъ „В“, и прибылъ на рейдъ.

Въ Галлиполи на „Решидъ-Пашу“ погрузилось 475 человекъ и въ пути уже, а отъ Галлиполи до Лемноса всего одна ночь ѣзды,

на пароходъ образовался военно-революціонный комитетъ со всѣми его атрибутами.

Тайкомъ отъ французовъ, такъ какъ французская декларація предлагала ѣхать въ Баку только простымъ казакамъ, а не офицерамъ, въ Галлиполи сѣло на „Решидъ-Пашу“ семь офицеровъ.

И вотъ, когда русскій пароходъ „В“, по приказанію французскихъ властей, подошелъ снимать „Решидъ-Пашу“ съ мели, по адресу капитана парохода сверху раздались ругательства и крики „долой погону“, а позже офицеры умоляли капитана снять ихъ съ парохода и оставить на Лемнось, говоря, что они считаютъ себя обреченными.

Несомнѣнно, среди отправлявшихся въ Баку были совѣтскіе агенты и этотъ маленькій случай наглядно показалъ отношеніе Совѣтской власти къ возвращающимся на Родину и атмосферу, царившую въ пароходахъ.

Былъ или нѣтъ самъ тов. Серебровскій на „Решидъ-Пашѣ“ — остается до сихъ поръ тайной Французскаго Командованія, среди казаковъ по этому поводу ходили самые разнорѣчивые слухи, но только послѣ настойчивыхъ требованій генерала Абрамова генераль Бруссо завѣрилъ его, что тов. Серебровскій на берегъ допущенъ не будетъ. Да и самъ онъ, послѣ приѣма, оказаннаго ему казаками въ Кабакджѣ, врядъ ли рискнулъ бы повторить этотъ опытъ въ болѣе широкомъ масштабѣ — на о. Лемнось.

Два дня стоялъ „Решидъ-Паша“ на рейдѣ и два дня уговаривали французы казаковъ воспользоваться предложеніемъ тов. Серебровскаго, употребляя для этого знакомые уже приемы — запрещеніе пропусковъ за черту лагернаго расположенія, обходъ легерей французскими офицерами, личныя бесѣды съ казаками — и широковыщательными объявленіями и плакатами и посредствомъ особыхъ агентовъ, различныхъ темныхъ личностей изъ среды бѣженцевъ и даже строевыхъ казаковъ. Два дня порядокъ въ лагерь усиленно охранялся особыми нарядами французскихъ солдатъ.

Но казаки, отчасти подъ впечатлѣніемъ только что бывшихъ отправокъ въ Сербію и Болгарію, не пошли въ указанномъ французами „направленіи“. Ушедшій 14-го іюля „Решидъ-Паша“ увезъ съ собою только 218 строевыхъ казаковъ и 1689 бѣженцевъ, изъ коихъ 29 женщинъ и 11 дѣтей.

Настроеніе уѣхавшихъ было крайне подавленное, „передъ погрузкой на „Решидъ-Пашу“ многіе исповѣдывались, причастились и служили молебны“. (изъ отчет. Предст. В. З. С.).

Вскорѣ и весь мудросскій лагерь по настоянію французовъ былъ переведенъ на берегъ Калоераки.

3-го іюня былъ переведенъ Штабъ Корпуса съ нѣкоторыми учрежденіями, 6-го — Терско-Астраханскій полкъ въ составѣ 773 человекъ, 11-го — Донской Платовскій полкъ въ составѣ 921 человекъ, 15-го — Штабъ Дон. бригады, Корпусный судъ и Каледино-

Назаровскій полкъ, всего 1067 человекъ, а 22 іюня прибыло Атаманское военное училище съ офицерскими курсами въ составъ 737 человекъ. Въ Мудрось временно лишь оставалась рабочая сотня для уборки аброметра, рельсъ узкоколейки и прочихъ лагерныхъ сооружений.

Если на Мудросской сторонѣ мѣстность была уныло-однообразная, то здѣсь, въ Калоераки, были только голыя каменистыя горы, съ желтыми пятнами выжженной солнцемъ травы на нихъ и — ни одного источника прѣсной питьевой воды.

Обитателей лагеря снабжали водою построенный еще во время Великой Войны дистилляторъ, на которомъ, къ слову сказать, какъ и на всѣхъ французскихъ хозяйственныхъ службахъ, работали русскіе. Вода изъ дистиллятора по особымъ трубамъ наполняла желѣзные баки, то тамъ, то здѣсь разбросанные по лагерю, въ мѣстахъ расположенія войсковыхъ частей и бѣженцевъ.

Въ первые дни баки эти наполнялись водою въ неограниченномъ количествѣ, но позже, день ото дня, дистилляторъ давалъ все меньше и меньше воды. Происходило ли это отъ экономіи топлива, или отъ недостатка рабочихъ рукъ, или же, наконецъ, было своеобразнымъ и довольно чувствительнымъ способомъ воздѣйствія на казаковъ съ цѣлью ихъ распыленія, остается загадкой, но только на казаковъ недостача воды дѣйствовала удручающе.

Рано утромъ, почти на разсвѣтъ, пускали воду въ баки и къ тому времени около крановъ уже стояла длинная очередь казаковъ. Тотъ, кто опоздалъ, вовсе не получалъ воды, или долженъ былъ довольствоваться мутной жижицей, вычерпываемой ведрами со дна баковъ. Только въ двухъ-трехъ бакахъ на весь лагерь, въ томъ числѣ и на лазареты, было сравнительно достаточное количество воды. Къ этимъ то бакамъ, чуть ли не за двѣ версты, и ходили за водой казаки другихъ частей.

Загаженность лагеря была ужасающая. Въ Великую Войну здѣсь былъ расположенъ англійскій лагерь, который, по даннымъ Санитарнаго Инспектора Р А., пришлось перенести въ другое мѣсто ввиду свирѣпствовавшей среди обитателей дезинтеріи, вслѣдъ за этимъ — русскіе бѣженцы первыхъ эвакуацій, потомъ Кубанцы и бѣженцы, а потомъ уже, когда Кубанцы уѣхали въ Сербію, опять Донцы. Все это, конечно, оставляло свои слѣды. Берегъ моря сплошь былъ усѣянъ консервными банками, разными отбросами, въ томъ числѣ и человѣческими экскрементами, гніющими и издающими такой сильный запахъ, что къ берегу моря въ тихую погоду трудно было подойти. Да и сама почва была пропитана гніющими отбросами и полна мѣзмовъ.

Тяжелыя климатическія условія, крайне неудовлетворительное питаніе, антисанитарное состояніе лагеря, общія истощенность организма, наконецъ — подавленное состояніе духа, все это не могло не отразиться на здоровьѣ казаковъ.

Больныхъ за это время (съ апрѣля по сентябрь мѣсяцы) въ лечебныхъ заведеніяхъ было 1494 человекъ, изъ нихъ:

съ остро-желудочно-кишечными заболѣваніями	19,6 ⁰ / ₀
„ возвратнымъ тифомъ	13,7 ⁰ / ₀
„ туберкулезомъ	8,6 ⁰ / ₀
„ прочими инфекціон. заболѣваніями	8,6 ⁰ / ₀
„ брюшнымъ тифомъ	6,0 ⁰ / ₀
„ маляріей	5,8 ⁰ / ₀
„ инфлюэнціей	4,3 ⁰ / ₀
„ прочими болѣзнями органовъ дыханія	3,8 ⁰ / ₀
„ сыпнымъ тифомъ	1,4 ⁰ / ₀

Какъ и слѣдовало ожидать, наибольшій процентъ выпалъ на долю остро-желудочныхъ и кишечныхъ заболѣваній, что и явилось слѣдствіемъ дурной питьевой воды, портившейся въ загрязненныхъ бакахъ, появившеюся зеленью, которую казаки уничтожали въ большомъ количествѣ и, притомъ, безъ всякихъ предосторожностей, и общео недостаточностью питанія. Обильную жатву снималъ туберкулезъ, дававшій, благодаря тяжелымъ жизненнымъ условіямъ, большую смертность.

Туберкулезные жили въ общихъ палаткахъ со здоровыми, въ общей скученности и постоянномъ съ ними общеніи, пользуясь общео посудою и постелью. Болѣзнь грозила принять широкіе размѣры среди подготовленныхъ уже къ ней длительной войной, голодомъ и жизненными невзгодами казаковъ. И вотъ, чтобы хоть чѣмъ либо бороться съ этимъ несчастьемъ, заботами командованія, при матеріальной поддержкѣ представителя Американскаго Краснаго Креста Макъ-Непа былъ открытъ санаторій для туберкулезныхъ больныхъ.

Первоначально санаторій былъ открытъ на Мудросской сторонѣ, въ полутора-двухъ километрахъ отъ города, на склонѣ горы, среди рѣдкой заросли деревьевъ, у источника чистой хорошей воды.

Больныхъ въ санаторіи было 98 челов., изъ которыхъ 83 мужчинъ, 14 женщинъ и 1 ребенокъ, причемъ число мѣстъ въ санаторіи было ограничено и далеко не всѣ туберкулезные попали туда.

Больные жили въ сносныхъ условіяхъ, получали усиленное питаніе, за ними былъ уходъ и постоянный врачебный надзоръ, и, Богъ знаетъ, быть можетъ не одна человѣческая жизнь была спасена въ этомъ санаторіи.

На беерегу Калоераки санаторій былъ переведенъ въ глубину острова, въ цвѣтущую долину Садды-Бакчи, въ восьми километрахъ отъ лагеря, а въ концѣ августа, съ переходомъ Корпуса въ Болгарію, былъ закрытъ и больные откомандированы по частямъ.

Что касается питанія, то въ Калоераки произошло нѣкоторое измѣненіе. Съ 20-го іюля, два раза въ недѣлю, вмѣсто опостылѣвшихъ уже консервовъ стали выдавать въ томъ же количествѣ свѣ-

жее мясо. Правда, въ отношеніи питательности оно нѣсколько уступало консервамъ:

		Бѣлк.	Жир.	Углев.	Кал.
Консервы	200,0	36,5	17,8	0,18	315,92
Мясо	200,0	40,2	14,2	—	302,46

но изъ мяса и костей получался хорошій наваристый супъ, что съ большимъ удовлетвореніемъ принималось казаками.

Обыденная жизнь казаковъ здѣсь текла тѣмъ же порядкомъ, какъ и на Мудросской сторонѣ. Прекратилась только охота на осьминоговъ, которыхъ на этомъ берегу совсѣмъ не попадалось, зато многіе занялись рыболовствомъ.

Появилось новое развлеченіе — кинематографъ. Кинематографъ былъ оборудованъ отдѣленіемъ В. З. С.; отлогій склонъ горы, вблизи дистиллятора, служилъ зрительнымъ заломъ, вмѣщавшимъ тысячи зрителей.

Каждый вечеръ, передъ заходомъ солнца, къ экрану стекались со всего лагеря сотни людей, сходящихся сюда не только за тѣмъ, чтобы посмотреть картины, которыя всѣ уже много разъ видѣли, но просто ради развлечения, чтобы встрѣтиться и поговорить со знакомыми и обмѣняться послѣдними новостями.

Сюда же приходили отъ скуки и французскіе солдаты и часто можно было видѣть среди казаковъ группы чернокожихъ сенегальцевъ, улыбающихся, сверкающихъ бѣлыми зубами и оживленно разговаривающихъ съ казаками при помощи жестовъ, мимики и обрывковъ всевозможныхъ словъ и выраженій, на томъ особомъ международномъ языкѣ, который возникаетъ только среди солдатъ и на которомъ могутъ объясняться между собою только солдаты, къ какой бы національности они не принадлежали.

Здѣсь ярко проявлялась обще-русская незлобивость и пониманіе ближняго. Даже къ чернокожимъ, когда они не держали въ рукахъ винтовокъ, не угрожали казакамъ штыкомъ и не кричали на нихъ ненавистное „алле“, казаки не питали злобы и часто въ такихъ случаяхъ говорили: „Что-жъ! Не по своей онъ это охотѣ... тоже, вѣдь, приказываютъ... И ихнему брату на Лемнось то не сладко... Небось дома то и жена и дѣти остались... Эхъ! Служба!..“

Этимъ сказывалось все, и казакъ охотно закуривалъ съ чернокожимъ и вступалъ въ длинныя бесѣды, рассказывая ему про Донъ, про семью, про родныхъ своихъ.

Картинъ было всего на всего пять или шесть, всѣ онѣ были давно уже наизусть выучены казаками, но тѣмъ не менѣе, при демонстрированіи ихъ, они всегда шумно выражали свои впечатлѣнія, восклицаніями въ драматическихъ и громкимъ раскатистымъ смѣхомъ — въ комическихъ мѣстахъ.

Другимъ развлеченіемъ были футбольные матчи. Среди юнкеровъ Атаманскаго и Алексѣевскаго (Кубанскаго) военныхъ училищъ образовались футбольныя команды, постоянно состязавшіяся между собою, а временами, и не безъ успѣха, съ бывшими на островѣ ан-

гличанами и французами. Интересныя со спортивной стороны, состязанія эти, однако, не привлекали широкихъ казачьихъ массъ.

Больше оживленія, по вполне понятнымъ причинамъ, вносила въ казачью массу раздача американскихъ подарковъ.

Американскій Красный Крестъ оказывалъ колоссальную помощь казакамъ. Не говоря уже о томъ, что Донскому Корпусу было передано на десятки тысячъ долларовъ медикаментовъ и разнаго госпитальнаго имущества, что при главной поддержкѣ Американскаго Краснаго Креста содержались санаторіи для туберкулезныхъ больныхъ и цѣлый рядъ питательныхъ пунктовъ В. З. С., гдѣ получали добавочное питаніе женщины, дѣти и особо истощенные казаки, непосредственно въ казачью и бѣженскую среду имъ было брошено громадное количество разныхъ „подарковъ“, ввидѣ всевозможныхъ фуфаякъ, бѣлья, носковъ, полотенецъ, пиджамо, посуды, утвари и прочихъ предметовъ домашняго обихода.

Подарки раздавали часто. Еще наканунѣ интендантство предупредило части о радостномъ событіи, и уже съ ранняго утра у американскаго склада съ мѣшками въ рукахъ толпились казаки-пріемники. Настроеніе у всѣхъ при этомъ бывало радостное, возбужденное, слышался смѣхъ, шутки, тутъ же ходили слухи „а что будутъ давать“?

Вотъ показывался капитанъ Макъ-Нэлъ представитель Краснаго Креста. Все суетилось, обступало его тѣснымъ кольцомъ, споря между собою изъ за очереди. Въ пыли отъ разбиваемыхъ ящиковъ, энергично покрикивая на помогавшихъ ему рабочихъ, Макъ-Нэлъ всегда самъ раздавалъ подарки, лично отсчитывая многочисленные носки, полотенца и пиджамы. Раздачи продолжались цѣлыми днями и цѣлыми днями неутомимый Макъ-Нэлъ принималъ въ нихъ живѣйшее участіе.

Съ тяжело набитыми мѣшками возвращались казаки по частямъ, а нѣкоторое время спустя, то тамъ, то здѣсь, среди палатокъ, можно было видѣть станичниковъ, съ широко распяленными руками разглядывавшихъ какую либо фантастическую ярко-голубую или нестерпимо-розовую пиджаму и такія же штаны.

Часть казаковъ продавала (загоняла) эти подарки, покупая на вырученныя деньги хлѣбъ и табакъ, а большинство бѣженцевъ укладывало въ сундучки и чумалы, заранѣе уже готовя подарки роднымъ и близкимъ при возвращеніи домой.

Личность самаго капитана Макъ-Нэлъ или, какъ его окрестили на казачій образецъ — есаула Макнепова, была весьма популярна среди казаковъ. На всѣхъ смотрахъ, парадахъ, спектакляхъ, полковыхъ и училищныхъ праздникахъ можно было видѣть его высокую, худощавую, слегка сутулую фигуру, въ защитномъ франчѣ, крагахъ, шляпѣ-панамѣ съ резинкой подъ затылкомъ и неизмѣннымъ кодакомъ въ рукахъ. Макъ-Нэлу всюду сопутствовалъ его постоянный спутникъ — переводчикъ „Василь Ивановичъ“ — русскій бѣженецъ, говорящій по-англійски. Часто можно было видѣть капитана Макъ-Нэлъ бродящимъ по лагерю, среди палатокъ. Онъ интересовался

мельчайшими подробностями жизни казаковъ и бѣженцевъ, заговаривалъ съ ними, спрашивая ихъ о житьѣ-бытьѣ, о домахъ и семьяхъ, разумѣется — черезъ переводчика. Въ отвѣтъ на его подарки, казаки также отдаривали Макъ-Нэпа чѣмъ могли: подарили ему оружіе, коллекцію русскихъ бумажныхъ денегъ революціоннаго періода и много разныхъ собственноручныхъ издѣлій, что каждый разъ приводило его въ большой восторгъ.

Но за этими внѣшними проявленіями казачьей жизни скрывалась обратная сторона ея — угрюмая и мрачная.

Настроеніе казаковъ день ото дня становилось все болѣе и болѣе отчаяннымъ. Высоко приподнятое, чуть ли не до бурныхъ восторговъ, въ дни первыхъ отправокъ въ Сербію и Болгарію, оно также рѣзко и упало, когда вопросъ съ дальнѣйшими отправками въ славянскія страны осложнился и затянулся, казалось, на долгое время.

Обыкновенно „почта“ приходила на Лемнось разъ въ недѣлю, и вотъ еще за нѣсколько дней, казаки жадно слѣдили за моремъ — не покажется ли на горизонтѣ дымокъ парохода. Много дымковъ показывалось и вновь скрывалось въ туманѣ моря, пароходы проходили мимо Лемноса, напрасно лишь волнуя заключенныхъ на немъ казаковъ, но когда пароходъ входилъ въ бухту, казаки замѣтно оживали.

Тогда уже взоры всѣхъ обращались на Штабъ Группы и на Штабъ Корпуса, откуда съ нетерпѣніемъ ждали „новостей“. Казаки засыпали вопросами своихъ командировъ, жадно ловили всякіе слухи, идущіе, якобы, изъ Штаба.

Но новостей, конечно — отрадныхъ новостей, не было. Молчали штабы, ничего не могли передать казакамъ и ихъ командиры. Растерзанная Россія продолжала страдать подъ игомъ большевиковъ, надеждъ на близкое освобожденіе не было, если вспыхивали возстанія, то они съ неслыханной жестокостью подавлялись большевиками, разстрѣливавшими тысячи людей и заливавшими кровью города, села и станицы.

Такъ изъ недѣли въ недѣлю. И еще безпросвѣтнѣе казалось казакамъ ихъ изгнаніе и мрачнѣе Лемносская тюрьма.

Казаковъ волновали и смущали вопросы — ѣхать ли въ Совдепію, въ Грецію, или еще куда-либо, оставаться ли на Лемнось, уходить ли изъ строевыхъ частей въ бѣженскій лагерь, когда наступитъ слѣдующій срокъ отправки, на какомъ пароходѣ, какія условія жизни въ новыхъ странахъ и т. д.

Многіе не хотѣли оставаться въ строю. Военные лагеря таяли, въ особенности у Кубанцевъ, настроеніе которыхъ передавалось и Донцамъ. Бѣженскій лагерь увеличивался за счетъ строевыхъ частей, чему было немало причинъ. Велась темная агитація... Люди уходили въ бѣженцы, какъ на очередной этапъ въ Совдепію или Грецію.

И тутъ опять на сцену выступали французы. Не получая отъ своихъ командировъ никакихъ новостей и слуховъ, казаки ходили

за ними къ генералу Бруссо или, какъ его называли — генералу Брускову. Но и отъ него уходили разочарованными. Французы предлагали все то же — распыленіе.

Теперь все вниманіе ихъ было сосредоточено на отправкѣ казаковъ въ Грецію.

Какъ бы въ дополненіе къ объявленію отъ 3-го іюня, 9 іюня (№ 76) указывалось, что рабочія руки требуются на островахъ Хиосъ и Сире. Тутъ же сообщалось, что въ ближайшее воскресенье изъ Кастро отойдетъ пароходъ въ Салоники съ заходомъ въ Велесъ, Халкисъ, Пирей и другіе важнѣйшіе порты Греціи, и предлагалось всѣмъ бѣженцамъ, желающимъ ѣхать въ Грецію, въ субботу явиться съ вещами къ Французскому Штабу для отправки въ Кастро. Плату за проѣздъ 20 драхмъ должны были вносить сами бѣженцы.

Въ другомъ объявленіи (№ 77) тогда же говорилось, что „Французское Командованіе сообщаетъ о томъ, что никакихъ отправокъ во Францію и на Мадагаскаръ производиться не будетъ“ и что „Бразилія также не считаетъ сейчасъ возможнымъ принять новыхъ бѣженцевъ“.

Этимъ какъ бы предопредѣлялся единственный путь казаковъ, если не считать Совдепіи, только въ Грецію.

Каждую недѣлю появлялись новыя объявленія объ отправкѣ пароходовъ и почти каждую субботу у Французскаго Штаба собирались небольшія партіи казаковъ, направлявшихся въ Кастро для перевозки въ Грецію. Но партіи были небольшія.

И вотъ въ объявленіи отъ 8-го іюля французы обѣщали всѣмъ отъѣзжающимъ выдавать продовольствіе на 8 дней и по 50 драхмъ, куда входила и стоимость билета на пароходъ. То же обѣщалось и черезъ недѣлю — 15 іюля. Это была уже приманка.

Появился новый видъ заборной литературы — письма казаковъ, якобы уѣхавшихъ въ Грецію и нашедшихъ тамъ работу. Въ письмахъ этихъ въ яркихъ и красочныхъ выраженіяхъ описывалось полное благополучіе находившихся въ Греціи казаковъ и неизмѣнно слѣдовали приглашенія адресатамъ какъ можно скорѣе ѣхать къ нимъ. Странно было только то, что письма эти адресовались лицамъ, которыхъ никто не зналъ на Лемносѣ, или извѣстному казачу-провокатору Чикову. (Чиковъ за деньги содѣйствовалъ французамъ въ распыленіи Арміи, ведя агитацію въ частяхъ).

Авторъ письма Чикову, описывая, какъ они сгрузились съ парохода „и черезъ два часа нанялись къ помѣщику по 250 драхмъ въ мѣсяць“, хвастается, какъ сейчасъ же „по уговору подкатилъ автомобиль подъ насъ“... Далѣе описывалось, что „харчи намъ не плохіе“ и что „работа тамъ такая: уборка хлѣба, огороды, сады и т. д. однимъ словомъ — обыкновенное наше хозяйство“. „Ѣхать не бойтесь“, заканчивалось письмо.

А вотъ письмо какому то миѳическому „Ивану Растойка“. Здѣсь уже описывается жизнь представителей легкаго труда.

„Наши люди всѣ работаютъ, кто на фабрикѣ, кто у частнаго

хозяина, а кто въ лавкѣ. Работаютъ здѣсь поденно отъ 8 до 20 драхмъ въ день*.

Самъ авторъ случайно встрѣтился съ однимъ грекомъ, который жилъ въ Москвѣ и который теперь нанялъ его „къ себѣ въ лавку за 90 драхмъ въ мѣсяцъ, съ его квартирой и харчами“. „Я теперь задѣлался шестеркой, говоритъ авторъ письма, и подаю кофе и чай. Ну, да это еще хорошо, бываетъ и хуже“. „Если надумаешь ѣхать въ Грецію“, заканчивается письмо, „то пріѣзжай къ намъ, мѣсто всегда можно найти“.

Однако казаки повидимому не вѣрили этимъ письмамъ и массоваго отъѣзда въ Грецію все таки не было.

Тогда ставка была увеличена. Въ объявленіи отъ 18-го іюля говорилось, что „Французское правительство каждаго ѣдущаго снабжаетъ 50 драхмами, билетомъ стоимостью въ 25 драхмъ и продуктами на время поѣздки“.

Въ объявленіи отъ 29-го іюля, сверхъ продуктовъ на 8 дней и 50 драхмъ, „изъ коихъ 25 драхмъ на проѣздъ и 25 на руки“, французы обѣщали уже „ботинки и бѣлье каждому по одной парѣ“.

То же обѣщалось и въ объявленіяхъ отъ 6-го и 17-го августа. Это было максимумъ, что могли обѣщать французы. Партии отправлявшихся еще нѣсколько увеличились, главнымъ образомъ за счетъ бѣженцевъ, прельщенныхъ выдачею денегъ, бѣлья и ботинокъ.

И это было въ то время, когда многіе изъ строевыхъ казаковъ совершенно не имѣли ботинокъ, а обувь прочихъ была въ самомъ плачевномъ состояніи. Французы, какъ говорилось выше, наложили руку на русское обмундированіе и теперь рѣшили пользоваться имъ для своихъ цѣлей.

Такое поведеніе французовъ вынудило, наконецъ, генерала Абрамова обратиться къ маіору Бренъ (13/VIII за № 1531) сношеніемъ слѣдующаго содержанія, которое, какъ и отвѣтъ м. Бренъ, крайне характерный, приводится полностью.

„Г. Маіору Бренъ. На мои двукратныя просьбы о выдачѣ въ мое распоряженіе ботинокъ для нуждающихся въ обуви частей Вы отвѣтили отказомъ и продолжаете выдавать непосредственно изъ Французскаго Штаба только уѣзжающимъ въ Грецію. Я имѣю основаніе указать на неправильность Вашихъ дѣйствій, такъ какъ находящіеся во французскомъ складѣ ботинки присланы для всѣхъ контингентовъ на Лемнось и это обязываетъ Васъ выдавать ботинки всѣмъ на одинаковыхъ основаніяхъ, и не использовать этотъ послѣдній запасъ русскаго имущества исключительно для Вашихъ агитаціонныхъ цѣлей по распыленію русскихъ солдатъ“.

„Исходя изъ этого права на полученіе ботинокъ всѣми контингентами лагеря, я вновь прошу Васъ выдать для частей хотя бы 300 паръ для удовлетворенія наиболее нуждающихся“.

„Лемнось, Военный Губернаторъ. 14 августа 1921 года. Въ отвѣтъ на Ваше письмо за № 1531 — отвѣчалъ маіоръ Бренъ — я имѣю честь увѣдомить Васъ, что я оставляю за собой распредѣленіе обуви, остающейся въ магазинѣ“.

Все осталось по прежнему Строевые казаки, находившіеся въ Арміи, ходили босикомъ, тогда какъ обувь выдавалась только уѣзжающимъ въ Грецію.

Всего, отдѣльными партіями, убыло тогда въ Грецію 2450 чел.

Какъ особый инцидентъ стоитъ отправка казаковъ въ Болгарію представителями общеказачьяго сельско-хозяйственнаго союза Фальчиковымъ и Бѣлашевымъ.

20-го іюня у французскаго Штаба было вывѣшено скромное малозамѣтное объявленіе (Приказъ № 87) о томъ, что названные Фальчиковъ и Бѣлашевъ получили разрѣшеніе отъ Болгарскаго правительства „на вѣздъ въ Варну 1000 бѣженцевъ казаковъ земледѣльцевъ“; въ объявленіи говорилось, что всѣ желающіе ѣхать въ Болгарію должны записываться непосредственно во Французскомъ Штабѣ.

24-го іюня отъ Французскаго Командованія было получено распоряженіе отправить въ Болгарію на работы 1000 казаковъ земледѣльцевъ, а 25-го на лемносскомъ рейдѣ остановился пароходъ „Самара“, предназначенный для перевозки этихъ казаковъ.

Ранѣе еще, совмѣстными ходатайствами Главнокомандующаго и Атамановъ было получено согласіе Сербскаго и Болгарскаго правительствъ на принятіе съ о. Лемноса казаковъ на работы: 5000—въ Сербію и 3000 въ Болгарію. На основаніи этого соглашенія было рѣшено въ Сербію отправить Кубанцевъ и въ Болгарію Донцовъ и Терце-Астраханцевъ, во исполненіе чего къ 5-му іюня уже было фактически отправлено въ Сербію 4500 Кубанцевъ и въ Болгарію — 1000 Донцовъ.

Но французы нарушили этотъ планъ переброски казаковъ въ славянскія страны и, одновременно съ отправкой въ Болгарію первой тысячи Донцовъ, Французскимъ Командованіемъ, непосредственно, за счетъ казаковъ, было отправлено и 1000 не казаковъ изъ Галлиполи.

Теперь, съ полученіемъ этого требованія, за Русскимъ Командованіемъ оставалась возможность отправки въ Болгарію еще третьей тысячи — казаковъ. Справедливость требовала назначенія въ эту очередь Донцовъ и Терцевъ.

Генераломъ Абрамовымъ былъ назначенъ къ отправкѣ полностью 2-й Донской Платовскій полкъ въ числѣ 800 человекъ, причемъ партію отправляемыхъ предполагалось дополнить двумястами Терцевъ, но, въ силу нежеланія дробиться находящихся доселѣ въ полномъ единеніи Терцевъ (500 человекъ) и настоянія французскаго командованія назначить бѣженцевъ, — эти 200 человекъ были назначены изъ Донскаго бѣженскаго баталіона. Такимъ образомъ, 25-го іюня, на пароходъ „Самара“, было отправлено въ Константинополь 1000 Донцовъ.

Путь продолжался безъ особыхъ событій.

По пріѣздѣ въ Константинополь казаки увидѣли шестивесельную гребную лодку, на руль которой сидѣлъ генераль Врангель. Главнокомандующій поднялся на „Самару“. Въ своей короткой рѣчи онъ призывалъ казаковъ крѣпче держаться Арміи, вѣрить въ пра-

воту и въ конечное торжество Русскаго дѣла и считать за свое начальство только своихъ командировъ, но не французовъ. Свое короткое пребываніе на „Самарѣ“ генераль Врангель объяснилъ тѣмъ, что французы не разрѣшаютъ ему бывать среди русскихъ воинскихъ частей. Казаки встрѣтили и проводили Главнокомандующаго громкими криками „ура“.

На другой день, тоже на гребной лодкѣ, пріѣхалъ Атаманъ. Пробылъ онъ на „Самарѣ“ дольше, говорилъ казакамъ о Сербіи и Болгаріи, объ условіяхъ жизни въ этихъ странахъ, о томъ, что Болгарскому правительству, по его требованію, уже внесены средства для обезпеченія чиновъ Русской Арміи и что скоро всѣ казаки будутъ перевезены въ Болгарію; онъ сказалъ и о томъ, что разногласіе, происшедшее между Атаманами и Главнокомандующимъ, не должно смущать Донцовъ, такъ какъ все это, въ концѣ концовъ, будетъ улажено. Какъ и Главнокомандующаго, казаки встрѣтили и проводили Атамана громкимъ „ура“. Ура гремѣло и широко разносилось по Босфору до тѣхъ поръ, пока лодка съ Атаманомъ не скрылась изъ виду.

А на слѣдующій день, уже на французскомъ паровомъ катерѣ, въ сопровожденіи французскихъ офицеровъ, на „Самару“ прибыли... члены Объединеннаго казачьяго сельско-хозяйственнаго союза во главѣ съ П. Р. Дудаковымъ, одѣтымъ въ казачьи брюки съ лампасами „на выпускъ“, въ желтые ботинки, со шляпою на головѣ.

Въ своей рѣчи Дудаковъ много говорилъ о Союзѣ, о пользѣ его для казаковъ, о его демократическихъ началахъ и тому подобномъ. Потомъ онъ заявилъ, что Платовцы въ Болгарію не поѣдутъ, такъ какъ туда Союзомъ назначено перевезти Кубанцевъ и, притомъ, бѣженцевъ, а не организованную воинскую часть, и что Платовцамъ придется возвратиться на Лемносъ. Во всѣхъ казачьихъ невзгодахъ Дудаковъ винилъ только Русское Командованіе и Атамана. — „Вотъ и теперь, — говорилъ онъ, — только начальство ваше виновато, что вы не попадете въ Болгарію, а васъ отвезутъ обратно на Лемносъ“. При этомъ Дудаковъ предлагалъ казакамъ снять погоны, оставить начальство, выйти изъ Арміи и слѣдовать только за нимъ — Дудаковымъ и возглавляемымъ имъ Союзомъ, косвенно намекая, что при такихъ условіяхъ Платовцы еще могутъ рассчитывать попасть въ Болгарію.

Рѣчь Дудакова, собственно говоря, не была закончена. Еще въ серединѣ рѣчи то и дѣло раздавались возгласы — „почему Кубанцы“... „болгарамъ нужны рабочіе, а не Донцы или Кубанцы“, „что-жъ мы хуже Кубанцевъ что ли?“... „ты то или къ Кубанцамъ приписался, что за нихъ стараешься?“ и т. д. Подобные вопросы все громче и недружелюбнѣе предлагались Дудакову и, въ концѣ концовъ, перешли въ открытую брань по его адресу.

„Знаемъ тебя давно, помнимъ по возстаніямъ въ Хоперскомъ округѣ, по Хопру еще помнимъ“, „скинь лампасы“, — слышалось кругомъ. — „Вамъ давно пора ѣхать въ Россію комиссарить, — кричали казаки. Многіе предлагали сбросить его въ воду. Подъ общій шумъ,

свистъ и шумъ казаковъ, Дудаковъ, какъ оплеванный, ушелъ съ „Самары“.

Однако на слѣдующій день онъ вновь прибылъ на „Самару“ съ подарками для женщинъ и дѣтей. На этотъ разъ онъ велъ себя гораздо лучше; тѣмъ не менѣе это не измѣнило отношеній къ нему казаковъ. — „Хочешь задобрить подарками?“ „Убирайся вонъ“, „въ воду его“, — кричали казаки.

Вообще, надо замѣтить, что посѣщеніе „Самары“ членами союза до крайности раздражило казаковъ. По словамъ Платовцевъ, Объединенный Союзъ напомнилъ имъ что то большевистское, чужое, а не свое, казачье, родное. И только посѣщеніе ихъ Главнокомандующимъ, Донскимъ Атаманомъ и, въ концѣ, членомъ Донского Круга П. А. Скачковымъ, подтвердившимъ слова Атамана о скорой отправкѣ казаковъ съ Лемноса въ Болгарію, нѣсколько успокоило Платовцевъ и оставило среди нихъ отрадное впечатлѣніе,

Тѣмъ временемъ Объединенный Союзъ, организація не только не признающая ни власти Атамановъ, ни авторитета Правительствъ отдѣльныхъ казачьихъ войскъ, ни авторитета Русскаго Командованія, во имя своихъ „демократическихъ“ принциповъ, сталъ всячески противодействовать отправкѣ казаковъ въ Болгарію и, путемъ всевозможныхъ интригъ и происковъ, добился того, что Платовцы были возвращены на Лемнось. Этому, конечно, немало способствовало и настроеніе, проявленное Платовцами, выгнавшими Дудакова съ „Самары“.

Все-таки не всѣ находившіеся на „Самарѣ“ Донцы были возвращены на Лемнось. Всѣ бѣженцы (200 человекъ) и около пятидесяти человекъ Платовцевъ, вышедшихъ изъ Арміи, были отправлены въ Болгарію, остальные же, 750 казаковъ Платовцевъ, были перегружены на „Решидъ-Пашу“ и отправлены на Лемнось. Съ тѣмъ же пароходомъ поѣхали на Лемнось и гг. Бѣлашевъ и Фальчиковъ.

8-го іюля „Решидъ-Паша“ прибылъ на Лемнось и французами была открыта новая запись на работы въ Болгарію. Изъ 800 вакансій — 500 предоставлялось Кубанцамъ и 300 — Донцамъ и Терцамъ — поровну.

„Решидъ-Паша“ возвратился на Лемнось съ 725 казаками (донскими) не принятыми Болгаріей — писалъ поэтому по поводу маіоръ Бреннъ (8/VII № 2174) генералу Абрамову.

„Делегаты казачьяго союза Бѣлашевъ и Фальчиковъ, согласно приказанія Командира Оккупационнаго Корпуса, сами произведутъ выборъ казаковъ для отправки. Французскій офицеръ будетъ сопровождать ихъ по лагерю. Всѣ Кубанцы должны быть собраны сегодня въ 18 часовъ во французскомъ штабѣ, гдѣ делегаты и произведутъ выборъ людей. Для обезпеченія порядка въ 17 часовъ по лагерю будутъ ходить жандармскіе патрули. Разгрузка „Решидъ-Паши“ начнется лишь послѣ сбора отъѣзжающихъ“...

Генераль Абрамовъ, желая, во имя справедливости, отправить въ Болгарію Платовцевъ, уже томившихся на суднѣ къ тому дню

около двухъ недѣль, и учитывая, что разгрузка „Решидъ-Паши“ можетъ невыгоднымъ образомъ отразиться на настроеніи казаковъ и авторитетъ Командованія, рѣшилъ отправить Платовцевъ въ Болгарію хотя бы въ видѣ рабочей партіи.

„... находящіеся на пароходѣ „Решидъ-Паша“ казаки — писалъ онъ маюру Бреннъ (8/VII — № 1207) — за исключеніемъ весьма ограниченнаго числа людей, изъявляютъ желаніе ѣхать на работы въ Болгарію на объявленныхъ Вами и гг. Бѣлашевымъ и Фальчиковымъ условіяхъ. Поэтому, производить новую запись среди Донцовъ и Терцевъ, въ общихъ интересахъ сохраненія порядка въ лагерь, нахожу нежелательнымъ. Безусловно, всѣ заявятъ о своемъ желаніи ѣхать въ Болгарію на предлагаемыя работы, а производить выборъ лицъ по политическимъ или другимъ соображеніямъ считаю недопустимымъ. Въ силу этого, изъ числа записавшихся Кубанцевъ можетъ быть посажено на „Решидъ-Пашу“ лишь то число, которое Вы признаете возможнымъ, не выгружая никого съ „Решидъ-Паши“, или свезя на берегъ лишь желающихъ“.

„Выгружать же насильно и отдать для сего приказаніе начальнику эшелона г. - м. Попову я не нахожу возможнымъ“.

„Полагаю, что для Болгарскаго правительства рѣшительно все равно, кто будетъ работать на его территоріи — Кубанцы, Донцы или Терцы“.

„Все это дѣло лишь извѣстной политической партіи, въ угоду которой я не могу играть благополучіемъ ввѣренныхъ мнѣ людей, не только Кубанскаго, но также Донскаго, Терскаго и Астраханскаго Войскъ“.

Но французы настаивали на своемъ.

„... имѣю честь сообщить Вамъ категорическій приказъ — отвѣчалъ маіоръ Бреннъ — полученный мною изъ Константинополя: 1) Бѣлашевъ и Фальчиковъ должны сами выбрать людей для отправки въ Варну; 2) Эти делегаты командированы Командиромъ Оккупационнаго Корпуса. Имъ будетъ предоставлена возможность произвести выборъ рабочихъ исключительно по ихъ усмотрѣнію. Одинъ изъ офицеровъ будетъ ихъ сопровождать въ лагеряхъ, гдѣ находятся Кубанцы; 3) Высадка возвращаемыхъ на Лемнось Донскихъ казаковъ послѣдуетъ лишь по окончаніи записи Кубанцевъ и послѣ того, какъ эти послѣдніе будутъ собраны вмѣстѣ. Вопросъ о Донскомъ и Терско-Астраханскомъ спискѣ не поднимался въ Константинополь“.

„Я лично совершенно лишенъ возможности рѣшить какого именно войска казаки должны быть отправлены: Кубанскіе, Донскіе или Терскіе. Это дѣло исключительно делегатовъ. Вслѣдствіе этого я могу лишь сообщить Ваше пожеланіе делегатамъ“.

Настроеніе казаковъ въ то время было крайне смятенное. Если они не были въ курсъ всѣхъ подробностей переговоровъ съ французами, то знали, что переговоры эти ведутся и что Комкоръ настаиваетъ на отправкѣ Платовцевъ. Среди послѣднихъ было уже такое теченіе — „пусть силой выбрасываютъ съ парохода, а сами

мы не пойдём». О томъ же говорили и на берегу. Говорили, что будто-бы французы предъявили ультиматумъ Платовцамъ и, если они не сойдутъ съ парохода, французская канонерка откроетъ по нимъ огонь. Широкимъ массамъ не было извѣстно рѣшеніе французовъ держать Платовцевъ на пароходѣ до 9 го іюля, т. е. до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведена новая запись и записавшіеся не соберутся у Французскаго Штаба (очевидно опасались, что путемъ записи ненавистные дудаковскому Союзу Платовцы вновь просочатся въ Болгарію) и пребываніе Платовцевъ на пароходѣ еще болѣе взвинчивало казаковъ.

Генераль Абрамовъ, какъ уже видно изъ переписки съ французами, отказался отдать приказъ Платовцамъ о выгрузкѣ.

„Во имя справедливости и для выполненія намѣченного плана по вывозу всѣхъ казаковъ съ о. Лемноса въ Балканскія государства — говорилъ Юнъ въ приказѣ по Лемн. группѣ войскъ Р. А. (9 - VII — № 68) — въ эту очередь на работы въ Болгарію должны быть отправлены Донцы и Платовскій полкъ уже находився для этого на пароходѣ. Замѣнять однихъ казаковъ другими въ угоду желаній политическихъ партій — считаю издѣвательствомъ надъ казачествомъ и сѣянiемъ вражды между братьями казаками всѣхъ казачьихъ войскъ“.

„Призываю всѣхъ казаковъ къ спокойствію и къ предоставленію выѣзда въ Болгарію того эшелона, который уже погруженъ на пароходъ и 12 дней ждетъ своей отправки“.

Послѣ полудня 9-го іюля Платовцы были высажены французами на Лемнось.

Тѣмъ временемъ въ лагерь происходили другія событія.

Около 7 час. вечера 8-го іюля, Фальчиковъ, въ коричневомъ комиссарскомъ френчѣ и шляпѣ, на французскомъ автомобилѣ и въ сопровожденіи двухъ французскихъ офицеровъ, объѣзжалъ лагерь, объявлялъ казакамъ, главнымъ образомъ — бѣженцамъ, что онъ набираетъ рабочихъ въ Болгарію, на постройку желѣзно-дорожной линіи, и предлагалъ явиться для записи къ нему во французскій штабъ, гдѣ будутъ составлены списки. Въ Донскія строевыя части Фальчиковъ не заѣзжалъ.

Отношеніе бѣженцевъ къ Фальчикову было удовлетворительное, онъ, такъ или иначе, предоставлялъ имъ возможность выѣзда въ Болгарію, но отношеніе строевыхъ казаковъ, какъ къ самому Фальчикову, такъ и другимъ дѣятелямъ Союза, было рѣзко недоброжелательное. Казаки видѣли въ Союзѣ не кооперативное учрежденіе, устроенное въ экономическихъ цѣляхъ, а партію опредѣленного политическаго характера, стремящуюся всѣми способами, при содѣйствіи французовъ, расплыть Русскую Армію, удалить генерала Врангеля, Донскаго Атамана и весь высшій командный составъ, и самимъ стать правителями надъ бывшими воинскими чинами Русской Арміи. Случай съ Платовцами давалъ тому яркій примѣръ. Тѣмъ не менѣе единичные казаки строевыхъ частей все же шли

записываться къ Фальчикову, думая хоть какъ либо вырваться съ Лемноса.

До полуночи 9-го іюля у французскаго Штаба находилась большая толпа бѣженцевъ и шла лихорадочная запись. При этомъ записывали не только на поѣздку въ Болгарію, но и въ Союзъ, что стѣвилось непремѣннымъ условіемъ выѣзда съ Лемноса.

Утромъ 9-го всѣ записавшіеся съ вещами собрались у французскаго Штаба. Собравшіеся представляли собою довольно разношерстную толпу. Главную массу, конечно, составляли бѣженцы, Донцы и Кубанцы, но были тутъ и офицеры, и чиновники, съ земледѣліемъ никогда и ничего общаго не имѣвшіе, и гражданскіе бѣженцы интеллигентныхъ профессій, и дамы въ яркихъ платьяхъ, были, даже, „смѣнвшіе вѣхи“ юристы (почти всѣ чины Кубанскаго Корпуснаго Суда и нѣсколько человѣкъ изъ Донскаго Корпуснаго Суда). Вообще тутъ можно было встрѣтить кого угодно, но настоящихъ земледѣльцевъ, простыхъ казаковъ, едва ли набралась бы и половина.

Около двухъ часовъ дня все это двинулось къ пристани. По обѣ стороны дороги, до самой пристани, были разставлены густыя цѣпи французскихъ стрѣлковъ, „порядокъ въ лагерьъ поддерживали“, какъ и при всѣхъ отправкахъ французами по первому разряду (въ Совдепію, Бразилію) усиленные наряды патрулей.

Къ этому времени у пристани собралась большая толпа строевыхъ казаковъ, пришедшихъ посмотреть на новоявленныхъ земледѣльцевъ. — „Вотъ насъ на кого смѣняли с...чи“ — ворчали Платовцы. По адресу уѣзжавшихъ изъ толпы слышались бранные выкрики, зачастую съ добавленіемъ крѣпкихъ словечекъ. — „Да развѣ же это земледѣльцы?“ — удивлялись другіе, глядя на уѣзжающихъ. Удивленіе это было тѣмъ болѣе понятно, что среди отправленныхъ — было въ Болгарію Платовцевъ находилось 742 простыхъ казака, настоящихъ, природныхъ земледѣльцевъ.

Вечеромъ „Решидъ-Паша“ ушелъ съ Лемноскаго рейда, инцидентъ былъ исчерпанъ и лагерная жизнь потекла по прежнему руслу.

Но, какъ это ни странно, Фальчиковская и Бѣлашевская операція принесла несомнѣнную пользу Лемносцамъ. Въ данномъ случаѣ она явилась какъ бы дезинфекціей лагеря. Она изъяла изъ строевыхъ частей много всѣмъ и всѣми недовольнаго, на все брюзжащаго и вѣчно будирующаго элемента, съ Фальчиковымъ убыло много лицъ неуравновѣшенныхъ, калебающихся и непостоянныхъ, тѣхъ, коимъ не дорога идея сохраненія Арміи и возстановленія Россіи, которымъ безразлично за кѣмъ бы не итти, лишь бы только это клонилось къ ихъ личному благополучію, наконецъ — съ Фальчиковымъ убыло много бѣженцевъ.

Всегда и во всѣхъ лагеряхъ, гдѣ бѣженцы жили совмѣстно со строевыми частями, они являлись бичемъ послѣднихъ. Особенно остро это ощущалось здѣсь, на Лемнось. Неряшливо одѣтые, даже видомъ своимъ показывавшіе свою „независимость“ отъ Русскаго Командованія, не связанные не только никакими порядками и прави-

лами внутренней жизни, но и внѣшняго приличія, они деморализующе вліяли на строевыхъ казаковъ.

Хотя бѣженцы и были организованы наподобіе воинскихъ частей, но бѣженское начальство, начиная съ командира бѣженской бригады и кончая командирами сотенъ, никакимъ авторитетомъ не пользовались. На Лемнось въ ихъ глазахъ выросло другое начальство-французы, къ которымъ они и обращались со всѣми вопросами и которые охотно выступали въ этой роли, всячески покровительствуя бѣженцамъ.

Какъ потентованные „бѣженцы“, они получали больше подарковъ и отъ американцевъ, все еще осторожно относившихся къ строевымъ частямъ изъ боязни нарушить свой нейтралитетъ, и отъ французовъ, снабжавшихъ ихъ съ цѣлью пропаганды бѣльемъ и обмундированіемъ даже въ ущербъ строевымъ частямъ. Однако, получая больше матеріальныхъ благъ, почти не неся никакихъ нарядовъ по лагерю, такъ какъ для этого главнымъ образомъ назначались казаки строевыхъ частей, въ моральномъ отношеніи бѣженцы раздѣнивались невысоко, и слово „бѣженецъ“ вызывало ироническую улыбку не только у русскихъ, но, даже, и у французовъ; а простые строевые казаки, завидовавшіе бѣженцамъ, лучше ихъ матеріально обставленнымъ, зачастую прибавляли къ этому слову и ругательства (хотя и завидовали, но въ бѣженцы шли немногіе).

Теперь, съ операціей Фальчикова, много сотенъ бѣженцевъ навсегда оставило Лемнось.

Прошла недѣля съ небольшимъ и новое событіе взволновало лагерь.

Вечеромъ 20 го іюля, при заходѣ солнца, когда уже спала дневная жара и казаки у палатокъ готовились къ варкѣ ужина, на рейдѣ тихо вошелъ подъ турецкимъ флагомъ пароходъ „Керасундъ“.

Лагерь всколыхнулся. Это не была обычная недѣльная почта, только что передъ этимъ съ Лемноса ушелъ русскій почтовый катеръ, и приходъ „Керасунда“ предвѣщалъ какое либо событіе. Начались оживленные разговоры, за толками и предположеніями многіе забыли про ужинъ, а наиболѣе любознательные устремились на пристань узнать отъ служащихъ на французскомъ катерѣ русскихъ—зачѣмъ прибылъ „Керасундъ“.

Полчаса спустя по лагерю и на всѣхъ пристаняхъ были выставлены усиленные французскіе патрули, а еще черезъ полчаса въ районъ расположенія полковъ французами стало вывѣшиваться объявленіе Военнаго Губернатора о. Лемноса — „Приказъ № 93“.

„Господинъ Серебровскій — говорилось въ приказѣ — Представитель Бакинскихъ нефтяныхъ рудниковъ сообщаетъ, что онъ въ состояніи принять новый контингентъ бѣженцевъ отъ 1000 до 1200 человекъ (1200 показываетъ максимальное количество).

„Пароходъ прибылъ на Лемнось для принятія бѣженцевъ, желающихъ принять условія, которыя имъ предложены для отправки въ Баку“.

„Военный Губернаторъ острова Лемноса напоминаетъ, что

каждый свободенъ въ выраженіи своей воли и не можетъ быть задержанъ ни подъ какимъ предлогомъ“.

„Всѣ свѣдѣнія, полученныя Французскимъ Командованіемъ свидѣтельствуютъ, что русскіе бѣженцы, которые были выгружены въ Батумъ, были хорошо приняты и что всѣ договоры, принятые г. Серебровскимъ, были исполнены“.

Далѣе говорилось, что всѣ желающіе ѣхать должны собраться у французскаго штаба 21-го іюля въ шесть часовъ вечера, причемъ имъ, кромѣ собственныхъ вещей, разрѣшалось взять съ собою и по одному одѣялу.

Теперь уже было всѣмъ ясно, что готовилось очередное нападеніе со стороны французовъ. Опять на устахъ у всѣхъ появилось имя извѣстнаго уже тов. Серебровскаго съ его „амнистіей“ и работами въ Баку. Опять передъ казаками всталъ мучительный вопросъ о поѣздкѣ на родину, опять слабые духомъ заколебались, заволновались — не поѣхать ли?

Со стороны Командованія немедленно были приняты мѣры воздѣйствія. Въ частяхъ устраивались собесѣдованія, на которыхъ казакамъ указывалось, что скоро всѣ части будутъ перевезены въ славянскія страны, гдѣ жить будетъ значительно легче, что условія работъ въ Баку крайне тяжелыя и что „амнистія“ примѣняется только на словахъ, такъ какъ по имѣющимся уже тогда свѣдѣніямъ часть казаковъ изъ отправленной тов. Серебровскимъ первой партіи — была разстрѣляна, а часть попала на сѣверъ, въ концентраціонные лагеря.

Одновременно съ этимъ информаціоннымъ отдѣленіемъ былъ выпущенъ срочный бюллетень, расклеенный почти на всѣхъ витринахъ и видныхъ мѣстахъ и распространенный въ большомъ количествѣ среди воинскихъ чиновъ лагеря. Въ бюллетенѣ сообщалось о положеніи въ Россіи, о царившей тамъ безработицѣ, голодѣ и возстаніяхъ.

„Интересно знать. — замѣчалось въ бюллетенѣ на завѣренія французовъ въ „приказѣ № 93“ о „хорошемъ приѣмѣ въ Баку казаковъ“, отъ кого получены эти свѣдѣнія Французскимъ Командованіемъ? Ужъ не отъ станичниковъ ли Донцовъ или, можетъ быть, отъ тов. Серебровскаго?

„Что сейчасъ дѣлается въ Совѣтской Россіи — всѣмъ извѣстно: голодъ, холодъ и полная безработица, такъ какъ всѣ фабрики и заводы постепенно останавливаются. А поэтому ясно, что тов. Серебровскому нужны не 1200 рабочихъ, которые вообще не нужны въ безработной странѣ, а нужно лишь уменьшить на 1200 человекъ ряды Русской Арміи, которая, даже будучи на Лемнось, все же является угрозой для благополучія Совѣтской власти, особенно теперь, когда и Сибирь и югъ Россіи охвачены возстаніями.

„Съ другой стороны, — говорилось далѣе въ бюллетенѣ, — на томъ же пароходѣ „Керасундъ“ прибыло одно лицо, которое привезло официальные письменныя заявленія Главнокомандующаго Русской Арміи и Донскаго Атамана о томъ, что вопросъ о переѣздѣ

въ Болгарію 7000 Донцовъ разрѣшенъ окончательно въ благопріятномъ смыслѣ, деньги на обезпеченіе указаннаго количества чиновъ Арміи у Главнокомандующаго имѣются и переведены въ распоряженіе Болгарскаго правительства.

„Помните, станичники, что чѣмъ меньше мы будемъ эвакуироваться въ Грецію и Совѣтскую Россію, тѣмъ вѣрнѣе, что хозяева настоящаго положенія, убѣдившись въ бесплодности своихъ попытокъ распыленія, постараются удовлетворить наше законное желаніе, отправивъ насъ туда, куда намъ хочется — въ Болгарію.

„Станичники, очередь за стойкостью и выдержанностью вашихъ убѣжденій и нервовъ“.

Этотъ бюллетень, особенно сообщеніе о благопріятномъ разрѣшеніи вопроса о переѣздѣ въ Болгарію, успокоилъ казаковъ, окончательно убѣдивъ колеблющихся — не ѣхать въ Совѣтскую Россію, но французы, интересы которыхъ могли пострадать, отнеались къ нему иначе. Опасаясь, что казаки не поѣдутъ въ Совѣтскую Россію, что затраты по фрахтованію такого большого парохода, какъ „Керасундъ“, пропадутъ даромъ, они пошли на крайніе и не совсѣмъ корректные способы борьбы съ Русскимъ Командованіемъ.

Съ шести часовъ утра 21-го іюля въ расположеніи частей появился французскій автомобиль, сопровождаемый сильнымъ конвоемъ конныхъ французскихъ жандармовъ. Въ автомобиль, кромѣ французскихъ офицеровъ (Нач. Штаба кап. Перре и другихъ) находился небезызвѣстный въ лагерѣ провокаторъ — казакъ Чиковъ.

Автомобиль этотъ часто останавливался, и на всѣхъ кіоскахъ, стѣнахъ, водоемахъ, всюду, гдѣ только можно было, Чиковъ расклеивалъ отвѣтное „объявленіе“ французовъ:

„О. Лемнось. Военный Губернаторъ, 21 іюля 1921 года. Ложныя свѣдѣнія распространяются по лагерю. Единственная правда только въ приказѣ № 93. Все остальное фантазія. Начальникъ Штаба Перре“.

Съ первыхъ же минутъ появленія въ лагерѣ автомобиля и послѣ перваго же расклееннаго „объявленія“, отношеніе казаковъ къ записи въ Баку, а, слѣдовательно, и къ французамъ, выявилось въ рѣзкой формѣ. Несмотря на присутствіе усиленнаго конвоя французскихъ жандармовъ, появленіе автомобиля въ частяхъ встрѣчалось громкимъ крикомъ, свистомъ и „улюлюканьемъ“. По адресу французовъ кричали нецензурныя слова.

Особенно возмущалъ казаковъ Чиковъ. Въ расположеніи между Платовскимъ и Терско-Астраханскимъ полками была даже попытка вытащить его изъ автомобиля и расправиться съ нимъ, и только лишь конные жандармы, подкрѣпленные находившимся вблизи пѣшимъ патрулемъ, спасли Чикова отъ самосуда.

Въ девять часовъ на пристань явилось для поѣздки въ Баку всего три человекъ.

Тогда, въ девять съ половиной часовъ, въ расположеніи лагерей вновь появился въ сопровожденіи конныхъ жандармовъ французскій автомобиль, въ которомъ находился капитанъ Перре съ

двумя французскими офицерами и неимѣннымъ казакомъ Чиковымъ. Автомобиль останавливался въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ расклеенъ информационный бюллетень, и капитанъ Перре перечеркивалъ краснымъ карандашомъ каждый изъ такихъ бюллетеней и собственно-ручно дѣлалъ по русски надписи: „это неправда“, „это ложь“, „врутъ, врутъ“, подписываясь, при этомъ, — Н. Ш. Перре.

Тутъ же расклеивалось объявленіе Военнаго Губернатора о. Лемноса за № 2217:

„Лемнось, 21 іюля 1921 года. Вслѣдствіе того, что порядокъ объявленія приказа № 93 не обезпечиваетъ освѣдомленія, будутъ приняты слѣдующія мѣры:

Французскій офицеръ обойдетъ каждую часть и прочтетъ приказъ передъ собранной для этого частью (офицеры въ каждой части на правомъ флангѣ).

Въ 11 часовъ — батальонъ бѣженцевъ, училища и госпиталя.

Въ 13 часовъ — Терскій, Платовскій и прочіе полки, съ востока на западъ.

Желающіе ѣхать будутъ сейчасъ же отправлены. Бреннъ“.

Еще большими криками, свистомъ, бранью и „улюлюканьемъ“ встрѣчали и провожали казаки автомобиль. Одна женщина изъ бѣженскаго лагеря обратилась къ капитану Перре со словами: „Когда вы бросите насъ мучить. У многихъ изъ насъ казнены большевиками въ Россіи дѣти, мужья, отцы и матери, а вы принимаете всѣ мѣры къ тому, чтобы насъ уѣхало возможно больше въ Баку, на новыя казни къ большевикамъ“. Но эти слова, повидимому, мало смутили Перре, продолжавшаго дѣлать свое дѣло и въ другихъ частяхъ, причемъ нѣсколько бюллетеней были имъ сорваны съ витринъ.

Съ одиннадцати часовъ началось обѣщанное французами „освѣдомленіе“ казаковъ съ приказомъ № 93.

Въ бѣженскій лагерь, въ автомобиль, съ обычной охраной, опять прибылъ капитанъ Перре. Онъ предложилъ собравшимся бѣженцамъ отправиться на работы въ Баку, утверждая при этомъ, что ранѣе уѣхавшіе туда бѣженцы были приняты хорошо, что въ Болгарію русскихъ больше пускать не будутъ и что все то, что сообщается по этому вопросу Русскимъ Командованіемъ, является ложью. Однако, въ результатъ этого опроса, изъ всего бѣженскаго лагеря пожелалъ отправиться въ Баку только одинъ человекъ.

По пути въ Атаманское военное училище, капитанъ Перре заѣхалъ въ расположеніе конной Кубанской сотни и обратился было къ Кубанцамъ съ аналогичнымъ предложеніемъ, но ему не дали говорить, такъ какъ сотня стала кричать громкое „ура“ Главнокомандующему, послѣ чего капитанъ Перре, со словами, сказанными по русски, „если это не глупо, то кричите“, немедленно уѣхалъ.

Въ Атаманскомъ военномъ училищѣ къ пріѣзду капитана Перре были выстроены всѣ юнкера, нестроевая сотня училища и слушатели офицерскихъ курсовъ, послѣдніе — въ своемъ расположеніи. Съ тѣми же словами, призывая вѣрить только обѣщаніямъ тов. Серебровскаго и французскимъ объявленіямъ, капитанъ Перре пред-

ложилъ юнкерамъ отправиться въ Баку. Однако докончить своей рѣчи ему также не пришлось. Со стороны юнкеровъ и казаковъ слышались слова: „довольно, знаемъ васъ хорошо“, а однимъ изъ офицеровъ училища былъ предложенъ вопросъ — къмъ перечеркивался нашъ бюллетень и дѣлались на немъ надписи „врутъ“, „лгутъ“ и тому подобныя. Когда капитанъ Перре отвѣтилъ „мною“, то предложившій этотъ вопросъ офицеръ, послѣ отвѣта капитана Перре, сказалъ: „я думалъ, что этотъ бюллетень перечеркивался и срывался мерзавцемъ Чиковымъ, но я не могъ допустить, чтобы французскій офицеръ и, тѣмъ болѣе начальникъ штаба, могъ позволить себѣ дѣлать это“. Поднялся шумъ и свистъ по адресу французовъ, которые, не заѣзжая къ выстроеннымъ офицерамъ курсовъ и юнкерамъ Кубанскаго Алексѣевскаго военнаго училища, уѣхали въ свой Штабъ.

Въ четырнадцать съ половиной часовъ капитанъ Перре отправился для опроса въ расположеніе полковъ. Въ Каледино-Назаровскомъ полку, какъ и въ бѣженскомъ лагерѣ, онъ старался не только склонить казаковъ къ поѣздкѣ въ Баку, но и поселить недоверіе къ русскому командному составу и подорвать вѣру казаковъ въ переѣздъ въ Балканскія государства. Молча выслушали Каледино-Назаровцы всю рѣчь капитана Перре, до конца, не прервавъ ея ни однимъ вопросомъ или крикомъ, и молча же разошлись по палаткамъ. Ѣхать въ Баку никто не пожелалъ.

Не то было въ Платовскомъ полку. Казаки, все еще озлобленные на французовъ, принявшихъ сторону Бѣлашева и Фальчикова и не пустившихъ ихъ въ Болгарію, а теперь снова предлагавшихъ — Совдепію, встрѣтили капитана Перре съ камнями въ рукахъ. Неминуемо разразилось бы несчастіе, могущее повлечь за собою большія бѣдствія на голову казаковъ и усугубить и безъ того нерадостную жизнь ихъ на островѣ, но Командиръ и офицеры полка успокоили казаковъ, которые и разошлись по палаткамъ, не выслушавъ до конца рѣчи капитана Перре и кидая злобные взгляды на сидѣвшихъ въ автомобилѣ французовъ. Среди Платовцевъ какъ и Терце-Астраханцевъ, которыхъ, затѣмъ, посѣтилъ капитанъ Перре, такъ же не нашлось ни одного желающаго ѣхать въ Баку.

Въ семнадцать часовъ на пристань прибыло еще два человѣка, желающихъ отправиться въ Баку. Позднимъ вечеромъ подошло еще три человѣка. Ночью громадный „Керасундъ“ ушелъ съ Лемноса, увозя на борту всего лишь девять человѣкъ.

Французская атака была отбита по всему фронту. Твердость духа и сплоченность казаковъ побѣдили на этотъ разъ происки французовъ и вѣра въ Комадованіе, въ Армію, въ великое русское дѣло, взяла верхъ надъ французскими навѣтами.

Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ „боя“ своею яркостью выдѣлился инцидентъ съ юнкеромъ Алексѣевскаго училища (въ чинѣ хорунжаго) Полянскимъ, наглядно показывавшій сплоченность казаковъ, желаніе ихъ итти на выручку одинъ другому, и ярко обрисовавшій повышенность и напряженность бывшаго тогда настроенія.

Въ бѣженскомъ лагерѣ, когда многіе бѣженцы, задавая капитану Перре вопросы, полемизировали съ нимъ, юнкеръ Полянскій назвалъ его пьяницей, ошибочно полагая, что онъ говоритъ не съ капитаномъ Перре, а съ переводчикомъ, за что тутъ же былъ арестованъ и отправленъ во Французскій Штабъ.

Вѣсть объ арестѣ французами юнкера съ быстротою молніи облетѣла весь лагерь. Пошелъ слухъ, что онъ будетъ насильственно отправленъ въ Баку, нашлись люди, видѣвшіе, какъ юнкера Полянского, „повели на пристань № 3, гдѣ собирались отправляемые въ Баку, и, даже, „посадили въ катеръ и повезли на пароходъ“.

Начальникъ Алексѣевскаго военнаго училища, получивъ донесеніе, что „французскія власти арестовали юнкера Полянского и повели его на пристань № 3 для отправки на пароходъ „Керасундъ“, идущій въ г. Батумъ“, подъ впечатлѣніемъ минуты, желая спасти своего юнкера, взялъ бывшую на строевомъ занятіи сотню юнкеровъ съ винтовками (какъ были на занятіи, безъ затворовъ) и повелъ ее къ пристани № 3, надо замѣтить — усиленно охраняемой французскими стрѣлками. Къ счастью, на пути, ему встрѣтился капитанъ Перре. Узнавъ отъ послѣдняго, что юнкеръ Полянскій находится не на пристани, а во французскомъ штабѣ, и что въ Совдепію онъ отправленъ не будетъ, Начальникъ училища приказалъ полусотнѣ возвратиться обратно въ училище. На этомъ происшедшій инцидентъ закончился.

Юнкеръ въ чинѣ хорунжаго Полянскій былъ судимъ въ Константинополь французскимъ военнымъ судомъ, приговоренъ къ двумъ недѣлямъ ареста и на Лемнось уже болѣе не вернулся.

Въ приказѣ по лагерю Калоераки за № 43, генераль Абрамовъ, „считая фактъ оскорбленія на словахъ офицера Французской Арміи юнкеромъ Полянскимъ и неумѣстный вызовъ Начальникомъ Алексѣевскаго военнаго училища вооруженной хотя бы и не дѣйствующимъ оружіемъ (винтовки безъ затворовъ) команды явленіями крайне прискорбными въ нашихъ отношеніяхъ къ доблестной Французской Арміи и ея Командованію“, объявилъ Начальнику Алексѣевскаго военнаго училища замѣчаніе за неумѣстный вызовъ вооруженной команды“, юнкера Полянского, „въ случаѣ передачи его въ руки русскихъ властей“ предалъ суду „за оскорбленіе на словахъ должностнаго лица при исполненіи послѣднимъ служебныхъ обязанностей“, и, отъ лица всего русскаго лагеря, принесъ извиненіе Французскому Губернатору о. Лемноса маіору Бреннъ за совершенное означенными лицами поступки.

Французская атака была отбита. Снова потекли сѣрые лемносскіе будни, только теперь казаки жили нетерпѣливымъ ожиданіемъ обѣщанной отправки въ Болгарію. Но французы, обезкураженные неудавшеюся записью въ Баку, озлобленные твердостью казаковъ, не пошедшихъ на ихъ уговариванія, инцидентами и вообще рѣзкимъ къ нимъ отношеніемъ казаковъ при объѣздѣ лагерей, начали проявлять свое озлобленіе цѣлымъ рядомъ грубыхъ и обидныхъ поступ-

ковъ съ русскими и репрессивныхъ мѣръ, иногда очень чувствительныхъ для обитателей лагеря.

Какъ и всегда бывало передъ всякими отправками въ Совдепію или Бразилію, французы примѣняли различнаго рода репрессіи съ цѣлью создать для казаковъ лишній стимулъ къ оставленію Лемноса и поѣздкѣ въ указываемомъ направленіи. Обычными мѣрами были уменьшеніе пайка и запрещеніе пропусковъ за черту лагернаго расположенія. Послѣ отравокъ паекъ вновь не увеличивался, но пропуска или разрѣшались официально, или фактически ослабѣвала охрана лагерей и казаки опять получали возможность болѣе или менѣе свободно ходить по окрестнымъ деревнямъ.

Такъ было и теперь. За день до прибытія на Лемнось „Керасунда“ у французскаго Штаба было вывѣшено объявленіе Военнаго Губернатора о. Лемноса отъ 18-го іюля 1921 года „Приказъ № 92“ (слѣдующимъ — „приказомъ № 93“ — были объявлены условія тов. Серебровскаго для отправки въ Баку; см. выше), которымъ объявлялось, что

„На островѣ началась эпидемія оспы, входъ въ зараженныя деревни Кандія, Партьяносъ, Паспераго и вообще выходъ изъ лагеря, запрещенъ. Французскіе и русскіе караулы изъ этихъ деревень будутъ выведены и замѣнены постами на дорогѣ. Всякое лицо, задержанное въ этихъ деревняхъ, будетъ заключено въ карантинъ за проволокой. Бреннъ“.

Сколь широкіе размѣры приняла эпидемія оспы въ названныхъ деревняхъ и какъ велика была опасность занесенія ея въ лагерь — не установлено, но на казаковъ запрещеніе выходить за лагерную черту произвело удручающее впечатлѣніе. Не говоря уже о томъ, что лагерь Калоераки, расположенный на голомъ, каменистомъ, выжженномъ солнцемъ скатѣ горы, со слабыми признаками растительности, у загаженнаго берега моря, былъ очень непригляденъ, и прогулки въ деревни являлись не только развлеченіемъ, но и гигиенической необходимостью для казаковъ, прогулки эти были необходимы и въ матеріальномъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что никто изъ обитателей лагеря не удовлетворялся выдаваемымъ французами пайкомъ и почти всѣ что либо да прикупали — хлѣбъ, рисъ, макароны, разныя приправы къ ѣдѣ, а, главнымъ образомъ — зелень, фрукты и овощи. Все это, конечно, можно было достать и въ лагерь, въ различнаго рода лавкахъ и ларькахъ, или у перекупщиковъ — спекулянтовъ — грековъ и русскихъ бѣженцевъ, но втрое дороже. Поэтому казаки и ходили въ окрестныя деревни — какъ разъ въ Кандію, Партьяносъ и Паспераго, гдѣ покупали необходимые продукты изъ первыхъ рукъ.

Теперь, съ установленіемъ карантина, эта возможность отпала.

Два раза обращался генеральъ Абрамовъ къ французамъ (2 № 1320 и 23 — VII—№ 1338) съ просьбой „назначить смѣшанную франко-русскую врачебную комиссію при участіи, если представится къ тому возможность, греческихъ врачей — для срочнаго осмотра ближайшихъ къ лагерю греческихъ селеній съ цѣлью опредѣ-

ленія степени распространенія эпидеміи и для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ къ усиленію или ослабленію карантина“ или, хотя бы, выдать разрѣшеніе русскому врачу на посѣщеніе деревни Кандія — „для выясненія размѣра эпидеміи заболѣванія оспой среди мѣстнаго греческаго населенія и уже принятыхъ и принимаемыхъ мѣръ въ настоящее время къ ликвидаціи этой эпидеміи“, но никакого отвѣта не получилъ.

По сообщенію же греческихъ властей эпидеміи оспы на Лемнось не было. Если и было нѣсколько случаевъ заболѣванія оспой, то это было обычнымъ явленіемъ на островѣ, гдѣ населеніе, особенно мусульманская его часть, неохотно производитъ противоспенныя прививки, причемъ какъ административная, такъ и санитарныя власти не считали нужнымъ ограничивать посѣщеніе русскими греческихъ деревень (имѣется, даже, сношеніе греческаго губернатора).

Естественно, что на такой карантинъ со стороны французовъ можно было смотрѣть не только какъ на очередную репрессивную мѣру, но и какъ на глумленіе надъ нашимъ безправнымъ положеніемъ „на законномъ основаніи“ — подъ видомъ карантина.

Казачи остались запертыми въ загаженномъ каменистомъ лагерѣ, у вонючаго берега моря.

Примириться съ этимъ было трудно и казаки, вынужденные необходимостью, стали ходить въ деревни на свой страхъ и рискъ, тайкомъ минуя французскіе посты. На этой почвѣ возникъ цѣлый рядъ мелкихъ инцидентовъ съ французами, причемъ французскіе жандармы, въ порывѣ ли особаго служебнаго рвенія, озлобленія, или дѣйствуя согласно преподаннымъ имъ инструкціямъ, зачастую задерживали даже легальныхъ лицъ, отлучавшихся изъ лагеря по дѣламъ службы, а чернокожіе дикари-стрѣлки сенегальцы, учитывая общее настроеніе, вновь начали нападать на русскихъ женщинъ, какъ это бывало въ Санджакъ-Тепе.

Какъ на особенно яркій случай такого рода, можно указать на случай съ чиновникомъ Васильевымъ и женой чиновника Б.

Около пяти часовъ вечера 11-го августа, помощникъ завѣдывающаго довольствіемъ Атаманскаго военнаго училища чиновникъ Васильевъ, совмѣстно съ артельщикомъ вахмистромъ Монастырскимъ, поѣхалъ къ греку-булочнику, жившему въ полукилометрѣ разстоянія отъ деревни Портьяносъ и выпекавшему училищу хлѣбъ изъ отпускаемой для юнкеровъ муки.

Такія поѣздки совершались регулярно, были дѣломъ обычнымъ, и французы о нихъ, конечно, знали, тѣмъ болѣе, что совершались онѣ на казенныхъ лошадяхъ.

Когда чиновникъ Васильевъ и вахмистръ Монастырскій, сдавъ греку привезенную муку, взвѣшивали выпеченный хлѣбъ, къ помѣщенію подѣхали два французскихъ жандарма, которые, потребовавъ у чиновника Васильева пропускъ и услышавъ отъ него, что такового у него нѣтъ, арестовали чиновника Васильева и вахмистра Монастырскаго и повели въ свой штабъ, несмотря на то, что чинов-

никъ Васильевъ объяснилъ имъ по французски, что онъ прѣхалъ сюда по служебнымъ дѣламъ.

Во французскомъ штабѣ арестованныхъ встрѣтилъ лейтенантъ Лелю, направившій ихъ къ маіору Бреннъ, но, такъ какъ послѣдній объясняться съ ними не пожелалъ, то лейтенантъ Лелю отправилъ чиновника Васильева и вахмистра Монастырскаго на гауптвахту, предварительно записавъ ихъ имя, фамилію, названіе части, и сказавъ, что сегодня уже поздно заниматься ихъ дѣломъ, а это онъ сдѣлаетъ рано утромъ. Лошади были сданы на русскую конюшню.

„На утро, по сигналу трубы, часовъ въ пять утра, насъ подняли доносить Титулярный Совѣтникъ Васильевъ (рапортъ отъ 13/VIII, № 5) и явившійся капралъ приказалъ выходить на работу, причемъ принесъ лопату, которую вручилъ Монастырскому, а мнѣ кинулъ кирку и сказалъ, чтобы я шелъ на работу. На это я отвѣтилъ, что боленъ и работать не могу. Капралъ озлился, кинулся было на меня, но я ему сказалъ по французски, чтобы онъ до меня не касался и что я боленъ, не могу работать, прошу доктора и офицера, послѣ чего одинъ изъ капраловъ пошелъ и явился въ сопровожденіи офицера, кажется — въ чинѣ лейтенанта (маленькаго роста, съ остриженными усиками, въ пенснэ), который, ничего со мной не говоря, сразу сталъ крикливымъ голосомъ приказывать, чтобы я взялъ кирку и шелъ на работу, но я и офицеру сталъ объяснять, что я боленъ, прошу доктора и не могу работать.

„Лейтенантъ разсвирѣпѣлъ, выхватилъ браунингъ, вставилъ обойму и, наставивъ револьверъ въ упоръ, сталъ считать до трехъ, и, видя, что я не боюсь его угрозъ, приказалъ капралу вызвать изъ караульнаго помѣщенія двухъ чернокожихъ и когда тѣ явились, то скомандовалъ имъ на-руку и приказалъ имъ колотъ меня, что негры и стали исполнять, причемъ никакіе мои доводы къ лейтенанту не помогли.

„Наступая на меня, негры прокололи мнѣ брюки и заставили попятиться назадъ, но, видимо, этой травмы лейтенанту было мало и онъ приказалъ меня толкать въ спину прикладомъ. Одинъ негръ, усердствуя въ исполненіи приказанія, и особенно свирѣпый, вырвалъ мнѣ штыкомъ изъ рукава большой лоскутъ, но, къ счастью, не поранилъ руку.

„Видя бесполезность и полное мое безсиліе бороться съ вооруженными людьми, я принужденъ былъ взяться за кирку и, подталкиваемый неграми, пошелъ на работу, которая состояла въ томъ, что насъ заставили дѣлать проволочныя загражденія — гауптвахту съ двумя рядами колючей проволоки. Во время работы надо мною стоялъ вооруженный негръ, который не давалъ мнѣ отдыха ни на минуту, грозя размозжить прикладомъ голову, и часто заносилъ надо мной прикладъ. Проработавъ черезъ силу до 11 часовъ утра, я растеръ до кровавыхъ мозолей и пузырей руки; наконецъ дали отдыхъ до 2-хъ часовъ, а затѣмъ опять погнали на работу и заставляли дѣлать проволочныя загражденія, но уже больше къ наси-

ліямъ не прибѣгали, такъ какъ и негры видѣли, что я работалъ выше силъ, да и негры были, видимо, человѣчнѣе лейтенанта.

„По окончаніи работы, въ шесть часовъ вечера, насъ больше не беспокоили и перевели за устроенное нами же проволочное загражденіе.

„Въ восемь часовъ вечера явился капраль, человѣкъ очень интеллигентный, сказалъ мнѣ по французски, что губернаторъ едѣлалъ мнѣ подарокъ и приказалъ освободить изъ подъ ареста, а то бы сидѣть пришлось долго“.

Все это было подтверждено и вахмистромъ Монастырскимъ.

А черезъ десять дней послѣ описаннаго французскіе солдаты совершили гнусное нападеніе на русскихъ женщинъ.

21-го августа жена поручика Н. вмѣстѣ съ женою чиновника Б. гуляли въ чертѣ лагернаго расположенія, по шоссе въ деревню Паспераго. Было около восьми часовъ вечера, онѣ уже возвращались домой, когда ихъ остановили два чернокожихъ стрѣлка сенегальца, спросившіе, говорятъ ли онѣ по французски. Жена поручика Н. отвѣтила утвердительно, послѣ чего одинъ изъ нихъ вступилъ въ разговоръ. Въ это время другой, высокаго роста, схватилъ жену чиновника Б. и, угрожая ей обнаженнымъ штыкомъ, потащилъ въ сторону. Видя это, жена поручика Н. хотѣла было бѣжать въ лагерь, дабы вызвать кого либо изъ мужчинъ, но говорившій съ нею солдатъ сталъ ее удерживать, и только лишь благодаря его нетрезвому состоянію (оба они были пьяны) женѣ поручика Н. удалось оттолкнуть его и прибѣжать въ лагерь, гдѣ она тотчасъ же сообщила о случившемся.

На утро жена поручика Н. и чиновника Б. заявили объ этомъ во французскомъ штабѣ, гдѣ, записавъ ихъ показанія, объявили имъ, что онѣ будутъ вызваны опознать виновниковъ.

Вызваны онѣ, конечно, не были. Дѣло это заглохло, повидимому было замято, какъ и дѣло объ издѣвательствахъ надъ чиновникомъ Васильевымъ, какъ и много-много другихъ дѣлъ насилія французовъ надъ русскими.

Иногда озлобленіе французовъ выливалось въ грубомъ и унижительномъ обращеніи съ русскими и въ оскорбительныхъ поступкахъ.

Такъ, напримѣръ, 24-го августа, „на французской“ пристани № 3, во время погрузки командой отъ 3-го Донского Каледино-Назаровскаго полка различнаго интендантскаго имущества, въ частности — большихъ палатокъ со столбиками, связанныхъ въ тюки по нѣскольکو штукъ, французскій сержантъ, наблюдавшій за работами, увидѣвъ, что одинъ изъ такихъ тюковъ несли три казака, съ криками и бранью набросился на нихъ и нанесъ ударъ по лицу казаку Чернову. Очевидно французу показалось ненормальнымъ, что трое, а не двое казаковъ несли легкій по его мнѣнію тюкъ.

Случай этотъ до такой степени возмутилъ казаковъ, что они готовы были броситься на этого сержанта, несмотря на присутствіе на пристани вооруженнаго французскаго караула, и только энергичное вмѣшательство въ дѣло начальствовавшаго въ командѣ хорун-

жаго не дало разыгаться инциденту, который могъ бы привести къ очень печальнымъ послѣдствіямъ.

„Принимая во вниманіе слабое физическое сложеніе казаковъ, несшихъ эту пачку, — доносилъ названный хорунжій своему сотенному командиру, — я считаю это явленіе нормальнымъ для казаковъ, да и не дѣло французовъ вмѣшиваться въ такія мелочи, какъ переноска пачки двумя или тремя казаками.

„Прошу засвидѣтельствовать такое варварское обращеніе съ рабочими со стороны французовъ и предупредить ихъ на будущее время, что такимъ обращеніемъ они вызовутъ казаковъ жестоко расправляться съ ними, вплоть до убійства виновника на мѣсть“.

И это не были только слова. Если французы, озлобленные на казаковъ, не поддававшихся распыленію, какъ они того добивались, проявляли свое озлобленіе рядомъ репрессивныхъ мѣръ и грубыхъ выходокъ, то и казаки, обманутые французами, въ которыхъ они видѣли вчерашнихъ союзниковъ, а сегодняшнихъ враговъ (по казачьимъ понятіямъ всякій, кто такъ или иначе содѣйствуетъ большевикамъ, является ихъ непримиримымъ врагомъ) накапливали въ себѣ скрытую, глухую, но громадную злобу противъ французовъ. Пропасть между бывшими союзниками ширилась, росла все болѣе и болѣе, все непримиримѣе и рѣзче становились отношенія между ними. У французовъ эта злоба постоянно выливалась, сквозила всюду, отъ распоряженій Военнаго Губернатора острова — до окрика послѣдняго солдата — чернокожаго. У казаковъ пока была скрыта. И много потребовалось Русскому Командованію проявить энергіи, такта и выдержки, чтобы эта злоба казачья не вылилась наружу и не привела бы къ самымъ печальнымъ и неожиданнымъ для французовъ послѣдствіямъ.

„Прошу привлечь къ отвѣтственности сержанта, — писалъ Генераль Абрамовъ маіору Бреннъ (27—VIII—№ 1661) — позволившаго себѣ издѣваться надъ безоруженными людьми, пользуясь тѣмъ, что всякое возраженіе противъ даже произвола признается французскими властями оскорбленіемъ французскаго командованія“.

Отвѣта на это не послѣдовало и, надо полагать, сержантъ, ударившій казака Чернова, остался безнаказаннымъ. Это было въ порядкѣ вещей.

Слѣдуя по пути репрессій и различнаго рода ущемленій, французы не обошли и русскіе госпитали.

Островные греки, пользуясь тѣмъ, что на Лемнось случайно оказались вполнѣ оборудованныя лечебныя заведенія съ цѣлымъ штатомъ опытныхъ врачей специалистовъ, длинной вереницей потянулись въ русскіе госпитали и лазареты, неся съ собою многолѣтнія болѣзни и страданія.

Не только слѣдуя принципамъ общеврачебной этики, но и ради человѣчности, русскіе врачи оказывали помощь всѣмъ приходившимъ къ нимъ островитянамъ. При этомъ многимъ грекамъ были произведены сложныя хирургическія операціи. Разумѣется, при операціяхъ, или въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось клиническое наблюденіе,

больныхъ помѣщали въ госпитали на свободныя мѣста, конечно, на собственное ихъ иждивеніе.

Въ первые же мѣсяцы русскіе врачи сдѣлались настолько популярными среди мѣстнаго населенія, что къ нимъ стекались за помощью со всѣхъ концовъ острова. Бѣдные лечились бесплатно, богатые платили — кто сколько могъ. Этотъ побочный заработокъ служилъ большимъ подспорьемъ русскимъ врачамъ.

Такое леченіе грековъ производилось съ вѣдома и французскаго командованія на островѣ Лемносъ, и французскихъ врачей.

„Съ основанія Кубанскаго госпиталя № 2, — доносилъ Главный Врачъ Донскаго № 1 Сводно-полевого запаснаго госпиталя (10—IX—№ 2226), — леченіе грековъ въ госпиталь производилось русскими врачами съ вѣдома французскихъ властей. Часто русскіе врачи на французскихъ автомобиляхъ французскими властями возились въ селенія грековъ къ больнымъ (хирургъ Сидоренко). Иногда греки принимались въ госпитали, но всегда съ вѣдома французскаго врача.

„Въ послѣднее время Апостолиди лежалъ при участіи въ консилиумѣ врачей французскаго врача Камю. О прибытіи грека Николаи былъ увѣдомленъ Военный Губернаторъ Бреннъ. Что касается амбулаторнаго леченія грековъ, то со стороны французскихъ врачей не только не встрѣчалось препятствій, но и французскіе врачи присылали къ специалистамъ госпиталя своихъ больныхъ грековъ“.

И только теперь, когда пошла полоса репрессій, этому былъ положенъ неожиданный конецъ.

6 го сентября Французскимъ Губернаторомъ острова Лемноса былъ изданъ „приказъ № 96“, которымъ „для всѣхъ иностранцевъ воспрещалось:

„1 — Посѣщеніе помѣщеній госпиталя безъ разрѣшенія французскаго врача.

„2 — Получать совѣты и леченіе въ госпиталь № 2.

„3 — Всѣ греки, находящіеся на леченіи въ госпиталь должны быть изгнаны.

„4 — Какъ дисциплинарная мѣра: воспрещается отпускъ медикаментовъ въ госпиталь впредь до разрѣшенія французскаго врача Хюгъ“.

Всѣ греки, даже тяжело больные или только что оперированные, были выброшены изъ госпиталя. Изъ „иностранцевъ“ остались только французскіе солдаты, которыхъ ихъ врачи предпочитали помѣщать въ русскіе госпитали, не желая лечить у себя.

Это была послѣдняя крупная репрессія французовъ, но мелкія ущемленія производились чуть ли не ежедневно, вплоть до самаго отъѣзда въ Болгарію.

Остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ съ греками.

Выше уже говорилось, что греки, будучи православными христианами, очень тепло относились къ своимъ единовѣрцамъ-казакамъ, заводили съ ними дружескія отношенія и всячески старались показать имъ свое расположеніе.

Въ первые дни по прибытіи казаковъ на островъ, въ деревняхъ, куда немедленно же устремились казаки, греки давали имъ хлѣбъ, работу, приглашали въ гости и вообще проявляли въ нихъ свое участіе. И только лишь тогда, когда казаки буквально наводнили деревни, небогатые островитяне, которымъ и самимъ то едва хватало на жизнь, нѣсколько измѣнили свое отношеніе, но только лишь въ томъ смыслѣ, что не такъ уже охотно подкармливали казаковъ.

Характерно, что греки, торговцы по натурѣ, хорошо относятся къ русскимъ и стараясь постоянно проявить это, тѣмъ не менѣе, гдѣ только можно было, пользовались случаемъ поживиться отъ нихъ всѣми способами, до обмана и обвѣщиванія включительно. Были и крупныя покушенія.

Еще осенью и зимой, мучимые голодомъ и холодомъ, казаки зарѣзали нѣсколькихъ греческихъ барановъ и разобрали на топливо крыши ближайшихъ необитаемыхъ и полуразвалившихся уже построекъ. Потерпѣвшіе подали заявленія съ просьбой о возмѣщеніи убытковъ мэру г. Мудроса, а послѣдній передалъ ихъ французамъ.

Провѣдавъ о томъ, что французы очень благосклонно отнеслись къ претензіямъ и обѣщали удовлетворить ихъ удержаніемъ изъ отпускаемаго казакамъ рацияна, греки массаами стали подавать заявленія мэру о причиненныхъ имъ, якобы казаками, убыткахъ, причемъ заявленія эти мэръ направлялъ французамъ.

И вотъ, въ первыхъ числахъ апрѣля, французы передали всѣ эти заявленія генералу Абрамову, указавъ, что если требованія грековъ не будутъ удовлетворены изъ средствъ Русскаго Командованія, то они вынуждены будутъ удовлетворить ихъ за счетъ отпускаемаго казакамъ довольствія.

Общая сумма всѣхъ претензій превышала 30.000 греческихъ драхмъ.

Такъ какъ большинство этихъ претензій, уже при первомъ взглядѣ на нихъ, казались не только сильно преувеличенными, но и дутыми, то по приказанію генерала Абрамова была образована особая комиссія, которой и надлежало опредѣлить точную сумму причиненныхъ грекамъ убытковъ. Въ комиссію кромѣ русскихъ, вошли представители отъ французовъ и отъ мѣстнаго населенія.

10-го апрѣля комиссія приступила къ работамъ. Засѣданія происходили въ г. Мудросѣ, въ зданіи мэріи. Уже съ перваго же засѣданія обнаружилась фиктивность чуть ли не половины всѣхъ претензій.

Такъ, на примѣръ, нѣкая г-жа Петропулосъ, проживающая въ деревнѣ Дрепаниды, почти въ пятнадцати километрахъ отъ лагеря, искала съ казаковъ убытки за похищенные у нея тридцать повозокъ тесанныхъ камней. При разборѣ этой претензіи даже засѣдавшіе въ комиссіи греки усумнились въ справедливости требованій г-жи Петропулосъ, причемъ тутъ же и оказалось, что она уже судилась за эти камни съ однимъ изъ своихъ сосѣдей, проиграла дѣло, и какъ въ послѣднюю, наивысшую, по ея мнѣнію, инстанцію, обратилась къ

французамъ, ища убытки... съ казаковъ. По словамъ г-жи Петропулось, ей посовѣтовали это сдѣлать греческія же власти, полагая, что французы не будутъ разбираться въ справедливости всѣхъ требованій и заплатятъ.

Нѣкоторые искали убытки за павшихъ овецъ, утверждая, что ихъ съѣли казаки. Цѣны, при этомъ, за овецъ назначались самыя высокія, никогда не слыханныя на Лемнось, такія, какія могла только допустить греческая фантазія.

Если и было дѣйствительно зарѣзано казаками нѣсколько штукъ овецъ, то претензій было предъявлено за нѣсколько сотенъ, причемъ оказалось, что казаки истребляли овецъ чуть ли не во всѣхъ деревняхъ острова.

Согласно приказа комиссія должна была закончить разсмотрѣніе всѣхъ претензій въ три дня, но на дѣль работа ея затянулась на нѣсколько недѣль. Греки жалобщики доказывали справедливость своихъ претензій длиннѣйшими многочисленными объясненіями, по восточному обычаю приводя съ собою въ комиссію, какъ въ судъ, не только свидѣтелей, но и родственниковъ, и, даже, хорошихъ знакомыхъ (очевидно ползгая, что чѣмъ больше будетъ народу, тѣмъ лучше, убѣдительнѣе), которые также пытались давать длиннѣйшія объясненія.

Члены комиссіи зачастую бывали въ критическомъ положеніи, не будучи въ состояніи разобратъся, кто изъ этихъ грековъ жалобщикъ, кто свидѣтель, кто родственникъ, кто — просто любопытный, тѣмъ болѣе, что переводчики греки выступали временами не только въ качествѣ таковыхъ, но и въ качествѣ свидѣтелей и, даже, заинтересованной стороны, будучи родственниками или знакомыми жалобщиковъ, и сообразно съ этимъ и переводили.

Затяжка работы комиссіи грозила привести къ печальнымъ результатамъ, такъ какъ французскій представитель, будучи недоволенъ этой затяжкой, неоднократно высказывалъ, что французы удовлетворятъ всѣ претензіи грековъ полностью, а это значило уплатить грекамъ 30.000 драхмъ или перейти на болѣе сокращенный паекъ.

Немало затруднялъ работу комиссіи разборъ дѣйствительныхъ претензій отъ фиктивныхъ, причемъ неоднократно приходилось дѣлать выѣзды на мѣста.

Въ претензіяхъ за разобранныя постройки или вытоптанныя пашни указывались мѣста такъ далеко лежащія отъ лагеря, что трудно было предположить, что казаки смогли принести оттуда въ лагерь бревна или доски, или притти туда въ такомъ количествѣ, чтобы вытоптать поле. Конечно, были казаками и разобраны ближайшія постройки и вытоптана часть прилегающихъ къ лагерю пашенъ, но все это далеко не въ столь громадныхъ размѣрахъ, какъ указывалось въ претензіяхъ.

Но самое пикантное обнаружилось въ концѣ засѣданій комиссіи, когда оказалось, что истцы — Димитриадисъ и Захаріадисъ — въ то же время являются и членами комиссіи.

Оба они — мѣстные купцы, довольно состоятельные. Захаріадисъ искалъ за похищенные у [него со строящагося у пристани дома строительные матеріалы, причемъ совершенно не было никакихъ доказательствъ, что похищены они были казаками, наоборотъ, нѣкоторые греки-свидѣтели утверждали, что это случилось еще до прихода казаковъ на Лемнось, а Димитріадисъ искалъ за расхищенные у него — пустые бидоны изъ подъ керосина и старыя корзины изъ ивовыхъ прутьевъ для рыбы. Бидоны были старыя, ржавыя, худыя уже и никуда негодныя, валялись они на пристани никѣмъ не охраняемыя, какъ хламъ. Тамъ же, въ общемъ мусорѣ валялись и старыя полусгнившія корзины. Никто не зналъ хозяина этого хлама и его разбирали на разныя хозяйственныя подѣлки — печи, двери, тапчаны, изгороди для полей и усадебъ. Часть была взята казаками, а большая часть была разобрана и разбиралась еще греками на ихъ домашнія подѣлки. И вотъ теперь нашелся этому хламу хозяинъ, искавшій за нихъ, какъ за новыя, по наивысшей цѣнѣ, членъ комиссіи — купецъ Димитріадисъ.

Наконецъ, черезъ нѣсколько недѣль, комиссія закончила свою работу, исчисливъ всѣ причиненныя грекамъ убытки въ 4450 драхмъ.

Изъ отдѣльныхъ инцидентовъ съ греками, если не считать нѣсколькихъ ограбленій греческими жандармами бродившихъ по деревнямъ казаковъ, обращаетъ на себя вниманіе случай избіенія подхорунжаго Пльшакова.

Дѣло было такъ: около восьми часовъ вечера 17-го апрѣля, по дорогѣ отъ пристани Мудросъ въ санитарный городокъ, на проходившихъ русскихъ священника Р. и доктора Ф. напали двое пьяныхъ грековъ и начали ихъ избивать. Вступившагося за избиваемыхъ подхорунжаго Пльшакова въ свою очередь стали избивать при содѣйствіи пьяныхъ грековъ, чины греческой полиціи г. Мудроса Петръ Конотасъ и Христосъ Корвелосъ, которые были также пьяны.

Избивъ, полицейскіе привели Пльшакова въ мэрію г. Мудроса, связали и нѣсколько разъ принимались избивать рукояткою штыка, палашемъ, кулаками и ногами, въ передышкахъ попивая коньякъ.

Только послѣ настойчивыхъ требованій русскихъ властей подхорунжаго Пльшакова освободили и доставили въ лазаретъ, гдѣ онъ и былъ положенъ на излеченіе.

Въ официальномъ сношеніи Генераль Абрамовъ просилъ привлечь къ отвѣтственности истязавшихъ подхорунжаго Пльшакова чиновъ полиціи и префектъ полиціи города Мудроса завѣрилъ его, что къ наказанію ихъ принимаются мѣры. Тѣмъ инцидентъ и былъ исчерпанъ.

Подводя итоги отношеній съ греками, можно сказать, что въ общемъ то, даже съ указанными мелкими инцидентами, которые неизбѣжны всюду и вездѣ, отношенія эти были дружественныя и благожелательныя. Русскіе принимали участіе во всѣхъ устраивавшихся греками празднествахъ и народныхъ гуляньяхъ, грековъ неизмѣнно приглашали на русскіе праздники, на спектакли и концерты

въ театрѣ. Эти отношенія приняли бы еще болѣе близкій характеръ, если бы не ревнивые взгляды французовъ, въ послѣднее время за-прещавшихъ даже русскому оркестру играть въ греческихъ деревняхъ на празднествахъ.

А съ французами отношенія становились все болѣе и болѣе натянутыми. Мстя казакамъ за неудавшуюся отправку въ Баку съ товарищемъ Серебровскимъ, французы, одновременно, усиленно старались отправлять ихъ въ Грецію. Чуть ли не каждый день у французскаго штаба появлялись все новыя и новыя объявленія, одно заманчивѣе другого, гдѣ казакамъ предлагалось отправиться въ Грецію, причемъ отъѣзжающимъ съ каждымъ днемъ давалось все болѣе и болѣе всякихъ благъ земныхъ (бѣлье, обмундированіе, ботинки и т. д. см. выше).

„Ишь, отыгаться хотятъ — иронизировали казаки. „Вотъ когда будутъ все обмундированіе и по тысячѣ драхмъ давать, тогда и поѣдемъ“. И дѣйствительно, несмотря на всѣ приманки, не шли въ Грецію, вѣря обѣщаніямъ Командованія отправить ихъ въ Болгарію. Всего съ 24-го іюля по 20-е августа, уѣхало тогда въ Грецію 108 человекъ, тогда какъ въ предыдущій мѣсяцъ, съ 1-го по 24-е іюля уѣхало туда 620 человекъ.

Тѣмъ не менѣе, настроеніе казаковъ въ августѣ было самое отчаянное, пожалуй, за все время пребывания на Лемнось. Какъ говорятъ, послѣдніе дни и, особенно, послѣдніе часы пребывания въ тюрьмѣ самые тяжелые для заключеннаго, и это положеніе вполнѣ примѣнимо было и здѣсь, къ казакамъ, на Лемнось.

Длинными, длинными казались дни, томительными годами тянулись недѣли, а обѣщанной отправки все не было и не было. Переговоры съ болгарами затягивались на неопредѣленное время, въ переговоры вмѣшивались французы, настаивавшіе на отправкѣ галлиполійцевъ, и казаки нервничали, не будучи въ курсѣ переговоровъ и не видя ихъ близкаго конца.

Французы злорадствовали.

„Изъ словесныхъ свѣдѣній — говорилось въ объявленіи Военнаго Губернатора острова Лемноса отъ 2-го августа — полученныхъ 1-го августа отъ отдѣльныхъ изъ пріѣхавшихъ представителей французскаго командованія въ гор. Константинополь, выяснилось, что никакой отправки съ о. Лемноса въ Балканскія государства — Сербію и Болгарію не предвидится.

„Изъ Галлиполи отправится 3500 человекъ.

„Изъ Галлиполи ведутся переговоры съ Болгаріей по поводу остальныхъ 7000 человекъ“.

Приближалась зама и перспектива опять зимовать на Лемнось особенно удручала казаковъ. „Это хуже каторги“, говорили они „Хоть куда нибудь, хоть на край свѣта, только бы на Лемнось не оставаться“, и еще съ большимъ нетерпѣніемъ ждали желанной отправки. А тутъ еще изъ Болгаріи стали приходиться письма отъ уѣхавшихъ туда казаковъ, гдѣ они въ соблазнительныхъ краскахъ

рисовали тамошнюю привольную, сравнительно съ лемносской, жизнь. Это еще болѣе нервировало казаковъ.

Напряженіе росло. Оно уже граничило съ отчаяніемъ, когда 26-го августа у французскаго штаба, чуть ли не въ единственномъ экземплярѣ, появилось объявленіе объ отправкѣ въ Болгарію.

Не разъ уже отмѣчалось, что насколько радостно свѣдѣнія объ отправкахъ въ славянскія страны встрѣчались казаками, настолько холодно и сухо передавались они французами, и уже въ одномъ этомъ, даже, сказывалось затаенная вражда изъ за неудавшихся попытокъ поставить на своемъ и заставить всѣхъ выѣхать если не въ Совдепію, то въ Грецію.

Такъ случилось и на этотъ разъ. Не было широковыщательныхъ плакатовъ, не пестрѣли объявленія съ описаніемъ заманчивыхъ предложеній, по лагерю не разъѣзжали въ автомобиль французскіе офицеры и не опрашивали казаковъ о ихъ желаніи, пристаней и всѣхъ перекрестковъ лагеря не украшали величественные патрули чернокожихъ, только единственный небольшой клочекъ бумажки извѣщалъ казаковъ о радостномъ событіи:

„Военный Губернаторъ, Лемнось, 26 августа 1921 года.

„Копія телеграммы, полученной отъ Главнаго Французскаго Командованія 25 августа 1921 года:

„1 — Русскіе бѣженцы, находящіеся на Лемнось, будутъ направлены въ Болгарію эшелонами по 1000 человекъ, всего 4000 человекъ.

„2 — Распредѣленіе по эшелонамъ будетъ установлено Русскимъ Командованіемъ.

„3 — Первый и второй эшелоны, отправляющіеся въ Бургасъ, будутъ погружены на пароходы „410“ и „412“, отходящіе изъ Константинополя — „410“ 25 августа и „412“ 26 августа.

„4 — Матеріаль, который русскіе бѣженцы могутъ взять съ собою, предусмотрѣнъ приказомъ № 3188/4с отъ 17 іюня*).

„5 — Инструкции высылаются пароходомъ „410“.

Но это радостное извѣстіе съ быстротой электрической искры облетѣло казаковъ и скоро стало достояніемъ всего лагеря.

Наконецъ то отправка въ Болгарію, то, что было завѣтнымъ желаніемъ, давно и бережно лелѣянной мечтой, стала событіемъ завтрашняго дня. Теперь уже нечего бояться кошмарной зимовки

*) Сношеніе Штаба Константинопольскаго Оккупационнаго Корпуса отъ 17 іюля 1921 г. № 3188 4с.

При всѣхъ отправленіяхъ въ Балканскія страны русскіе бѣженцы будутъ снабжаться слѣдующимъ имуществомъ:

1 кухня на 225 человекъ.

1 палатка „Марабу“ на 10 человекъ.

Добавокъ въ $\frac{1}{100}$ будетъ данъ для палатокъ.

Маркизы брать не разрѣшается.

Не разрѣшено брать матрацовъ и кроватей санитарной части, какъ Французской такъ и купленной у англичанъ.

Французское Командованіе не будетъ касаться всего имущества выданнаго Кр. Кр., которое ему не принадлежитъ.

Полковникъ ДЕПРЕ.

на Лемнось, скоро кончится недоѣданіе и происки и репрессіи французовъ отойдутъ въ прошлое.

„Ѣдемъ въ Болгарію, собирайся, Ѣдемъ въ Болгарію“ — ликовали казаки.

И характерно, какъ только предстала возможность выйти изъ подъ французской опеки, начала сглаживаться злоба къ французамъ. — „Ну, братъ, прощай, до свиданья — обращались казаки къ чернокожимъ — поѣли вашихъ консервовъ и довольно. Теперь Ѣдемъ въ Болгарію! Не поминай лихомъ! Теперь и васъ отсюда увезутъ! Тоже, небось, надоѣло!..“ Чернокожіе, конечно, ничего не понимали изъ того, что говорили имъ казаки, но догадывались, что говорятъ они хорошее и, видя ихъ улыбающіяся и весело возбужденныя лица, широко улыбались и въ свою очередь.

Было радостно и весело. — „А что да если французы набрехали“ — проскальзывало временами кое у кого сомнѣніе. Казаки такъ изстрадались на островѣ, видя больше горя, нежели радости, что не могли цѣликомъ отдаться охватившему ихъ радостному чувству. Этимъ обманывать не будутъ“ — успокаивали другіе.

И вотъ, на другой день, приказъ по лагерю Калоераки (№ 78) подтвердилъ радостное извѣстіе.

„Во исполненіе приказанія Главнокомандующаго части Лемносской группы подлежатъ перевозкѣ въ Болгарію эшелонами по 1000 человекъ каждый“.

„1 — 1-й и 2-ой эшелоны, съ назначеніемъ въ Бургасъ, отправятся на пароходахъ „410“ и „412“, которые выходятъ на Лемнось изъ Константинополя 25 и 26 августа.

„Послѣдующіе эшелоны будутъ отправлены по возвращеніи пароходовъ.“

„2 — Назначенный составъ эшелоновъ и частей не можетъ быть измѣненъ въ большую сторону иначе, какъ по приказанію Начальника группы или его замѣстителя.

„3 — Бѣженцы перевозкѣ не подлежатъ впредь до полученія на то приказанія Главнокомандующаго. Принятіе кого бы то ни было въ составъ части безъ приказа Начальника группы, воспрещается. За точное исполненіе сего отвѣчаютъ начальники частей и начальники эшелоновъ.“

„4 — Къ погрузкѣ допускаются только здоровые, за этимъ слѣдятъ и отвѣчаютъ врачи по назначенію Начальника эшелона. Обнаруженіе на борту острозаразнаго больного влечетъ за собою задержку на пароходѣ и карантинъ всего гарнизона.

„5 — Изъ госпиталя и санаторія будутъ выписаны въ свои части всѣ выздоравливающіе и легко больные незаразнаго характера. Командирамъ частей будетъ присланъ списокъ острозаразныхъ больныхъ, находящихся въ госпиталѣ. Командиры частей обязаны прослѣдить, чтобы никто изъ помѣщенныхъ въ этомъ списокѣ не явился бы самовольно въ части для погрузки.

„6 — Французскимъ интендантомъ будетъ выданъ запасъ продовольствія по расчету Французскаго Командованія.“

„Независимо отъ сего бригадному интенданту 1-й Донской бригады выдать въ части 1-го и 2-го эшелона по 800 граммъ муки на все время переѣзда, изъ которой начальникамъ частей произвести выпечку хлѣба и выдать таковой добавочно къ французскому пайку при посадкѣ на пароходы. Остальной запасъ муки передать Кубинту для выдачи остающимся частямъ и бѣженцамъ по расчету на человѣка по 100 граммъ въ сутки и 800 граммъ на время переѣзда въ Болгарію.

„7 — съ собою взять:

а) походныя кухни по расчету 1 кухня на 225 человѣкъ и всю кухонную посуду.

б) палатки „Марабу“ по расчету 1 палатка на 10 человѣкъ съ добавкой одной палатки на каждыхъ 200 человѣкъ, т. е. на 1000 человѣкъ 105 палатокъ.

Большія палатки брать не разрѣшается.

Начальникамъ частей принять мѣры, чтобы большія палатки не разрушались и оставлялись въ лагерь въ исправности на своихъ мѣстахъ.

в) Кровати и матрацы французскаго и англійскаго происхожденія брать съ собою не разрѣшается.

„8 — Ввиду неприспособленности „410“ и „412“ для перевозки большого гарнизона, всѣмъ заготовить на дорогу чистой прѣсной водой.

„9 — Взять съ собою топливо для варки въ походныхъ кухняхъ въ пути“.

Теперь уже сомнѣній не было. Отправка въ Болгарію — дѣло рѣшенное. И казаки начали оживленно и весело, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣловито собираться въ далекій путь.

По лагерю, то тамъ, то здѣсь, стучали молотки, скрипѣло дерево, это — упаковывали въ ящики казенное имущество, разныя громоздкія вещи, а кое-кто изъ людей предусмотрительныхъ и свои вещи для дороги заколачивали въ ящики.

Стирали бѣлье, весь берегъ моря былъ усыянъ казаками, ожесточенно начищавшими пескомъ котелки, сковородки и прочую незатѣйливую, по большей части — самодѣлковую, кухонную посуду и утварь. — „Къ Великому дню такъ не готовились, какъ теперь“, — говорили казаки. А кухни были такъ старательно выскоблены и вычищены, какъ, вѣроятно, никогда за все время ихъ существованія. Слышался смѣхъ, казаки перебрасывались шутками, а временами дружно затягивали пѣсни, длинныя, походныя. Глядя на этихъ веселыхъ, оживленно бѣгающихъ, смѣющихся и поющихъ людей, трудно было въ то время сказать, что это изгнанники, оставившіе Родину, дома и родныхъ, нѣсколько лѣтъ терзаемые ожесточенной войной и только что пережившіе голодъ и холодъ, тоску и уныніе Лемноса. Такъ всколыхнула, переродила казаковъ радостная вѣсть.

Съ нѣкоторой завистью смотрѣли на уѣзжавшихъ остающихся. Но и эти потихоньку начали собираться, утѣшая себя мыслью: „Все

равно всё тамъ будемъ. Годъ жили, можно какихъ нибудь двѣ недѣльки и лишнихъ на Лемнось посидѣть“.

Хуже всѣхъ, сравнительно, чувствовали себя казаки, находящіеся въ разныхъ хозяйственныхъ учрежденіяхъ лагеря.

Приказъ по лагерю (№ 78) ясно и опредѣленно говорилъ о нихъ, что:

„Находящіеся въ командахъ опрѣснителя, хлѣбопекарни, транспорта, бригаднаго интенданта, Кубанскихъ интенданта и инженера, а также команды госпиталей и лазаретовъ — назначены къ погрузкѣ въ 4-й эшелонъ, вмѣстѣ со своими управленіями и заведеніями. За самовольное оставленіе командъ — переводить немедленно въ бѣженцы и послѣ этого совсѣмъ не допускать къ погрузкѣ для отправки въ Болгарію“.

И имъ ничего не оставалось дѣлать, какъ скрѣпя сердце ждать своей очереди.

Вышедшимъ на слѣдующій день приказомъ по лагерю (27-VIII — № 79) уже назначался срокъ погрузки и опредѣлялся составъ эшелонѣвъ.

„Главкомандующій приказалъ — въ числѣ 7000 человекъ, назначенныхъ къ перевозкѣ въ Болгарію, перевезти: 3500 человекъ съ о. Лемноса и 3500 человекъ — съ Галлиполи изъ состава I-го Армейскаго Корпуса.

„1 — Жены и дѣти, для перевозки, идутъ въ счетъ указаннаго числа мѣстъ; вопросъ о дальнѣйшемъ порядкѣ ихъ довольствія окончательно еще невырѣшенъ.

„2 — Погрузка 1-го эшелона — 12 часовъ 27-го сего августа на пристани № 1.

„3 — Погрузка 2-го эшелона — съ пристани № 4; начало погрузки будетъ указано по прибытіи транспорта „412“.

„4 — Никакого оружія (винтовки и пулеметы) не брать. Холодное оружіе и револьверы разрѣшается имѣть только офицерамъ.

„5 — Составъ 1-го и 2-го эшелонѣвъ при семъ объявляется. Остальныя части и учрежденія будутъ перевезены третьимъ эшелонѣвъ.

„6 — Я и Штабъ Группы отправятся съ третьимъ эшелонѣвъ. Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенантъ Абрамовъ.

Проснувшіеся съ зарею 27 го августа казаки увидѣли въ туманѣ залива характерный контуръ „410“-го. Начались лихорадочныя сборы. Спѣшно додѣлывалось, чего не успѣли еще сдѣлать, пекли, жарили, варили. Мыли бутылки, фляжки и прочую посуду для воды. Наученные горькимъ опытомъ нѣсколькихъ эвакуацій, казаки теперь основательно собирались въ путь. Жарили пирожки, пекли лепешки, запасались всякой снѣдью на дорогу. Съ самаго разсвѣта у Корпусной лавки стояла длинная очередь казаковъ, покупавшихъ сахаръ, чай, рисъ, лимоны и другіе необходимые продукты для дороги. А у пристани тѣмъ временемъ уже выросла и все увеличивалась гора вещей, заблаговременно сносимыхъ туда для погрузки.

Ко времени погрузки на пристань прибыли французскіе офицеры и усиленный нарядъ стрѣлковъ. Всѣ бывшіе на пристани ка-

заки были удалены и пристань оцѣплена. У пристани уже стоялъ причаленный болиндеръ, громадный, неуклюжій и грязный, около котораго пыхтѣлъ насквозь прокопченный катерокъ.

Вотъ при входѣ на пристань, среди стоявшей тамъ группы французскихъ офицеровъ и русскихъ начальниковъ, произошло движеніе, и одинъ изъ русскихъ офицеровъ, среди всеобщей тишины, началъ по списку выкликать фамиліи казаковъ.

„Подхорунжій Петровъ Иванъ!.. вахмистръ Сетраковъ Козьма!.. урядникъ Бреховъ Семенъ!.. — разносилось отчетливо по пристани. ...я ...я ...я ...я! слышалось радостное въ отвѣтъ, и казаки, одинъ за другимъ, согнувшись подъ тяжестью вещей, но бодро и весело, проходили на пристань, за оцѣпленіе, и скорымъ шагомъ спѣшили къ болиндеру. Нѣкоторые попутно забирали принесенныя еще ранѣе на пристань вещи.

Погрузили кухни и тяжелыя вещи, усиленно запыхтѣлъ катеръ, и тихо-тихо, облѣпленный казаками точно роемъ пчелъ, болиндеръ началъ отдѣляться отъ пристани. Смѣхъ, шумъ, радостныя крики. Могучимъ хоромъ затянули пѣсню, длинную, широкую, какъ степь Донская, какъ море.

Больше всѣхъ ликовали Платовцы, которымъ была назначена погрузка въ первую очередь. — „Вотъ и мы дождались“ — говорили они. „Пришла и наша очередь, и на нашей улицѣ праздникъ!.. „Теперь, братъ, дѣло вѣрное... Не съ Фальчиковымъ ѣдемъ, а по приказу Главнокомандующаго“... „Да, теперь ужъ не вернуть“... соглашались другіе.

28-го августа пароходъ „410“ ушелъ съ Лемноса. Отбылъ въ Болгарію 1-й эшелонъ частей Лемносской группы, въ составѣ:

НАЗВАНІЕ ЧАСТИ	Воинск. чин.	Женщ.	Дѣтей	ИТОГО
Штабъ бриг. съ мастерскими . . .	96	5	2	103
3-й Дон. Кал.-Наз. полкъ	515	40	14	569
5-й Дон. Платовскій полкъ	399	13	4	416
Донская Инженерная сотня	86	11	2	99
ВСЕГО	1096	69	22	1187

человѣкъ. Начальникомъ эшелона былъ назначенъ Генералъ-Лейтенантъ Татаркинъ.

А черезъ день, 30-го августа, подъ начальствомъ Генералъ-маіора Максимова, отбылъ 2-й эшелонъ, въ составѣ:

Названіе части	Офиц.	Юнкер.	Казак.	Женщ.	Дѣтей	ИТОГО
Атаманское воен. учил. съ офицер- скими курс.	174	217	141	14	4	550
Алексѣевское воен. учил. съ офицер- скими курс.	177	263	178	31	13	662
ВСЕГО	351	480	319	45	17	1212

Фантастическую картину представлялъ тогда пароходъ „412“. Оба училища, почти одинаковыя по численному составу, подѣлили пароходъ на двѣ равныя части, вдоль, отъ носа до кормы. Левый бортъ занимали Атаманцы, правый — Алексѣевцы. И весь муравейникъ помѣщавшихся на пароходѣ людей рѣзко дѣлился на двѣ половины — алую, отъ алыхъ безкозырокъ и погонъ Алексѣевцевъ, и — голубую, отъ голубыхъ безкозырокъ и погонъ Атаманцевъ.

„Маки и васильки“ вырвалось у кого то изъ офицеровъ. „Да, будущая Россія, молодая, пока еще цвѣтущая“... „и не опоганенная, не заплеванная, не искалѣченная большевиками... здоровая!.. восторженно добавилъ кто то.

Уѣхали въ Болгарію первые эшелоны и снова тихо и еще болѣе уныло потекла жизнь на Лемнось. День за днемъ проходили въ томительномъ ожиданіи возвращенія пароходовъ, въ сборахъ и въ перекладываніи вещей уже собранныхъ для дороги подъ впечатлѣніемъ первой отправки въ Болгарію. Цѣлыми днями смотрѣли казаки въ море, не покажется ли на горизонтѣ дымокъ возвращающагося на Лемнось за ними „410“-го или „412“-го, цѣлыми днями только и разговоровъ было, что о предстоящей поѣздкѣ.

А французы теперь занялись бѣженцами, чуть ли не каждый день предлагая имъ отправки въ Грецію въ различныхъ направленіяхъ, въ Константинополь и, разумѣется, въ Совдецію.

„1 — Лемносскій лагерь не будетъ больше получать продуктовъ изъ Константинополя — говорилось въ объявленіи Военнаго Губернатора о Лемноса отъ 30 августа.

„2 — 3500 бѣженцевъ уѣхало или уѣдутъ въ Болгарію.

„3 — Остающіеся бѣженцы въ числѣ 500 — 600 человекъ могутъ выбрать слѣдующія направленія:

а) Греція.

б) Батумъ, если они принимаютъ предложеніе т. Серебровскаго.

с) Въ Константинополь, если у бѣженцевъ есть средства для существованія или если они могутъ получить заграничный паспортъ.

Бѣженцы, не выбравшіе ни одного изъ этихъ направленій, будутъ переведены въ Галлиполи. Не выздоровѣвшіе больные будутъ переведены въ одинъ изъ Константинопольскихъ госпиталей.

„4 — Запись въ Грецію, Батумъ и Константинополь производится ежедневно во французскомъ штабѣ съ 10 до 12 и съ 3 до 5 часовъ“.

Изъ оставшихся на Лемнось строевыхъ казаковъ, ожидавшихъ отправки въ Болгарію, конечно никто не поѣхалъ ни въ Грецію ни въ Константинополь, ни, тѣмъ болѣе, въ Совдецію, но изъ бѣженцевъ, которымъ французы угрожали лишеніемъ продовольствія и которымъ предстояло одну тюрьму лемносскую промѣнять на другую — галлиполійскую, изъ бѣженцевъ уѣхало въ Грецію и Константинополь около 300 человекъ.

Остальные бѣженцы, въ количествѣ 350 человекъ, 7-го сентября были отправлены въ Галлиполи.

Наконецъ, 8-го сентября, возвратился на Лемнось долгожданный „410“-й, и на слѣдующій день, 9-го сентября, убыли въ Бол-

гарію послѣдніа остававшіяся на Лемносѣ строевыя части — Штабъ Группы, Штабъ Донского Корпуса съ учрежденіями и Донскимъ госпиталемъ, Терско-Астраханскій полкъ и 245 Кубанцевъ разныхъ сборныхъ Кубанскихъ частей, а всего 1185 человекъ, изъ нихъ 1098 мужчинъ, 71 женщина и 16 дѣтей.

Уѣзжая съ Лемноса, Генераль Абрамовъ, отъ имени казаковъ, благодарилъ мѣстное населеніе, въ лицѣ греческаго Губернатора г. Кастро, за радушіе, гостепрїимство и добрыя отношенія, которыя встрѣтили казаки на островѣ, и просилъ греческое духовенство и властей принять подъ свою охрану останки навсегда оставшихся на островѣ — умершихъ казаковъ. Духовенству были переданы планы кладбищъ и оно обѣщало заботиться о нихъ.

Было также послано багодарственное письмо Командиру Французскаго Оккупационнаго Корпуса Генералу Шарпи, въ которомъ Генераль Абрамовъ благодарилъ отъ имени казаковъ благородную Французскую націю, въ тяжелую минуту оказавшую прїютъ Русской Арміи и Русскимъ людямъ, вынужденнымъ временно покинуть родныя предѣлы.

„Лемносское сидѣніе“ казаковъ было закончено.

IX.

Всего, за время пребыванія тамъ казаковъ, съ Лемноса убыло:

Время отправки	Куда и съ какимъ пароходомъ	Кто убыль	Мужч.	Жен.	Дѣтей	ИТОГО
13 февраля	Новороссійскъ п/х. „Решидъ- Паша“		—	—	—	550
27—28 марта	Въ Одессу п/х. „Донъ“ и „Решидъ-Паша“	Донск. част. . .	2739	11	5	2755
		Кубан. част. . .	1628	24	10	1662
		Бѣженцы	1452	—	—	1452
ИТОГО . . .			5819	35	15	5869
30 апрѣля	Въ Бразилію п/х. „Ріонъ“	Донск. част. . .	656	24	2	682
		Кубан. част. . .	172	5	—	177
		Бѣженцы	145	23	2	170
ИТОГО . . .			973	52	4	1029
23 мая	Въ Болгарію п/х. „Керасундъ“	Донск. част. . .	1094	50	12	1152
		Кубан. част. . .	4	14	130	148
ИТОГО . . .			1094	64	142	1300

29 мая	Въ Сербію п/х. „Реш.-Паша“	Кубан. част.	2640	138	29	2807
		ИТОГО	2640	138	29	2807
3 іюня	Въ Сербію п. „Керасундъ“	Донск. част.	615	23	2	640
		Кубан. част.	1322	30	8	1360
		ИТОГО	1937	53	10	2000
14 іюня	Въ Батумъ п/х. „Решидъ- Паша“	Донск. част.	218	—	—	218
		Кубан. част.	240	5	2	247
		Бѣженцы	1649	29	11	1689
		ИТОГО	2107	34	13	2154
25 іюня	Въ Болгарію п/х. „Самара“*)	Донск. част.	800	25	2	827
		Бѣженцы	170	27	3	200
		ИТОГО	970	52	5	1027
9 іюля	Въ Болгарію (съ Бѣлашевымъ и Фальчиковымъ)	Донск. част.	234	17	7	258
		Кубан. част.	369	32	4	405
		Бѣженцы	231	7	2	240
		ИТОГО	834	56	13	903
21 іюля	Въ Батумъ п/х. „Керасундъ“	Донск. част.	}	9	—	9
		Кубан. част.				
		Бѣженцы				
		ИТОГО	9	—	—	9
28 августа	Въ Болгарію п/х. „410“	Донск. част.	1096	69	22	1187
		ИТОГО	1096	69	22	1187
30 августа	Въ Болгарію п/х. „412“	Донск. част.	532	14	4	550
		Кубан. част.	618	31	13	662
		ИТОГО	1150	45	17	1212
12 сент.	Въ Болгарію п/х. „410“	Донск. част.	879	47	14	940
		Кубан. част.	219	24	2	245
		ИТОГО	1098	71	16	1185

*) 5-й Платовскій полкъ въ составѣ 710 мужчинъ, 14 женщинъ и 1 дѣтей возвратился 8-го іюля обратно на Лемнось.

Съ 23-го мая, со времени первой отправки въ Грецію, мелкими партіями туда убыло около 2400 человекъ. Наибольше крупныя партіи были отправлены: 25-го іюня — 310 человекъ (Кубанскіе бѣженцы; 15 — 20 донцовъ); 2-го іюля — 146 человекъ; 9-го іюля — 270 человекъ и 16-го іюля — 134 человека.

Въ Константинополь за все время убыло около 900 человекъ и въ Галлиполи — съ 1-го апрѣля по 7-е сентября — 50 и 7-го сентября — 320, а всего 400 человекъ.

Суммируя эти цифры, приходимъ къ выводу, что съ Лемноса убыло:

1. Въ Совѣтскую Россію	8582	(изъ нихъ 69 женщ. и 28 дѣт.).
2. Въ Бразилію	1029	(изъ нихъ 52 женщ. и 4 дѣт.).
3. Въ Сербію	4807	(изъ нихъ 191 женщ. и 39 дѣт.).
4. Въ Болгарію	6089	(изъ нихъ 305 женщ. и 210 дѣт.).
5. Въ Грецію	около — 2450	} (изъ нихъ около 140 жен. и дѣт.).
6. Въ Конст-ль	около — 900	
7. Въ Галлиполи	около — 400	

всего около 24.257 человекъ, къ каковому числу надлежитъ еще прибавить нѣсколько сотенъ записавшихся во французскій иностранный легіонъ.

* * *

Лемнось опустѣлъ.

Перевернулась еще одна страница исторіи. Еще одинъ шагъ сдѣланъ Арміей въ ея крестномъ пути. Длинный, мучительный шагъ... Еще внесена въ исторію одна блестящая страница о Русской Арміи и вплетенъ новый терній въ ея вѣнецъ.

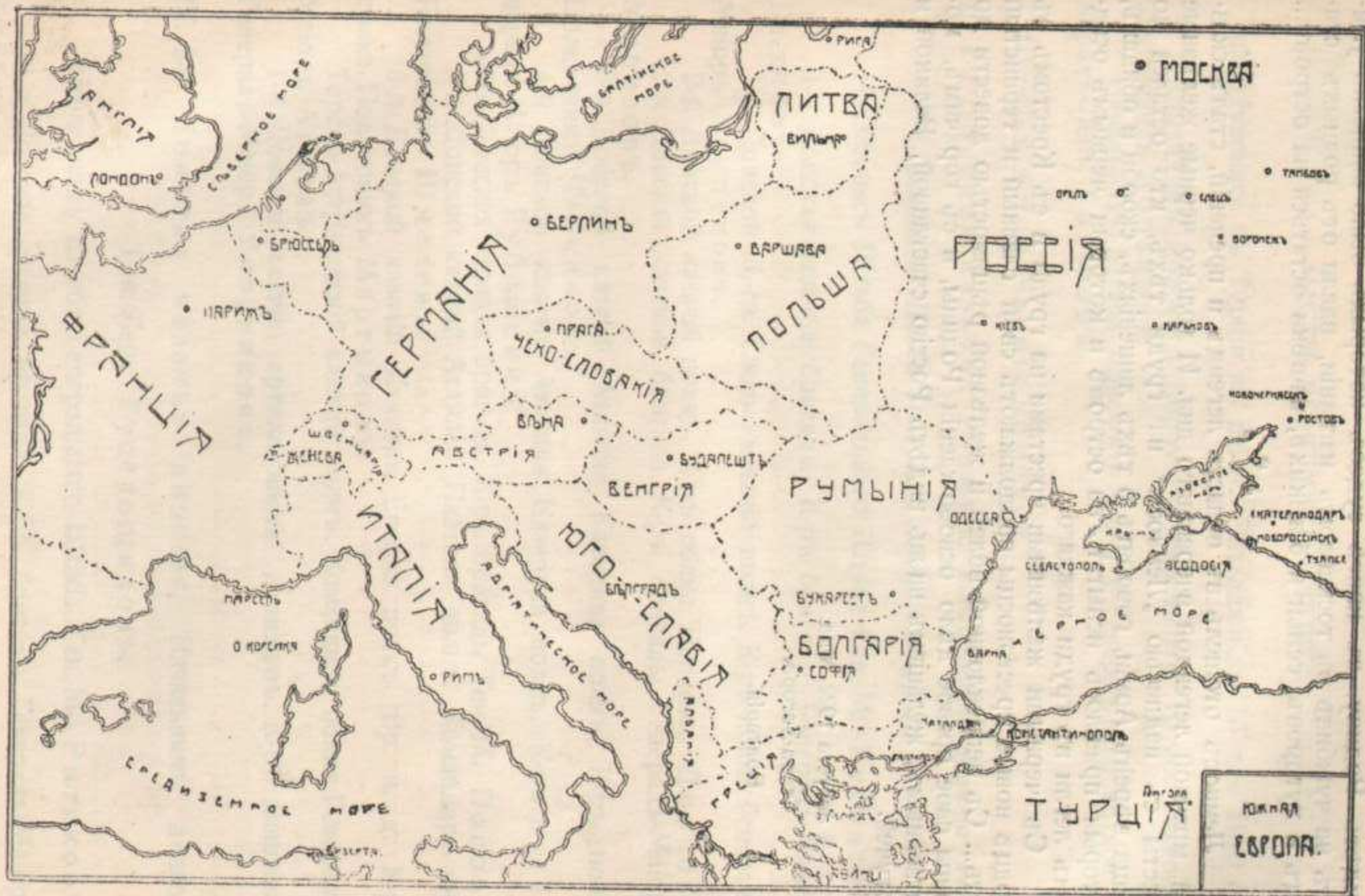
Безконечно славенъ, но тернистъ и скорбенъ путь Арміи, не признавшей власти насильниковъ и убійць, въ неравныхъ силахъ, одинъ противъ ста, боровшейся за освобожденіе Родины и, наконецъ, обезсиленной и изможденной, не поддержанной тѣми, за счастье кого она боролась, вынужденной оставить родную землю и итти на чужбину, на новыя испытанія, скорбь и лишенія.

И только лишь вѣхи, страшныя и молчаливыя, остались сзади, на пройденномъ пути.

Это — могилы.

Могилы воиновъ, скромно и безропотно положившихъ животъ свой за вѣру и Родину. Могилы умученныхъ большевиками, могилы просто умершихъ въ кошмарахъ гражданской войны. Тысячи, десятки, сотни тысячъ могилъ...

Беззвѣстныя, никому не вѣдомыя, почти всѣ безъ крестовъ и надписей, разсѣяны онѣ всюду. И по полямъ центральной Россіи, и въ цвѣтущей Украинѣ, много-много ихъ въ Донскихъ степяхъ, въ болотахъ Маныча, солончакахъ Сивашей, и на Кубани, и въ горахъ и ущельяхъ Кавказа. Остались онѣ и въ загаженныхъ лагеряхъ Чаталджи, и на уныломъ каменистомъ Лемнось.

Два кладбища приютили тѣхъ, кому не суждено было вновь увидѣть Родину, въ книгѣ судебъ которыхъ было написано умереть на чужбинѣ въ тоскливомъ изгнаніи, вдали отъ родныхъ станицъ и хуторовъ, семьи и близкихъ, на-вѣки остаться на островѣ...

* * *

Лемность отошеть въ область легендъ и преданій, сталъ сказкой, мрачной легендой вчерашняго дня. И только черные желѣзные кресты съ надписью „Лемность“ на груди тѣхъ, кто остался до конца вѣренъ Арміи, говорятъ о тѣхъ лишеніяхъ, скорби и обидахъ, которыя пришлось испытать на островѣ и которыя чернымъ осадкомъ легли въ груди cadaго.

Съ черными желѣзными крестами на груди и съ Крестомъ въ сердцѣ новые крестоносцы продолжаютъ свой славный и тернистый путь... Съ непреклонной волей и желѣзной рѣшимостью довести до конца свое правое дѣло освобожденія Родины, и съ горячимъ, молитвеннымъ, желаніемъ вновь видѣть Россію счастливой, Великой и могучей.

5 августа 1922 года.

Стара-Загора.

Болгарія.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.

ЧАСТИ ДОНСКОГО КОРПУСА

находившіяся въ Турціи въ районъ Чаталджи къ 15 дек 1920 г.

Командиръ Донского Корпуса Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенантъ А б р а м о в ъ.

Начальникъ Штаба Донского Корпуса Генеральнаго Штаба Генераль-Лейт. Г о в о р о в ъ.

I. Штабъ и управленія корпуса.

II. 1-я Донская казачья дивизія. Начальникъ дивизіи Генеральнаго Штаба Генераль-Лейт. К а л и н и н ъ.

Начальникъ Штаба Генеральнаго Штаба Ген.-М. К у с о н с к і й.

1-я Донская казачья бригада. К-ръ бригады Генераль-Маіоръ Д ѣ я к о в ъ.

1-й Донской Л.-гв. Сводно-казачій полкъ. К-ръ полка Генераль-Маіоръ Х р и п у н о в ъ.

2-й Донской казачій полкъ. К-ръ полка Полковн. Д р о н о в ъ.

2-я Донская казачья бригада. К-ръ бригады Генераль-Маіоръ М о р о з о в ъ.

3-й Донской казачій Атамана Каледина полкъ. К-ръ полка Полковникъ Ч а п ч и к о в ъ.

4-й Донской казачій Атамана Назарова полкъ. К-ръ п-ка Генераль-Маіоръ Р у б а ш к и н ъ.

3-я Донская казачья бригада. К-ръ бригады Ген.-М. П о п о в ъ.

5-й Донской казачій Атамана Платова полкъ. Командиръ п-ка Полковникъ Ш м е л е в ъ.

6-й Донской казачій Атамана Ермака полкъ. Вр. и. д. К-ра полка Полковникъ М а р т ы н о в ъ.

Терско-Астраханскій казачій полкъ. Командиръ полка Генераль-Маіоръ А г о е в ъ.

1-й Донской казачій артиллерійскій дивизионъ. К-ръ дивизиона Генераль-Маіоръ У п о р н и к о в ъ.

III. 2-я Донская казачья дивизія. Начальникъ дивизіи Ген.-Лейт. Г у с е л ь щ и к о в ъ.

Начальникъ Штаба Генеральнаго Штаба Ген.-М. Р ы т и к о в ъ.

1-я Донская казачья бригада. К-ръ бригады Генераль-Маіоръ К у р б а т о в ъ.

7-й Донской казачій полкъ. К-ръ полка Полков. Игумновъ.

8-й Донской казачій полкъ. Командиръ полка Полковникъ Духопельниковъ.

2-я Донская казачья бригада. К-ръ бригады Генераль-Маіоръ Коноводовъ.

9-й Донской Гундоровскій Георгіевскій полкъ. Командиръ п-ка Полковникъ Усачевъ.

10-й Донской казачій полкъ. К-ръ п-ка Полков. Аврамовъ.

3-я Донская казачья бригада. Командиръ бригады Ген.-Лейт. Фицхелауровъ.

18-й Донской казачій Георгіевскій полкъ. Командиръ полка Ген.-Маіоръ Долгопятовъ.

Дзюнгарскій калмыцкій п-къ. К-ръ п-ка Полк. Захаревскій.

2-й Донской казачій артиллерійскій дивизионъ. К-ръ дивизиона Ген.-Маіоръ Барановъ.

IV. Донской Техническій полкъ. К-ръ полка Военный Инженеръ Полковникъ Михѣевъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.

ЧАСТИ ЛЕМНОССКОЙ ГРУППЫ ВОЙСКЪ РУССКОЙ АРМІИ, НАХОДИВШІЯСЯ НА О. ЛЕМНОСЪ къ 20 Апр. 1921 г.

Начальникъ Лемносской группы и К-ръ Донского Корпуса
Ген. Штаба Генераль-Лейтенантъ Абрамовъ.
Начальникъ Штаба группы Ген. Штаба Полковникъ Ясевичъ.

ДОНСКОЙ КОРПУСЪ.

I. Штабъ и управленія корпуса (лаг. у гор. Мудроса). Начальникъ Штаба Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенантъ Г о в о р о в ъ.

II. 1-я Донск. каз. дивизія. Нач. див. Ген.-Лейт. Татаркинъ.
Начальникъ Штаба Полковникъ З и м и н ъ.

1-я бригада:

Л.-Гв. Сводный Донской каз. полкъ. Командиръ полка Генераль-Майоръ Хрипуновъ.

2 Донск. каз. полкъ. К-ръ полка Полковникъ Дроновъ.

2-я бригада. К-ръ бр-ды Ген.Маіоръ Морозовъ.

3-й Калединскій полкъ. Вр. и. д. К-ра полка Полк. Лащеневъ.

4-й Назаровскій полкъ. Вр. и. д. К-ра полка Полк. Леоновъ.

3-я бригада. К-ръ бр-ды Ген.Маіоръ Поповъ.

5-й Платовскій полкъ. К-ръ полка Полк. Шмелевъ.

6-й Ермаковскій полкъ. Вр. и. д. К-ра п. Полк. Мартыновъ.

Терско-Астраханскій полкъ. К-ръ полка Ген.Маіоръ Агоевъ.

1-й арт. дивизионъ. К-ръ д-на Ген.Маіоръ Упорниковъ.

III. 2-я Донск. каз. дивизія. Нач. див. Ген.-Л. Гусельщиковъ.
Нач. Штаба Генеральнаго Штаба Ген.-М. Бородинъ.

1-я бригада. К-ръ бр-ды Ген.-М. Курбатовъ.

7-й Донской каз. полкъ. К-ръ полка Полк. Игумновъ.

8-й Донск. каз. полкъ. К-ръ полка полк. Духопельниковъ.

2-я бригада, К-ръ бриг. Ген.-Маіоръ Коноводовъ.

9-й Донск. Георгіевскій Гундоровскій полкъ К-ръ полка Полковникъ Усачевъ.

10-й Донск. каз. полкъ. К-ръ полка Полковн. Аврамовъ.

2-й артиллер. див-нъ. К-ръ див-на Ген.-М. Барановъ.

IV. Атаманское Воен. Учил. Нач. Учил. Ген.-М. Максимовъ.

V. Донск. Техн. полкъ. К-ръ полка Военный Инж. Полковникъ Михѣевъ.

КУБАНСКІЙ КОРПУСЪ

(лаг. Калоераки).

Командиръ Корпуса Генераль-Лейтенантъ Фостиковъ.

- I. Штабъ и Управленія корпуса. Нач. Шт. Ген. Штаба Полковникъ Туганъ-Барановскій.
- II. 1-я Кубан. кон. дивизія. Нач. див. Ген.-Маіоръ Дейнега.
Нач. Штаба Полковникъ Гришинъ.
1-й Куб. конн. полкъ. К-ръ полка Полк. Посѣвинъ.
2-й Куб. конн. полкъ. Вр. и. д. К-ра полка. Полк. Рудько.
3-й Куб. конн. полкъ. К-ръ полка Полковникъ Головка.
Горскій конный дивизионъ. К-ръ див-на Полк. Щербаковъ.
1-й Конно-артилл. див-нъ. К-ръ див-на Полк. Бѣлый.
- III. 2-я Куб. стрѣлк. дивизія. Нач. див. Ген.-М. Цыганокъ.
Нач. Штаба Полковникъ Гарабурда.
Гвардейскій дивизионъ. К-ръ див-на Полк. Зборовскій.
4-й Куб. стрѣлк. полкъ. К-ръ п-ка Полковн. Серафимовичъ.
5-й Куб. стрѣлк. полкъ. К-ръ полка Полковн. Погодинъ.
6-й Куб. стрѣлк. полкъ. К-ръ полка Полковн. Семенихинъ.
2-й артиллер. див-нъ. К-ръ див-на Полк. Расторгуевъ.
- IV. Алексѣевское воен. училище. Нач. Училища Генераль-Маіоръ Лебедевъ.
- V. Куб. Техн. полкъ. К-ръ полка Воен. Инж. Полковн. Гусевъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 3.

ВѢДОМОСТЬ

имущества, полученнаго частями и санитарными учрежденіями Донского корпуса и женско-дѣтскимъ общежитіемъ на о. Лемносъ отъ Американскаго Краснаго Креста съ февраля по сентябрь 1921 года.

Разныя хозяйственныя вещи	2342 предмета
Постельное и тѣльное бѣлье	55163 штуки
Столовая и кухонная посуда	2873 предмета
Верхнее носильное платье	6129 паръ
Докладъ	5763 аршина
Обувь и кожа	73 пары и 4 кожи
Письменныя принадлежности	212 пачекъ
Игральныя карты	535 колодъ
Табакъ и сигареты	64281 пачка
Мыло	6266 кусковъ
Зажигалки	80 штукъ
Пакеты для новорожденныхъ	95 пакетовъ
Нитки	11009 катушекъ
Пуговицы	282 грамма, 1233 коробки и 1200 штукъ
Дамское бѣлье	978 паръ
Дѣтское бѣлье и верхнее платье	266 паръ
Пипифаксъ (туалетная бумага)	414 катушекъ
Лазаретныя палатки	2 палатки

ВѢДОМОСТЬ

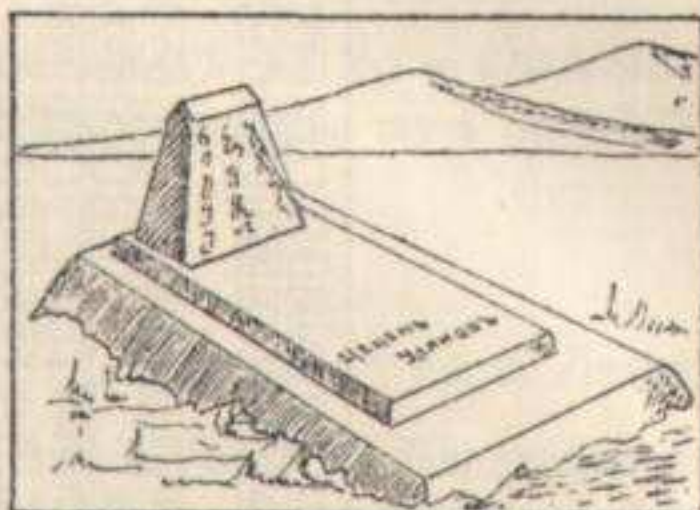
продуктовъ, полученныхъ частями и санитарными учрежденіями Донского корпуса и женско-дѣтскимъ общежитіемъ на о. Лемнось отъ Американскаго Краснаго Креста съ февраля по сентябрь 1921 года.

Молоко	10985 банокъ
Сахаръ	974 килогр.
Рисъ	651 килогр.
Какао	376 килогр.
Разныя крупы	888 килогр.
Чай	4 килогр.
Сушенныя овощи	454 банки и 167 кг.
Жиры	225 килогр.
Мясныя консервы	2505 бан. и 255 кг.
Мука	1882 килогр.
Сухари	49 килогр.
Кофе	199 килогр.
Макаронны	236 килогр.
Сардины	1632 банки
Мясной экстрактъ	2 ящика и 72 кг.
Варенье	200 килогр.
Шоколадъ	11 кг. и 376 плит.
Печенье	16 килогр.
Дрожжи	200 килогр.

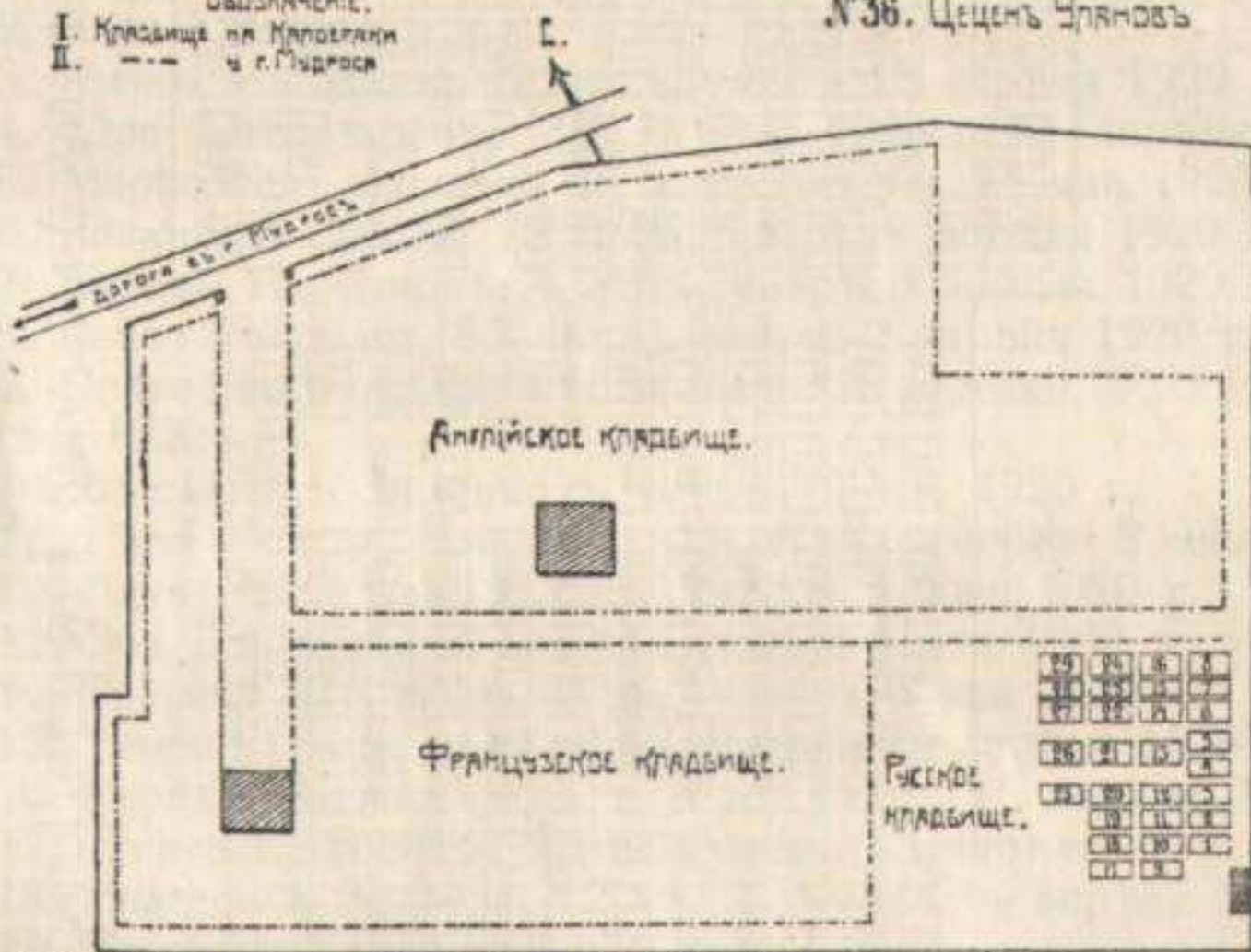
ПРИЛОЖЕНИЕ № 5.

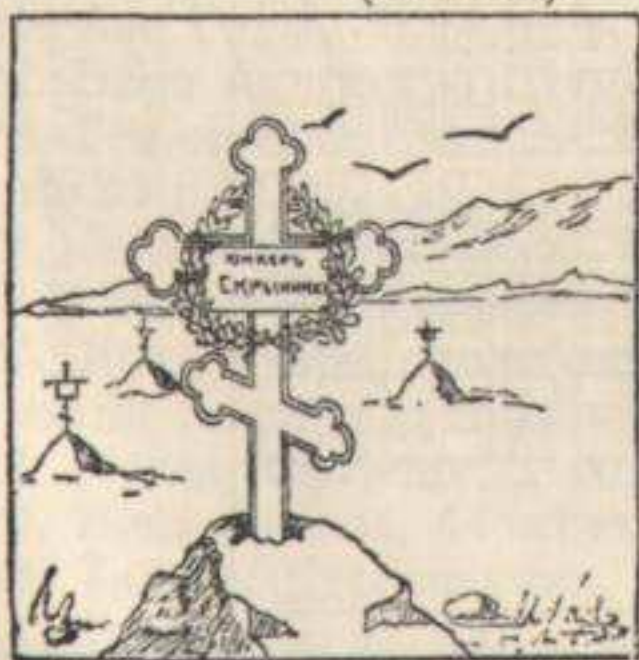
Обозначение:
 I. Кладбище на Малоберки
 II. ———— в г. Медвежь

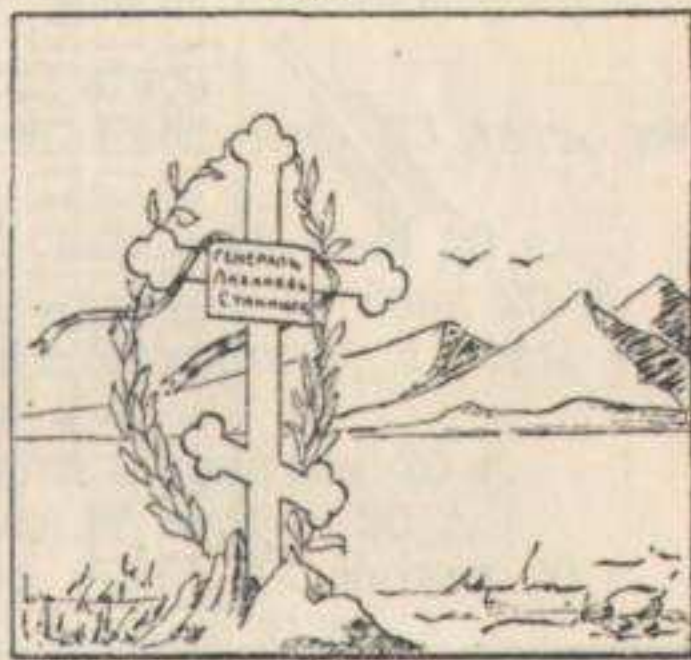
№ 36. Цемень Черновъ

Планъ II. Русско-англ.-франц. кладбище в г. Медвежь (в Пермской).

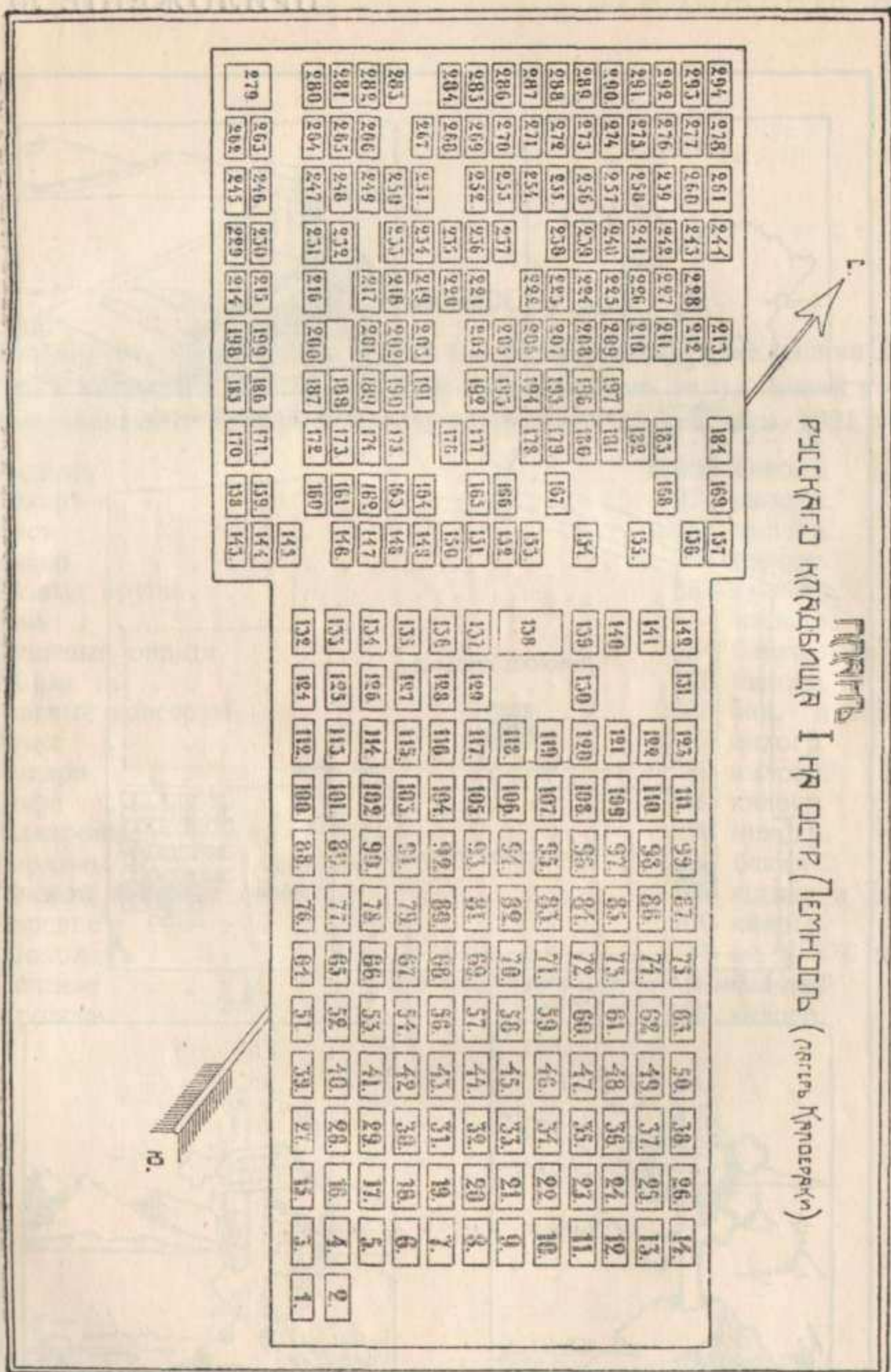

№ 233. Юнк. А. В. Ч. Скрынникъ.

№ 98. Ген. отъ инф. Александръ Страницевъ

МОГИЛЬ
РУССКАГО КНЯДВИЩА I НА ОСТР. ЛЕМНОСЛЬ (дѣль Куповерки)

294	278	251	244	228	213	184	169	157	149	131	123	101	99	87	73	63	50	38	28	26	14
293	277	250	243	227	212	183	158	139	141	122	102	110	98	86	74	62	49	37	25	13	13
292	276	250	242	227	211	182	158	135	140	121	101	109	97	85	73	61	48	36	24	12	12
291	275	250	241	226	210	181	157	134	139	120	108	108	96	84	72	60	47	35	23	11	11
290	274	251	240	225	209	197	181	154	138	130	120	108	96	84	72	60	47	35	23	11	11
289	273	256	239	224	204	196	180	154	139	130	120	108	96	84	72	60	47	35	23	11	11
288	272	255	238	223	207	193	179	157	138	130	120	107	95	83	71	59	46	34	22	10	10
287	271	254	237	222	205	194	178	153	138	130	120	106	94	82	70	58	45	33	21	9	9
286	270	253	236	221	205	193	177	152	137	129	118	106	94	82	70	58	45	33	21	9	9
285	269	252	235	220	204	192	177	151	137	129	117	105	93	81	69	57	44	32	20	8	8
284	268	252	234	219	204	191	176	150	136	128	116	104	92	80	68	56	43	31	19	7	7
283	267	251	233	218	203	191	175	149	135	127	115	103	91	79	67	54	42	30	18	6	6
282	266	249	233	217	202	190	173	148	134	126	114	102	90	78	66	53	41	29	17	5	5
281	265	248	232	216	201	189	174	147	133	125	114	102	90	78	66	53	41	29	17	5	5
280	264	247	231	216	200	187	172	146	132	124	113	101	89	77	65	52	40	28	16	4	4
279	263	246	230	215	199	186	171	145	131	123	112	100	88	76	64	51	39	27	15	3	3
268	245	229	214	198	185	170	158	143	130	124	112	100	88	76	64	51	39	27	15	3	3

Примѣчаніе: номера могильъ ;соотвѣтствуютъ номерамъ списка.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПЛАНУ.

СПИСОКЪ*)

могиль чиновъ Русской Арміи, похороненныхъ на 2-хъ кладбищахъ о. Лемноса за время 1-й эвакуаціи изъ Новороссійска по 4 окт. 1921 г.

СПИСОКЪ

похороненныхъ на кладбищѣ въ лагерѣ „Калоераки“ на о. Лемнось.

1. Ветеринарный врачъ Русской Арміи Алексѣй Владимировичъ Архангельскій умеръ 12 января 1921 г.

2. Валя Комлевъ.

3. Иванъ Матохинъ, 49 лѣтъ, умеръ 13 апрѣля 1920 г.

4. Юра Свѣтозаровъ, 3¹/₂ лѣтъ, умеръ 13 апрѣля 1920 г.

5. Марія Фед. Мачнева, 23 лѣтъ, умерла 14 мая 1920 г.

6. Казимиръ Сусанъ, 10 лѣтъ, умеръ 9 апрѣля 1920 г.

7. Борисъ Персіановъ, 4 лѣтъ, умеръ 3 апрѣля 1920 г.

8. Елена Романова, 66 лѣтъ, умерла 2 апрѣля 1920 г.

9. Полковникъ Андрей Ивановичъ Шкуренко, 55 лѣтъ, умеръ 1 апрѣля 1920 г.

10. Младенецъ Зимовковъ умеръ 16 мая 1920 г.

11. Нина Федор. Блонская, 39 лѣтъ, умерла 2 мая 1920 г.

12. Анна Дановская, 9 лѣтъ, умерла 5 июня 1920 г.

13. Зоя Дяшлова, 16 мѣсяц., умерла 6 мая 1920 г.

14. Татьяна Шумилина, 2 дн., умерла 6 мая 1920 г.

15. Тамара Гринева, 10 лѣтъ, умерла 16 апрѣля 1920 г.

16. Сергѣй Литвинскій, 1 г. 8 м., умеръ 15 апрѣля 20 г.

17. Дмитрій Звѣревъ, 8 мѣс., умеръ 15 апрѣля 20 г.

18. Екатерина Звѣрева, 12 лѣтъ, умерла 14 апрѣля 20 г.

19. Елизавета Ширипкина, 1 года.

20. Рахиль Цукерманъ, 20 лѣтъ.

21. Аве Годин. Буриковъ, 38 лѣтъ.

22. Вѣра Андреевна Шумилина, 22 лѣтъ.

23. Ген.-маіоръ Николай Юрьевичъ Анофріевъ, 63 лѣтъ, умеръ 11 марта 20 г.

24. Людмила Анофріева, 7 лѣтъ, умерла 14 июня 20 г.

25. Нина Алек. Рыжкова, 16 лѣтъ, умерла 19 июня 20 г.

27. Дочь гвард. полковника Таня Мухортова, 3 лѣтъ, умерла 6 апрѣля 20 г.

28. Ирина Картацци, 1 года, умерла 17 апрѣля 20 г.

29. Нина Львова, 44 лѣтъ, умерла 17 апрѣля 20 г.

30. Тилонъ Деревянкинъ, 53 лѣтъ, умеръ 17 апрѣля 20 г.

31. Трейманъ, 92 лѣтъ, умеръ 17 апрѣля 20 г.

*) Цифры — №№ могиль.

32. Юнкеръ Сергѣй Дементьевъ, 19 лѣтъ, Кіевск. Конст. пѣх. училища, умеръ 16 апрѣля 20 г.

33. Валентина Крумингъ, 32 лѣтъ, умерла 10 апрѣля 20 г.

34. Полковникъ Сер. Поповъ.

35. Болеславъ Куклинскій.

36. Цеценъ Уланова, 15 лѣтъ, умерла 11 іюля 20 г.

37. Олегъ Розаліонъ-Сошальскій умеръ 18 іюля 20 г.

38. Всеволодъ Станьковскій, 8 лѣтъ, умеръ 24 апрѣля 20 г.

39. Антонъ Васперъ, 22 лѣтъ, умеръ 20 апрѣля 20 г.

40. Георгій Воронецъ, 10 лѣтъ, умеръ 21 апрѣля 20 г.

41. Георгій Васильевъ, 1 года, умеръ 13 апрѣля 20 г.

42. Екатерина Золотарева, 6 лѣтъ, умерла 21 апрѣля 20 г.

43. Николай Самбецкій, 44 лѣтъ, умеръ 21 апрѣля 20 г.

44. Полковн. Алексѣй Александр. Плесковскій, 60 лѣтъ, умеръ 6 апрѣля 20 г.

45. Полк. Михаилъ Ожогинъ, умеръ 7 іюля 20 г.

46. Дмитрій Ивматовъ, умеръ 15 іюля 20 г.

47. Андрей Хашимовъ, умеръ 21 іюля 20 г.

48. Яковъ Маньковъ, умеръ 28 іюля 20 г.

49. Александръ Генцель, умеръ 4 августа 20 г.

50. Николай Волконскій, умеръ 1 августа 20 г.

51. Евгенія Бузинова, 13 лѣтъ, умерла 25 апр. 20 г.

52. Дочь русской гвардіи полковника Лидія Владимировна Пестрикова, родил. 20 мая 1911 г., умерла 25 апрѣля 20 г.

53. Борисъ Андреевскій, 35 лѣтъ, умеръ 29 апрѣля 20 г.

54. Баронъ Кирилль Розень, 10 лѣтъ, умеръ 24 апрѣля 20 г.

55. Баронесса Марія Розень, 7 лѣтъ, умерла 5 мая 20 г.

56. Баронъ Андрей Розень, 11 лѣтъ, умеръ 23 мая 20 г.

58. Поручикъ Александръ Алексѣевичъ Кунинъ, 37 лѣтъ, умеръ 29 августа 20 г.

57. Александръ Энгельгардъ.

58. Корнетъ Вас. Ив. Цитовичъ, 25 лѣтъ, умеръ 17 авг. 20 г.

64. Игорь Селиковъ, 1 года, умеръ 27 апрѣля 20 г.

63. Николай Овечкинъ.

65. Влад. Наз. Грибовъ, 46 лѣтъ, умеръ 27 апрѣля 20 г.

66. Борисъ Турбинъ, 12 лѣтъ, умеръ 27 мая 20 г.

67. Мих. Серг. Левшинъ, 4 лѣтъ, умеръ 26 апрѣля 20 г.

68. Зоя Сигина, 4 лѣтъ, умерла 25 апрѣля 20 г.

70. Алексѣй Флоринскій, умеръ 4 сентября 20 г.

71. Млад. Гдалина Заборовская, умерла 4 сентября 20 г.

73. Георгій Абрамовъ, 4 м., умеръ 4 сентября 20 г.

75. Ростиславъ Скуратовъ, умеръ 14 августа 20 г.

76. Елизавета Иванова, 70 лѣтъ, умерла 1 октября 20 г.

77. Баронесса Ирина Павловна Штемпель, 50 лѣтъ, умерла 30 апрѣля 20 г.

78. Кира Адольф. Боде, 11 лѣтъ, умерла 30 апрѣля 20 г.

79. Алексѣй Левшинъ, 3 лѣтъ, умеръ 28 апрѣля 20 г.

80. Владимиръ Косматовскій, 3 лѣтъ, умеръ 29 апрѣля 20 г.

81. Евгений Фрейманъ, 55 лѣтъ, умеръ 21 апрѣля 20 г.
 82. Поруч. Ник. Ник. Маевскій, 22 лѣтъ, умеръ 28 сент. 20 г.
 84. Ольга Коганъ, 25 лѣтъ, умерла 23 сентября 20 г.
 85. Софія Маркова.
 86. Илья Мих. Коржъ, 38 лѣтъ, умеръ 31 августа 20 г.
 89. Александръ Щепкинъ, 3 лѣтъ, умеръ 6 октября 20 г.
 90. Лариса Широкоградъ, 3¹/₂ лѣтъ, умерла 5 октября 20 г.
 91. Евгения Михина, 16 лѣтъ, умерла 6 мая 20 г.
 92. Валентина Семенова, 8 лѣтъ, умерла 8 мая 20 г.
 93. Галина Полконова, ¹/₂ года, умерла 6 мая 20 г.
 94. Анна Ткова.
 95. Анна Цвѣтова.
 96. Тамара Леон. Чередѣва, 16 лѣтъ, умерла 12 октября 20 г.
 98. Генераль-отъ-инфант. Павелъ Никол. Лазаревъ-Станицевъ,
 Директоръ Донск. Имп. Александра III корпуса, умеръ 17 сентября 20 г.
 103. Валентина Рыжкова, 40 лѣтъ, умерла 4 мая 20 г.
 104. Елена Длусская, 60 лѣтъ, умерла 10 мая 20 г.
 105. Георгій Маньковскій, 3 лѣтъ, умеръ 19 мая 20 г.
 109. Сенаторъ Никол. Леон. Петерсонъ, 55 лѣтъ, умеръ 17 октября 20 г.
 111. Полковникъ Ульскій, 46 лѣтъ, умеръ 13 октября 20 г.
 112. Федоръ Ив. Еськовъ, 63 года, умеръ 22 октября 20 г.
 113. Сергѣй Волковъ, 1 года, умеръ 21 мая 20 г.
 114. Графъ Мих. Граббе, 19 лѣтъ, умеръ 13 мая 20 г.
 115. Графиня Анастасія Граббе, 40 лѣтъ, умерла 19 мая 20 г.
 116. Сергѣй Шамраевскій, 1 года, умеръ 15 мая 20 г.
 117. Маркъ Ник. Щеголевъ, 63 года, умеръ 14 мая 20 г.
 118. Юнкеръ Кирилль Лукичъ Аверьяновъ, 21 года, Ст. Упорной Куб. о., Куб. Ген. Алексѣва в. у., умеръ 22 мая 21 г.
 119. Мл. Игорь Маркевичъ, умеръ 14 мая 21 г.
 123. Петръ Иллар. Лисенко, умеръ 7 ноября 20 г.
 124. Пор. Павелъ Новицкій, 28 лѣтъ, умеръ 19 мая 20 г.
 125. Петръ Меснянкинъ, 9 лѣтъ, умеръ 20 мая 20 г.
 126. Галина Васильева, 5 лѣтъ, умерла 18 мая 20 г.
 127. Олегъ Марковъ, 4 лѣтъ, Ст. Урюпин. Д. о. ум., 16 мая 20 г.
 „ Анна Дмитр. Маркова, 24 лѣтъ, Ст. Урюпин. Д. о. умерла 15 іюля 20 г.
 128. Георгій Селезневъ, 3 лѣтъ, умеръ 16 мая 20 г.
 129. Жозефина Прошковская, 68 лѣтъ, умерла 15 мая 20 г.
 130. Валентина Якушнова, Род. 26 мая 20 г., умерла 10 іюля 20 г.
 131. Есауль Яковъ Сатарскій, умеръ 10 декабря 20 г.
 132. Клеопатра Попашченко, 2 г. 7 м., умерла 27 мая 20 г.
 138. Юнкеръ Влад. Бородинъ, Кубан. военн. училища, умеръ 31 мая 21 г.
 139. Александръ Сизякинъ, 21 года, умеръ 11 іюля 21 г.
 140. Вах. Игнатій Коротковъ, 43 лѣтъ, Ст. Николаевск. Киз. о. Т. о. Т.—А. п., умеръ 9 іюня 21 г.

143. Кол. Сов. Иванъ Мамертовичъ Садкевичъ и Марія, (непоятно могила общая), умерли 21 декабря 20 г.
150. Каз. Георгій Ник. Ромащенко, Лабин. отдѣла, умеръ 14 декабря 20 г.
151. Докторъ Гречишкинъ, умеръ 15 октября 20 г.
- 155 Ст. ур. Филиппъ Дрилонъ, Ст. Ахтырской К. В., 4 Куб. стр. п., умеръ 15 декабря 20 г.
- 157 Александръ Аптековичъ, род. 29 іюля 21 г. Жилъ 34 часа.
160. Вах. Карпъ Ив. Борзенко, 31 года, Ст. Спокойной Баталп. отд., умеръ 26 ноябѣря 20 г.
162. Хор. Веніаминъ Радіоновъ Краснопахтовъ, Кубанск. обл. Ст. Каладжинск., умеръ 20 апрѣля 20 г.
164. Ст. ур. Трофимъ Абрамцовъ, Ст. Ханской, 6 Куб. к. п., умеръ 20 декабря 20 г.
166. Даніиль Алек. Бирюкъ, Ейск. отд., умеръ 23 апрѣля 21 г.
169. Каз. Борисъ Якимовъ, 19 лѣтъ, Ст. Прохладн., Т.-А. п., умеръ 31 іюля 21 г.
171. Яковъ Я. Комисаренко, Ст. Попутн., умеръ 14 дек. 20 г.
173. Вах. Семень Краснопахтовъ, 38 лѣтъ, Ст. Каладж., умеръ 9 января 21 г.
174. Фома Алек. Кучинскій, Ст. Гривен., умеръ 31 декаб. 20 г.
180. Игорь Чуприна, 2 мѣс., умеръ 29 апрѣля 21 г.
181. Анатолій Подрѣзовъ, родился 13 октября 20 г., умеръ 15 іюня 21 г.
182. Безъ надписи.
183. Хор. Даніиль А. Тишоновъ, Баталп. о., ум. 13 авг. 21 г.
184. Подп. Авениръ Кудрявцевъ, род. 19 окт. 1897 г.
188. Вас. Ант. Стрюцкій, 47 лѣтъ, Ст. Гривенск., Куб. б. б., умеръ 7 февраля 1921 г.
- умеръ 28 марта 21 г.
189. Степ. Фил. Теленьга, 45 л., Ст. Грив., Куб. б. б., ум. 7 фев. 21 г.
190. Ст. урядн. Леонидъ Новиковъ, 48 лѣтъ, Ст. Спокойной, Куб. б. б., умеръ 9 января 21 г.
195. Меланія Титовна (фамилія не разборчива), ум. 17 мая 21 г.
197. Конст. Фед. Фомичевъ, 23 лѣтъ, Стан. Степной, умеръ 21 мая 21 г.
201. Каз. Иванъ Ант. Харлановъ, 22 лѣтъ, Ст. Владимир., умеръ 21 января 21 г.
203. Ст. ур. Фотій Гаевый, Ст. Ново-Титор., ум. 26 янв. 21 г.
205. Вах. Тимофей В. Братченко, ст. Урупской, ум. 14 янв. 21 г.
201. Фельд. уч. Пахомъ Писковъ, 25 лѣтъ, ст. Чернышевск., 5 Донск. полка, умеръ 13 іюня 21 г.
212. Полковн. Вас. Ст. Клеменовъ, 42 лѣтъ, ст. Цымлянкой, Дон. К. п., умеръ 7 августа 21 г.
214. Ст. ур. Ив. Мин. Бабаевъ, ст. Усть-Лабинской, умеръ 21 января 21 г.
215. Губ. Секр. Георгій Тарасовичъ Гугуевъ, 36 лѣтъ, ст. Усть-Бѣлокал., умеръ 25 августа 21 г.

216. Никита Анохинъ, 21 года, 6 Куб. с. п., умеръ 9 февр. 21 г.
217. Каз. Антонъ Забѣгайловъ, ст. Ст. Леушк., ум. 9 янв. 21 г.
226. Каз. Деонисій Ломковъ, 20 лѣтъ, ст. Спокойной, умеръ 19 іюня 21 г.
227. Ур. Василій Дударевъ, 22 лѣтъ, ст. Краснощек. х. Свирцева, 8 Дон. к. п., умеръ 13 іюля 21 г.
228. Каз. Власъ П. Цырюльниковъ, ст. Слащевск., Д. Ат. Наз. полка, умеръ 29 іюля 21 г.
229. Мл. ур. Яковъ Теличко, 22 лѣтъ, ст. Безскорбной, 1 Куб. к. п., умеръ 21 января 21 г.
233. Юнкеръ Павелъ Скрыпникъ, 21 года, ст. Курской Т. об., Ат. в. уч., умеръ въ 21 г.
234. Хор. Михаилъ Тих. Зошкинъ, ст. Зотовской, умеръ 21 августа 21 г.
241. Вахмистръ Мих. Найденовъ, 25 лѣтъ, ст. Архангельск., Куб. б. б., умеръ 31 марта, 21 г.
- 242 и 243 безъ подписи.
244. Полк. Леонидъ Синявскій, 33 лѣтъ, 19 августа 21 г.
246. Вас... (непонятно), умеръ 8 февраля 21 г.
251. Сестра Мил. Лицидарская.
253. Иванъ Петр. Шульга, ст. Гривенск., умеръ 26 февр. 21 г.
257. Мл. ур. Ив. Степанецъ, ст. Безстрашн., ум. 1 апрѣля 21 г.
260. Максимъ Покатиловъ, 19 лѣтъ, ст. Медвѣденской, 5 Куб. с. п., умеръ 18 мая 21 г.
261. Пор. Эдуардъ П. Юзефовичъ, 24 лѣтъ, Инж. с. Д. к., умеръ 25 августа 21 г.
264. Каз. Федотъ Кравченко, 19 лѣтъ, ст. Спокойной, умеръ въ 1921 г.
265. Сот. Александръ Гречкинъ, 21 года, ст. Бекешевск., 3 Куб. ст. п., умеръ 8 марта 21 г.
266. Евг. Вит. Нефедовъ, ст. Тенгинской, умеръ 1 апрѣля 21 г.
267. Каз. Мих. Фот. Шкурко, прис. 1904 г., ст. Ивановской, 5 Куб. с. п.
268. Ник. Моисеев. Масловъ, 21 года, ст. Гривенской, Корп. вещ. скл., умеръ 10 апрѣля 21 г.
269. * * *.
270. Подх. Левъ Ст. Фомины, переп. 1915 г., ст. Мелеховск., Атам. в. уч., умеръ 9 апрѣля 21 г.
271. Яковъ Алек. Цыганокъ, 27 лѣтъ, ст. Гривенской, Кубан. Тех. б., умеръ 11 апрѣля 21 г.
- Гавриилъ Кучеровъ, 57 лѣтъ, ст. Гривенской, Куб. бѣж. б., умеръ 12 апрѣля 21 г.
272. Хор. Федоръ Мысевъ, род. 1889 г., ст. Казанской, умеръ 7 февраля 21 г.
273. Безъ надписи.
274. Ур. Григорій Ф. Супрунъ, 23 л., ст. Роговской, Гвард. дивиз.
275. Хор. Яковъ Гарькуновъ, 66 лѣтъ, ст. Тенгинской, Бѣжен. бат., умеръ 19 марта 21 г.

276. Млад. Виталій Усатый-Сидоренко, род. 21 апрѣля 21 г., умерь 19 мая 21 г.

277. Протоіерей Петръ Андреевичъ Федоровъ, 65 лѣтъ. умерь 19 іюня 21 г.

278. Шт.-Кап. Вас. Краузе, Инж. с. Д. к., ум. 21 августа 21 г.

280. Сынъ Есаула Юркина Г., ст. Казанской.

282. Мл Владимиръ Тимоценко умерь 20 іюля 21 г.

286. Семень В. Пиднеморко, 21 года, ст. Ново-Николаевской, умерь 12 апрѣля 21 г.

289. Подх. Гордѣй Татаевскій, ст. Степной, ум. 27 апрѣля 21 г.

290. Каз. Петръ Цукуровъ, ст. Упорной.

291. Игнатій Тим. Пашковъ, 26 лѣтъ, ст. Н-Марьев., Куб. обл., 2 Куб. бат., умерь 27 апрѣля 21 г.

294. Кирилль Трудниковъ умерь 29 августа 21 г.

ВЪ НИЖЕПОИМЕНОВАННЫХЪ МОГИЛАХЪ ПОХОРОНЕННЫ (надписи стерты и трудно установить кому принадлежитъ какая могила)

СЛѢДУЮЩІЯ ЛИЦА:

26. Каз. Данииль Гутмановъ, 53 лѣтъ, Куб. рез. бат., умерь 17 декабря 21 г.

57. Каз. Митрофанъ Колодцевъ, 58 лѣтъ, Куб. рез. б., умерь 17 декабря 20 г.

61. Каз. Варламъ Захарьинъ, 49 лѣтъ, Куб. рез. бат., умерь 17 декабря 20 г.

62. Фельд. Никита Рублевъ, 23 лѣтъ, 1 Куб, каз. п., умерь 30 декабря 20 г.

69. Есауль Пантелейм. Самарскій, 21 года, 1 Куб. каз. полка, умерь 12 декабря 20 г.

72. Каз. Михаилъ Ковунъ, 23 лѣтъ, 2 Куб. бат, умерь 12 декабря 20 г.

74. Баронъ Вильнбургъ Вольн., 32 лѣтъ, 7 Кав. полка, умерь 27 ноября 20 г.

83. Свящ. Василій Царенко, 37 лѣтъ, умерь 5 декабря 20 г.

87. Надв. Сов. Влад. Чапкинъ, 45 лѣтъ, Воен. суд. к., умерь 27 декабря 20 г.

88. Каз. Степанъ Загоняйковъ, 45 лѣтъ, Куб. рез. бат., умерь 18 декабря 20 г.

97. Ур. Андрей Черный, 35 лѣтъ, Корп. Инт., умерь 25 декабря 20 г.

99. Каз. Констант. Поповъ, 39 лѣтъ, Дон. пл. п., умерь 25 декабря 20 г.

100. Каз. Анисимъ Кондрашевъ, Таманск. отд., Куб. бѣж. бат., умерь 1 февраля 21 г.

101. Чиовн. Андрей Таранъ, 27 лѣтъ, 3 Куб. полка, умерь 13 декабря 20 г.

102. Каз. Николай Кравченковъ, 51 года, Кубанск. жел. сотни, умеръ 14 декабря 20 г.
106. Григорій Петренко, 32 лѣтъ, 4 Куб. ст. п., умеръ 14 декабря 20 г.
107. Павель Ростовцевъ умеръ 14 декабря 20 г.
108. Ур. Григорій Яцукъ, 25 лѣтъ, ст. Платнировской, Кубан. полка.
120. Ст. ур. Фихистъ Драчаго, 4 Куб. стр. п., умеръ 26 дек. 20 г.
121. Вахм. Карпъ Гаденко, 32 лѣтъ, Куб. кон. бат., умеръ 26 декабря 20 г.
122. Кл. ф. Семень Щупоръ, Куб. Кр. Рады, ум. 29 дек. 21 г.
133. Каз. Пантелейм. Яроцевъ, 35 лѣтъ, 1 Куб. к. п., умеръ 29 декабря 20 г.
134. Каз. Вас. Думбровскій, 18 лѣтъ, 1 Лабинск. полка, умеръ 10 декабря 20 г.
135. Фельд. Конст. Дегтяревскій, 62 лѣтъ, 4 Куб. стр. п., умеръ 2 января 21 г.
137. Шт.-Кап. Фил. Недовсовъ, 45 лѣтъ, 6 Куб. стр. п.
141. Каз. Иванъ Дергоусовъ, 4 Куб. стр. полка.
142. Чин. Георгій Колесниковъ, 57 лѣтъ, 4 Куб. рез. б., умеръ 20 января 20 г.
144. Каз. Семень Когановъ, 2 Дон. пл. п., умеръ 30 янв. 20 г.
145. Каз. Филиппъ Роговинъ, 25 лѣтъ, Куб. техн. п. умеръ 30 января 20 г.
146. Мл. ур. Петръ Долговъ, 35 лѣтъ, 1 Дон. пл. п., умеръ 30 декабря 21 г.
147. Каз. Борисъ Ятловъ, 18 лѣтъ, Т. Астр. п., умеръ 31 августа 21 г.
148. Подх. Стефанъ Чевчеловъ, 40 лѣтъ, Куб. стр. п., умеръ 13 августа 20 г.
149. Каз. Анисимъ Кондрашевъ, Бѣж. б-на, умеръ 1 фев. 21 г.
152. Каз. Никифоръ Нечепуренко, 22 лѣтъ, 2 Куб. к. п., умеръ 21 января 21 г.
153. Петръ Михалевъ, 22 лѣтъ, 4 Куб. стр. п., 21 январ. 21 г.
154. Протоіер. Мих. Зубилинъ, 47 лѣтъ, 1 Куб. госп., умеръ 21 февраля 21 г.
156. Каз. Иванъ Мироненко, 21 года, 5 Куб. стр. п., умеръ 23 іюля 21 г.
158. Каз. Козьма Денисенко, 32 лѣтъ, 2 Куб. пл. п., умеръ 23 іюля 21 г.
159. Каз. Николай Сай, 2 Куб. пл. п., умеръ 23 іюля 21 г.
161. Каз. Тихонъ Курбатовъ, 41 года, 5 Куб. стр. п., умеръ 23 іюля 21 г.
163. Вах. Даніилъ Чирикъ, 53 лѣтъ, 1 Куб. госп., умеръ 23 феараля 21 г.
165. Каз. Тимофей Горбанъ, 23 лѣтъ, 4 Куб. стр. п., умеръ 23 февраля 21 г.

167. Каз. Иванъ Радченко, 31 года, 4 Куб. стр. п., умеръ 19 февраля 21 г.

168. Каз. Андрей Фырковъ, 49 лѣтъ, 2 рабоч. сотни, умеръ 19 февраля 21 г.

174. Каз. Михаилъ Куликъ, 51 года, Кубанск. техн. п., умеръ 19 февраля 21 г.

175. Сотн. Иванъ Тимарцевъ, 35 лѣтъ, Терск.-Астр. п., умеръ января 21 г.

176. Жена Есаула Таранецъ Марія, 21 года, Пашковск. Куб. о.

177. Казакъ Иванъ Моликъ, 25 лѣтъ, 1 Кубан. к. п., умеръ 6 января 21 г.

178. Казакъ Бакунинъ, 26 лѣтъ, 5 Куб. стр. п., умеръ 6 янв. 21 г.

179. Ст. ур. Филиппъ Савченко, 2 Арт. див.

182. Хор. Даниилъ Тимофеевъ, 39 лѣтъ, Алек. воен. у., умеръ 21 августа 21 г.

185. Каз. Емельянъ Буракъ, 56 лѣтъ, Ст. Старо-Дзер. 2 Куб. госп., умеръ 30 января 21 г.

186. Есауль Влад. Мартиновскій, 40 лѣтъ, 3 Куб. к. п., умеръ 9 января 21 г.

187. Петръ Никол. Юлистинъ, умеръ 19 января 21 г.

191. Каз. Леонидъ Теленць, 41 года, Бѣж. б-на, умеръ 8 февраля 21 г.

192. Каз. Иванъ Брехало, 2 Куб. к. п., умеръ 9 февраля 21 г.

193. Чин. Николай Швисникъ, 31 года, Г. Арт. див., умеръ 26 января 21 г.

194. Каз. Тихонъ Заяць, 26 лѣтъ, Кубанск. гв. див., умеръ 7 марта 21 г.

196. Каз. Василій Курило, 20 лѣтъ, Ст. Динской Куб. обл., Куб. гв. див., умеръ 26 января 21 г.

198. Каз. Григорій Озеровъ, 26 лѣтъ, 2 Кубанск. к. п., умеръ 26 января 21 г.

200. Кирилль Вихлянцевъ, 35 лѣтъ, 6 Куб. стр. п.

202. Иванъ Комовъ, 29 лѣтъ, 2 Куб. ст. д., умеръ 10 янв. 21 г.

204. Подх. Георгій Гажтелевъ, 22 лѣтъ, Тер.-Астр. п.

206. Каз. Степанъ Сапуновъ, 20 лѣтъ, 2 Куб. к. п., умеръ 10 ноября 20 г.

208. Каз. Терентій Юрьевъ, 35 лѣтъ, Корн. п.

209. Каз. Семень Рѣшетовъ, 44 лѣтъ, Жел. бат., умеръ 21 января 21 г.

210. Каз. Георгій Кяхинченко, 23 лѣтъ, Куб. рез. б., умеръ 26 января 21 г.

213. Вахм. Тимофей Братченко, 49 лѣтъ, Куб. бѣж. б., умеръ 14 февраля 21 г.

218. Каз. Василій Марнавинъ, 19 лѣтъ, 6 Куб. стр. п., умеръ 14 февраля 21 г.

219. Тит. Сов. Козьма Крикливый, 52 лѣтъ, умеръ 10 февраля 21 г.

220. Каз. Георгій Зайцевъ, 41 года, 1 Куб. к. п.

221. Ст. ур. Матвѣй Слѣпухинъ, Куб. бѣж. б., умеръ 6 февраля 21 г.
222. Каз. Семень Курмазовъ, 23 лѣтъ, 6 Куб. стр. п., умеръ 14 марта 21 г.
223. Чин. в. в. Конст. Мельниковъ, Техн. пол., умеръ 16 февраля 21 г.
224. Вет. вр. Ник. Воскресенскій, 35 лѣтъ, умеръ 12 авг. 21 г.
225. Каз. Василій Жуковъ, 24 лѣтъ, Ст. Безстрашн., 1 Куб. стр. полка, умеръ 11 января 21 г.
230. Каз. Илья Павленко, 43 лѣтъ, 2 Куб. п., умеръ 16 января 21 г.
231. Каз. Иванъ Ена, 25 лѣтъ, 2 Куб. п., умеръ 15 янв. 21 г.
232. Каз. Фроль Аксеновъ, 23 лѣтъ, Раб. сот., умеръ 13 января 21 г.
235. Каз. Гавріиль Митька, 23 лѣтъ, 5 Куб. стр. пол., умеръ 12 февраля 21 г.
236. Каз. Иванъ Гусаковъ, 33 лѣтъ, 6 Куб. стр. пол., умеръ 17 января 21 г.
237. Каз. Андрей Худой, 22 лѣтъ, 2 Куб. бат., умеръ 24 февраля 21 г.
239. Каз. Андрей Живецъ, 6 Куб. стр. п., умеръ 19 янв. 21 г.
240. Каз. Леонтій Мовчанъ, 23 лѣтъ, умеръ 15 іюля 21 г.
242. Каз. Тимофей Соболевъ, 13 лѣтъ, Ст. Попутн., умеръ 4 марта 21 г.
243. Каз. Иванъ Степанецъ, 17 лѣтъ, Ст. Безстрашн., умеръ 13 апрѣля 21 г.
245. Вах. Ефимъ Иваненко, 29 лѣтъ, 2 Куб. к. пол., умеръ 28 февраля 21 г.
247. Над. Сов. Феофанъ Ев. Павловскій, 40 лѣтъ, Зав. хоз. 1 Куб. госп., умеръ 17 марта 21 г.
249. Каз. Павелъ Топчій, 21 года, 5 Куб. с. п., умеръ 12 февраля 21 г.
250. Подх. Федоръ Зибикъ, 26 лѣтъ, 6 Куб. стр. п., умеръ 14 февраля 21 г.
252. Каз. Иванъ Яйковъ, 46 лѣтъ, Стан. Якитевской., умеръ 16 марта 21 г.
254. Ст. ур. Сафронъ Самсоновъ, Ст. Новогригорьевск., умеръ 21 ноября 21 г.
255. Подх. Никита Косачъ, 21 года, К. ар. д., умеръ 4 декабря 21 г.
256. Ст. ур. Вас. Кирло, Ст. Стародерж., умеръ 24 марта 21 г.
258. Каз. Письменко, 1 Куб. к. п., умеръ 7 февраля 21 г.
259. Учен. Федоръ Рагулинъ, 16 лѣтъ, Ст. Вознесен., умеръ 27 апрѣля 21 г.
262. Мл. ур. Хорошенковъ, 28 лѣтъ, ст. Вислинеев. Майк. отд., умеръ 19 апрѣля 21 г.
263. Каз. Тимофей Горбанъ, 23 лѣтъ, ст. Пашковс., 2 Куб. умеръ 23 февраля 21 г.

XVIII

269. Каз. Алексѣй Перезва, 17 лѣтъ, ст. Стародн. 4 Куб. ст. п., умеръ 31 мая 21 г.
273. Каз. Антонъ Гнилозубовъ, Инфек. госп., ум. 12 февр. 21 г.
274. Каз. Иванъ Могутовъ, 58 лѣтъ, Дон. б. б.
281. Каз. Николай Чернышевъ, 22 лѣтъ, умеръ 14 марта 21 г.
284. Вет. ф. Ал. Архангельскій, 30 лѣтъ, Куб. трансп., умеръ 2 февраля 21 г.
285. Каз. Фил. Чернозяховъ, 28 лѣтъ, Воронеж. ст. Куб. обл. 6 Куб. п., умеръ 20 февраля 21 г.
287. Млад. Просковья Стратій, 3 д., умерла 21 марта 21 г.
288. Каз. Михаилъ Ефремовъ, 21 года, Ст. Успенск., 2 Куб. п., умеръ 5 апрѣля 21 г.
292. Гавріиль Скубицкій, 20 л., ст. Имеретин., ум. 13 апр. 21 г.
293. Минько Мараповъ, 50 лѣтъ, Обл. В. Д., Бѣж. б-на, ум. 13 марта 21 г.
238. Кол. рег. Ткачевъ, 35 лѣтъ, гор. Новочеркас., Бѣж. б-на, умеръ 7 мая 21 г.

СПИСОКЪ

лицъ, похороненныхъ на кладбищѣ № 2 у г. Мудроса.

1. Мл. ур. Андрей Корочникъ, 29 лѣтъ, ст. Федосеевск. 4 Наз., полка, умеръ 13 марта 21 г.
2. Хор. Дмитрій Широковъ 5 Дон. п.
3. Подх. Иванъ Гребенниковъ, 30 лѣтъ, Кал. полка, умеръ, 13 марта 21 г.
4. Каз. Федоръ Ежовъ, 34 лѣтъ. ст. Горчаков., Терск. войска. умеръ 1 марта 21 г.
5. В. Вр. Георгій Митропольскій, род. 1890 года, Корн. тяж. б. умеръ 16 марта 21 г.
6. Каз. Николай Толстиковъ, 31 года, ст. Усть-Бѣлокалитин., Калед. п., умеръ 15 февраля 21 г.
7. Подх. Ник. Алшевскій, 21 года, ст. Гундоровс., 1 пл. п., ум., 9 февраля 21 г.
8. Ст. ур. Мих. Топилинъ, 27 лѣтъ, ст. Петровск., 3 Дон. к. бат., умеръ 1 февраля 21 г.
9. Ст. ур. Алексѣй Большаковъ.
10. Подх. Иванъ Тарариновъ 30 лѣтъ, ст. Камашев., умеръ 14 апрѣля 21 г.
11. Павель Дьяковъ, 21 года, умеръ 26 января 21 г.
12. Мл. ур. Федоръ Зерщиковъ, 23 лѣтъ, ст. Распопин. Дон. Техн. п., умеръ 3 марта 21 г.
13. Юсифъ Цыганковъ, 28 лѣтъ, ст. Березовск., 3 Дон. к. б., умеръ 6 апрѣля 21 г.
14. Каз. Иванъ Бесѣдникъ, 24 лѣтъ, ст. Государев., Терск. к. в. умеръ 24 марта 21 г.
15. Ст. ур. Илья Солдатовъ, 27 лѣтъ ст. Вершенск. 1 Дон. п. п., умеръ 25 марта 21 г.

16. Хор. Федоръ Козубъ, 29 лѣтъ, ст. Н. Николаев., умеръ 20 марта 21 г.

17. Вах. Никита Мордасовъ, 22 лѣтъ, ст. У. Бѣлокал., умеръ 15 мая 21 г.

18. Сотн. Иванъ Родновъ, род. 1890 года, ст. Аксайск., Астр. к. к. б., умеръ 13 мая 21 г.

19. Подх. Григорій Кошелевъ, 32 лѣтъ, ст. Еланской, умеръ 25 мая 21 г.

20. Василій Литвиновъ, (убитъ на о. Лемносъ) 25 лѣтъ Астрах. г., умеръ, 23 мая 21 г.

21. Мл. ур. Павелъ Пономаревъ, род. 1900 года, ст. Есаульск. 1 Дон. п. п., умеръ 10 апрѣля 21 г.

22. Калмыкъ Учуръ Эрдже, ст. Сальской, Тер. Астр. п., ум. 1 апрѣля 21 г.

23. Каз. Дмитрій Анацкій, 28 лѣтъ, Шт. Дон. Кор., умеръ 11 апрѣля 21 г.

24. Кабатенковъ, 28 лѣтъ, ст. Богаевск., Шт. Дон. Кор., ум. 11 апрѣля 21 г.

25. Чин. Петръ Кумшацкій, Л.-Гв. св. Д. п., умеръ 6 апр. 21 г.

26. Жена Полк. Марія Карякина, 50 лѣтъ, гор. Ростова, умерла 29 мая 21 г.

27. Каз. Веніаминъ Ерыженскій, 23 лѣтъ, ст. Раздоровской, ум. 31 мая 21 г.

28. Каз. Иванъ Калининъ, 37 лѣтъ, ст. Пятиизбян., Назаров. п., умеръ 2 февраля 21 г.

29. Ст. ур. Иванъ Настычъ, ст. Старо-Корсунской Кав. отд. 1 Куб. див., умеръ 19 мая 31 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 6.

Впервые изданный въ августъ 1922 года Штабомъ Донского Корпуса очеркъ пребыванія казаковъ въ районъ Чаталджи и на Лемнось былъ представленъ Главнокомандующему Русской Арміей Генералу Врангелю, который удостоилъ его слѣдующимъ отзывомъ:

ПОЧТОГРАММА.

Бѣлградъ.

Генераль-лейтенанту Ф. Ф. Абрамову.

Сердечно благодарю Васъ и чиновъ Штаба Донского Корпуса за присланный мнѣ прекрасный „очеркъ пребыванія казаковъ въ районъ Чаталджи и на Лемнось“.

Подобнымъ трудамъ, рисующимъ подлинную жизнь Арміи на чужбинѣ, ея физическія и нравственныя переживанія, ея надежды и стремленія, я придаю особенно важное значеніе.

Сохраняя лучшія страницы переживаемаго нами героическаго эпоса Русской Исторіи для будущихъ ея изслѣдователей, эти труды помогутъ въ то же время истинѣ пробиться наружу сквозь толщу лжи, сплетенной вокругъ Арміи руками ея враговъ и привлечь къ ней вниманіе современнаго общественнаго мнѣнія.

Генераль ВРАНГЕЛЬ.

26 февраля 1923 года.

№ 1092-с.

Сремски Карловци.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 7.

ОТЪ ДОНСКОГО АТАМАНА.

Отъ души привѣтствую появленіе въ свѣтъ настоящей книги — историческаго памятника пребыванія казаковъ въ Кабакджѣ и на островъ Лемносъ.

Неоднократно посѣщая ихъ въ Кабакджѣ и Хадемъ-Кіюѣ, а также побывавъ вмѣстѣ съ Кубанскимъ и Терскимъ Атаманами на о. Лемносъ и наблюдая ихъ жизнь, полную труда и тоски по далекой Родинѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чуждую какого либо безпорядка и унынія, обычнаго въ бѣженской жизни, я видѣлъ тамъ настоящія дисциплинированныя войсковыя части, непрекословно подчинявшіяся своимъ начальникамъ. И только окружающее бурное море, унылыя скалы пустыннаго острова и южное небо — непоминали о томъ, что мы были не въ одномъ изъ многочисленныхъ когда то военныхъ лагерей Россіи, а на далекомъ, заброшенномъ въ южное море греческомъ островѣ...

Казаки не оставили на Лемносъ, какъ и въ Кабакджѣ, величественнаго каменнаго памятника своего пребыванія тамъ. Да и нуженъ ли онъ? Можно ли ручаться за то, что, при измѣнчивости современныхъ политическихъ отношеній, онъ не будетъ разрушенъ? Долговѣчны не монументы изъ камня, бронзы и другихъ матеріаловъ, а тѣ, которые созданы словомъ и воспоминаніями. И въ этомъ отношеніи память о Лемносъ и Кабакджѣ навсегда останется среди казачества, какъ Галлиполи — въ Русской Арміи, а эта книга — духовнымъ памятникомъ невзгодъ, пережитыхъ казаками въ изгнаніи.

А. БОГАЕВСКІЙ

20 февраля 1924 года
г. Парижъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр .
1. ВЫЪЗДЪ ИЗЪ КРЫМА. Погрузка. Въ морѣ. Босфоръ. Константинополь	
2. ЛАГЕРЬ ЧИЛИНГИРЪ. Жилищныя условія. Лагерный бытъ. Событія. Настро- енія. Холера. Побѣги изъ лагеря	16
3. ЛАГЕРЬ САНДЖАКЪ-ТЕПЕ. Баракы. Землянки. Бытъ. Занятія. Развлеченія. „Ломо- нось“. Ночь на 12 января. — „Биржа“	32
4. ЛАГЕРЬ КАБАКДЖА. Бытъ. Запись въ Совдепію. Товарищъ Серебровскій. Голодовка	45
5. ЛАГЕРЬ ХАДЕМЪ-КЮЙ. Бытъ. Отправка въ Совдепію. Отправка на Лемнось	54
6. ЛЕМНОСЪ (1-й періодъ). Краткія свѣдѣнія о Лемнось. Жизнь первыхъ посе- ленцевъ-казаковъ. Особенности Лемносской жизни. Зима. Французы. Запись въ Совдепію и въ „Ино- странный легіонъ“. Пакъ. Событія. Офицерскіе кур- сы. „Совдепія, Бразилія и собственное иждивеніе“	62
7. ОТНОШЕНІЯ СЪ ФРАНЦУЗАМИ. Внѣшнія отношенія. Вопросы снабженія и довольствія. Инциденты. Политика французовъ	85
8. ЛЕМНОСЪ (2-й періодъ). Попытки распыленія. Приказъ № 1515. Непосред- ственные опросы. Сокращеніе пайка. Воздѣйствіе на психику казаковъ. Давленіе при записяхъ. Плакаты и объявленія. Запись въ Грецію. Товарищъ Серебров- скій. Дудаковъ и компанія. Инциденты съ францу- зами. Бытъ. Занятія и развлеченія. Американскіе по- дарки. Отношенія съ греками. Отправка въ Грецію и Болгарію	93
9. ЗАКЛЮЧЕНІЕ	160
10. ПРИЛОЖЕНІЯ.	

ОГЛАВЛЕНИЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ПРИЛОЖЕНИЯ.

	Стр.
Главнокомандующій Русской Арміей Генераль Врангель	1
Донской Атаманъ Генеральнаго Штаба Ген.-Л. Богаевскій	2
Кубанскій Атаманъ Генеральнаго Штаба Ген.-М. Науменко	3
Терскій Атаманъ Ген.-Л. Вдовенко	4
К-рь Донского Корпуса Генеральнаго Штаба Ген.-Л. Абрамовъ	5
Представитель Американскаго Краснаго Креста на о. Лемносъ Капитанъ Макъ-Непъ	6
Начальникъ Лемносской Группы Войскъ Р. А. Ген.-Л. Абрамовъ со своимъ Штабомъ	7
Платанъ, въ дуплѣ котораго жило 10 казаковъ. Лагерь Кабакджа	7
Землянки лагеря Кабакджа	8
Станція Хадемъ-Кіой	8
Землянка Командира 2 Донского полка. Лагерь Санджакъ-Тепе	9
Баракъ Гундоровскаго Георгіевскаго полка. Лагерь Чилингиръ	9
Общій видъ лагеря 1-й и 2-й Донскихъ дивизій у г. Мудроса	10
Лагерь 3 Донского казачьяго Атамана Платова полка	10
Группа офицеровъ 3 Донского каз. Атамана Платова полка	11
Лагерь Терско-Астраханскаго казачьяго полка	11
Терско-Астраханскій полкъ	12
Лагерь Кубанскаго Корпуса на о. Лемносъ (Калоераки)	12
3-й Кубанскій казачій полкъ	13
Полуостровъ Калоераки	13
3-й Донской казачій Атамана Каледина полкъ	14
Палатка и ея 12 обитателей терцевъ	14
Церковь — палатка Донского Техническаго полка	15
Донской Технической полкъ	15
Пасха въ 1921 г. Генераль Абрамовъ на Офицерскихъ курсахъ	16
Лагерь Офицерскихъ курсовъ при Атаманскомъ военномъ уч-щѣ	16
Л.-Гв. Сводный Донской каз. полкъ на о. Лемносъ	17

Пристани на полуостровъ Калоераки	17
Донской Гундоровскій Георгіевскій каз. полкъ	18
Лагерь Атаманскаго Военнаго училища	18
Группа юнкеровъ Атаманскаго военнаго училища	19
Группа офицеровъ и казаковъ Донской Артил. на о. Лемносъ .	19
Бъженскій лагерь на о. Лемносъ (Калоераки)	20
Парадъ Донскому Корпусу въ 1 день Пасхи въ 1921 году на о. Лемносъ	20
Памятникъ въ расположеніи Кубанскаго Алексѣевскаго Воен- наго училища	21
Молебень передъ парадомъ 9 мая	21
Парадъ 9 мая. Генеральъ Абрамовъ передъ фронтомъ	22
Парадъ 9 мая, въ день Кавалерскаго праздника Ордена Св. Николая Чудотворца	22
Гимнастическія упражненія 3 Дон. каз. Атамана Каледина полка	23
Парадъ Кубанскому Генерала Алексѣева военному училищу . .	23
Гимнастическія упражненія юнкеровъ Кубанскаго Алексѣевскаго военнаго училища	24
Парадъ 5-му Платовскому полку	24
Эмблема Донскаго Техническаго полка и надпись „Радіо“, вы- ложенныя изъ камней	25
Театръ подъ открытымъ небомъ	25
Сапожно-портняжная мастерская	26
Читальня на о. Лемносъ	26
Слесарно-стоярная мастерская	27
Сапожно-столярная мастерская	27
Мастерская Донскаго Техническаго полка	28
„Санитарный городокъ“ на о. Лемносъ	28
Одна изъ госпитальныхъ палатокъ на о. Лемносъ. Персональ и больные	29
Питательный пунктъ для слабосильныхъ	29
Палата для легочныхъ больныхъ	30
Отъѣздъ казаковъ съ о. Лемноса въ Балканскія страны. На при- стани. Погрузка	30
На пути къ транспорту. На баржѣ	31
На русскомъ транспортѣ „№ 412“. Атаманское в. училище . .	31
Русское кладбище у г. Мудроса	32
Русское кладбище на берегу Калоераки	32

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ КНИГѢ
КАЗАКИ ВЪ ЧАТАЛДЖѢ И НА ЛЕМНОСѢ
ВЪ 1920 — 1921 Г. Г.

Главнокомандующій Русской Арміей Генеральъ Врангель.

Донской Атаманъ Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенантъ Богаевскій.

Кубанскій Атаманъ Генеральнаго Штаба Генераль-Маіоръ Науменко.

Терскій Атаманъ Генералъ Лейтенантъ Вдовенко.

Командиръ Донскаго Корпуса Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ
Абрамовъ.

Представитель Американскаго Краснаго Креста на о. Лемнось. Капитанъ.
Майъ-Нель.

Начальник Лемносской Группы Войск Р. А. Генералъ Лейтенантъ Абра-
мовъ со своимъ Штабомъ.

Платанъ, въ дуплѣ котораго жило 10 казаковъ. Лагерь Кабахджа.

Землянки лагеря Кабахджи.

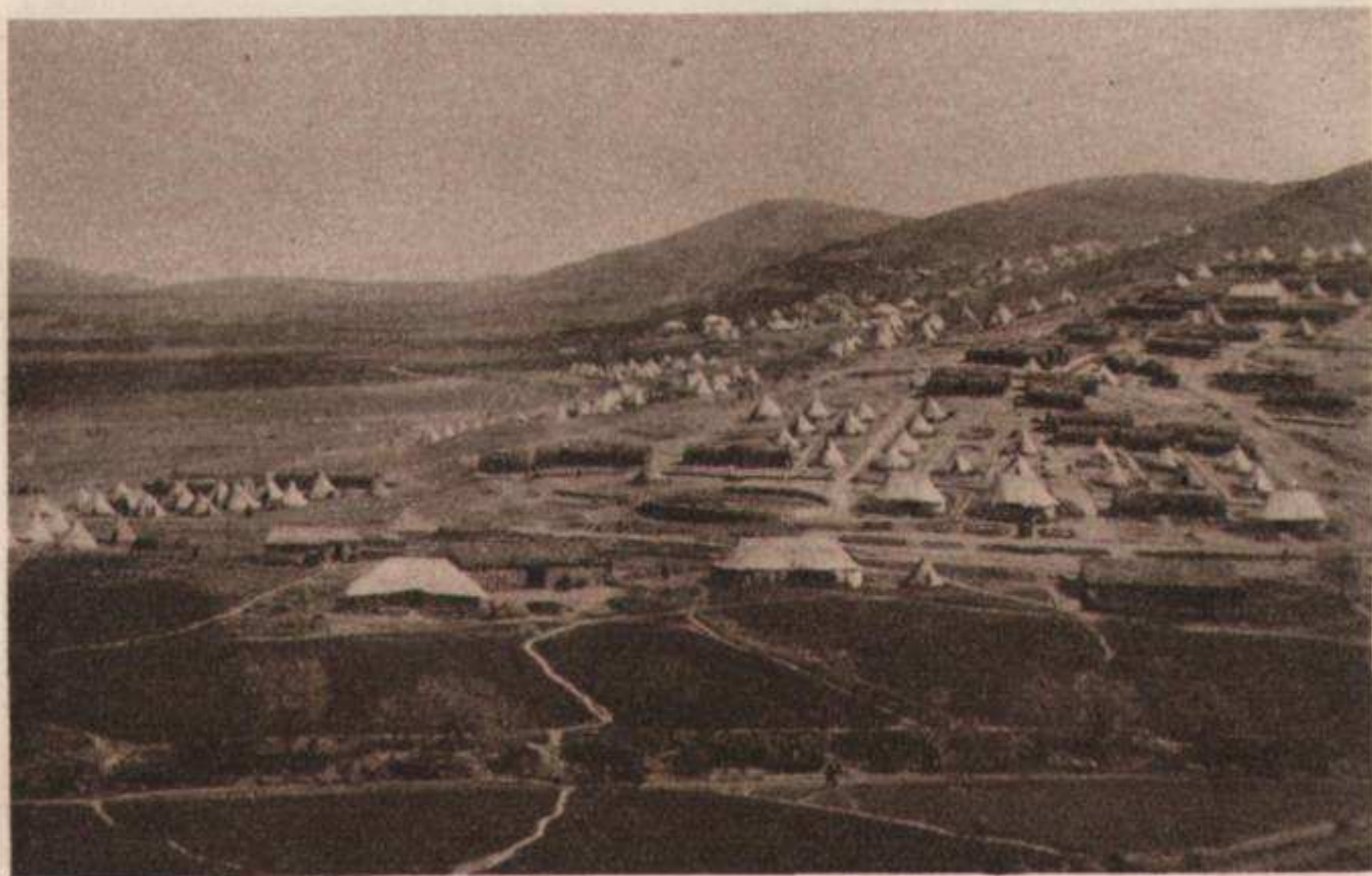
Станція „Хадемъ-Кіой“.

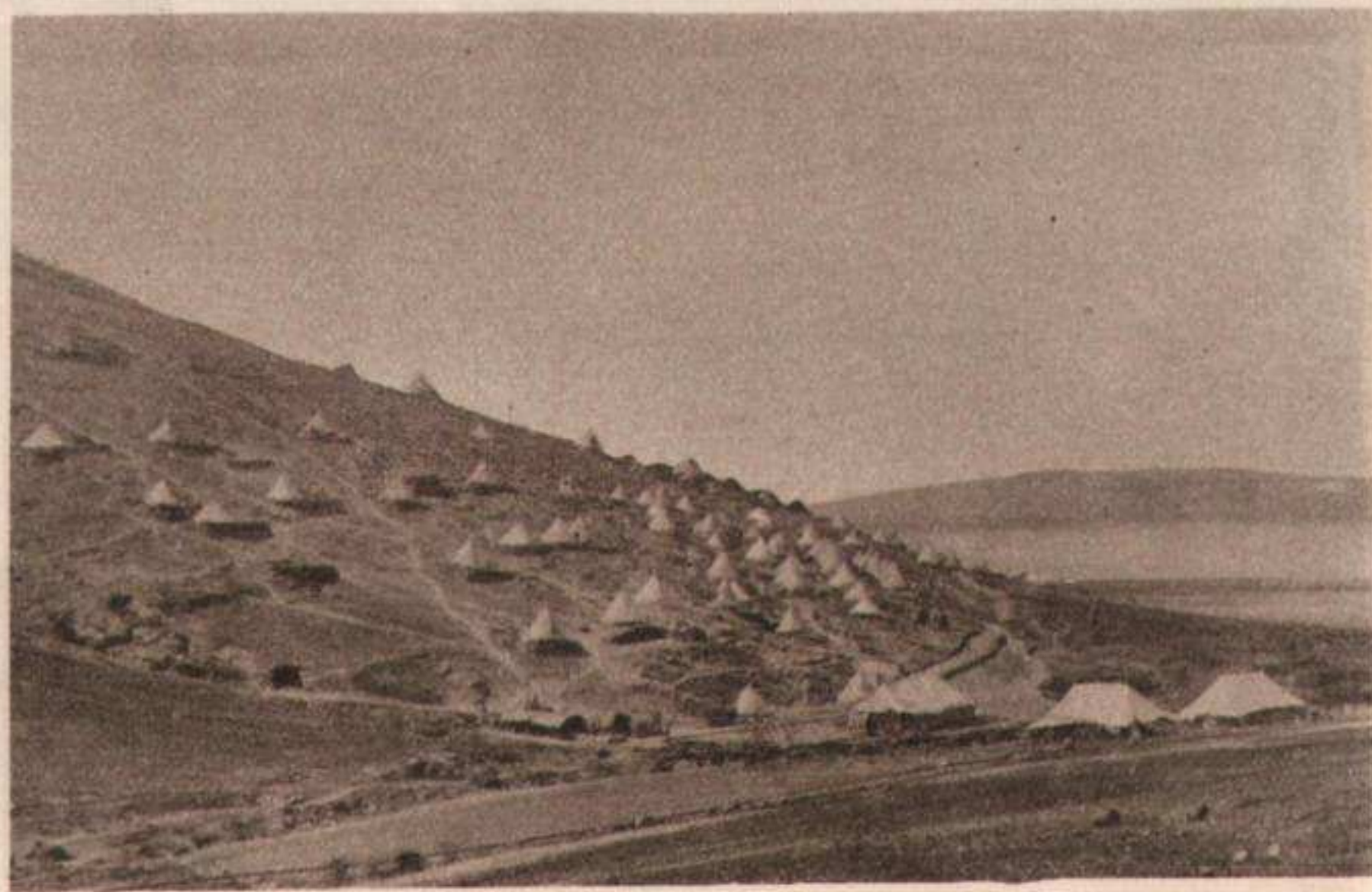
Землянка Командира 2 Донского полка. Лагерь „Санджакъ-Тепе“.

Баракъ Гундоровскаго Георгіевскаго полка. Лагерь Чилингиръ.

Общій видъ лагеря I-й и II-й Донскихъ Дивизій у г. Мудроса.

Лагерь 3-го Донского Казачьяго Атамана Платова полка.

Группа офицеров 5-го Донского каз. Атамана Платова полка.

Лагерь Терско-Астраханского казачьего полка

Терско-Астраханскій полкъ.

Лагерь Кубанскаго Корпуса на о. Леушофъ (Калоераки).

3-й Кубанскій казачій полкъ.

Полуостровъ Калоераки.

3-й Донской казачий Атамана Каледиина полесь.

Палатка и ея 12 обитателей — Терцевъ.

Церковь — Палатка Донского Техническаго полка.

Донской Техническій полкъ.

Пасха въ 1921 году, Генералъ Абрамовъ на Офицерскихъ курсахъ.

Лагерь Офицерскихъ Курсовъ при Атаманскомъ Военномъ Училищѣ.

Л. Гв. Сводный Донской каз. полкъ на о. Лемносъ.

Пристани на полуостровъ Калоераки.

Донской Гундоровский Георгиевский каз. полкъ.

Лагерь Атаманского Военного Училища.

Группа юнкеровъ Атаманскаго В. Училища.

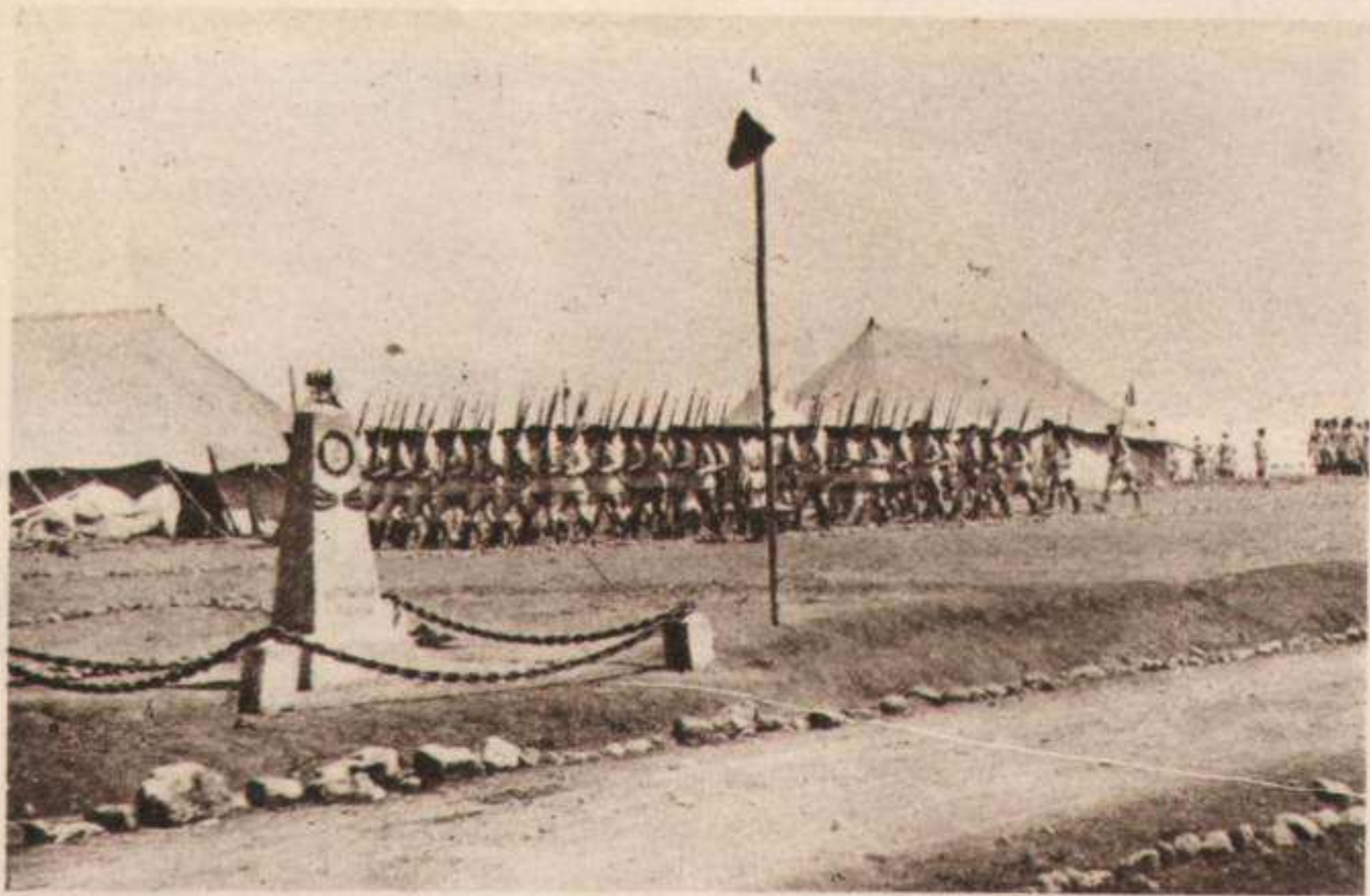
Группа офицеровъ и казаковъ Донской Артиллеріи на о. Лемнось.

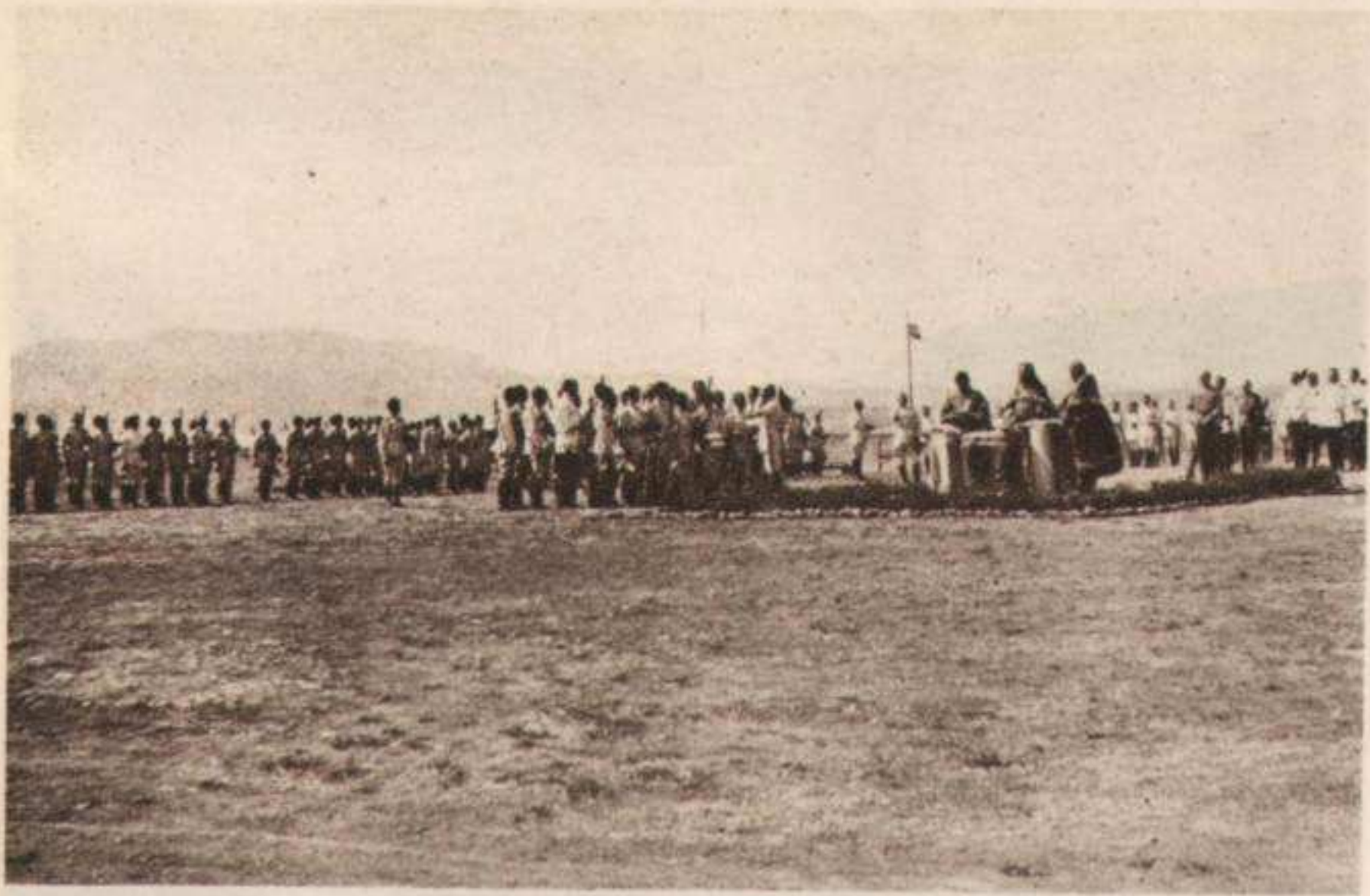
Бѣженскій лагерь на о. Лемносѣ (Жалоераки).

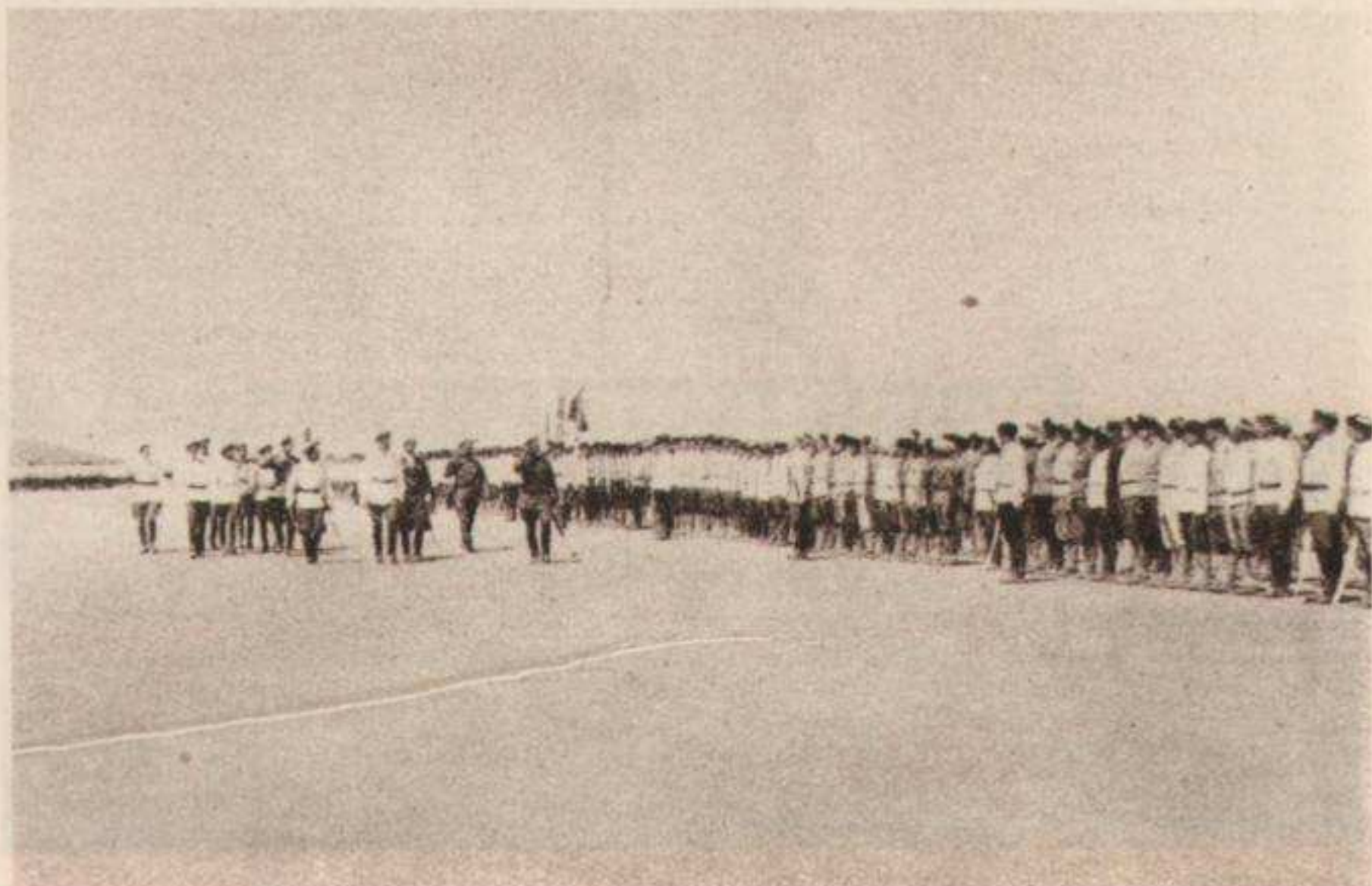
Парадъ Донскому Корпусу въ 1-й день Св. Пасхи въ 1921 году на о. Лемносѣ:

Памятникъ въ расположеніи Кубанскаго Алексѣевскаго Уоеннаго Вчилища.

Молебенъ передъ парадомъ 9-го мая.

Парадь 9-го мая. Генераль Абрамовъ передь фронтомъ.

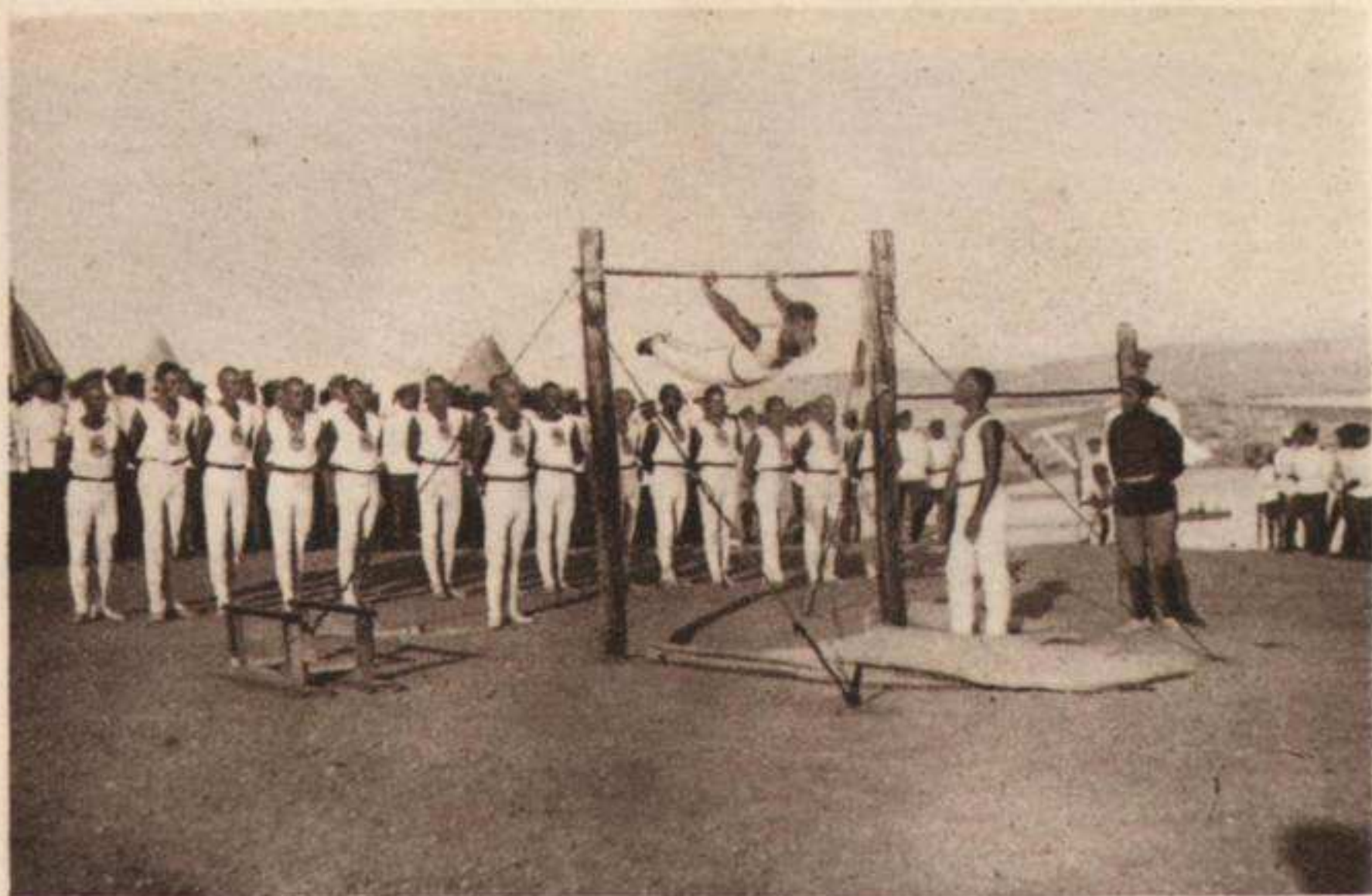
Парадь 9-го мая въ день кавалерскаго праздника ордена Св. Николая Чудотворца.

Гимнастическія упражненія 3-го Донского каз. Атамана Каледина полка.

Парадъ Кубанскому Генерала Алексѣева Военному Училищу.

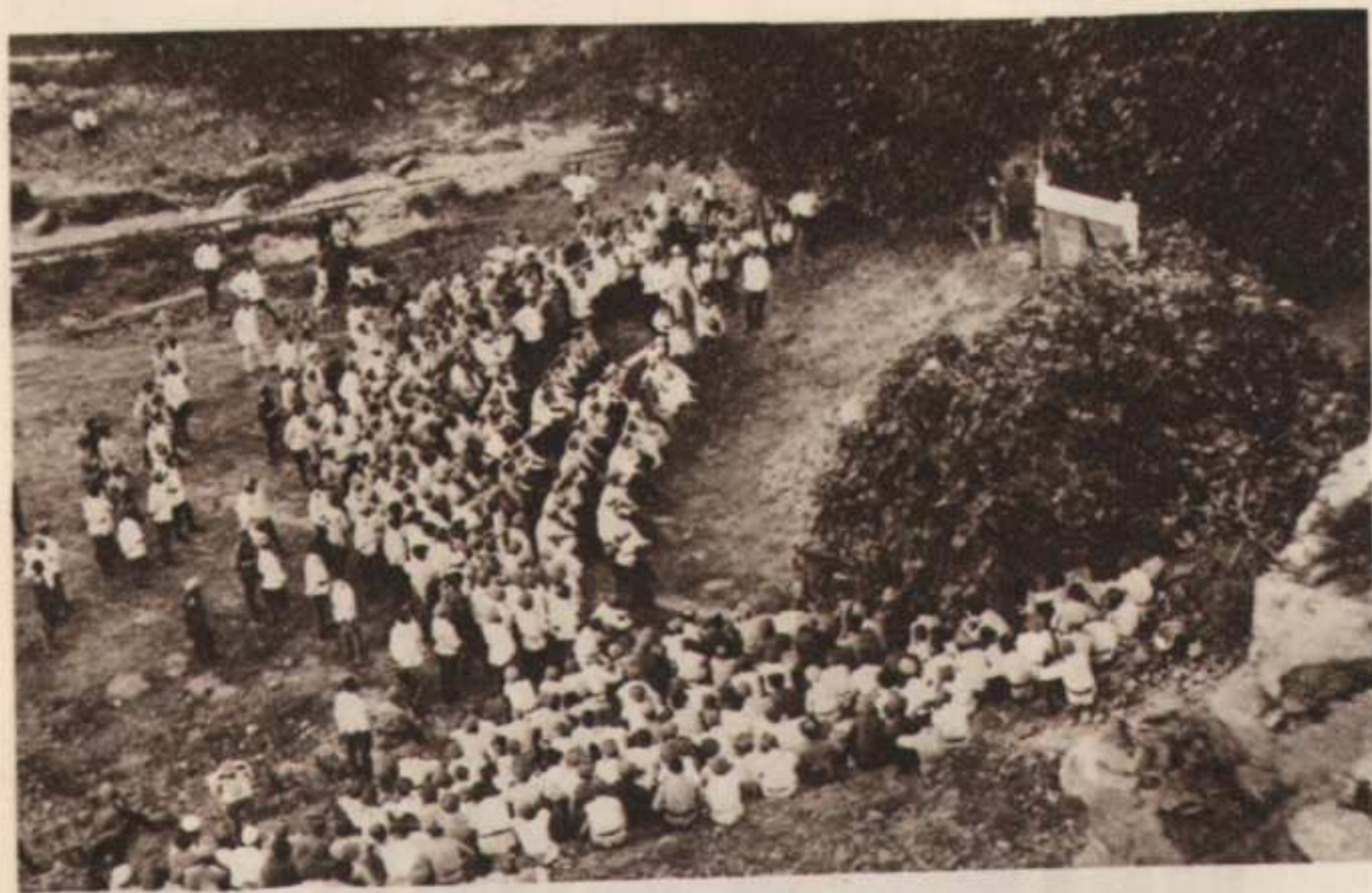
Гимнастическія упражненія юнкеровъ Кубанскаго Алексѣевскаго В. Училища.

Парадъ 5-му Платовскому полку.

Эмблема Донского Технического полка и надпись «Радио», выложенная из камней.

Театръ подъ открытымъ небомъ.

Сапожно-портняжная мастерская.

Читальня на о. Лемносъ.

Слесарно-столярная мастерская.

Сапожно-столярная мастерская на о. Лемнось.

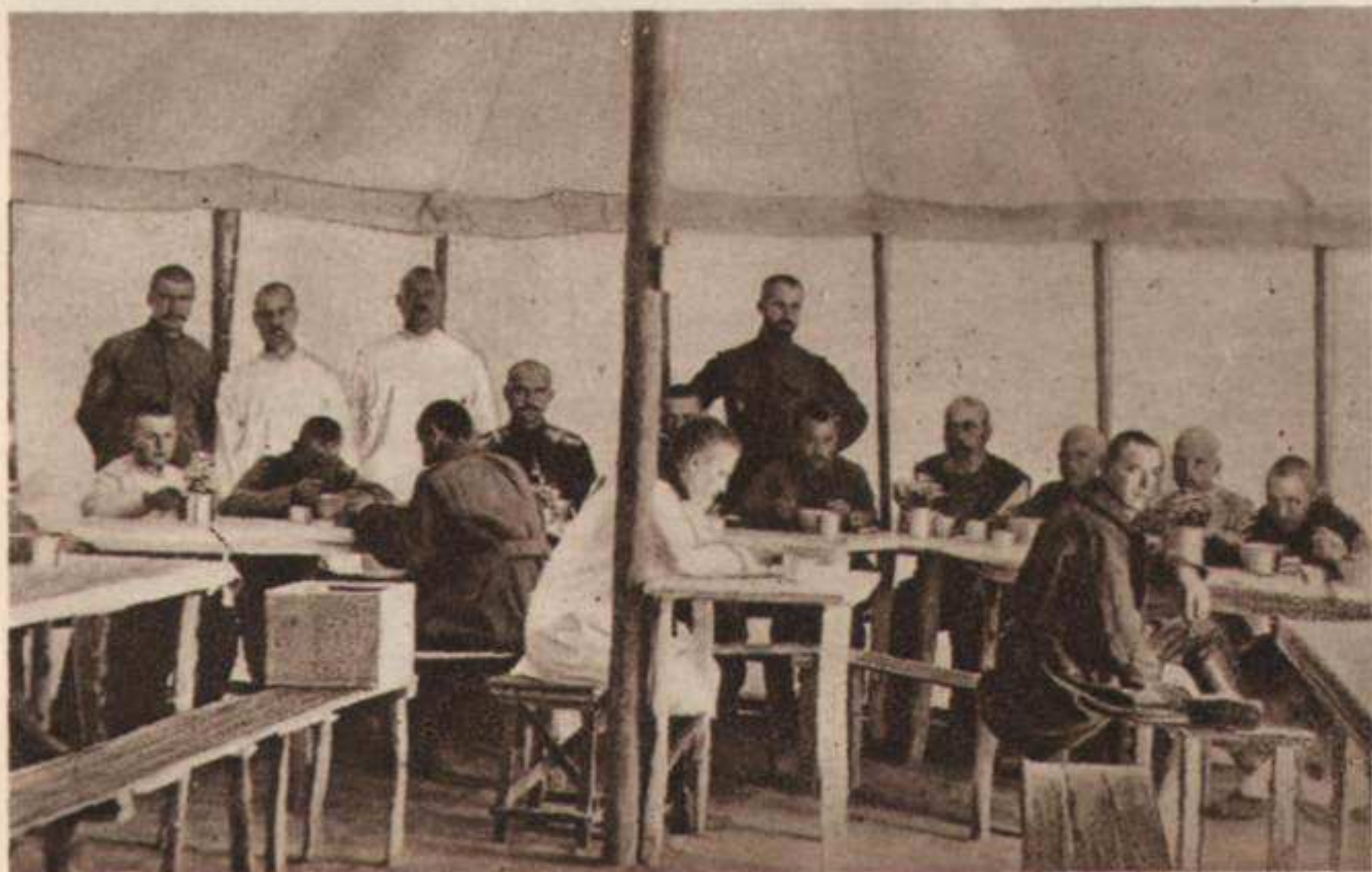
Мастерская Донского Технического полка.

«Санитарный городок» на о. Лемнось.

Одна изъ госпитальныхъ палатокъ на о. Лемносѣ. Персональ и больные.

Питагельный пунктъ для слабосильныхъ.

На пути къ транспорту. На баржѣ.

На русскомъ транспортѣ «№. 412». Атаманскоз Военное Училище.

Русское кладбище у г. Мудроса.

Русское кладбище на берегу Калоераки.